

INSPIRIA

МАЛЕНЬКАЯ

МЫ БЫЛИ ЛУЧШИМИ ПОДРУГАМИ.

ЧЕРНАЯ

ПОКА ОНА НЕ УБИЛА МОИХ СЫНОВЕЙ.

ЛОЖЬ

ШЭРОН БОЛТОН

INSPIRIA

Annotation

От номинанта на премию «Золотой кинжал» за «лучший криминальный роман года».

«Я спрашивала себя: способна ли я убить? Спрашивала — и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается...»

Роковая беспечность, трагедия — и двое детей мертвы. Ваши. Вот уже почти три года как небрежность бывшей лучшей подруги оборвала их жизни. Теперь каждая случайная встреча с этой женщиной в маленькой общине Фолклендских островов — пытка. И единственное, что пока еще дает силы существовать дальше — месть. Но совсем скоро наступит годовщина их смерти, и тогда... Пришло время уравнивать счет. Осуществить самые темные мечты.

Вот только реальность вносит свои коррективы: бесследно пропадает маленький мальчик. И это уже третий ребенок, исчезнувший за последние несколько лет. Полиция настаивает на том, что все произошедшее — несчастный случай. Но что, если это не так? Что, если на самом деле среди горожан затаился монстр? И что, если всё указывает на то, что монстр этот — именно вы?

Шэрон Болтон — автор десяти романов, получивших высочайшую оценку литературных критиков во всем мире, обладательница премий Мэри Хиггинс Кларк и CWA Dagger in the Library

«Мрачный, преследующий тебя триллер. Он проникает под кожу и не отпускает». — Пола Хокинс, автор мирового бестселлера «Девушка в поезде»

«Я в восторге! Я не ложилась спать и полностью игнорировала свою семью. Это идеальный триллер. Захватывающая картина, полная секретов и предательств. Друзья, любовники, соседи — каждому есть что скрывать...» — Лиза Гарднер

«Хорошо продуманная колыбель лжи и предательства. Но что делает эту книгу особенной, так это яркое изображение самих Фолклендских островов, будь то дикая природа или клаустрофобная

природа человеческого существования на маленьком острове». — The Guardian

«Максимально мрачная и эмоциональная история, способная выбить почву из-под ваших ног. Напряжение будет нарастать с каждой главой, а финал сумеет несколько раз вас удивить и в итоге шокировать. Автору удалось мастерски раскрыть характеры всех персонажей и обнажить их самые темные стороны. Блестящий психологический триллер». — Книжный блогер Гарри @ultraviolence_g

- [Шэрон Болтон](#)
 -
 -
 - [Часть I](#)
 -
 - [День второй](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [День третий](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [День четвертый](#)
 - [13](#)
 - [Часть II](#)
 -
 - [День четвертый](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- День пятый
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
 - 21
 - 22
- День шестой
 - 23
 - 24
 - 25
- Часть III
 -
 - День первый
 - 26
 - 27
 - 28
 - День второй
 - 29
 - День третий
 - 30
 - День четвертый
 - 31
 - День пятый
 - 32
 - День шестой
 - 33
 - 34
 - 35
 - 36
 - 37
 - 38
 - Пятница, 3 ноября 1995 года
 - 39
- Примечания автора
- Библиография
- Благодарности

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Шэрон Болтон

Маленькая черная ложь

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО "Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается Энн-Мари, которая первой
сказала мне, что я это смогу, и Саре, благодаря
которой я делаю это лучше*

*И каждый взгляд меня клянет.
Хотя молчат уста,
И мертвый Альбатрос на мне
Висит взамен креста [\[1\]](#).*

*Сэмюэл Тэйлор Кольридж, «Сказание
о Старом Мореходе»*

Часть I

Кэтрин

Я спрашивала себя, способна ли убить. Смогу ли я, глядя в глаза живого существа, совершить одно непоправимое действие, обрывающее жизнь. Спрашивала — и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается.

День второй

Вторник, 1 ноября 1994 года

1

Я убеждена, что при определенных обстоятельствах на убийство способен каждый. Нужен лишь достаточно сильный мотив. Вопрос в том, готова ли *я*? Наверное. Потому что в последнее время ни о чем другом я не думаю.

Полночь наступила минуту назад. Через два дня будет третье ноября. Еще два дня. *Готова ли я?*

Что-то движется. Это не вода, окружающая меня со всех сторон и совершенно неподвижная, а отражение птицы. Мне не нужно поднимать голову — я и так знаю, что это гигантский буревестник. Массивные птицы, похожие на доисторических чудовищ, с размахом крыльев до трех метров и загнутым клювом, часто следуют за мной, особенно когда я выхожу в море ночью, и не отстают от лодки, как бы далеко и быстро я ни плыла.

Сейчас я никуда не плыву. Сажу в кокпите^[2] и смотрю на фотографию сыновей. Наверное, уже давно, потому что чувствую резь в глазах. Я крепко зажмуриваюсь, а затем заставляю себя отвести взгляд.

На фоне ночного неба выделяются силуэты далеких гор. Вода похожа на старое зеркало: местами в паутине трещин, слегка мутное. Иногда с ним это бывает, с океаном. Он становится настолько не похожим на себя, что ты мгновенно теряешься, забывая о том, что это одно из самых суровых и безжалостных мест на земле.

Я стою на якоре у побережья Фолклендских островов — крошечного архипелага в Южной Атлантике. Настолько далекого от всего, что может быть интересно, а также от главных событий, происходящих на мировой арене, что на протяжении многих веков на него почти никто не обращал внимания. Но потом он стал брошенной костью, за которую, словно собаки, дрались движимые эгоизмом политики.

Несколько коротких недель о нас говорил весь мир. Но это было более десяти лет назад, и вскоре все снова о нас забыли.

Но мы ничего не забыли — и Аргентина тоже. Даже через двенадцать лет после пинка под зад, который получили тамошние власти, они время от времени с вождедением посматривают в нашу сторону. Аргентинцы говорят, что Мальвинские острова^[3] принадлежат им. Мы посылаем аргентинцев подальше.

Нельзя сказать, что мы очень рады тому, во что превратились: в дорогую игрушку, один из последних осколков Британской империи. Мы мечтаем о независимости, о собственных доходах, которые позволят себя защищать. Надежда эта призрачная. И мы никогда не чувствуем себя в безопасности.

Фотография моих сыновей выцвела. Сейчас это не очень заметно, но при дневном свете красная куртка Кита выглядит тускло-розовой, а желтые ботинки Нэда приобретают нездоровый коричневатый оттенок.

Неподвижное отражение луны неотлично от оригинала, словно она упала с неба в воду, целая и невредимая, и лежит прямо за кормой, легкая и бесплотная, похожая на лепесток деревянной стружки, а вокруг разбросаны звезды, как будто кто-то беспорядочно разбрызгал краску по поверхности океана. В этом отдаленном уголке Южной Атлантики нет светового загрязнения, и кажется, что звезды окружают меня со всех сторон. Когда я жила в Северном полушарии, где они — просто булавочные уколы света, иногда почти полностью невидимые, то часто забывала о том, как их много. Но здесь, дома, выходя в океан ночью, каждый раз вспоминаю о необъятности неба.

Я встаю, зная, что у меня осталось около двадцати минут. Меняю баллон, проверяю уровень кислорода, надеваю маску, беру в рот загубник и шагаю с кормы.

Вода мгновенно окутывает меня ледяным одеялом. Несмотря на защитный гидрокостюм, холод пробирается до костей, но я не обращаю на него внимания. Это — часть процесса акклиматизации. Превращение из существа, ползающего по земле, в морского обитателя.

Здесь неглубоко, не больше двадцати метров. Конечно, удалившись так далеко от берега в одиночку, я нарушила первое правило безопасности дайверов, но рядом нет никого, обладающего

достаточным авторитетом или влиянием, чтобы меня остановить. И, кроме того, меня не слишком волнует собственная безопасность.

Я нахожу глазами трос, который уходит в глубину и исчезает в темноте, стравливаю воздух из гидрокостюма и погружаюсь. На глубине нескольких футов переворачиваюсь и плыву к густым зарослям ламинарии.

Ламинария, которую большинство людей называют просто морскими водорослями, растет здесь в изобилии. Прикрепившись к морскому дну чем-то вроде корневой системы, она тянется к свету. Ее листовидные отростки и усики поддерживаются в вертикальном положении пузырьками, заполненными воздухом.

Много лет назад здесь затонуло судно. Его разрушающийся корпус определяет величественную подводную архитектуру этого места. Громадные обломки дерева, колонизированные морскими обитателями, поднимаются над морским дном, словно подводные города. А над ними возвышается похожая на древний лес ламинария, плавное движение которой не останавливается ни на секунду.

Поравнявшись с верхушками водорослей, я продолжаю спуск. В этой чистой воде при дневном свете меня окружали бы необыкновенно яркие краски, но ночью оттенки стали мягкими, приглушенными: кремовая ламинария, темно-синяя дымчатая вода, редкие рубиновые сполохи крабов, ползущих по песку.

Я собираю морских ежей. Заросли ламинарии — излюбленное место нереста рыб. В последнее время водорослей стало меньше, и одна из возможных причин состоит в том, что морские ежи объедают их корни. Нам с коллегами нужно понять, появились ли в наших местах новые виды или просто популяция этих животных стала немного прожорливее. Продажа лицензий на промысел рыбы могла бы стать очень выгодной для экономики островов. Рыба важна, а значит, важны леса ламинарии и мои морские ежи. Ночь они проведут в холодильных камерах на лодке, а утром я отвезу их в свою лабораторию в Стэнли.

Многие дайверы не любят ламинарию. Им неприятно ее прикосновение, и они опасаются, что их руки и ноги запутаются в похожих на щупальца отростках. Мне же нравится чувство безопасности, которое дает этот «лес». Я наслаждаюсь своей

незаметностью, возможностью застать врасплох других обитателей моря, хотя иногда врасплох застают меня. В водорослевых зарослях погружения для сбора материала всегда проходят успешнее.

Внезапно понимаю, что я здесь не одна. Кто-то приближается. Водоросли передо мною ритмично движутся, а через секунду я оказываюсь практически нос к носу с молодым морским котиком. Он смотрит мне в глаза, затем снова устремляется за добычей. Она такая быстрая, что я даже не успеваю определить, что это за рыба. Смотрю, как они делают зигзаги над океанским дном, но тревожное ощущение никуда не девается.

Это происходит мгновенно. Над моей головой появляется гигантская тень, вода начинает давить с огромной силой, и кто-то большой устремляется к морскому коту. Они налетают друг на друга. Яростное трепыхание, разорванная плоть. Вода вскипает струей пузырьков, и животные снова разъединяются.

Непрошенный гость — это морской слон, крупный самец больше двух метров длиной. Он гораздо медленнее своей жертвы, но чрезвычайно силен. В зарослях ламинарии начинается яростная погоня, и я понимаю, что нахожусь в опасности.

Морской слон обычно не нападает на людей и даже на крупных тюленей, но этот увлечен охотой, им движет жажда убийства. Вода уже окрасилась кровью морского котика. Если он ускользнет, а морской слон заметит меня, то будет действовать не задумываясь. Я замираю, присев на корточки среди стеблей и надеясь, что погоня уйдет в сторону...

Зря. Морской котик плывет прямо ко мне, собираясь нырнуть и спрятаться в густых зарослях, но тут сверху обрушивается морской слон. Он смыкает свои мощные челюсти на шее жертвы и яростно трясет. Через несколько секунд голова морского котика бессильно повисает. Морской слон поднимается к поверхности со своей добычей.

Вот так это и происходит. Быстро, жестоко, без каких-либо сомнений и раздумий. Именно так мы убиваем. Сегодня я много думала о смерти. И когда сидела на поверхности океана, и когда погружалась на глубину... размышляла о смерти и о способности людей приносить смерть. О том, способна ли я убить.

В конце концов, я из рода потомственных убийц. Мой дед, с подходящим именем Бартоломью Гроб, был одним из самых успешных

и безжалостных убийц, которых только знал этот уголок мира. День за днем он вместе со своей бандой уходил на охоту и без отдыха и жалости преследовал добычу, наблюдая, как океан становится красным от крови. Дедушка убивал китов, а не людей, но ведь разница не слишком велика, правда?

Последний морской еж оказывается в мешке. Мне больше нечего здесь делать. Поднимаясь на поверхность в окружении пузырьков воздуха, я еще с глубины в несколько футов^[4] замечаю звезды. А вынырнув, не сразу нахожу лодку. Пока я была под водой, сковавшие океан чары рассеялись, и вода снова пришла в движение. Вокруг вздымаются волны, и мне становится не по себе. Я одна, далеко в море. И если не смогу вернуться к лодке, то умру здесь. Меня уже довольно давно не покидает ощущение, что жизнь подходит к концу. Значит, это будет вот так? Значит, мне суждено умереть сегодня?

Нет, вот она, лодка, меньше чем в двадцати метрах от меня.

Куини проснулась. Она бежит вдоль борта, пока я не хватаюсь за трап и не поднимаюсь на палубу. Склоняюсь над ней, чтобы погладить, и с меня стекает вода. Куини убежит и приносит в зубах старое полотенце со своей подстилки. Оно все в грязи и собачьей шерсти, но я оценила порыв.

Куини — стаффордширский терьер, но слишком мелкая для своей породы: маленький клубок мускулов и мягкой, шелковистой шерсти. Нос, ноги и кончик хвоста у нее белые, а все остальное — черное, как мысли в моей голове. Ей четыре года, и я готова поклясться, что иногда она вспоминает мальчиков. Что она тоже скорбит по ним.

Поднимаю якорь, завожу двигатель, беру курс на юг, к Стэнли, и снова вспоминаю дедушку. Сегодня мои мысли упорно держатся мрачного направления, а тайные планы пробираются в самые темные закоулки сознания, словно ползущие по лесной почве цепкие корни.

Дедушка Гроб, отец моего отца, был одним из великих китобоев Южной Америки, последним из династии морских охотников, основатель которой покинул Нантакет^[5] в 1804 году и четыре месяца спустя прибыл на Нью-Айленд на Фолклендских островах. Следующие две сотни лет они грабили острова и окружающий их океан. Дикая природа этих мест, на суше и на море, до сих пор не может восстановить ущерб, нанесенный дедушкой Гробом и его предками.

Он умер, когда я была совсем маленькой. Жаль...

Сворачиваю в более спокойные воды Порт-Уильяма и слегка меняю курс, чтобы пройти как можно дальше от круизного лайнера «Принсесс Ройял». До конца лета здесь пройдет непрерывная вереница таких судов, останавливающихся у нас на несколько дней по пути к Южной Георгии^[6] и Антарктиде. Сотни туристов, ежедневно высаживающихся на берег, когда лайнер заходит в гавань, — настоящая палка о двух концах. И местное население в равной степени радо и недоволено. Сегодня в порту необычно оживленно и шумно. Несмотря на поздний час, пассажиры таких судов склонны к буйному веселью, так что звуки пирушки бывают слышны за много миль от берега.

Не замеченная столпившимися на палубе лайнера людьми, проскальзываю мимо и направляюсь к внутренней гавани. Уже почти час ночи. Скоро я буду отсчитывать часы, а не дни. Мне еще нужно закончить кое-какие дела, выполнить обещания, данные другим людям... Свободного времени не будет, и это хорошо.

Осматриваю лодку. Баки с бензином и водой залиты доверху. В запертом шкафчике хранится пневматический пистолет, стреляющий дротиками со снотворным, на тот случай, если понадобится усыпить крупное млекопитающее, и старый дедушкин револьвер, если единственным вариантом останется самоубийство. Оба «ствола» исправны и в рабочем состоянии. Я готова. Готова выяснить, насколько сильна кровь предков в моих жилах.

Направляю лодку в узкий проход, ведущий во внутреннюю гавань, — и сразу же понимаю, что тщательно разработанные планы могут пойти прахом.

Меня ждет полиция.

2

За время моего недолгого отсутствия что-то случилось. Большая часть населения Фолклендских островов живет в Стэнли, но это все равно маленький поселок: семь сотен домов и около двух тысяч человек. Три часа назад, когда я выходила в море, склон холма усеивали сотни крошечных, похожих на звезды огоньков от фонарей из тыкв, но теперь все они погасли. К этому часу Стэнли должен был

погрузиться в почти полную темноту. Но не погрузился. Я вижу, как вдоль берега едет полицейская машина, а на пристани мигают синие проблесковые маячки.

Прошло три года. Почти день в день с прошлого раза, когда я вошла в гавань, а меня там ждала полиция.

«Произошел несчастный случай. — Три года спустя я все еще отчетливо помню хриплый, дрожащий голос Бена из рации. — Нэда и Кита везут в больницу, больше я ничего не знаю. Езжай туда как можно скорее».

Он сразу же отключил связь, оставив меня воображать худшее. Но я не могла. Не могла себе этого позволить. Я представляла, что им больно. Представляла их маленькие совершенные тела, избитые, изломанные и изрезанные острым, как лезвие, металлом. Весь обратный путь до Стэнли в моей голове звучали их голоса: мальчишки плакали и звали маму, не понимая, почему меня нет рядом, когда я нужна им больше всего. Я представляла оторванные руки и ноги, шрамы на милых лицах. Но только не два безжизненных тела, лежащих рядом в морге.

Поддавшись печальным воспоминаниям, я слишком сильно нажимаю на рукоятку дросселя^[7]. Не стоит входить в гавань слишком быстро — здесь есть камни и затонувшие корабли. Заставляю себя сбавить скорость и жду, когда успокоятся дыхание и пульс. Контролировать их труднее, чем дроссель. Как бы то ни было, нужно делать вид, что всё в порядке, что я готова сотрудничать. Моя человеческая оболочка должна продержаться еще немного.

Кто-то ждет на том месте, где я обычно швартую лодку. Это один из вышедших на пенсию рыбаков. Он живет в домике рядом с портом вместе с двумя женщинами, которых большинство людей считают его матерью и сестрой, но уверенности в этом нет. Его зовут Ральф Ларкин, а за глаза — Чокнутый Ральф. Бросая ему кормовой швартов^[8], я замечаю, что под штормовкой у него — застиранная полосатая пижама. Штанины заправлены в огромные резиновые сапоги черного цвета, которые обычно носят рыбаки. В этом наряде Ральф похож на пирата. Я спрыгиваю на причал:

— Что происходит?

— Пропал ребенок.

Я пристально смотрю на него, гадая, кто из нас произнесет это вслух.

— Еще один. — Ральф кивком указывает на группу людей у причальной стенки. Я различаю полицейские мундиры и армейский камуфляж. — Ждут вас. Видели огни вашей лодки.

Еще один ребенок пропал. Когда исчез первый, чуть более двух лет назад, люди убеждали друг друга, что это трагическая случайность. Даже я, барахтавшаяся тогда в пучине своего горя, помню это. После пропажи второго ребенка они сетовали, что нам ужасно не везет. А теперь третий?..

От группы у причальной стенки отделяется один человек и идет ко мне. Это сотрудница полиции, которую никто не воспринимает всерьез — слишком молодая, слишком высокая и, похоже, не может и шагу ступить, чтобы на что-нибудь не наткнуться. Обычно люди говорят, что им нравится констебль Скай Макнир, но причина в том, что они ее жалеют и хотят прослыть добряками. Мне не нужно никому ничего доказывать, и я признаю, что ее неуклюжесть меня раздражает.

Наблюдая, как она идет, ловлю себя на мысли, что впервые вижу ее такой энергичной. Длинные жесткие волосы цвета свежего яблочного мармелада развеваются вокруг головы, а по лицу, в лунном свете бледному, как лист бумаги, видно, что она довольно сильно волнуется. Рядом с ней даже ночь кажется не такой темной.

— Прошу прощения, Кэтрин. — Скай гораздо выше меня. Она нагибается, затем слегка отклоняется назад, словно боясь нависнуть надо мной. — Мне нужно знать, не видели ли вы в море кого-нибудь еще. Любые суда, которые вы не узнали?

Я отвечаю, что не видела. Примерно в одно время со мной порт покинуло несколько больших рыболовецких траулеров, но я все их знаю. Многие жители острова рыбачат по ночам, но они выходят в море на небольших судах и держатся поближе к берегу.

— Извините, это, наверно, очень тяжело... — Скай, похоже, не знает, куда девать руки; теперь она принялась ими размахивать. — Я понимаю, что это очень похоже на...

Три года назад Скай здесь не было. Она училась в Лондоне, в полицейском колледже. Тем не менее она знает, что скоро годовщина того дня, когда моя жизнь утратила всякий смысл.

— Что случилось, Скай? — Смотрю на Ральфа, который гладит Куини. — Это связано с пропажей ребенка?

Я не сказала «еще одного». В этом нет необходимости.

— Туристы. — Она оглядывается на толпу позади нас. — Не с круизного лайнера. Они приехали сами по себе, остановившись в одном из гостевых домов. Днем устроили пикник около Эстансии. Дети играли в траве. Родители потеряли из виду младшего.

Эстансия — ферма милях в двадцати от города, у юго-восточной оконечности длинного и узкого морского залива.

— Ему всего три. — Похоже, Скай готова расплакаться.

Три года. Двое пропавших детей были старше, но ненамного. Оба мальчики. Трехлетний малыш, один в ночи, без родителей, уже несколько часов. Он замерз, голоден, испуган. Дети больше всего боятся, что их бросят, правда? Ночью на островах возникает ощущение, что вас бросил весь мир.

— Его искали?

Лицо Скай слегка дергается — она берет себя в руки:

— Мы там всё прочесывали, весь день. Некоторые снова туда вернулись. Каллум Мюррей, например. Он пошел вместе с военными. Мы ждем известий.

— Это родители?

Я без труда отыскала в толпе мать — пухлую темноволосую женщину под сорок. Она буквально сжалась в комок. Как будто не решается распрямиться, боясь, что может рассыпаться на части. Я знала, *что* увижу, когда подойду ближе: каким бы ни было ее лицо в прошлом, от него осталась лишь кожа, туго натянутая на кости. И еще мертвые глаза. Она стала похожей на меня.

Отличие только в главном: у нее еще осталась надежда.

— Да, родители. — Похоже, Скай теперь стоит на одной ноге. — Их фамилия Уэст. Все значительно усложняется. Тут еще пассажиры круизного судна, и... мне не хочется никого осуждать, но они не слишком помогают. Они думают, что мы должны обыскать дома местных жителей. И запретить всем судам покидать порт. Можете представить, что скажут рыбаки, если мы объявим, что утром они не смогут выйти в море?

— Сомневаюсь, что они подчинятся.

Власти здесь терпят, но до определенного предела.

— Родители и так с ума сходят. Не хватало им еще выслушивать всякие безумные идеи.

Меня так и подмывает сказать, что это уже не первый пропавший ребенок и в безумных идеях недостатка не будет.

— Все это очень нервирует. — Мы идем к моей машине. Скай продолжает говорить, а я делаю вид, что слушаю. — С девяти часов нам поступило пять вызовов. Старший суперинтендант Стопфорд пытается вернуть туристов на круизный лайнер, но они отказываются подниматься на борт, пока маленький мальчик не будет найден. Похоже, та еще будет ночька...

Пробормотав все, что положено в такой ситуации — пусть обращаются, если потребуется помощь, — я уезжаю. Куини прыгает в машину, и я еду к своему дому на западной стороне полуострова Кейп-Пемброк, крошечному выступу суши между гаванями Стэнли, внешней и внутренней, и самим океаном.

Я не думаю о пропавшем ребенке. Вернее, думаю, но лишь в том смысле, как это отразится на мне. Если судам запретят покидать порт, если их будут обыскивать, прежде чем выпустить из гавани, все мои планы пойдут прахом. Осталось два с половиной дня. А прошло около шести часов. Ребенка должны уже найти.

Дорога домой, которую я выбираю, не самая короткая. В те ночи, когда черный туман в голове сгущается, что-то заставляет меня ехать к дому Гримвудов. Меня тянет сюда только ночью, когда почти нет шансов увидеть кого-то из хозяев. Сегодня я огибаю восточную оконечность естественной гавани Стэнли и еду к большому дому с переливчатой синей крышей и фасадом, обращенным к востоку, на Сёрф-Бэй. За последним поворотом сбрасываю скорость — и теперь могу рассмотреть беленые стены, черные окна и невысокую зеленую изгородь из можжевельника, в это время года усыпанную желтыми цветками. По обе стороны от низкой деревянной калитки висят тыквенные фонарики, и по замысловатой, аккуратной резьбе я узнаю работу их дедушки. Однажды он вырезал фонари из тыкв и для моих детей.

В доме кто-то не спит. Я вижу свет в окне второго этажа. Комната Питера. Я никогда не видела Питера, младшего ребенка Гримвудов. Последние два с половиной года он жил только в моем воображении. Я представляю светловолосого мальчика, худого, с овальным лицом —

таким же, как два его брата в этом возрасте. Тоже с ярко-синими глазами, унаследованными от матери.

Я не была в доме Рейчел несколько лет — по крайней мере, после рождения Питера, — но знаю его не хуже собственного. Питер проснулся ночью, и она сейчас с ним — обнимает, укачивает. Вдыхает запах его волос, чувствует, как дрожит его маленькое тельце, радуется своей способности осушить его слезы. В этот момент ненависть к ней настолько сильна, что я могу только нажать на педаль газа и ехать дальше.

Да, думаю я, убить Рейчел будет легко.

3

Рывком распахнув входную дверь, я мгновенно чувствую: что-то не так. Атмосфера в доме неуловимо изменилась — в ней появились запахи, отголоски смеха. Едва заметные, но верные признаки. *Они* опять здесь.

Аккуратно закрываю за собой дверь и оглядываюсь. Ни светящихся в темноте глаз, ни маленьких силуэтов, прячущихся по углам среди густых теней. Ничего. Медленно обойдя большую комнату со старинной мебелью, выглядываю в коридор. Меня охватывает смесь опасения и радостного ожидания. Странное это желание — потребность увидеть мертвых...

Мальчики преследуют меня все три года, прошедшие после их смерти. Что я имею в виду? Точно не знаю. Я ученая и скорее поверю в инопланетян, чем в призраков, но через несколько дней после автомобильной аварии их присутствие в доме стало более реальным, более убедительным, чем присутствие мужа или любого человека из толпы сочувствующих, периодически появлявшегося на пороге.

Реальные люди уходили, а мальчики оставались, появляясь в моей жизни и исчезая если не с регулярностью, то с непреложностью приливов и отливов. Причем в те моменты, когда я меньше всего этого ждала, — тени за шторами, очертания маленьких тел под лоскутными одеялами на кроватях, постельное белье с которых я до сих пор не могу заставить себя снять. Голоса, иногда со смехом замышляющие проказы, но чаще ссорящиеся, смешиваются со звуками телевизора или радио. Или запах. Терпкий яблочный аромат, исходящий от волос

Кита на следующий день после мытья. Резкий запах кроссовок Нэда, когда кто-нибудь оставляет открытой тумбу для обуви.

Они не сидят на нижних ступенях лестницы и не свернулись калачиком на диване, глядя в пустой экран телевизора. Это хорошо — мне не нравится, когда они так делают. Я поднимаюсь наверх. Калитка на лестнице — мы так и не убрали ее — заперта. Неужели это я заперла? Зачем?

У меня редко возникает подозрение, что мальчики как-то воздействуют на материальный мир. Возможно, одна из игрушек слегка сдвинулась в сторону. Или на одной из кроватей появилась вмятина. Хотя, конечно, это могла сделать собака...

Куини сидит внизу у кухонной двери и скулит — как всегда, когда приходят мальчики. Я понятия не имею, чувствует ли она их присутствие или просто не любит, когда у меня такое настроение, но их визиты буквально сводят ее с ума. Жаль. Она их тоже любила, но домашние животные не могут чувствовать то же, что и мать. Так мне кажется.

Я уверена, что найду их в спальне Нэда, свернувшихся калачиком и прижавшихся друг к другу, словно пара щенков, но, открыв дверь, вижу лишь большого плюшевого медведя, вытянувшегося на кровати. В комнате Кита тоже никого. Мои движения ускорились. Я уговариваю себя не торопиться, но мной овладевает паника матери, которая не может найти своих детей. Даже мертвых. Моя спальня тоже пуста. По крайней мере, на первый взгляд.

Они прячутся.

Мне это не нравится, но прятки были их любимой игрой еще при жизни, и они до сих пор играют со мной. Я снова обыскиваю дом, на этот раз более тщательно, и грозовая туча в моей голове сгущается. Открываю дверцы гардероба, отдергиваю занавеску в душе, заглядываю под кровать в спальне для гостей. Честно говоря, эта игра меня всегда нервировала, даже когда я знала, что в конечном счете найду два теплых, сильных тела.

Возвращаюсь вниз. Они могут быть только снаружи. Открываю заднюю дверь, и в дом врывается ветер, словно он, притаившись, ждал этой возможности.

На улице их тоже нет. Я чувствую, как они ускользают. Свист ветра перекрывают два звука, исполненные невыразимого горя. Один

издает Куини, другой — я.

— Нэд! Кит!

Их нет. Несколькоими минутами ранее я нисколько не сомневалась в присутствии мальчиков, но теперь точно знаю: их нет.

Тьма почти полностью заполонила мою голову. Я снова наверху, в маленьком продолжении своей спальни, которое исполняет роль кабинета. Опускаюсь на колени перед письменным столом, нащупываю выдвижной ящик, который всегда держу запертым. Нахожу то, что искала. Я слежу за тем, чтобы он не затупился.

Внизу Куини начинает выть.

* * *

Через некоторое время туман в голове рассеивается. Я с трудом поднимаюсь с ковра и тащусь к офисному стулу. Левая ладонь кровоточит. Наконечник гарпуна возвращается на свое место в ящике стола. У моих ног валяется многократно проткнутая и искромсанная фотография Рейчел.

Наклонившись, я поднимаю обрывки и бросаю в корзину для мусора. У меня есть другие копии снимка — для следующего раза.

Я так измучена, что не могу думать. Нужно принять душ и поспать, но что-то удерживает меня здесь. Поддерживая порезанную ладонь, оглядываю окружающее меня пространство. С тех времен, когда мальчики были живы и здесь жил Бен, остальной дом почти не изменился, но этот маленький кабинет превратился в убежище, где можно дать волю своим чувствам.

На стенах висят фотографии Нэда и Кита. Одни в рамках, другие просто прилеплены к краске с помощью липкого синтетического каучука «Блю Тэк». Они перемежаются со школьными рисунками, похвальными грамотами и даже несколькими детскими вещами, образуя что-то вроде мемориала.

«Господи, Кэтрин, — сказал Бен, когда зашел взять какие-то свои вещи с чердака, — это не кабинет, а святилище!»

Стена за моей спиной отличается от остальных. На ней висят фотографии двух других маленьких детей. Двух мальчиков, темноволосых и черноглазых, исчезновение которых было внезапным

и загадочным. Первый, пятилетний Фред Харпер, пропал во время школьного спортивного праздника на Западном Фолкленде чуть больше двух лет назад, когда мое горе еще было острым и кровоточило, словно свежая рана.

Разумеется, я слышала сообщение о пропаже. По радио целыми днями говорили только об этом, а Бен, который входил в состав бригады «Скорой помощи», участвовал в поисках. Когда я увидела статью в «Пингвин ньюс», с большой фотографией пропавшего, мое сердце замерло. Фред был так похож на Кита. Я вырезала статью, сама не зная зачем, спрятала ее, но потом прикрепила к стене вместе с другими материалами, появлявшимися в газете в течение следующих недель.

Может быть, я пыталась проверить, осталось ли во мне что-то человеческое. Если Фреда найдут и я обрадуюсь, это будет признаком, что у меня еще есть надежда. А потом, примерно полтора года назад, на островах пропал еще один маленький мальчик. Семилетнего Джимми Брауна последний раз видели у Сёрф-Бэй, где живет Рейчел. Я довольно хорошо знала семью Браун. Мы дружили с Джеммой, матерью Джимми, младшая сестра которого училась в одном классе с Китом. Бен был знаком с отцом мальчика, лаборантом в больнице.

Когда Джимми пропал и весь город искал его, а родители все глубже погружались в пучину отчаяния, несколько человек говорили, что для меня, по крайней мере, сразу наступила ясность. Я знаю, что случилось с сыновьями, и имела возможность должным образом похоронить и оплакать их — привилегия, которой лишены семьи пропавших.

«Да, благодарю вас, — сказала я одной из таких женщин. — Я понимаю, как мне повезло».

С тех пор она со мной не разговаривает.

Ниже фотографий Фреда и Джимми к стене прикреплена еще одна вырезка. Она не связана с мальчиками, но заставила меня задуматься. Через пару месяцев после исчезновения Джимми, когда поиски еще продолжались, хотя и не такие интенсивные и уже без реальной надежды, главный редактор «Пингвин ньюс» написал о том, как пропажа детей отражается на обществе, особенно маленьком. Он говорил о коллективном чувстве вины, об убеждении, что дети — это

общая ответственность и что вред, причиненный одному ребенку, касается каждого.

Статья не имела отношения к моим сыновьям, но все равно стала своего рода утешением. Заставила понять, что смерть мальчиков повлияла не только на нас с Беном и наших близких. Что нашу боль в некоторой, хотя и небольшой, степени разделяют другие люди.

Автор — отец Рейчел, кто бы мог подумать, — рассуждал о том, как в разных культурах относятся к пропаже детей. Он писал, как быстро такие истории становятся частью местного фольклора, появляясь сначала как призраки, а позже как персонажи легенд и сказаний. Именно пропавшие дети, утверждал он, стоят за всеми сказками, в которых малышкой крадут феи или пожирают тролли и ведьмы. Мы боремся со стыдом, приписывая причину внешним обстоятельствам. Обвиняя сверхъестественные силы.

Он раскопал старые легенды о детях, попавших в беду здесь, на островах, и связал их с реальными случаями необъяснимых смертей и исчезновений. Через пятьдесят лет, утверждал он, Джимми и Фред попадут в мифологию Фолклендских островов.

Нэд, Кит, Фред и Джимми. Моя маленькая коллекция мертвых мальчиков. Будет ли теперь пятый и станет ли наша коллективная вина еще сильнее?

Я склоняюсь над столом и включаю радио. Сегодня передачи местной радиостанции продолжаются позже обычного. Я узнаю, что пропавшего ребенка зовут Арчи Уэст. Ему три года и два месяца. Чуть больше, чем младшему сыну Рейчел.

Нет, не думай о Рейчел, не сейчас...

— Еще раз напоминаю, — говорит ведущий передачи Билл Криль по прозвищу «Билл из рыбной лавки». — У Арчи светлые курчавые волосы, карие глаза и плотное телосложение. Последний раз его видели в футбольной форме «Арсенала» — красная футболка с белыми рукавами, белые шорты и красные носки. Если вам кажется, что вы что-то видели, немедленно свяжитесь с полицией. Это радиостанция Фолклендских островов, и в ближайшие два часа с вами будет Билл Криль. Сейчас один час и сорок три минуты утра, и я хочу вам напомнить, что завтра утром — а если точнее, то уже сегодня — к нам придет Рэй Грин из Астрономического общества. Он расскажет о

солнечном затмении, ожидаемом в четверг: где лучше наблюдать, как уберечь глаза и насколько темно будет на островах.

Я выключаю свет, подхожу к окну и смотрю на запад. В четверг солнечное затмение почти полностью совпадет с началом реализации моего плана. Так далеко на юге мы увидим только маленькую часть, но все равно наш крошечный уголок мира погрузится во тьму между тремя и четырьмя часами дня.

И не только в буквальном смысле.

— Со мной в студии Салли Хоскинс, — говорит Билл, — подруга семьи, которая рассказывала нам о том, какой Арчи непоседливый и любознательный ребенок. Правильно, Салли?

Разумеется, я и не надеялась увидеть поисковый отряд. До них почти двадцать миль, и нас разделяют горы.

— Да, Билл, совершенно верно. Арчи — милый мальчик. Веселый, проказливый. Он любит играть в прятки.

Огней в районе гавани стало меньше. Должно быть, Скай убедила пассажиров круизного лайнера вернуться на борт.

— Именно поэтому родители не сразу подняли тревогу?

— Совершенно верно. Мы подумали, что малыш прячется. Он мог часами играть в эту игру.

Я с трудом различаю гору Тамблдаун. Район поисков находится прямо за ней.

— Мы искали больше двух часов, прежде чем позвонить в полицию. — Голос Салли дрожит. — Родители Арчи попросили меня поблагодарить всех, кто нас поддержал. Здесь потрясающие люди — участвовали в поисках, проверяли свои дома... Я хочу сказать всем: не останавливайтесь. И если вы знаете, где он, пожалуйста, поступите правильно. Пожалуйста, позвольте ему вернуться к родителям.

— Салли, вы не расскажете нам что-нибудь еще об Арчи? — поспешно вмешивается Билл. — Мы знаем, что он любит играть в прятки. А что еще он любит?

— О, знаете, он страстный поклонник «Арсенала». Как и вся семья. У него сейчас такой период, когда он не соглашается надевать ничего, кроме футбольной формы «Арсенала», и бедной мамочке приходится стирать ее по вечерам, чтобы он снова мог надеть ее утром. Он знает все клубные песни, хотя некоторые не слишком подходят для трехлетнего ребенка. Но что поделать...

Я вполуха слушаю, как Салли рассказывает о любви Арчи к поп-музыке. Похоже, он не в состоянии усидеть на месте, когда по радио звучит «*Here Comes the Hotstepper*»^[9]. И не пропускает ни одной серии «Могучих рейнджеров»^[10].

— Если Арчи у вас, прошу, не причиняйте ему вреда и не пугайте его, — снова говорит Салли. — Если кто-то забрал Арчи, знайте — все мы хотим его вернуть. Пожалуйста, скажите, где его найти. Пожалуйста, не причиняйте ему вреда.

— Да, да. Спасибо, Салли. Но я должен напомнить слушателям, что полиция исходит из предположения, что Арчи просто ушел слишком далеко от родителей и потерялся. Именно на этом нам нужно сосредоточиться. Маленький мальчик потерялся, и мы должны его найти. Итак, это Билл Криль, и вы слушаете радиостанцию Фолклендских островов.

— Господи, да что вы за люди?! — Салли перекрикивает первые такты следующей песни. — Сколько еще детей должно пропасть, прежде чем вы...

Голос Салли обрывается — ей выключили микрофон. Музыка звучит громче: песня в стиле регги, любимая композиция Арчи. Я представляю, как Салли вежливо, но решительно выпроваживают из задней комнаты редакции местной газеты, откуда ведется передача. Разные культуры, напоминаю я себе. Когда в Англии пропадает ребенок, все сразу впадают в панику, думая о педофилии. Здесь мы надеемся, что малыш не забрел в колонию морских львов.

Три пропавших ребенка за три года. *Слишком много, чтобы сваливать вину на морских львов.*

Я слышу тихий вздох — Куини решила, что уже можно вернуться. Она прыгает на кровать и забирается в выемку между подушками. Я выключаю радио и включаю компьютер. Дождавшись, пока он загрузится, заполняю рабочий журнал за сегодняшний вечер и щелкаю мышкой по единственному документу, защищенному паролем.

До смерти мальчиков я никогда не вела дневник. Не было потребности, да и времени тоже — муж, двое маленьких детей и работа. Тогда моя жизнь была такой насыщенной, что мне в голову даже не приходила мысль о необходимости ее документировать. Но теперь, когда душа пуста, а жизнь бессмысленна, у меня появилась

потребность регулярно записывать все свои действия, мысли и эмоции, словно для того, чтобы напомнить себе, что я все еще существую.

Я начала печатать. Я всегда подробно излагаю случившееся за день. Это помогает описывать свои чувства. Очень похоже на психотерапию — ежедневный выпуск отчаяния и ярости. Если честно, то в основном ярости, причем неизменно направленной на женщину, чья искромсанная фотография лежит у моих ног. На женщину, которая когда-то была моей лучшей подругой.

* * *

Когда мы познакомились с Рейчел, мне исполнилось восемь, а она была на несколько месяцев младше. Я шла по тропинке среди густо поросших травой кочек, такой узкой, что по ней мог протиснуться только ребенок. И вдруг увидела чей-то украшенный рисунком из бабочек зад, обращенный к небу. Вероятно, Рейчел услышала меня, хотя я старалась двигаться очень тихо, потому что она, не поворачиваясь, вскинула вверх грязную руку с обкусанными ногтями. Жест был исполнен такого величия, что я инстинктивно выпрямилась и развернула плечи:

— Что ты делаешь?

Она отползла назад, и я увидела маленькое круглое лицо с огромными синими глазами, молочно-белую, усыпанную веснушками кожу и очень длинные волосы, чуть более темные, чтобы их можно было назвать белокурыми. Брови девочки были приподняты посередине, словно она все время удивлялась, а оттопыренные уши торчали, как у эльфа.

— Драконьи яйца, — свистящим шепотом произнесла она. — Молчи, больше ни слова.

Удивившись, я опустилась на песок и подползла к ней. Она смотрела на два кремово-желтых предмета в форме идеального овала длиной около четырех дюймов. Гнездо папуанского пингвина.

— Они принадлежат Озмаян. — Похоже, она твердо решила изъясняться хриплым шепотом, несмотря на то что в радиусе полумили никого, кроме нас, не было. — Это могучая драконесса. Она

родилась тогда, когда разбилось тысячное сердце, а это значит, очень давно, но память драконов не такая, как у нас.

В восемь лет я уже знала, что папуанские пингвины часто гнездятся среди кочек и что мать не покидает гнездо надолго. И понимала, что мы, наверное, мешаем ей вернуться. Нужно было предложить девочке уйти, но — признаюсь — мне было любопытно послушать о драконах.

— Правда? — Я заговорила таким же хриплым, заговорщическим тоном.

Она подползла ближе и прижалась ко мне всем телом. Это движение было совершенно естественным, как у маленького ребенка.

— Да. Драконы знают всё, что было раньше, что происходит теперь и что случится в будущем.

Да, над этим стоило подумать.

— Наверное, нам нужно уходить. Она может вернуться в любую минуту.

— О, она не вернется. Яйца останутся здесь, пока не родятся и не умрут три луны. Потом черные орлы с сапфировыми глазами унесут их и будут охранять, пока не придет время их высиживать. Этот момент может наступить завтра. Или в следующем тысячелетии.

В том возрасте я уже знала почти сорок видов птиц, гнездившихся на Фолклендских островах, но о черных орлах с сапфировыми глазами слышала впервые. Тем временем поднимался ветер, принося с собой привкус соли, и я стала беспокоиться о самке пингвина. Если ее сильно напугать, она может уйти и оставить гнездо.

— Следующее полнолуние через пять дней. — Я всегда следила за поведением луны, даже в детстве. — До этого времени они не прилетят. Если хочешь, я могу вернуться и проверить.

Она села на корточки и с уважением посмотрела на меня. И я вдруг остро позавидовала этим сияющим синим глазам. Это нечестно, когда у одного человека (у меня) глаза тусклые, как грозовые тучи, а у другого (у Рейчел) — ярко-синие, как океан солнечным утром.

— Мы придем сюда вместе, — объявила она. — Теперь мы лучшие подруги.

Я не представляла, как это будет, и даже не знала, что она здесь делает — остров, на котором мы с ней были, принадлежал моим дяде и тете, — но не возражала против того, чтобы иметь лучшую подругу.

— Ладно.

— Это твой дом? — Она вскочила на ноги и теперь указывала на зеленую крышу дома тети Джейни. Я кивнула. В сущности, так оно и было. Я жила здесь летом, пока родители работали.

— У тебя есть мороженое?

Я снова кивнула. Перед моим приездом тетя Джейни всегда делает запасы.

— Тогда пойдем. — Рейчел схватила меня за руку, и мы побежали — она удивительно быстро бегала — по траве, пересекли загон и оказались во дворе дома.

И всё. С этого дня мы стали лучшими подругами, и такой сильной и страстной потребности в другом человеке, как у нас, я, пожалуй, больше никогда в жизни не испытывала. Мы отличались друг от друга буквально во всем. Она видела мир внутри мира, от которого тянулись бесчисленные нити возможностей, яркие, как радуга. Я видела яйца пингвинов. И все же мы были ближе, чем сестры, потому что сознательно выбрали эту связь между нами; ближе, чем любовники, потому что любовники приходят и уходят, а то, что было у нас, — навсегда. Она была моей второй половинкой. Солнце на скалах рядом с укромным тенистым уголком под деревом. Мажорные ноты в минорных аккордах. В ней было все, что отсутствовало во мне, все те качества, которые я так хотела иметь, разве что в ней они были гораздо лучше, и я это знала. Мы с ней были неразлучны, какое бы расстояние нас ни разделяло. Нас связывало прошлое, настоящее и будущее.

До того дня, когда она убила моих сыновей.

* * *

Уже почти четыре утра. Все это время я писала, думала, просто сидела. Долго. Выключаю компьютер и иду к кровати, где лежит Куини, но тут снаружи доносится какой-то шум.

На этот раз я не могу его игнорировать, не могу сделать вид, что это ветер.

Непонятно, как давно я его слышу. Возможно, уже несколько лет, а возможно, лишь последнюю пару месяцев. Но, так или иначе, уже несколько раз поздним вечером, когда ветер дул в определенном

направлении, я слышала какой-то звук, заставлявший думать, что рядом с домом кто-то есть. Мое ухо улавливало движение, не похожее на явления природы, и шарканье, которое могло быть звуком шагов. Несколько раз Куини начинала волноваться и рвалась наружу, но, если я открывала дверь, в нерешительности застывала на пороге. В начале года, когда вечера были темнее, мне иногда — перед тем как задернуть шторы — казалось, что на меня кто-то смотрит из темноты.

На островах не запирают двери, но в какой-то момент я нарушила давнюю традицию, и теперь была этому рада, потому что звук, который доносится снаружи, не оставляет никаких сомнений. *Там кто-то есть.* Я выхожу из спальни. Куини не просыпается. В моей жизни у нее много ролей, но «сторожевая собака» явно не входит в их число.

Спускаюсь вниз и, не включая света, подхожу к окну.

Территория вокруг моего дома необычна даже по меркам Фолклендских островов. Это памятник, или, если хотите, музей на открытом воздухе, посвященный китобойному промыслу. Гордостью экспозиции, вне всякого сомнения, является череп голубого кита. Почти трехметровый, с раскрытыми челюстями, словно застывшими в момент поглощения пищи, он установлен на лужайке перед домом. Рядом с ним расположился скелет косатки почти в идеальном состоянии. Чуть дальше, у забора, — позвоночник кашалота, пойманного у побережья Южной Георгии. Между ним и домом — косяк дельфиновых скелетов. Большую часть коллекции собрал мой дед. Оружие тоже принадлежало ему: гарпуны и тросы, массивная гарпунная пушка. Но главную идею музея заложил отец. Он собрал все это вместе, но не для того, чтобы прославить китобойный промысел, а чтобы осудить его. Надпись под гарпунной пушкой гласит: «С 1886 по 1902 г. из этой пушки убили более 20 000 китов». Отец стыдился ущерба, который его предки нанесли морям. И всю свою жизнь пытался его возместить.

Несколько секунд назад я услышала звонкий лязг, словно на землю упало несколько кусков металла. Это коллекция наконечников гарпунов рядом с изгородью из можжевельника.

Скелет косатки заслоняет чью-то тень. Подойдя к двери, я вижу большую темную фигуру. Узнаю ее очертания, и у меня замедляется пульс. Сердце снова начинает биться быстрее, но уже совсем по

другой причине. Я смотрю, как мужчина в моем саду ставит на место наконечники, затем отпираю и распахиваю дверь.

— Не поздновато выпрашивать сладости? — Слова слетают с губ раньше, чем я успеваю обдумать их уместность.

Каллум Мюррей ставит последний наконечник на место и поворачивается ко мне:

— Увидел, что у тебя свет горит... Мне показалось, что в саду кто-то есть. Хотел убедиться, что ты в порядке.

Я не отвечаю. Какой смысл? В порядке я уже никогда не буду. Потом до нас доносится лошадиное ржание. Чего, конечно, быть не может, потому что здесь никто не держит лошадей.

— Похоже, кто-то крадет твою лошадь. — Надеюсь, что это шутка. Никогда не видела Каллума верхом. Даже сомневаюсь, что на островах найдется достаточно крупная лошадь, чтобы выдержать его вес.

— Я пришел пешком. — Он подходит к изгороди и смотрит на дорогу. Вероятно, лошади не видно, потому что Каллум быстро теряет к ней интерес и возвращается к дому. — Ты в порядке?

Каллум Мюррей не местный. Он шотландец, воевал за острова в звании второго лейтенанта парашютного полка. Уволившись из армии вскоре после победы англичан, купил домик в двух милях от Стэнли. На вопрос, поселился ли он тут навсегда, неизменно отвечал, что еще не принял окончательного решения.

— Нашли ребенка? — спрашиваю я. Скорее по обязанности, чем потому, что мне действительно интересно.

В его глазах отражается свет из окна наверху. Днем эти глаза выглядят необычно — результат генетической особенности под названием «гетерохромия радужной оболочки» — правый синий, а левый зеленый. Но при лунном свете это всего лишь слабые блики света.

— Через четыре часа мы возобновляем поиски.

Ветер доносит до нас далекий звук. Приближается вертолет.

— Скорее всего, с ним всё в порядке. — Я пытаюсь делать вид, что мне не все равно. — Бродил, пока не устал, а потом прилег где-нибудь и заснул. Утром вы его найдете.

— Хотелось бы надеяться, черт возьми... Страсти начинают накаляться. Это главная причина, почему мы снова выходим — чтобы

успокоить людей.

Зачем он это делает? Почему стоит здесь глубокой ночью и делает вид, что мне хоть немного интересно все, что происходит вокруг? Мне нужно вернуться в дом и закрыть дверь. Запереть.

— Скай что-то говорила о проблемах с пассажирами круизного судна.

Взгляд Каллума на мгновение перемещается на небо, затем снова возвращается ко мне.

— Это еще мелочи. Вечером сюда прилетели родители Фреда Харпера. Устроили Стопфорду настоящий скандал, обвиняя в том, что два года назад мы слишком рано сдались.

— Ничего не поделаешь. Фермеры постоянно теряют овец. Животные застревают в торфе и тонут. Или срываются со скал, и их смывает прилив. Лошади и телята падают в реки. Если они достаточно маленькие, их уносит течение. Время от времени гибнут люди. Ужасно жаль, но ничего не поделаешь. Это не национальный парк. — Я не хотела, чтобы мой тон звучал покровительственно, однако с Каллумом это непросто.

Вертолет «Си кинг» завис прямо над нами, как стрекоза над прудом. Сухой торфяной запах холмов словно прилип к куртке Каллума. Я вспоминаю — как и всякий раз, когда он рядом, — о его росте.

— Та штука прямо над нами тоже участвует в поисках? Потому что, если с нее что-нибудь свалится, нам небезопасно здесь стоять.

Стоять так близко к Каллуму вообще небезопасно.

— Они ждали, пока мы прервем поиски. Давай не будем ему мешать.

Убедившись, что мы — не трехлетний мальчик, «Си кинг» летит дальше. Мы с Каллумом снова одни.

— Мне нужно немного поспать. — Я поворачиваюсь, вхожу в дом и запираю дверь. И только оставшись одна, прислоняюсь к ближайшей стене и позволяю себе расслабиться. Ушел ли он? Зачем приходил?

Наверху Куини продолжает храпеть. Я выключаю свет и подкрадываюсь к окну. Каллум отворачивается, как будто ждал, пока у меня погаснет свет. Затем пересекает сад и перешагивает через низкий штaketник.

Отсюда до его дома четыре мили, если идти обычной дорогой. Но, судя по всему, Каллум выбрал другой путь.

Примерно год назад я засиделась допоздна и случайно увидела, что он идет мимо. И, повинувшись импульсу, который мне не хочется объяснять, последовала за ним. Увидела, как он свернул с дороги, подошел к высокому забору из колючей проволоки, отвел в сторону три витка и проскользнул внутрь, на минное поле.

Минное поле?

На островах есть несколько минных полей, в основном на побережье — их оставила аргентинская армия во время вторжения. По самым скромным оценкам, в торфе и песке спрятано около тринадцати тысяч готовых взорваться зарядов. Нам говорят, что когда-нибудь мины обезвредят. А пока, с учетом того, что минные поля занимают лишь 16 процентов неиспользованных земель, их просто огородили.

Я подождала, пока Каллум исчезнет во тьме, а затем подошла к ограждению. Три витка колючей проволоки, которые он отодвинул, были разрезаны. Каллум согнул маленькие крючки, чтобы возвращать их на место. Он проделал собственный тайный проход на поле, которое и через десять лет после конфликта изобиловало смертельно опасными ловушками. Каждый шаг по этому полю мог стать последним.

Теперь я смотрю из окна на пустую дорогу у дома и гадаю, идет ли он снова туда, на минное поле, чтобы выяснить, не собирается ли судьба положить всему этому конец прямо сейчас, этой ночью.

И понимаю, что у меня проблемы.

Забираюсь в кровать, которая кажется необычно большой и пустой, даже несмотря на то, что лучшее место на ней занимает собака. Для меня ночь — самое тяжелое время суток, когда не остается ничего, кроме как думать о том, что я потеряла. Сон всегда приходит не скоро.

Иногда, в состоянии между сном и явью, я чувствую, как мальчики забираются в постель и ложатся рядом. Когда это происходит, я лежу неподвижно, погружаясь в их присутствие, наслаждаясь прикосновениями их гладкой кожи, вдыхая запах их волос, чувствуя, как их маленькие руки обнимают меня. Наутро после таких снов я просыпаюсь в облаке неподдельного счастья,

неожиданного и обескураживающего. Так не похожего на почти невыносимую тоску, которая приходит ему на смену.

Не приходите сегодня, мальчики. Я не уверена, что у меня остались на это силы. Дайте мне покой, хотя бы раз.

4

— Кто-нибудь слышал губернатора по первому каналу радио? — спрашивает Брайан, когда я появляюсь на работе, которую всегда считала семейным бизнесом.

У дедушки Гроба было несколько дочерей, каждая из которых получилась по-своему такой же упорной и кровожадной, как он. И один сын, ставший самым большим разочарованием в его жизни. Мой отец основал благотворительный траст «Сохранение Фолклендов», цель которого состоит в сохранении дикой природы островов для будущих поколений. Честно говоря, я не думаю, что это был личный вызов дедушке, но мистер Гроб-старший всегда воспринимал поступок сына именно так.

Брайан — орнитолог, и отец нанял его лет двадцать назад. Ему уже под шестьдесят, но он по-прежнему карабкается вверх-вниз по скалам, разыскивая гнезда и окольцовывая птенцов, хотя для этого занятия ему неплохо бы сбросить лет десять возраста и килограммов двадцать жира. Когда-нибудь его остывшее изуродованное тело найдут у подножья утеса. Если кому-то и суждено умереть на работе, так это Брайану.

Его объемистая задница, как всегда, расплылась по моему столу. Я уже клялась себе, что однажды приду пораньше и намажу крышку стола суперклеем.

— Вряд ли ему есть что добавить. — Сьюзен на кухне гремит кофейными кружками.

— Корпоративная пропаганда, — замечает Пит, наш студент в академическом отпуске. — Никому и в голову не приходит никакое другое объяснение, кроме того, что ребенок просто заблудился.

— А что еще могло произойти? — Брайан ерзает на столе. — Это же очевидно.

Шеф прочищает горло. Джон Уилкок — маленький крепкий мужчина с темными волосами, землистым лицом и тонкими черными

усиками, которые он носит последние два десятка лет. Мы с ним считаем себя дальними родственниками — возможно, через браки, заключенные пару поколений назад, — но выяснить точную степень родства так и не удосужились.

— Кэт, наши планы изменились. — Джон редко дает себе труд пожелать мне доброго утра, что меня вполне устраивает — не люблю светских разговоров. — Твоя группа хочет присоединиться к поискам. Я сказал, что ты отвезешь их туда. Будешь руководить.

Изначальный план состоял в том, что я буду сопровождать группу туристов в экскурсии на Джордж и Баррен, два маленьких острова с богатой природой, у южного берега Восточного Фолкленда. Двух обитателей островов из числа людей, тетю Джейни и ее мужа Митчелла, тоже можно считать туристическими достопримечательностями. Джейни — единственная из моих знакомых, кому удалось вырастить птенца пингвина. Она нашла Эшли, когда та пыталась согреться на углях костра, а последние пятнадцать лет потратила на то, чтобы научить птицу сидеть и просить еду, а также съезжать на животе с крыши сарая для стрижки овец и таскать кусочки рыбы из карманов.

— Люди хотят помочь. — По выражению моего лица Сьюзен видит, что я не в восторге от этой идеи. — Им неловко развлекаться, когда ребенок там один.

— Будем надеяться, что один, — вставляет Пит.

— Умеешь ты успокоить, Пит. — Еще нет половины девятого утра, а Джон уже нервничает. — Не вставай, Брайан, у нас действительно нет времени.

— Если эти люди хотят отказаться от экскурсии, мы должны их сопровождать.

Я беру телефон и сообщаю тете Джейни, что сегодня утром выпечка не потребуется. В ее ответе я насчитываю четыре ругательства, что не слишком много по ее меркам.

— Я уже достала этот проклятый костюм ведьмы с чердака.

— Как будто кто-то заметит разницу... Кроме того, Хэллоуин был вчера. — Я прерываю ее ворчание, отключив телефон.

— Ты должна встретиться с ними у полицейского участка. — Сьюзен обожает указывать, что мне делать. — В девять все

руководители групп поиска получают указания уполномоченного офицера полиции.

Наконец задница приходит в движение, и вот уже Брайан стоит *перед* моим столом и почесывает части тела, о которых я предпочитаю не думать.

— Мне предложить туристам вернуть деньги? — Я говорю это только для того, чтобы позлить Джона.

— Нет, черт возьми. Это была их идея, а не моя.

* * *

Ветер колышет нашу коллекцию флагов и остатки украшений к Хэллоуину. Спокойствия прошедшей ночи как не бывало. По дороге к полицейскому участку я обгоняю людей, идущих туда же. Вижу и лица, знакомые с детства, и совсем чужие. Замечаю самодельные плакаты на заборах и, сбросив скорость, успеваю разглядеть, что это увеличенные фотографии двух мальчиков, пропавших ранее. «Все еще не найденных», как написано на плакатах. Арчи не удостоится такого внимания.

Пластиковый скелет, сорванный ветром, катится по дороге перед машиной. Это вряд ли можно считать добрым знаком.

Рядом с полицейским участком осталось всего одно свободное место.

— Кэтрин!

Повернувшись на голос, вижу высокую фигуру в плаще с хлопающими полами и красном развевающемся шарфе, которая быстро приближается. Рука в красной перчатке энергично машет, призывая подождать, и я чувствую, как сердце мое замирает. Это один из немногих людей, от которых не получилось отделаться за последние три года. Один из немногих, кто не отступит.

— Я с тобой, ладно, дорогуша? — Мел тяжело дышит. — Эти сапоги стоят целое состояние, и я не собираюсь топить их в торфяном болоте. Плевать, сколько там потерявшихся детей, — я ни на шаг не отступлю от того, кто знает, что делает.

Мела по праву считают одним первых франтов острова, и он тратит кучу денег, выписывая одежду из столиц Европы и Южной

Америки. Я смотрю на его новые, безукоризненно чистые резиновые сапоги.

— Они розовые.

Он шутливо хлопает меня по плечу:

— Знаю. В наше время можно купить даже розовые «Хантеры». О чем еще мечтать девушке?

Я часто думаю: если меня что-то и рассмешит, то это будут слова Мела. Мел несколько не похож на девушку — сто девяносто сантиметров роста, девяносто килограммов веса и необыкновенно большой, как мне говорили, пенис. Он даже не трансвестит. Его одежда, всегда безупречного покроя и очень яркая, явно сшита для мужчины.

Он шеф-повар таверны «Глоуб» здесь, в Стэнли. Два вечера в неделю Мел покидает свою кухню и возглавляет любителей попеть под аккомпанемент фортепиано. После семи вечера в таверну не протолкнуться — в буквальном смысле.

— Дорогуша, я поплетусь рядом с твоей машиной, а ты будешь внутри. — Он с наслаждением выговаривает слово «поплетусь», перекатывая его во рту, словно пахучую мяту. — Только поторопись. А то этот ужасный ветер сдует со шляхи все ее шмотки. — Он прислоняется к дверце машины в позе проститутки, ожидающей клиентов.

Толпа людей на парковке увеличилась; руководит всем, похоже, констебль Скай. Она была еще бледнее, чем обычно. Волосы у нее спутались, и мне даже кажется, что она спала прямо в мундире. Я помню ее ребенком. Всегда грязную, с разбитыми коленками, в рваной одежде — девочку с мороженым в волосах или пятнами от шоколада на рубашке. Подходя к двери, слышу, как она пытается убедить толпу разбиться на группы по десять человек, выбрать лидера и убедиться, что у них есть транспорт.

Мое внимание привлекает гомон звонких голосов, и, повернувшись, я вижу компанию школьников. Сердце замирает — прямо там, в первом ряду, идет Кристофер Гримвуд, лучший друга Нэда.

Он вырос. Сильно вытянулся за то время, что я его не видела. Теперь его голова, наверное, достает мне до плеча. Лицо тоже изменилось, почти утратив детскую округлость. Подбородок

удлинился, на носу появилась заметная горбинка. Боль накатывает неудержимой волной.

В моем сознании — и в сердце — Нэду по-прежнему восемь. В этом возрасте я его потеряла. У него такие же круглые колени и пухлые руки, а детский жирок вокруг шеи образует двойной подбородок. А теперь в Кристофере, неуклюжем долговязом мальчишке, который вот-вот навсегда расстанется с детством, я вижу Нэда, каким он был бы сегодня. На гладкой коже могли появиться первые признаки прыщей, и он стал бы похож на моржа с болячками на голове. Он доставал бы меня, переполненный тестостероном, сущий дьявол, делал бы мою жизнь почти невыносимой — и от тоски по нему я готова расплакаться.

Разумеется, я сдерживаюсь. У меня было три года, чтобы научиться делать вид, что всё в порядке. В полицейском участке я нахожу свое имя в списке, висящем над столом, и меня направляют в комнату для совещаний.

* * *

Наша группа состоит из десяти человек. Трое из них в военной форме, а двое в полицейских мундирах, причем один из них — главный полицейский начальник на острове.

Это высокий мужчина, движения которого точны и скупы. Для меня он навсегда *Стопфорд, Боб, старший суперинтендант*, потому что именно так он представляется при знакомстве. Этот человек, прочитавший несколько книг и посмотревший несколько документальных фильмов, ухитряется убедить самого себя и часть окружающих, что он умнее, чем кажется.

Кофе из кувшина на столе наливает старший преподаватель школы, мужчина по имени Саймон Сэвидж, который стал кем-то вроде героя в том, что полушутя называют «фолклендским Сопротивлением». В самом начале аргентинской оккупации, когда жители островов ждали прибытия британских сил специального назначения, Саймон с помощью запрещенного оккупантами радиопередатчика связался с военными и информировал их о передвижениях аргентинцев на суше. Он был старшим преподавателем

и в то время, когда я училась в школе. Такое впечатление, что эту должность Саймон занимал всегда. Его сын Джон — главный детектив на островах.

Свободных мест нет, но я слышу звук скребущих по полу ножек стула и вижу бывшего мужа, который встает со своего места. С тех пор как мы виделись в последний раз, в его волосах прибавилось седины и он похудел.

— Садись сюда, Кэтрин. — Он держит спинку стула, готовый придвинуть его к столу, когда я сяду. Бен всегда очень внимателен ко мне — и на публике, и наедине. Откровенно говоря, мне это не очень нравится, поскольку выглядит покровительственно, но возражения могут быть восприняты так, словно я злюсь на него и жалею о разводе. Бен не виноват, что наш брак распался. Это вина Рейчел.

И, наверное, моя, если быть честной.

Поэтому я сажусь и делаю вид, что не замечаю, как его руки остаются на спинке стула. Напротив нас начальник пожарной службы разговаривает с Робертом Дунканом, владельцем местной радиостанции и еженедельной газеты «Пингвин ньюс».

Ему чуть за семьдесят, но его энергии позавидует и пятидесятилетний. Высокий и худой как жердь. Густые белые волосы, окружающие его голову, похожи на гриву старого льва. У него седые усы и седая козлиная бородка.

Его тоже считают одной из главных фигур Сопротивления: он продолжал радиовещание, когда прибыли аргентинские солдаты, демонстративно транслируя патриотические песни. Альбом «Лондон вызывает» группы «Клэш» звучал по радио, когда аргентинский командир вел свой взвод к зданию радиостанции. Входная дверь разлетелась под аргентинскими сапогами под «Секс пистолс», поющих «Боже, храни королеву». Роб не выключал трансляцию все время, пока спорил с южноамериканскими солдатами, которые пришли закрывать радиостанцию. Время его не смягчило. Сомневаюсь, что на островах найдется человек, которого бы больше ругали или любили, чем Роба Дункана. Кроме того, он — отец Рейчел.

Затем мне приходит в голову, что здесь может появиться и сама Рейчел. Это будет слишком. Я не могу находиться с ней в одной комнате. Уже собираюсь встать, как вдруг вижу два глаза разного цвета, смотрящие на меня из угла. Каллум не спал. Его песочные

волосы неплохо бы вымыть, а по смеси каштановых, рыжих и светлых волосков в бороде я вычисляю, что он не брился около тридцати шести часов. У меня такое чувство, что, если я уйду, он последует за мной. И Бен тоже.

Дверь закрывается, и слово берет *Стопфорд, Боб, старший суперинтендант*. Слева от него стоит майор Вутон, офицер по связям с гражданскими службами. Мы будем свидетелями уже ставшего привычным соперничества: Стопфорд будет претендовать на власть, а Вутон — на компетентность.

— Максимальное расстояние, на которое ребенок в таком возрасте может удалиться за восемнадцать часов, мы оцениваем в десять миль. — Стопфорд делает шаг в сторону, и я вижу на стене за его спиной большую карту Восточного Фолкленда. Кто-то нарисовал на ней красную окружность с центром в точке на ферме Эстансия, где в последний раз видели пропавшего. Большой сектор этой окружности захватывает океан.

— Майор Вутон возьмет взвод и начнет вот отсюда, — Стопфорд указывает в центр окружности. — Его люди будут двигаться к периметру. Остальные начнут снаружи — разумеется, учитывая пляжи — и будут продвигаться внутрь.

— Мы исключаем возможность, что он ушел не сам? — Каллум по-прежнему остается в углу комнаты. — Судя по тому, что говорила мне Скай, в этом районе были другие машины.

— Все они местные. — Стопфорд не смотрит на Каллума. — Мы опросили всех, кто имеет к этому отношение. Мальчика никто не видел.

Старший суперинтендант объясняет, что для завершения поисков потребуется от четырех до пяти часов.

— А что тут делают школьники? — вновь подает голос Каллум. — Зачем нужно, чтобы вокруг бегали взбудораженные дети? В конце концов потеряется еще один.

— Боже упаси. Дети будут прочесывать пляжи. Только старшие. Одиннадцать лет и старше. — Стопфорд кивком указывает на меня. — Ими будет руководить Брайан, коллега Кэтрин. Они все время будут под присмотром кого-то из взрослых. Многие матери также согласились прийти.

Вот где будет Рейчел. На берегу, присматривать за Кристофером. Я вдвойне рада, что к поискам не привлекают младших детей. Хватит мне и того, что я видела Кристофера. Увидеть Майкла, которому теперь восемь — столько же, сколько было Нэду и было бы Киту, — это слишком.

— Бен? — Стопфорд смотрит прямо на моего бывшего мужа. — Хотите что-то добавить?

— У нас есть дежурная машина «Скорой помощи», и миссис Уэст, мама Арчи, будет при ней, так чтобы мы всегда знали, где она. — Бен прочищает горло, затем продолжает: — Когда мы его найдем, он будет замерзшим и голодным. Его нужно согреть, дать немного воды, но не кормить. Если он ранен, не пытайтесь его перемещать. Просто оставайтесь с ним и дождитесь меня или кого-нибудь из моих коллег. Вот так.

— Хорошо. — Стопфорд хлопает в ладоши: — За дело.

Когда все выходят, оптимистичная картина, нарисованная Стопфордом, выглядит такой хлипкой, что может рассеяться даже от слабого ветерка. Все это уже было. Дважды. Люди рассаживаются по внедорожникам, лошадям и квадроциклам, чтобы обследовать местность, убеждая себя, что быстро найдут мальчика. Что ничего особенного не случилось.

— Можно поехать с тобой, Кэтрин? — Бен нагоняет меня, когда я иду к выходу. Я не могу придумать убедительной причины для отказа, хотя очень хорошо знаю, что он ничего не делает просто так.

Мы выстраиваемся колонной. В моей группе только туристы, кроме Мела, Бена и меня, но выглядят они физически крепкими и одеты соответственно: в туристических ботинках и непромокаемых плащах. В данный момент меня больше всего беспокоит парень за рулем арендованного автомобиля, который едет прямо за мной, — дорога скоро закончится.

Вести машину по пересеченной местности нелегко. Даже люди, прожившие здесь всю жизнь, застревают при попытке переправиться через реку, преодолеть каменную россыпь или подняться на крутой склон. Если придется останавливаться и вытягивать его из ловушки, то не было смысла отказываться от поездки к пингвинам. Я уже проинструктировала парня: не слишком приближаться ко мне, чтобы иметь возможность резко ускориться и тормозить, повторяя мои

действия, глубокие овраги преодолевать по диагонали, не держать ногу на сцеплении и при необходимости использовать блокировку дифференциала^[11]. Он также должен следить за резким изменением цвета растительности, что обычно указывает на топкий грунт. Парень кивал и выглядел скорее взволнованным, чем раздраженным, и я посчитала это хорошим знаком.

На границе Стэнли мы проезжаем мимо машины «Скорой помощи», и я замечаю мать Арчи, которая собирается сесть на пассажирское сиденье. Она поворачивает голову и смотрит, как мы проезжаем мимо.

— Мне говорили, что вы руководите группой медиков, — обращается к Бену одна из женщин. — Разве вы не должны быть со «Скорой помощью»?

— Пока ребенка не нашли, для «Скорой помощи» нет работы. — На лице Бена, обращенном к женщине, профессиональная улыбка. Он всегда умел обращаться с пациентами, а его смуглое лицо по-прежнему внушает доверие большинству людей. — До тех пор от меня больше пользы в поисковой команде.

Гости острова поражены, как быстро исчезли какие-либо признаки цивилизации. Несколько сотен человек, живущих за пределами Стэнли, разбросаны по территории размером с Уэльс, и большая часть этой территории состоит из маленьких островов. Покидая Стэнли, вы попадаете в пустынную, почти первозданную местность — без дорог, почти без деревьев или кустарников, где присутствие человека практически незаметно. Редкие поселения за пределами Стэнли — это отдельно стоящие жилые дома в окружении хозяйственных построек и брошенной, ржавеющей техники.

В нескольких милях от города колонна разделяется. Часть машин продолжает двадцатимильное путешествие к Эстансии. Мы же, следуя полученным указаниям, съезжаем с дороги и направляемся на запад. Машина тут же начинает подпрыгивать и раскачиваться.

— Черт, это как пытаться трахнуть кого-то в девятибалльный шторм. — Сидящий рядом со мной Мел вцепляется в пассажирское сиденье.

Сзади гробовое молчание. В зеркале заднего вида я ловлю взгляд Бена. Он криво улыбается. Мы оба уже слышали эту шутку.

— Зачем здесь так много солдат? — Голос с явным валлийским акцентом принадлежит одной из женщин.

— На Фолклендских островах размещен постоянный гарнизон численностью две тысячи человек, — объясняет сидящий рядом мужчина. — Примерно один солдат на одного жителя. На тот невероятный случай, если аргентинцы вернутся.

Какое-то время все молчат. Во время войны я училась на последнем курсе университета. Бен работал в британских больницах. Мел наблюдал все это, находясь в относительной безопасности на «Норланде» — гражданском судне, которое перевозило в район конфликта парашютный полк. Никто из нас не считает себя вправе рассказывать о том, какими были семьдесят четыре дня оккупации для жителей острова. Кроме того, островитяне — в лучших традициях телесериала «Башни Фолти»^[12] — не любят вспоминать о войне. Возможно, мы считаем, что уже обсудили всё, что хотели. Неважно, по какой причине, но мы просто об этом не говорим.

— На то, чтобы вы чувствовали себя в безопасности, тратится много британских налогов, — замечает один из мужчин.

— А вы когда-нибудь просыпались утром, чтобы увидеть, как по главной улице вашего города идет армия захватчиков, дорогуша? — Мел, конечно, не местный, но такого терпеть не станет. — А под домашним арестом были? Комендантский час соблюдали? Вас не запирали вместе с пятьюдесятью другими людьми в местном клубе, где всего один действующий туалет?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, мой милый, что «добрые аргентинцы», которые считают эти острова своими, находятся в трехстах милях отсюда. А до Британии восемь тысяч миль, и у нынешнего премьер-министра нет железных яиц, как у Маргарет Тэтчер. — Мел не отводит взгляд.

— В таком случае, если у вас на одного гражданского приходится один военный, как могло случиться, что пропадает уже третий ребенок?

— Держитесь крепче.

Я направляю машину в овраг. Сзади кто-то охает, Мел чертыхается вполголоса, но мы выбираемся наверх по противоположному склону и продолжаем путь. Каллум, машина

которого едет перед нами, исчезает в глубокой впадине, и в воздух взлетает пара потревоженных птиц.

— Патагонские казарки, — говорю я, потому что люди из моей группы заплатили деньги и должны получить что-то взамен. — Самец чисто белый, и его легко заметить. У самки характерные черно-белые полосы на грудке. Обычно они гнездятся на берегу, но в этой впадине пресноводный пруд... Почти приехали — держитесь крепче.

Выбравшись из впадины, я останавливаю машину. Спрыгиваю на землю и чувствую под ногами голый камень, но затем мы двигаемся на запад, и почва становится болотистой. Каллум со своей группой едет дальше.

Я не раз бывала в этой местности. Пробиралась через болото по каменным россыпям между пучков травы. И каждый раз я кого-то ищу, обычно гораздо меньшего размера, умеющего гораздо лучше маскироваться и избегать хищников, чем человеческий детеныш. Если мальчик здесь, он станет легкой добычей. Я оглядываюсь в поисках цветового пятна, выделяющегося на общем фоне, движения, которое не спишешь на ветер, или едва слышимого шороха, свидетельствующего о панике.

Я веду свою группу по родной земле, дикой и открытой ветрам, и думаю о матери, мимо которой мы проезжали. Когда Нэду было пятнадцать месяцев, я потеряла его на несколько минут. Мы были на пляже. Я пошла к воде, чтобы посмотреть, нет ли там нефтяного пятна, и оставила Нэда выше береговой линии, среди дюн. Оглянувшись, я увидела, что он исчез.

Невозможно описать ужас, который я тогда испытала, — это было самое худшее, что случилось со мной в жизни. Я полностью утратила способность думать и логически рассуждать. Вернулась на то место, где оставила сына, долго звала его, потом побежала в заросли и нашла его там. Он полз за птенцом баклана, наблюдая, как тот прыгает в траве.

— Кэтрин, ты в порядке? — Бен подошел ко мне и смотрит с явным беспокойством. Я вся взмокла, несмотря на ветер, и слишком часто дышу. Киваю, но еще до конца не освободилась от печальных воспоминаний. Потому что происшествие в дюнах не было худшим происшествием в жизни, вовсе нет. Худшее пришло потом, когда я в открытом море услышала голос мужа из рации на лодке:

«Произошел несчастный случай. Машина Рейчел свалилась со скалы рядом с домом. Она оставила Нэда и Кита одних в машине. Бог знает почему. Наверное, ручник был неисправен. Или кто-то из мальчиков дернул за него. Никто не знает. Их везут в больницу. Возвращайся как можно скорее».

Когда я немного пришла в себя и способность размышлять вернулась, я поняла, что, когда Бен связался со мной, он уже знал, что мальчики мертвы. А как иначе? Он был там, рядом с домом, когда их вытаскивали из воды. Оба умерли мгновенно, а Бен — врач и понимает, когда человек мертв. Просто он не осмелился сказать мне. Побоялся того, *что* я могу натворить, получив эту ужасную весть, — в открытом море, в двух часах хода от берега. Подумал, что в отчаянии я могу совершить что-то страшное, погублю и свою жизнь, а этим рисковать он не хотел. Ведь я была на седьмом месяце беременности...

— Что ты делаешь в четверг? С тобой кто-то будет?

— Не беспокойся. — Я упрямо смотрю вперед. Нельзя допустить, чтобы Бен заподозрил, что на четверг у меня есть какие-то планы. И особенно, что я собираюсь убить свою бывшую лучшую подругу. — Прошло три года. Жизнь продолжается.

— Я продолжаю жить. — Лица Бена я не вижу, но знаю, что он близко. Его голос звучит совсем тихо и слышен только мне. — Я нашел способ справиться с этим. Ты — нет, любимая.

Я не останавливаюсь, но слышу долгий, печальный вздох:

— Ты мне все еще не безразлична, Кэтрин.

— Я слышал, морские слоны могут быть агрессивными. — Слава богу, нас догнал Мел. — Если парень на них наткнулся, шансов у него никаких, да? Или на морских львов.

— Возможно. — Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что остальные нас не слышат. — Но если ребенок пошел в эту сторону, беспокоиться не о чем. Так далеко от берега они заходят крайне редко.

— А птицы? Они могут напасть на трехлетнего малыша?

Приходится признать, что такое возможно. Известно, что поморники нападают на людей. В период гнездования местные жители и туристы приближаются к местам их обитания только с большой палкой в руке.

— Если честно, это зависит от того, насколько они голодны, но в это время года еды здесь хватает. — Я пытаюсь ободряюще

улыбнуться. Мел — милый парень, и нет смысла его расстраивать. — Вероятно, нам не нужно волноваться, что его насмерть заклевали птицы.

— Всё в порядке, Кэтрин? — Это голос Каллума по радио. Я вижу его вдаль, потому что он находится чуть выше нас, и вдруг понимаю, что моя группа почти остановилась. Поднимаю руку, демонстрируя, что у нас всё в порядке. Он отворачивается, не ответив мне, и его группа продолжает движение. Я следую его примеру.

— Хочу у тебя кое-что спросить, дорогуша. Как ты думаешь, я зря трачу время? — У Мела на плече висит свернутая веревка, похожая на лассо ковбоя.

— Пытаясь не запачкать сапоги? Почти наверняка.

— С лейтенантом Мюрреем. — Мел преувеличенно вздыхает прямо мне в ухо. — С этим большим, роскошным, рыжим парнем. Я приехал на этот богом забытый обломок скалы только ради него.

Это кажется неправдоподобным, но Мел и Каллум познакомились на борту «Норланда», когда Мел был старшим стюардом. По словам Каллума, среди солдат преобладали гомофобные настроения, и поначалу они были враждебно настроены к Мелу, но его добродушие, профессионализм и блестящая игра на пианино покорили всех. К тому времени, когда они прибыли сюда, он практически превратился в талисман полка.

— По правде говоря, я думаю, что ты не в его вкусе, приятель. — Напряженный голос Бена заставляет даже Мела остановиться и умолкнуть.

— Перед нами болото, — сообщаю я группе. — Шириной метров тридцать, так что дальше двигаемся гуськом.

Одна из женщин нервно смотрит на густую поросль папоротника и бледной травы, на темную землю под ними.

— Что, если он провалился в болото? — спрашивает она. — Он может быть прямо на дне. А мы пройдем мимо.

— Мы еще не добрались до того места, где он пропал, — говорю я. — Маловероятно, что он ушел так далеко.

— Но это уже третий пропавший ребенок. Должно быть, у вас возникают вопросы?

Я не пытаюсь скрыть вздох, но меня опережает Бен:

— Представьте, что ребенок пропадает на острове Барри, и у нас нет оснований предполагать, что произошло что-то более ужасное, чем падение в море.

Она слушает, польщенная его вниманием.

— Через год на острове Рил пропадает другой ребенок, — продолжает Бен. — Не обязательно связывать эти два исчезновения. Просто похожие расстояния и временные интервалы. Затем проходит еще год, и пропадает еще один ребенок, чуть младше первых двух, но вы же надеетесь его найти. Вы ведь не будете кричать о серийных убийцах и педофилах — вот и мы этого не делаем.

Похоже, женщина удовлетворена ответом. По крайней мере, на какое-то время она умолкает. Разумеется, Бен изложил наиболее благоприятный сценарий, при котором ребенка скоро найдут, а единственными последствиями приключения будут волчий аппетит и несколько синяков. Но это не объясняет, почему вчерашние поиски закончились неудачей.

Радио снова оживает. Я прошу тишины, и все подходят ближе. Группа Каллума на некотором удалении от нас тоже собирается вокруг него. Сердце начинает биться чуть быстрее. Женщина из моей группы подает голос, но ее тут же просят замолчать. Каллум снова поворачивается в мою сторону. Я смотрю на него, думая о том, насколько легче это делать, когда нас разделяет такое расстояние и нет опасности встретиться с ним взглядом. Потом я вижу, что Бен наблюдает за мной.

По радио сообщают о мухах и большом количестве личинок.

— О боже, — говорит дама из Уэльса. — Они его нашли.

5

Дама из Уэльса поторопилась сделать очевидный, но неверный вывод. Я качаю головой, посылая свое, личное, сообщение мужчине на склоне холма.

— Это не может быть Арчи. — Я передаю рацию Мелу и повышаю голос, обращаясь к группе: — Личинки могут вылупиться через двадцать четыре часа, но для этого должно быть теплее, чем ночью на Фолклендах, даже в конце весны. Арчи должен был умереть до того, как пропал. Но даже в этом случае...

Мел хлопает меня по плечу и одобрительно выставляет большие пальцы вверх.

— Мертвая овца, — говорит он. — Я попросил доставить ее в «Глоуб», вечером приготовлю на ужин.

* * *

Мы его не находим. К двум часам дня местность прочесана дважды. Его здесь нет.

В полицейском участке нас кормят, и все набрасываются на еду. Мел буквально прилип к Каллуму. Я держусь в стороне, намереваясь уйти. Через несколько минут руководителей групп собирают в отдельной комнате.

— Речь о ночных дежурствах, — сообщает Стопфорд. — По радио об этом говорят все утро. Призывают людей ночевать на открытом воздухе. Разводить костры. Вероятно, чтобы дать парню какой-то ориентир. Конечно, это несусветная глупость. Скорее они выжгут половину той местности, и я не понимаю, как это ему поможет.

— Думаю, почва слишком влажная и пожара не будет, — говорит Бен. — Все эти призывы понятны. Никто не хочет, чтобы ребенок провел ночь в одиночестве, в дикой местности. Если половина острова будет ночевать на открытом воздухе, он ведь не будет один, правда?

— Полагаю, надо рассмотреть возможность, что он мог покинуть остров.

Все поворачиваются на голос — это майор Вутон. В комнате повисает тишина.

— И куда же он направился? — спрашиваю я, но мой вопрос — всего лишь способ подчеркнуть очевидное. — До аргентинской Огненной Земли триста миль, до Южной Георгии почти тысяча, в противоположном направлении. В таком случае куда? Скажем, в Антарктиду, если у вас есть несколько свободных недель...

— Очевидно, на один из соседних островов. — Вутон поворачивается ко мне.

— Ну, это сужает круг.

Вутон выжидающе смотрит.

— Не хотелось бы огорчать вас, но их больше семисот.

Каллум прочищает горло:

— Думаю, майор Вутон ведет к тому, что мальчик, похоже, покинул этот район не один. И давайте признаем — в том, что касается пропавших детей, у наших островов уже есть печальная история.

Молчание. Упрямое, если уж на то пошло, но все задумались. Нас мало. Все мы друг друга знаем. Если перенестись на сто лет назад, то выяснится, что половина жителей — родственники. Единственные преступления на островах — неправильная парковка, редкие подростковые кражи из магазинов и довольно регулярные, но по большей части безобидные попойки по выходным. В нашу тюрьму отправляют пьяных. Мысль о том, что кто-то мог похитить Арчи Уэста, просто чудовищна.

— Нужно закрыть порты, — говорит Вутон. Как будто их тут несколько десятков... — Никто не должен покидать острова.

Это просто паника. Изображать твердость и решительность вовсе ни к чему — покинуть острова все равно никто не сможет. Следующий авиарейс только завтра, даже если б кто-то сумел тайно провести трехлетнего ребенка на борт самолета.

— А что насчет круизного лайнера? — спрашивает Бен. — Он отплывает в четверг.

Я бормочу извинения и выхожу на улицу, захватив по пути пару маленьких сосисок. На парковке выпускаю Куини из машины и скармливаю ей сосиски. Она облизывает мою руку до тех пор, пока на ней не остается ничего, кроме собачьей слюны.

Сзади раздаются шаги. Мне не обязательно оглядываться, чтобы понять, кто вышел вслед за мной.

— Похоже, пора подумать о невероятном, — говорит Каллум.

— Никто из жителей островов не причинит вреда ребенку. Это может быть только кто-то из туристов.

Каллум качает головой:

— Туристы могут иметь желание, но не возможность. Тому, кто не знаком с островами, некуда везти ребенка. Он не знает, где его прятать.

Я молчу.

— Семнадцать месяцев назад, когда в Сёрф-Бэй пропал Джимми Браун, этих туристов здесь не было. И двадцать семь месяцев назад, когда в Порт-Ховарде пропал Фред Харпер.

Верьте Каллumu, сообщающему факты.

— Никто его не похищал. — Я поворачиваюсь в ту сторону, где находится ферма. — Он где-то там. Упал в реку, и его смыло в море, или утонул в болоте и по какой-то причине еще не всплыл. Лучший способ его найти — очистить местность от домашнего скота и поручить армии еще раз проверить ее на тепловое излучение. Теперь мы ищем тело, и, как это ни печально, придется взглянуть фактам в лицо.

Мы пристально смотрим друг на друга.

— Круизное судно обыщут сегодня после обеда, — говорит Каллум после нескольких секунд молчания. — Стопфорд не соглашался, но мы его уговорили. Вутон предоставит в его распоряжение всех, кто не занят на охране базы. Осмотрят также рыбацкие лодки. Собственная частная армия позволит нам к концу дня исключить всех туристов.

Если сегодня обыщут лодки, то завтра все мы будем вне подозрений. Вернем себе свободу передвижения. А этот разговор не имеет смысла. Мне следует просто сесть в машину и уехать.

— Разве дело не в родителях? — спрашиваю я. — Возможно, Стопфорду нужно поговорить с семьей Уэстов, хотя разговор будет долгим и тяжелым.

Каллум криво улыбается, и его взгляд становится сочувственным. Затем он отворачивается и идет к участку. Он думает, что я, как и все остальные островитяне, просто отказываюсь признать, что кто-то из наших знакомых может быть плохим человеком. Что среди нас есть монстр.

* * *

Ближе к вечеру я прихожу к выводу, что мне нужно кое-что купить, беру Куини и отправляюсь на короткую прогулку по городу. Я знаю, что скоро в школе заканчиваются уроки, и это знание заставляет идти быстрее обычного и не поднимать взгляд. Мне слишком тяжело видеть выбегающих из школьных ворот детей, и я не хочу, чтобы их матери пытались выказывать мне сочувствие. Но не заметить «Лендкруизер» Каллума невозможно. Наверное, это единственная на островах машина светло-голубого цвета — как незабудки.

Я понимаю, что он, скорее всего, в закусочной Боб-Кэт, и даже думаю, что могла бы... нет, конечно, я этого не сделаю... а потом вижу его. Каллум сидит у стойки, прямо напротив окна. Он еще не был дома. На нем та же одежда, что и утром. Он не один.

Рядом с ним ребенок, лет двух. Не знакомый мне мальчик прислонился к Каллumu, положив ноги на колени женщины, сидящей рядом за стойкой. На женщине светлые джинсы, заправленные в сапоги для верховой езды, и синий, под цвет глаз, свитер. *Рейчел*.

Кто-то проходит мимо по тротуару. Кажется, это Чокнутый Ральф, но я не отрываю взгляда от окна закусочной. Так близко я не видела Рейчел уже три года. В таком маленьком городе, как наш, было бы невозможно совсем не встречаться с ней, но в те редкие разы, когда видела ее, я старалась не попадаться ей на глаза. Однако стоит ей теперь повернуться, и она меня увидит. Они оба увидят.

Я не в силах сдвинуться с места. Мои ноги словно приросли к земле.

Она потрясающе выглядит. Волосы длиннее, чем я помню. Возможно, чуть-чуть поправилась, но это ей идет. И она смеется. Смотрит на Каллума, и они оба смеются, а ребенок висит между ними. Они похожи на семью.

Боюсь, меня сейчас стошнит. Рот наполняется слюной. Я поворачиваюсь и тащу Куини за собой по улице.

* * *

Вечером у меня едва хватает сил поесть и вымыть посуду. Сплю я всегда плохо, и чтобы дойти до состояния полного изнеможения, мне нужно совсем немного. Поиски Арчи возобновились после обеда. Полицию и военных направили осматривать все суда на островах, а гражданское население и туристы были предоставлены самим себе. Я пошла на работу, где включенное радио и постоянный поток посетителей держали нас в курсе событий — никакого прогресса.

Осталось меньше двух дней. Около сорока часов. Завтра я напишу письмо, оставлю инструкции, чтобы позаботились о Куини.

«Я продолжаю жить. — Всю вторую половину дня у меня в голове звучит голос Бена. — Я нашел способ справиться с этим».

Бен справился с потерей сыновей, которых любил не меньше меня, — нашел другую женщину, заменил утраченную семью новой. Могла бы я поступить так же? Может, стоило попытаться?

Теперь уже слишком поздно.

Когда день подходит к концу, ветер усиливается, и скелеты в саду начинают потрескивать и стонать. Какое-то время Куини мечется между парадной и задней дверью, лает на призраков, скрывающихся во тьме. Она всегда нервничает, чувствуя мое настроение. В доме достаточно тепло, и огонь можно не разжигать, но мне хочется комфорта, а Куини обожает лежать, свернувшись в клубок, на горячем коврикe перед камином. Я наливаю бокал красного вина и устраиваюсь в большом кресле. Обычно по вечерам я не работаю — читаю или смотрю кино. У нас на островах нет своего телевидения. Все телевизионные программы любезно предоставляются Службой радиовещания Британских вооруженных сил, исходя из их вероятной популярности среди солдат. Но у нас есть видеотека с впечатляющей коллекцией фильмов, и большинство жителей с удовольствием пользуются ею.

Только не сегодня. Если я выберу романтическую комедию, лица главных героев непременно превратятся в лица Каллума и Рейчел. Загадочное убийство? Угадайте, кого я буду представлять на месте трупа... Тиканье часов кажется неестественно громким. Ребенок пропал почти тридцать часов назад, и у меня возникает ощущение, что острова чего-то ждут.

* * *

От громкого звука Куини вскакивает. Это не вежливый стук ближайшего соседа. Кто-то настойчиво требует, чтобы его впустили. Сердце готово выскочить из груди. Не помогает и яростный лай Куини.

Вот он, Каллум Мюррей, прямо у меня на пороге, претендует на мое внимание лично, а не только в виде навязчивых мыслей внутри моей головы. И у него хватает такта выглядеть смущенным.

— Извини, я знаю, что уже поздно, но мне кажется, кто-то должен обыскать затонувшие корабли. Нужно начать с «Эндевора», это наиболее вероятное место, затем «Саннингем».

Я вспоминаю сегодняшний день, сцену в кафе, и мне хочется его ударить. Но потом пришлось бы объясняться, а это сложно и долго.

— О чем ты?

— Я думал, куда его могли бы увезти. — Каллум делает шаг назад, словно не хочет давить. — Люди проверили свои сараи, амбары и хлева. В очевидных местах его нет. Он там, где никому не придет в голову его искать.

— Он на дне болота. Всплывет через несколько дней, когда тело раздуется от газов. — Я понимаю, что это звучит бессердечно, но в последний раз я видела этого человека, когда он улыбался женщине, убившей моих детей.

— «Эндевор», — повторяет Каллум. — Ты меня слушаешь, Кэтрин?

«Эндевор» — судно снабжения антарктических экспедиций, которое теперь лежит на дне недалеко от Фицроя. Вернемся мы только к утру.

— Он не может быть на затонувшем корабле.

— Спроси себя, где бы ты спрятала трехлетнего ребенка. Там, где его никто не нашел бы, откуда невозможно сбежать и где никто не станет его искать.

Наш разговор происходит словно с задержкой во времени. Каллум говорит, но мне требуется секунда-другая, чтобы осмыслить услышанное.

— «Эндевор» всего в часе от того места, где пропал мальчик. Большая его часть выступает над водой, но судно достаточно далеко от берега, чтобы до него можно было добраться на лодке или вплавь.

— Ты говоришь, что кто-то схватил ребенка, притащил на берег, посадил в лодку, гребную или моторную, привез на «Эндевор» и запер в рулевой рубке?

— Или на «Саннингем», хотя «Эндевор» более вероятен, потому что в этом случае не нужно проходить вблизи Стэнли. Хочешь сказать, это невозможно?

Хочу. Хотя...

— Ты говорил об этом со Стопфордом?

— Он все еще занят в порту, с круизным судном.

Я в курсе действий полиции. Мою лодку уже обыскивали. Констебль, заходивший к нам в офис, чтобы взять ключи, сообщил, что

ни одному судну, независимо от того, принадлежит ли оно местным жителям или туристам, не разрешено покидать порт, пока не найдут Арчи. Я крайне заинтересована, чтобы ребенка нашли как можно быстрее.

Примирившись с неизбежным, нахожу куртку и ключи.

— Можешь сесть за руль, — говорю Каллуму, когда мы с Куини идем к его машине. — Я пьяна.

Он запрыгивает в машину и заводит двигатель.

— Да, представляю, каково теперь Арчи Уэсту... Не говоря уже о его родителях.

Ответить на это нечего, и мы молча едем в порт.

В городе оживленнее, чем обычно бывает в этот час, — улицы заполнены людьми с бутылками пива в руке. У нас на островах немного злоупотребляют алкоголем. Шум, скандалы, случаи мелкого вандализма. Честно говоря, молодым людям здесь больше нечем заняться по вечерам, кроме как сидеть в барах, однако обычно все бывает если и не добродушно, то достаточно безобидно. Но не сегодня. Мне не нравится агрессия, которую я могу разглядеть в этих группах. Мне не нравится, как люди умолкают и смотрят на нас, когда мы проезжаем мимо.

Мы информируем дежурного констебля, который соглашается доложить суперинтенданту Стопфорду о наших планах. Лодку быстро осматривают во второй раз, и мы направляемся к проливу.

По ночам любой порт немного похож на сказку. Даже меня не оставляет равнодушной красота цветных огней, танцующих на поверхности воды, и игривый плеск волн, бьющихся о корпуса кораблей. Но сегодня над лесом мачт чувствуется напряжение, похожее на чаек, парящих в воздушных потоках. Подозрение, родившееся после того, как ребенка не нашли, распространяется со скоростью инфекции.

Мы поворачиваем на юг, огибая мыс Пемброк^[13], и на нас обрушивается антарктический ветер. Куини бросает на меня укоризненный взгляд и, как обычно, то ли бежит, то ли падает в носовую рубку. Я вдруг понимаю, что впервые за несколько лет мы с Каллумом остались одни, *по-настоящему* одни. Я жду, когда он что-нибудь скажет, как-то прокомментирует поиски или планы полиции и военных. Но Каллум молчит, и когда я поворачиваюсь, то вижу, что он

сидит на боковой скамье, уперевшись локтями в колени и опустив голову.

Волнение усиливается. Всё против нас — и ветер, и прилив. Так что добираться до полузатопленного судна придется дольше, чем обычно. Высота волн достигает пяти или даже шести футов. Они обрушиваются на нос лодки; капли воды камешками скатываются по корпусу, стекают со стекол рулевой рубки. Каллум не шевелится.

— Тебе нехорошо. Лучше выйди на палубу.

— Всё в порядке. У меня не бывает морской болезни.

Не знаю, в чем причина, но ему не по себе. Лицо нездоровое, серо-зеленого цвета, как волны, перехлестывающие через борт лодки. Почувствовав мой взгляд, он поднимает голову:

— Я знаю, ты не хочешь этого слышать, но на островах живет убийца.

Сердце начинает биться быстрее. Спина покрывается мурашками, не имеющими отношения к ветру и холоду.

— Это не Глазго, Данди или Лондон. — Я изо всех сил стараюсь говорить непринужденно, словно полусхутия. — Нас тут всего пара тысяч. Каковы шансы, что один из жителей — психопат?

Его взгляд становится жестким:

— Я, конечно, не специалист, но мне кажется, что больше, чем шансы на исчезновение трех мальчиков в возрасте от трех до семи лет за три года.

Похоже, это подходящий момент сосредоточиться на штурвале.

— Я был в Порт-Ховарде, когда исчез Фред. Стопфорд тоже. Я умолял его обыскать все лодки в порту, но он отказался. Сказал, что владельцы сами их проверят, и если мальчик прячется в одной из них, его найдут, не прибегая к дезорганизующим и неприятным поискам.

Я не отвечаю. Нет смысла. Ему еще есть что сказать:

— Подумай об этом, Кэт. У нас два главных события года — школьный спортивный праздник и Зимний Заплыв. Повсюду бродят толпы народу. Дети убегают от родителей. Подумай, разве это не самое подходящее время для педофила?

Я качаю головой. Он просто не понимает. Не в состоянии понять, что здесь такого просто не может быть.

Каллум повышает голос, обрушивающийся на меня холодной волной:

— Господи, Кэтрин, что с тобой случилось?

Теперь я смотрю на него. И совсем забываю о лодке. Уж от него-то...

— Извини. Глупость сморозил. — Он встает и проводит ладонью по лицу. — Черт знает, сколько времени не спал...

Я снова поворачиваюсь к штурвалу.

— Арчи пропал не во время праздника. Он просто был на пикнике с родителями.

— Может, преступник меняет привычки? Он мог несколько дней следить за Арчи и его родителями.

— Он?

Каллум стоит прямо за моей спиной. Я вижу его отражение в стекле рулевой рубки, и там он не такой высокий, каким я привыкла его представлять. Ноги широко расставлены, чтобы удерживать равновесие при качке.

— Педофилы и детоубийцы обычно мужчины.

Если лодка резко задерет нос, он упадет прямо на меня.

— Когда Фред пропал, несколько подростков говорили, что видели маленького мальчика, который направлялся к пляжу. Они пошли за ним, но там его не было. Значит, он не добрался до берега. Когда исчез Джимми, несколько человек сообщили, что, кажется, видели его рядом с припаркованными машинами.

— Насколько я помню, ни один из них не был в этом уверен.

— Почему ты думаешь, что все они пропали около воды?

Отступить он не собирается.

— Если здесь кто-то хочет причинить вред ребенку, велика вероятность, что это произойдет на воде.

— Думаю, у него лодка. Должно быть, он каким-то образом заманивает детей к себе на лодку, а потом... — Каллум поднимает руки и широко разводит их. — Здесь очень много мест, куда можно отвезти ребенка.

— Почему ты мне это рассказываешь?

— Потому что женщине, которую я знал, не все равно.

Я больше не могу смотреть даже на его отражение. У женщины, которую он знал, было два сына, и их нужно было защищать. Конечно, будь Нэд и Кит живы, я волновалась бы, что на свободе бродит убийца.

Но теперь мне настолько все равно, что я даже не принимаю слова Каллума всерьез. Он прав. Что со мной произошло?

* * *

Каллум возвращается на скамью, а я перевожу взгляд на море. Через какое-то время, когда мы еще не добрались до «Эндевора», он трогает меня за плечо. Я вздрагиваю. Каллум смотрит через иллюминатор рулевой рубки в сторону берега. На пляже и за ним, на несколько миль вглубь от берега, горят небольшие костры. Они усеивают местность, словно светлячки. Я сбрасываю скорость.

Несколько минут мы стоим рядом, бросив лодку на милость волн, и смотрим на оранжевые маяки, разбросанные по склону холма. Затем Каллум расстегивает куртку.

— Я встану за штурвал. — Он занимает мое место. — Тебе нужно кое на что взглянуть.

Мы снова плывем, быстрее, чем я бы решилась при таких волнах. Я беру сложенные листы бумаги, которые протягивает мне Каллум, и сажусь на боковую скамью. Она все еще хранит тепло его тела. Он дал мне три листа формата А4. Таблица, список имен.

— Что это? — Большинство этих людей мне знакомы. Тут есть Роб Дункан, отец Рейчел. Саймон Сэвидж. Мой коллега Брайан. Губернатор.

Каллум сдвигает рукоятку дросселя еще дальше, и лодка ускоряет ход.

— Эти люди были на школьном спортивном празднике на Западном Фолкленде, когда пропал Фред, и в Сёрф-Бэй, когда потерялся Джимми.

Я просматриваю вторую страницу, затем третью.

— Всего семьдесят пять человек.

— На самом деле больше. Я исключил тех, кому меньше шестнадцати лет, а также дам.

Волна с силой обрушивается на нос лодки, и я удивленно вскидываю бровь. Каллум делает вид, что не понимает намек.

— А те, кто выделен жирным шрифтом?

— Мужчины в возрасте от шестнадцати до семидесяти пяти. Физически крепкие. Сорок один главный подозреваемый.

— Среди них Мел. Думаешь, если он гей, то должен приставать к детям?

— Я там тоже есть. И губернатор, будь он проклят. Звездочкой отмечены владельцы лодок, но, честно говоря, доступ к лодкам есть почти у всех.

— Как ты составил этот список?

— Начал с тех, кого смог вспомнить сам, потом занялся спортивными командами. Составы команд установить нетрудно. Спрашивал других, кого они запомнили. Немного помогла Скай Макнир. Неофициально.

— Боб Стопфорд видел?

Каллум сердито дергает головой, и лодка делает рывок вперед.

— Конечно, черт бы его побрал. Беда в том, что он не слушает. Я чужак и не понимаю, как тут все устроено. Сужу о том, что случилось, по меркам трущоб Глазго. Он так прямо и сказал.

Плыть с такой скоростью опасно — большая волна может захлестнуть рулевую рубку.

— А что ты хочешь от Стопфорда?

— Пройтись по списку и выяснить, где каждый из этих людей был в то время, когда исчез Арчи. Если кто-то не сможет дать удовлетворительное объяснение, нужно обыскать его дом. Но Стопфорд этого не сделает, потому что тогда ему придется признать, что я прав.

— Почему это так важно? — Я встаю и жестом показываю, что готова встать к штурвалу. — Я не говорю, что ты прав, но если все действительно так, почему это станет такой проблемой для Стопфорда?

Мы снова меняемся местами. Каллум прячет список в карман, но не садится. Он стоит позади, держась для равновесия за потолочную балку.

— Разве ему не хотелось бы раскрыть крупное дело? — Я сдвигаю рукоятку дросселя назад. Совсем чуть-чуть, но Каллум это замечает. От него ничего не скроешь.

— Дело не только в нем, разве ты не видишь? Губернатор, Законодательное собрание, Министерство иностранных дел и, черт

возьми, вероятно, всё британское правительство — все они заинтересованы, чтобы вы тут сидели тише воды ниже травы. Если из-за вас снова начнутся неприятности, если вы привлечете к себе внимание какой-нибудь скандальной историей, тогда точка зрения, что на вас не стоит тратить силы и средства, получит широкую общественную поддержку, и ей будет трудно противостоять.

— Хочешь сказать, что мы не можем позволить себе серийного убийцу?

Он качает головой, словно удивляется моей наивности.

— Только серийного убийцы Фолклендам и не хватало.

Я снова двигаю рукоятку дросселя, и лодка набирает скорость.

* * *

На южном берегу Восточного Фолкленда есть длинный узкий залив под названием Порт-Плезант, а у входа в него расположен остров Плезант. Вскоре он темным пятном проявляется на горизонте. «Эндевор» лежит в узкой полоске воды между маленьким и большим островами. Крупные корабли редко заходят сюда, потому что темная металлическая туша почти скрыта водой и риск налететь на нее очень велик. Бурной ночью ее можно принять за волну, пока не подойдешь практически вплотную.

Приближаясь к затонувшему судну, я слежу за глубиной. Осадка моей лодки мелкая, но теперь время отлива, а на этом участке побережья дно усеяно камнями. Я уже вижу «Эндевор». Он лежит на дне океана. Его трюм и нижние каюты затоплены, но судно довольно высокое, и рулевая рубка торчит из воды.

Примерно в двадцати метрах от него я останавливаюсь и бросаю якорь. Скрежет механизма будит собаку, а Каллум тяжело вздыхает и проводит ладонями по лицу. Последние двадцать минут он не произнес ни слова.

— Дальше на шлюпке. Надеюсь, ты готов промокнуть.

Пока я проверяю якорь, надеваю непромокаемый плащ и успокаиваю Куини, Каллум снимает шлюпку с крыши рулевой рубки. Я протягиваю ему спасательный жилет, хватаю походный мешок, и мы

спускаемся в шлюпку. У нее есть двигатель, но Каллум качает головой, и я не запускаю его. Он берет весла, и мы бесшумно скользим по воде.

С поверхности моря затонувшее судно выглядит настоящей громадиной. Оно поднимается прямо перед нами, черное и мертвое. Шестьдесят или семьдесят лет назад люди, которым оно служило верой и правдой, бросили его. И я не в первый раз задаю себе вопрос, страдают ли корабли, когда их срок жизни подходит к концу.

Волны раскачивают корпус. Приблизившись, мы видим, как «Эндевор» слегка подпрыгивает — печальная имитация бывшего движения.

Время от времени я ныряю к затонувшим судам, но удовольствия от этого не испытываю. Их укромные уголки привлекают некоторых морских обитателей. Место корабля над, а не под водой. Обломки кораблекрушений рассказывают об утраченных надеждах, о потерянных жизнях, о мечтах, не переживших шторм.

Это была бы ужасная тюрьма. Мне трудно представить большую жестокость по отношению к ребенку. С другой стороны, если он здесь, в заточении, значит, он все еще жив.

— Как нам попасть на борт?

Мы приближаемся со стороны носа, и я не могу отделаться от ощущения, что старый корабль наблюдает за нами. Что там есть что-то разумное, что наше присутствие нежелательно. Может, Каллум даже не подозревает, насколько он прав. На мгновение мне даже становится спокойнее, что он рядом: эти шесть с половиной футов мышц. Но потом я вспоминаю, что меня бы здесь не было, если б он не втянул меня в эту авантюру. Палуба высоко, футах в двенадцати над нами. Я не понимаю, как на нее взобраться.

— На корме есть трап. С правого борта.

Правый борт обращен к морю. Каллум налегает на весла, и мы перемещаемся в глубокую тень, где корпус закрывает луну.

— Жди здесь. — Каллум укладывает весла в шлюпку и встает.

— Ты собираешься подняться туда один?

Он протягивает руки, и я вижу, что они дрожат.

— Мы не знаем, что там. — Каллум дергает трап, проверяя его прочность. — Если что-то случится или я не вернусь через десять минут, возвращайся на лодку и вызывай помощь.

Я понимаю, что он и вправду рассчитывает найти что-то на этом судне. Его молчание по дороге сюда. Нездоровый, зеленоватый цвет лица. Дрожащие руки. Он напуган.

С удивительной для его габаритов быстротой и ловкостью Каллум поднимается по трапу и исчезает из виду, а я остаюсь в океане одна.

6

Я прислушиваюсь, пытаюсь уловить звук шагов и голос маленького ребенка, но слышу только удары волн о корпус корабля да завывание ветра в соседних холмах. Хочется встать и взобраться на палубу вслед за Каллумом или отчалить и вернуться на свою лодку. Я не хочу сидеть здесь, привязанная к мертвому судну.

Сколько уже прошло времени?

Я напрягаю слух, но ветер слишком сильный, а вода раскачивает железный корпус, словно пытается поднять корабль из могилы на океанском дне. Каллум словно растворился в ночи.

Сколько нужно времени, чтобы осмотреть «Эндевор»? Рулевая рубка торчит над водой, но почти разрушилась под воздействием природных стихий. Перед рубкой должна быть каюта, и это наиболее вероятное место для тюрьмы. Все остальное находится внизу и должно быть затоплено. Там особо нечего обыскивать, и я уже должна была что-нибудь услышать.

Стоящая на якоре лодка покачивается на волнах. Мне кажется, что я вижу блестящие глаза Куини на палубе у самого борта.

Его нет слишком долго. Я роюсь в походном мешке и нахожу то, что нужно. Затем сую дедов револьвер в карман и поворачиваюсь к трапу. Я хочу лишь подняться наверх и посмотреть. Медленно ставлю ноги на перекладыны, пока голова не оказывается над бортом.

На палубе всё в непрерывном движении. Вода перехлестывает через борт и стекает назад в море. Облака над головой похожи на дрейфующие тени. Я ищу движение, не связанное с водой, темноту, которая не пуста. Каллума нигде не видно. Большая волна заваливает «Эндевор» набок, и я едва не срываюсь с трапа. Похоже, на борту безопаснее.

Поднявшись на палубу, я остаиваюсь. Железо под моими ногами покрыто слоем мокрого ила, шершавого от многочисленных

моллюсков. Повсюду водоросли: одни растрепаны ветром, другие растут как им вздумается. Судно затонуло посреди водорослевого поля, и растения пытаются завладеть им. Ветер подхватывает мои волосы и обматывает вокруг головы. Я достаю из кармана дедушкин револьвер, надеясь, что рука не слишком сильно дрожит. У меня небольшой опыт обращения с оружием. Шлепая по илу, приближаюсь к рулевой рубке, и сырая тьма словно подступает со всех сторон.

Запах мерзкий. Пахнет так, словно здесь разлагаются трупы давно умерших животных, которые вот-вот пожрут какие-то ужасные существа, выползшие из воды.

Дверь в рулевую рубку отсутствует, но внутри непроницаемая тьма. Я подхожу ближе, и в темноте проступают очертания высокой фигуры. Я вздрагиваю и поворачиваюсь, готовая спасаться бегством, хотя понимаю, что это может быть только Каллум. Он стоит, выпрямившись, совершенно неподвижно. Я вижу, как поднимаются и опускаются его плечи. Голова не двигается, а взгляд прикован к чему-то, что находится прямо перед ним. К чему-то, чего я не вижу. Вряд ли это испуганный маленький мальчик, потому что тогда Каллум уже давно нагнулся бы, взял его на руки и понес к шлюпке, победоносно улыбаясь, как и всякий раз, когда он...

Я протягиваю руку и кладу ладонь на его левое плечо. Он резко поворачивается и с такой силой сбрасывает ее, что я роняю револьвер и пачусь назад. Это меня и спасает. Это — или водоросли на палубе, на которых он поскользывается и падает на колени. Иначе его вытянутые руки сомкнулись бы на моем горле. Каллум мгновенно вскакивает на ноги, но я ухитрилась не потерять равновесия, и у меня преимущество в доли секунды.

Выскакиваю из рулевой рубки и бегу к борту, но у самого трапа Каллум меня догоняет. Я падаю навзничь на палубу. Он на мне. Придавленная его весом, я не в силах пошевелиться. Сильные пальцы сжимают мое горло. Протянув руку, я нащупываю что-то твердое. Вывернув локоть, бью его по голове. Застонав, он скатывается с меня. Я бросаюсь вперед, поворачиваюсь, и наши взгляды встречаются.

Кровь капает из раны на его виске.

— Что ты делаешь? — Вместо того чтобы бежать, пока есть возможность, я начинаю всхлипывать, как ребенок. — Каллум! Это я. Какого черта ты делаешь?

Одна его рука дотрагивается до кровоточащей головы. Вторая упирается в палубу, помогая удерживать равновесие.

— Господи, что я наделал?

Несколько секунд мы сидим на корточках в метре друг от друга и смотрим друг другу в глаза. Затем я встаю и поспешно пыхчу назад. Увидев револьвер на палубе рядом с рулевой рубкой, бросаюсь к нему.

— Нет, не входи в... Черт, эта штука заряжена?

Я оборачиваюсь:

— Заряжена. В прошлом году одним выстрелом в голову она прикончила выброшенную на берег косатку. Думаю, твой мозг меньше.

— Не буду спорить.

— А теперь поговори со мной. Ты знаешь, кто я?

Он встает, но очень медленно, чтобы не испугать меня. Или не дать предлог нажать на спусковой крючок.

— Кэтрин Куинн, урожденная Гроб. Тебе тридцать четыре года. Ты живешь на утесе над Стэнли, в доме с самым жутким садом из всех, что мне приходилось видеть.

Он ждет. По моему лицу видит, что этого недостаточно, и продолжает:

— Я Каллум Мюррей, бывший второй лейтенант парашютного полка, уроженец Дункана в Шотландии. Губернатора Фолклендских островов зовут сэр Брэдли Роуз, а премьер-министра Великобритании — Джон Мейджор. Мне продолжать?

— Нет. Ты в порядке?

— В порядке.

Движением головы я указываю на рубку у себя за спиной:

— Что там? Что оно с тобой сделало и почему ты не хочешь, чтобы я это видела?

Его лицо застывает.

— Нужно вызвать Стопфорда. Давай вернемся в лодку и свяжемся с ним по рации.

— Что там?

Каллум качает головой:

— Стопфорд.

Чтобы войти в рулевую рубку, нужно повернуться спиной к Каллуму, но, похоже, бояться теперь нужно не его. Поэтому я поворачиваюсь и перешагиваю через порог. Внутри крошечная тьма,

если не считать тонкого луча фонаря, который выронил Каллум. Вонь здесь еще сильнее, и мне кажется, что меня окружают какие-то ползучие полусгнившие существа, обитатели ночных кошмаров. На память приходят стихи, которые так любила Рейчел и которые она часто цитировала. Она думала, они мне нравятся, потому что я всегда любила море. Мне они не нравились, я их просто ненавидела, но теперь очень хорошо помню.

И мнится, море стало гнить, —
О Боже, быть беде!
Ползли, росли, сплетясь в клубки,
Слипались в комья слизняки
На слизистой воде.

Я наклоняюсь, поднимаю фонарь, сую револьвер в карман. Каллум заходит в рубку вслед за мной.

— Носовая кладовая. По левому борту. Если ты уверена.

Я совсем не уверена. Но поворачиваю фонарь и вижу детскую ногу. Она словно дрожит в тонком луче света, как изображение в старом кинофильме. Мир накрывается, и я не понимаю, то ли в «Эндевор» ударила большая волна, то ли я едва не лишилась чувств.

Подхожу ближе... три, четыре шага... и провожу лучом фонаря по всему телу ребенка, от головы до обутых в кеды ног.

— Джимми, — говорю я.

Это не труп Арчи Уэста. Из брезента торчит кость лодыжки. Зашнурованная обувь съежилась. Этого не могло произойти с Арчи за один день. Кроме того, эти останки слишком велики и не могут принадлежать трехлетнему или даже пятилетнему ребенку. Арчи или Фреду. Мы нашли Джимми.

— Согласен. — Каллум стоит в двери рулевой рубки. — Выглядит лет на семь.

Лежащий передо мной маленький мальчик чуть младше, чем был Нэд. На нем сохранились остатки одежды, в том числе оба кеды. На голове видны клочки волос. Бóльшая часть кожи разложилась. Плоть — все, из чего состояли пухлые щеки, округлый подбородок, сильные маленькие руки и похожие на спички ноги, — тоже не сохранилась. От

Джимми остался только остов из кальция, которому было предназначено расти и становиться прочнее, превращая ребенка в большого, здорового мужчину.

Смотрю на свой гниющий бриг —
Но трупы вокруг лежат.

Кольридж. Теперь я вспомнила. Сэмюэл Тэйлор Кольридж, «Сказание о Старом Мореходе». Жуткое произведение. Нэд будет выглядеть примерно так же. Мой ангел теперь — труп в земле, медленно разлагающийся. Как этот ребенок. Нэд умер раньше, и от его тела почти ничего не осталось. Я раньше об этом не думала. В моей голове Нэд по-прежнему бледный, но в остальном ничуть не изменившийся маленький мальчик, который выскальзывает из теней в моем доме и гоняется за таким же призрачным братом от одного укромного уголка к другому.

Мне кажется, что я смотрю на Нэда. Как будто кто-то заставил меня раскопать его могилу и посмотреть на то, во что он превратился.

Судно наклоняется, луч фонаря уходит в сторону. Я чувствую тяжесть двух ладоней на своих плечах. Испытываю почти непреодолимое желание опереться на эти ладони и закрыть глаза.

— Череп выглядит странно. — Каллум берет у меня фонарь и направляет луч на голову Джимми.

Я с трудом заставляю себя ответить:

— У него еще не сменились молочные зубы.

На челюсти Джимми, лишенной кожи и мышц, видны два ряда зубов, один под другим. Совершенно естественно для ребенка его возраста, но выглядит очень, очень странно.

У Нэда последний молочный зуб выпал за несколько дней до смерти. Нижний правый резец. Я до сих пор храню его в маленькой коробочке в форме сердца, рядом с кроватью. Будь это Нэд, я видела бы дырку... Я больше не могу на это смотреть. Просто не могу.

Каллум опускает фонарь.

— Иногда я вижу его отца в «Глоуб». Он работает в больнице.

Сестра Джимми учится в классе Кита. Я хочу произнести это вслух, доказать, что со мной всё в порядке, но не могу. Кажется, ее

зовут Эмили. Милая малышка.

Каллум снова берет меня за плечи, но я стряхиваю его руки — в голову мне приходит ужасная мысль:

— Здесь могут быть и другие. Арчи и даже Фред. Мы должны искать. Арчи! Арчи, ты нас слышишь?!

Я чувствую дыхание Каллума у своего уха.

— Кэт, им больше негде здесь быть. Над водой только рубка и соседняя каюта. Каюту я осмотрел раньше, чем увидел его.

Нельзя сказать, что я ему не верю, — просто мне нужно убедиться самой. Я протискиваюсь через узкую деревянную арку, которая ведет в треугольную каюту на носу лодки. Кто-то — наверное, Каллум — открыл три рундука. Все они пусты, если не считать нескольких дюймов воды на дне. Пол каюты тоже покрыт водой высотой примерно с дюйм. Здесь никого нет.

Трап, ведущий в трюм, находится в рулевой рубке, у правого борта. Я направляюсь к ступеням, но Каллум меня удерживает:

— Не вздумай. Нет смысла спускаться в трюм посреди ночи.

— А что, если Арчи там?

— Если Арчи там, он уже мертв. До уровня воды всего две ступени. Это бессмысленно.

Воспользовавшись моим замешательством, Каллум выталкивает меня из рубки. Конечно, он прав. Здесь больше некуда спрятать тело, а осмотр трюма может и подождать. Адреналин, который привел меня на борт, заставил драться с мужчиной вдвое крупнее и дал мужество искать мертвого ребенка, закончился. Я выдохлась и чувствую себя еще более несчастной, чем за все последние три года. Честно говоря, не думала, что это возможно.

— Ты был прав, — шепчу я, пока мы идем по палубе. — Ну, почти. Мои поздравления.

— Ага. Люблю чувствовать себя умным.

* * *

На обратном пути соблюдать осторожность нет нужды. Воспользовавшись навесным мотором, мы через несколько секунд

причаливаем к лодке. Куини тихо повизгивает, словно говоря «эй, там, поторапливайтесь».

— Радиосвязь здесь неважная. — Я поднимаюсь на борт вслед за Каллумом, и он поворачивается, чтобы помочь мне преодолеть последний фут. — Нужно обогнуть мыс. И волны там меньше.

Ближайшая гавань — Порт-Фицрой, и эта стоянка мне тоже хорошо знакома. Пока я привязываю лодку, Каллум связывается по рации со Стопфордом. Понимая, что, несмотря на поздний час, разговор могут слышать другие люди, он ограничивается минимумом подробностей. Я снимаю плащ и включаю обогреватель. Каллум заходит в рубку и садится напротив. От его присутствия эта комната всегда словно уменьшается в размерах. Он тоже снимает куртку. Куини прижимается ко мне и смотрит на него.

— Думаю, это «вспышка памяти», — говорю я. — На «Эндеворе». Когда ты слетел с катушек.

По его лицу видно, что он согласен. И ему стыдно.

— Ты говорил, что они прекратились. Говорил, что все прошло. — Я понимаю, что похожа на недовольную жену.

Фонарь в рубке за моей спиной светит прямо на Каллума, и мне видны его глаза разного цвета. Я ловлю себя на том, что перевожу взгляд с зеленого на синий. Никогда не могла решить, который из них нравится мне больше.

Вскоре после нашего знакомства Каллум рассказал мне о посттравматическом стрессовом синдроме, которым он страдает — как и многие солдаты, участвовавшие в конфликте на Фолклендах. Психическое заболевание — а это оно и есть, тут не нужно себя обманывать — проявляется обычно в виде «вспышек прошлого», воспоминаний о боях. На несколько часов он полностью переносится в другое место, мрачное и жестокое. Я читала о посттравматическом стрессовом синдроме. «Вспышки памяти» — довольно распространенная вещь.

— Я тебя не обманывал. Они прекратились примерно через год после переезда сюда. Не знаю почему, но это помогает. Вернее, помогало... — Он прячет лицо в ладонях, запускает пальцы в волосы. — Пару лет назад приступы вернулись. Обычно я чувствую их приближение и стараюсь держаться подальше от людей.

Теперь он опустил голову и смотрит в пол кокпита.

— Их провоцирует стресс. Тревога. С моей стороны было глупо все это затевать. Я не слишком дружу с водой. По крайней мере, с тех пор... извини, тебе, наверное, не стоит этого знать.

— Что значит «не дружишь с водой»? Я видела, как ты плаваешь. При чем здесь вообще вода?

Каллум поднимает голову и долго смотрит на меня.

— Кэт, ты правда не знаешь? — наконец произносит он.

— Не знаю чего? — Сердце начинает учащенно биться. Кажется, я действительно не знаю. И, возможно, мне лучше не знать.

— В тот день, когда погибли Нэд с Китом, я был там.

Такое ощущение, что он снова меня ударил. Я практически ничего не знаю о несчастном случае, который стал причиной смерти моих сыновей. Знаю только, что машина, в которой их оставили одних, покатила по склону — наверное, кто-то из мальчиков играл с ручным тормозом — и упала со скалы за моим домом. Пролетела двадцать футов и рухнула в воду во время прилива.

— Я видел, как машина уходит под воду. Я их вытаскивал.

Каллум был там. Видел, как это случилось. И не спас их?

Теперь он уже не сидит, а стоит на коленях передо мной.

— Мне пришлось спуститься со скалы. Там не очень крутой склон, ты знаешь, и не очень высоко, но все равно потребовалось какое-то время. Машина затонула раньше, чем я добрался до воды. Первым я вытащил Кита, потом Нэда. Положил их на камни, моля бога, чтобы они были просто без сознания, но я должен был вернуться и проверить, что в машине больше никого нет. Я знал, что это машина Рейчел, и думал, что она тоже может быть там. Или ее дети...

Наверное, я знала, что кто-то был свидетелем несчастья. Но не знала, что это Каллум. Никто не рассказывал мне подробностей, а я не спрашивала. Не проводила расследование.

— Нэд и Кит погибли от удара, Кэтрин. Они не утонули. Они уже были мертвы, когда я их вытащил.

Думаю, об этом я знала... да, конечно. Это просочилось сквозь пелену медикаментозного тумана, которой была окутана моя жизнь первые несколько недель после несчастного случая. Нэд и Кит не утонули. Они умерли мгновенно. Я всегда находила в этом какое-то утешение. Но... ужас! Те последние несколько секунд, пока машина падала...

Каллум держит меня за руки.

— Это еще не всё.

Я не уверена, что выдержу что-то еще.

Он сует руку в карман куртки. Я не сразу узнаю предмет, который он извлекает из кармана, а когда узнаю, то кажется, что вот-вот лишусь чувств. Проглотив скопившуюся во рту горечь, я протягиваю руку. После секундного замешательства Каллум отдает мне его.

— Именно об этом я и подумал, когда увидел. Он лежал на палубе — застрял среди каких-то цепей. Я сразу же его узнал, но решил, что это невозможно. Каковы шансы?

Я держу в руке плюшевого кролика с длинными ушами и стеклянными глазами, одетого в синюю курточку. Цвета поблекли, сам кролик сморщился от морской воды, но я бы его все равно узнала. Кролик Бенни^[14]. Любимая мягкая игрушка Кита. Когда он и Майкл были совсем маленькими, мы с Рейчел купили одинаковых кроликов для наших младших сыновей. Кит его очень любил. Чтобы вымыть игрушку, мне приходилось осторожно высвободить ее из маленьких пальчиков спящего сына. Кролик был с Китом в тот день, когда он умер. С тех пор я его больше не видела.

— Несколько лет назад они были довольно популярны на островах, правда? — говорит Каллум. Я не могу оторвать взгляда от игрушки. — Наверное, он не Кита. Местный пляж часто прочесывают в поисках чего-нибудь ценного. Прилив всякое сюда приносит... Не думаю, что это кролик Кита.

Я снова киваю.

— Я нашел тело Джимми и уже возвращался, когда заметил кролика. — Мне кажется, Каллум продолжает говорить, потому что боится моей реакции. — Думаю, приступ вызвала именно игрушка, а не тело. Следующее, что я помню, — как ты бьешь меня по голове той железякой.

— Больно было? — Я отвожу взгляд от кролика и смотрю на рану на виске Каллума. Выглядит не слишком опасной, но я готова поспорить, что у него жутко болит голова.

— Еще как.

— Это хорошо.

— А тебе сильно досталось?

Горло у меня еще саднит, но серьезных повреждений нет. Вопрос в другом — что бы он сделал, не останови я его.

— Со мной всё в порядке. Но тебе, похоже, нужно кое с кем поговорить.

— Уже говорю.

Руки у него трясутся. В каюте тепло, воздух пропитан запахом керосина от печки, но мы все еще дрожим от холода.

— Выпей аспирин. — Я поднимаюсь со скамьи.

— Ш-ш... Слышишь?

Каллум встает, обходит меня и выходит в кокпит. Озадаченная, но не уверенная, есть ли причина для тревоги, я следую за ним и нахожу его на кормовой палубе.

Ветер и волны. Звук одиночества. Звук удаленности от всего. Но не только. Что-то музыкальное, красивое и невыразимо печальное. Песня китов.

— Должно быть, они близко.

Волна звука затихает, и я возвращаюсь в рулевую рубку за биноклем.

Каллум на палубе медленно поворачивается, пытаюсь определить направление на источник звука.

— Ничего подобного я раньше не слышал. Думал, песню китов можно услышать только под водой...

Звуки на секунду стихают, и мы слышим лишь грохот волн и вой ветра с холмов.

— Явление необычное, но такое случается. Говорят, киты разговаривают с людьми. И даже с собаками.

— Кто это?

Я приставляю ладонь к уху, показывая, что слушаю, и жду, когда песня зазвучит снова. Сначала слышен только плеск волн, но затем на него накладывается протяжное низкое рычание, которое сменяется мурлыканьем, словно где-то прячется огромный кот. Затем звук резко меняется на один мелодичный высокий, почти резкий тон.

— Думаю, это не дельфины. — Я подношу бинокль к глазам и смотрю в нужном, как мне кажется, направлении. — У тех больше чирикающих, щелкающих звуков. — Ничего не видно. Слишком темно, а животные слишком далеко от нас. — Возможно, это горбатые

киты, поскольку у них самая сложная песня; но сюда они редко заплывают.

— Печальная песня...

Звуки повторяются, составляют ритмический рисунок, чем-то напоминающий человеческую песню. Затем слышится свист рассекаемого воздуха и удар. Я передаю бинокль Каллуму, но он тоже не видит китов. Они не в самой бухте, но где-то рядом. Мы слушаем еще пять или десять минут, пока песню не заглушают ветер и волны. Потом возвращаемся в рубку. Но не садимся. Что-то изменилось. Мои мысли заняты не мертвым ребенком — и не пропавшим.

— Сколько Стопфорду нужно времени, чтобы сюда добраться?

Каллум качает головой:

— Я бы сказал, чуть больше часа, но он не сможет собраться так же быстро, как мы. Тебе нужно отдохнуть.

Мы оба смотрим на закрытую дверь каюты на носу. Я точно знаю, о чем он думает. Я тоже об этом думаю.

— Каллум, насчет... Извини... Я просто... — Я понятия не имею, что хочу сказать.

Он улыбается — я очень давно не видела улыбки на его лице. Хотя, наверное, это самая грустная улыбка из всех, что я когда-нибудь видела.

— Я знаю, — говорит он.

Это хорошо. Потому что я не знаю.

* * *

Куини прыгает ко мне на койку. Шкура у нее мокрая от брызг, и собака не жалуется, когда я прижимаюсь к ней. Мы лежим вдвоем без сна и дрожим. Нам слышно, как Каллум ходит в рубке, как спускается вода в туалете, а затем наступает тишина — он ложится отдохнуть.

Ветер усиливается. В этой части света шторма возникают внезапно. Лодка начинает раскачиваться и дергать якорь, а с мыса доносится странный свист. Задремывая, я снова слышу китов. На этот раз это явно два разных вида животных — протяжная печальная песня больших зубатых китов и легкие, чирикающие ноты дельфинов.

Каллум ошибался, думаю я, стараясь не проснуться. Это не печаль. Это страх.

* * *

Когда мне было пятнадцать, мы с отцом спасли молодую гринду, которая едва не утонула. Мы ловили рыбу в большой лодке с плоским дном. Рыбалка выглядела так: мы расставляли тяжелые сети в заранее выбранных местах, периодически вытаскивали их, фотографировали пойманную рыбу, делали запись в журнале, а затем отпускали. Проведя около часа за этим занятием, мы заметили в воде большой силуэт. Серо-черный, гладкий и неподвижный.

— Что это?

— Думаю, молодая гринда. Видишь круглую голову? И довольно большой грудной плавник?

— Она мертвая? — Дельфин громко выдохнул, словно отвечая на мой вопрос.

Все равно что-то было не так — это видела даже я. Дельфин почти не двигался, а его хвост словно притягивало ко дну.

— Я посмотрю. — Отец взял трубку и маску.

Он медленно приблизился к дельфину, прекрасно осознавая опасность, и поплыл вдоль тела животного от головы к хвосту. Через пару минут вынырнул на поверхность и вернулся к лодке.

— Он запутался в рыболовной сети.

Я помогла папе залезть в лодку.

— Сеть обмоталась вокруг хвоста и обоих грудных плавников, до самого спинного плавника. Он не может плыть, а хвост тянет его вниз.

Я посмотрела на темную продолговатую тень в воде. Похоже, дельфин приблизился и повернул голову так, чтобы нас видеть.

— Что с ним будет?

Отец никак не мог отдышаться.

— В конечном счете у него закончатся силы, и он не больше не сможет держаться у поверхности. Опустится на глубину и утонет.

— Папа, мы должны что-то сделать. — В пятнадцать лет вы по-прежнему уверены, что отец может все, если захочет.

Я смотрела, как он думает. Приближаться к испуганному, раненому дельфину очень опасно. Одно непредсказуемое движение плавником, и мы окажемся в воде. С другой стороны, если ничего не предпринимать, животное погибнет.

Конечно, мы ему помогли — в этом не могло быть сомнений. Думаю, я бы плакала всю обратную дорогу, если бы мы оставили его. И отец тоже. Мы на веслах подплыли к дельфину и начали — я в лодке, отец в воде — снимать сеть.

Рыболовные сети очень тяжелые и прочные. У нас было два ножа, но по большей части приходилось просто тянуть. Примерно полчаса ушло на то, чтобы освободить спинной и один грудной плавники. Обнаружив, что снова может двигаться, дельфин понесся вперед с огромной скоростью, протащив нас за собой больше сотни метров, но потом устал, и мы возобновили работу.

Через час освободился второй грудной плавник, и ситуация уже не выглядела такой безнадежной. Еще один круг по заливу, и дельфин успокоился, позволив освободить от сети свой хвост. Потом мы долго лежали на дне лодки, пока отец не собрался с силами, чтобы встать и запустить мотор.

Но дельфин не уплыл. Он плескался рядом, метрах в пятидесяти по левому борту. Когда мы поплыли, животное сопровождало нас, выныривая то справа, то слева. Дельфин выпрыгивал из воды, потом уходил на глубину и появлялся в самом неожиданном месте. Мы с восхищением наблюдали за мельканием плавников и ударами хвоста по воде — настоящая морская акробатика. Он не отставал от нас до тех пор, пока мы не добрались до порта Стэнли, где отец заглушил двигатель. Когда винт замер и наступила тишина, животное подплыло к самому борту. Мы увидели блестящие черные глаза, смотревшие прямо на нас, наклонились и погладили круглую голову дельфина. И он уплыл, на прощание игриво шлепнув по воде хвостом.

— Как вы его назвали? — спросила потом Рейчел.

Я пожалала плечами. Мы с папой были слишком заняты, пытаюсь спасти дельфина, и нам даже в голову не пришло дать ему имя.

— Однажды, когда вы потеряетесь в океане и начнете тонуть, он появится и спасет вас, — объявила Рейчел, и по ее восторженному тону было понятно, что спорить бесполезно. — И тогда вы дадите ему имя.

Увидев во сне Рейчел, я проснулась с той безумной, неукротимой яростью, которая рождается просто от ее присутствия в моей голове. Встала, стараясь не потревожить Куини. Из рубки не доносилось ни звука.

Полночь уже миновала. Наступила среда. Еще на день ближе к годовщине гибели мальчиков. К тому моменту, когда все изменится.

Дверь тихо открывается. Должно быть, Каллум не спит — не удивительно, потому что скамья, на которой он лежит, на два фута короче, чем он. Ноги упираются в переборку, сгорбленные плечи прислонились к боковой стенке холодильника. Тем не менее он спит. Дыхание глубокое, лицо полностью расслаблено.

Я набираю полную грудь воздуха, заставляя себя успокоиться и унять дрожь.

Крепкий сон достался Каллуму в наследство от армии — он умеет использовать для отдыха любой подходящий момент. Помню, мы шутили, что через десять минут после того, как он отключился, его не разбудит даже подожженный под задницей фейерверк.

Больше у меня такой возможности не будет.

Подхожу ближе, неслышно переступая босыми ногами. Теперь я уже немного успокоилась. Уже не дрожу, а если и дрожу, то по другой причине. Опускаюсь на колени рядом с Каллумом и наклоняюсь, чувствуя его дыхание на своем лице. Еще ближе. Вдыхаю запах кофе, его кожи и шампуня, которым он в последний раз мыл голову. Прижимаюсь щекой к его щеке, чувствую его кожу, колючую щетину бороды, затем касаюсь губами его губ.

И надолго замираю, дыша в унисон с ним, мечтая о том, чтобы он проснулся, и надеясь, что этого не произойдет. Затем вспоминаю, как он улыбался Рейчел, и уже больше не могу оставаться рядом.

В следующий раз я просыпаюсь ближе к утру. К нам подплыла лодка. Я слышу стук фалов, брошенных на палубу, мягкий удар кранцев другого судна. Кажется, кто-то произносит мое имя, и я жду, что меня разбудят. Но никто меня не зовет, и я опять засыпаю.

День третий

Среда, 2 ноября

7

Я снова просыпаюсь еще до рассвета, но когда выхожу на палубу, небо уже начинает светлеть. Мы с Куини одни. Звуки, которые я слышала несколько часов назад, издавал полицейский катер, забравший Каллума.

Ночью спустился туман. Он выглядит таким плотным, словно по нему можно перейти с одного берега на другой — настоящая белая стена. Или гигантская волна, растянувшаяся между двумя скалами; на мгновение мне кажется, что она движется на меня. Туман похож на барьер, который не позволит мне покинуть безопасную гавань. Может, стоит прислушаться к тому, что говорит мне природа? Может, стена тумана появилась здесь для того, чтобы уберечь меня от беды?

Первые лучи солнца окрашивают облака в теплый розовый цвет, и стена начинает распадаться. Проходит немного времени, и я уже вижу линию, где океан встречается с небом. Не знаю, что меня там ждет, но туман пропускает меня.

Прослушав переговоры на радиочастоте порта, я понимаю, что обыск судов вчера вечером ничего не дал. Арчи Уэста, маленького болельщика «Арсенала», не могут найти уже почти двое суток. Я также слышу, что происходит за мысом.

Повернув к Порт-Плезант, я вижу, что приблизиться к «Эндевору» не получится. Рядом с ним стоят на якоре два полицейских катера, военный катер и водолазный бот. На носу бота Каллум. Слышимость здесь хорошая, и он, очевидно, слышал, как я приближаюсь. Каллум поворачивается и что-то говорит, а затем на палубе появляется Стопфорд. Я смотрю, как они спускаются в полицейский катер и направляются ко мне.

* * *

— Кэтрин, что вы знаете о здешних приливах? — спрашивает Стопфорд, как только они поднимаются на борт. — Говорят, на берег выносит много всякого.

— Совершенно верно. — Я говорю со Стопфордом, но смотрю на Каллума. На его щеках и подбородке проступила разноцветная щетина из светлых, рыжих и каштановых волос. Теперь в ней есть и седые волосы, а лицо более худое, чем когда мы познакомились. Или он просто устал, потому что почти не спал две последние ночи. Подтверждая мою мысль, Каллум садится на деревянную скамью из реек, которая тянется вдоль борта. Куини прыгает к нему на колени. Он протягивает руку, чтобы погладить собаку, и я вижу, что рука у него дрожит.

— Мы пытаемся понять, оставили ли парня на корабле или его принесло приливом, а тело застряло в рулевой рубке. — Стопфорд повышает голос, чтобы привлечь мое внимание.

Я задумываюсь. Порт-Плезант, как и большинство заливов на Фолклендских островах, длинный и извилистый. Кроме того, прямо посередине входа в залив есть остров. На нем оседает весь плавающий мусор. В том числе, как мне представляется, человеческие останки.

— Вполне возможно, — говорю я. — Большая волна могла принести его на судно, а как он мог застрять, представить нетрудно. Это Джимми?

Лицо Стопфорда каменеет.

— Слишком рано делать выводы. Мы заберем его. Надеюсь, дантист нам поможет.

Я вспоминаю о маленьком черепе, который мы видели при свете фонаря, и двойном ряде зубов, испугавшем Каллума.

— Вы нашли на судне что-то еще? — Разумеется, я имею в виду не что-то, а *кого-то*. Просто не хочу поизносить это вслух.

— Пока нет. Но водолазы будут работать весь день. При необходимости мы отбуксируем все останки судна в Стэнли. Я буду благодарен, если вы с Каллумом не станете рассказывать о том, *что* нашли здесь. Пока мы не подтвердим личность парня и не поговорим с его родителями.

К этому времени половина жителей островов уже знает о найденном нами теле, но я все равно киваю в знак согласия. Каллум

тоже. Попросив нас оставаться на связи, Стопфорд спускается в катер и возвращается к «Эндевору».

— Я что-то пропустила?

Каллум пожимает плечами:

— Предстоит решить, что именно мы нашли: жертву убийства или застрывшее свидетельство несчастного случая. Совершенно очевидно, на чьей стороне Стопфорд.

Я задумываюсь на секунду.

— И как это отразится на Арчи? Я имею в виду, на его поисках?

— Были разговоры о том, чтобы обыскать другие обломки кораблекрушений. По крайней мере, те, которые частично выступают над водой. Уже кое-что. Я этим займусь.

— Нам пора возвращаться. Ты замерз. Иди внутрь и постарайся согреться.

К моему удивлению, Каллум не спорит. Когда он спускается в каюту, Куини идет за ним, как будто она — его собака, а не моя.

Я запускаю двигатель, поднимаю якорь и направляю лодку в открытое море. Убедившись, что мы покинули залив, включаю автопилот и, стараясь не шуметь, пробираюсь к сиденью в рулевой рубке, где Каллум оставил куртку.

Плюшевый кролик прячется во внутреннем кармане. На одном ухе видны сделанные вручную стежки: заводской шов разошелся, и кто-то — думаю, это была я — зашил его. Сомнений, что это игрушка Кита, у меня почти нет. Высчитывать вероятность того, что она окажется на «Эндеворе», а также вероятность, что там найдут и ее, и тело бедного Джимми, — это выше моих сил, но это последняя игрушка, которую держал в руках мой ребенок. Я сую кролика под рубашку и прижимаю к груди. Он грязный, холодный и мокрый, но его место здесь.

Приближаясь к Стэнли, я встречаю рыболовные суда, направляющиеся в открытое море. Разворачиваюсь, причаливаю и привязываю лодку. Весь обратный путь ни мужчина, ни собака не выходят из каюты, поэтому я несколько не удивлена, увидев их на койке, свернувшихся калачиком под одеялами и погруженных в глубокий сон. Куини открывает глаза. Я жду, чтобы она выбралась из постели и присоединилась ко мне, но собака остается лежать на согнутой руке Каллума.

Перед тем как сойти на берег, я сую кролика Бенни в шкафчик в рулевой рубке. Я хочу, чтобы он был рядом, когда я в следующий раз покину порт. Хочу, чтобы он был со мной до конца.

Я устала. Телом и душой. Устала заставлять себя беспокоиться о детях, которые мне безразличны, тратить силы на поиски *не своих* мальчиков. Мне еще никогда не было так холодно. Нет, я не чудовище.

В былые времена я точно так же, как все, переживала бы из-за пропажи Арчи и из-за находки тела Джимми. Но теперь мне иногда кажется, что от той женщины почти ничего не осталось.

Времени осталось очень мало, и я хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу быть только с теми двумя людьми, которые мне не безразличны. Даже если они призраки. Но на этом этапе нельзя привлекать к себе внимание. Еще один день я должна делать то, что от меня ждут.

Поэтому я иду в офис, чтобы проверить, возобновилась ли нормальная работа или же мы посвятим еще один день поискам Арчи. Сьюзен пребывает в состоянии, похожем на панику.

— Звонила твоя тетя Джейни. Просила срочно перезвонить. Проблема на Спидвелле. — Она протягивает телефон, и у меня не остается выбора, кроме как взять его и набрать тетин номер.

Спидвелл — это остров к югу от побережья Восточного Фолкленда, рядом с островами Джордж и Баррен. Он принадлежит тете Джейни и ее мужу, и часть времени они проводят там. Тетя Джейни сразу же берет трубку. Я понимаю, что она сидела у телефона.

— Кэтрин? У нас большая проблема. Дельфины на берегу. Сотни.

Сьюзен пристально следит за моим лицом. Я морщусь, давая понять, что все плохо.

— Они живы? — спрашиваю я, честно говоря, надеясь услышать «нет».

— По большей части. Но птицы уже принялись за них. Кэтрин, это ужасно!

Расстроить тетю Джейни не так-то просто. Я говорю, что приеду как можно быстрее. В этот момент входит Джон.

— Массовый выброс дельфинов на южном берегу Спидвелла, — сообщаю я. — По словам Джейни, больше сотни. Скорее всего, гринды.

Мои коллеги молчат. Именно такой катастрофы мы все боялись, и к ней невозможно быть готовым.

— Нам никто не поможет. — Сьюзен побледнела. — Все будут искать маленького мальчика.

Обычно в подобных случаях мы можем рассчитывать на помощь полиции и военных. Но ребенка еще не нашли, и шансов, что нам выделят людей, нет почти никаких.

— Сегодня мне нужно на это совещание, по поводу рыболовства, — говорит Джон.

Совещание планировалось на протяжении нескольких месяцев. Мы обсуждали продажу прав на вылов рыбы на определенных участках. Это важный вопрос. Острова нуждаются в доходах. Джон обязан там присутствовать. А это значит, что руководить буду я. Сьюзен останется в офисе в роли диспетчера.

— Но это же ваша специальность, да? — Сьюзен смотрит на Джона, ожидая подтверждения.

— Дельфинами занимается Кэтрин.

Я киваю:

— Я знаю, что делать.

— Могу заняться обзвоном. — Джон первым берет себя в руки. — Объясню ситуацию Стопфорду и Вутону; посмотрим, кого они смогут выделить.

— И радио тоже. Люди должны сами решать. — Мне хочется сказать, что Арчи почти наверняка покоится на дне болота или унесен в море, а шанс спасти дельфинов еще есть. Но я молчу. Возможно, все дело в том крошечном скелете, который все это время лежал на «Эндеворе». В любом случае я ничего не говорю.

— Что тебе нужно? — спрашивает Джон.

— Достаточно пары вертолетов с хорошей грузоподъемностью. Если нет, то как можно больше людей. Маленькие лодки с мощными моторами, сгодятся и водные мотоциклы. Веревки, носилки, ведра и много простыней или брезента. И лопаты, побольше лопат. Я про ведра говорила?

Сьюзен составляет список, Джон отправляется на поиски телефонной книги.

— Я вернусь во второй половине дня, — говорит он.

Следующие полчаса я собираю всё, что понадобится. Появляется Пит, и его помощь весьма кстати. Джон закончил обзвон, и мы обсуждаем разные сценарии. Ни один из них не вызывает ничего, кроме страха. Они надеются, что Джейни преувеличила масштаб проблемы. Я не решаюсь сказать, что Джейни никогда не преувеличивает.

Уже собираюсь уходить, когда на пороге появляется констебль Скай:

— Старший суперинтендант поручил мне заглянуть к вам. Мы постараемся направить часть людей на Спидвелл, но нам нужно сосредоточиться на поисках маленького Арчи.

— Очистите местность от домашнего скота и еще раз просканируйте инфракрасными датчиками, — советую я. — Вы его найдете.

Ее глаза наполняются слезами. Я все время забываю, как она молода. Забываю, что можно быть такой юной и ранимой, когда смерть незнакомого человека так сильно тебя расстраивает.

— Мистер Стопфорд предпочел бы, чтобы вы остались здесь, — продолжает Скай. — Вы и Каллум. На случай, если ему понадобится еще раз с вами поговорить.

— Со мной можно будет связаться по рации, весь день.

Констебль не получила ответа, на который рассчитывала, но не настаивает.

— Мне жаль, что я не могу отправиться на Спидвелл. Шеф назначил меня ответственной за связь с родителями Арчи.

Мне хочется сказать, что лучшего выбора и представить нельзя, но я разучилась говорить комплименты и поэтому просто киваю. Она медлит несколько секунд, затем идет к выходу, потирая бедро, и исчезает за дверью.

Пит помогает погрузить оборудование, и мы трогаемся в путь. Лодка, пришвартованная у причала, пуста. Меня охватывают сомнения — можно ли оставлять Куини с психически неуравновешенным человеком. На собственную безопасность мне плевать, но если он обидит мою собаку, я его убью.

Однако делать нечего. У меня нет времени их разыскивать, а Куини в любом случае уже три года вынуждена мириться с

психической «уравновешенностью» хозяйки. Сомневаюсь, что она почувствует разницу.

Мою лодку мы оставляем у причала. Она недостаточно быстрая. Надувная лодка с жестким дном доставит туда за час, и даже если кто-то уже отправился на остров, большую часть из них мы обгоним.

— Гринды? — Питу приходится кричать, чтобы перекрыть рев двигателя.

— Вероятно. — Я увеличиваю скорость до максимума. Джейн — истинная дочь дедушки Гроб и разбирается в китообразных. Кроме того, именно гринды чаще всего массово выбрасываются на берег. — Ничего хорошего нас не ждет.

И это еще мягко сказано. Из всех возможных морских катастроф — разлив нефти, загрязнение — выброс на берег стада морских млекопитающих считается одной из самых сложных и психологически тяжелых проблем.

Приближаясь к Спидвеллу, мы обгоняем несколько лодок, которые идут тем же курсом. Одна из них, похоже, с круизного судна, что вряд ли можно считать хорошей новостью. Жители островов прагматичны и готовы энергично взяться за дело, если перед ними поставить разумную задачу. Другое дело — заморские гости. Они не понимают природу.

— Почему? — кричит Пит. — Почему это происходит?

Я не могу ответить на этот вопрос несколькими словами или на языке жестов. На самом деле причину не знает никто. Мой отец, всю жизнь изучавший случаи выбрасывания на берег китов и дельфинов, сравнивал это явление с автомобильными авариями. Сломаться может все, что угодно, но результат одинаковый. Животные сталкиваются с судами, их атакуют хищники, а у северных берегов США распространенной причиной выброса на берег является пневмония. У животного может быть вирус, поражение головного мозга, паразиты. Очень часто китообразных выбрасывает на берег уже после гибели.

Но в случае массового выброса происходит что-то еще. В стаде дельфинов очень сильны социальные связи, и если одно заболевшее или травмированное животное поплывет на мелководье, то за ним с большой вероятностью последуют остальные.

Некоторые ученые убеждены, что системы эхолокации, с помощью которых ориентируются китообразные, плохо различают

плавные береговые линии Фолклендских островов. Животные просто не видят берег, пока не становится слишком поздно.

Защитники природы обвиняют в этом человека, разрушающего планету. В частности, военные сонары^[15], воздействующие на китов и дельфинов, которые теряют ориентацию, заплывают на мелководье и в конечном итоге оказываются на берегу. С другой стороны, первые рассказы о выбросившихся на берег дельфинах датируются еще временами Аристотеля. Лично мне кажется, что прав папа. Множество самых разных причин, но один и тот же ужасный результат.

Мы видим первого дельфина еще с расстояния четверти мили от берега. Мертвый, брюхом вверх. Джейни была права. Это обыкновенная гринда: черная и блестящая, с круглой головой. Взрослая особь, скорее всего самка, метра четыре длиной.

Приблизившись, мы видим других дельфинов. Некоторые плавают на мелководье, мягко ударяясь о берег с каждой новой волной, но большинство в беспорядке разбросаны по пляжу.

— Господи, — бормочет Пит.

В бухту медленно входят еще несколько лодок. На берегу я насчитываю около двадцати человек. Большинство из соседних поселков, но среди них мелькает несколько красных курток с капюшоном — это туристы с круизных судов. Там же я замечаю ярко-синюю бейсболку, под которую Джейни всегда прячет свои темные кудри, когда выходит из дома.

Она не преувеличивала. Дельфинов гораздо больше ста. Скорее, ближе к двум сотням. Прибой у кромки воды красен от крови. Некоторые животные ударились о камни. А буревестники не ждали, пока дельфины умрут.

Подняв взгляд на Пита, я вижу, что он готов расплакаться. Направляю лодку в бухту.

— Соберись. — Сантименты сейчас ни к чему — и без них будет достаточно тяжело.

Он шмыгает носом:

— Я в порядке.

Навстречу по берегу бежит мужчина. Это Митчелл, муж Джейни. Пит бросает ему фалинь, и Митчелл вытаскивает нас на сушу.

— Сто семьдесят шесть. Я пересчитывал дважды.

Я благодарно киваю. Первым делом нужно пересчитать животных, и Митчелл сэкономил мне время. Люди всё прибывают. Они бродят среди дельфинов. Это довольно опасно.

Я хватаю сумку, жестом показываю Питу, чтобы он взял носилки, и иду по берегу. Приблизившись к самой большой группе, дважды дую в свисток.

— Прошу внимания, леди и джентльмены. Подойдите, пожалуйста, ко мне и послушайте.

Мою просьбу выполняют не все. Я снова дую в свисток и кричу мужчине, который меня игнорирует:

— Дружище, идите сюда. Мы теряем время.

Я тороплюсь, пока внимание людей обращено на меня.

— Меня зовут Кэтрин Куинн, я сотрудница Фолклендского фонда дикой природы, и моя специальность — китообразные. Руководство операцией поручено мне. — Я не говорю «спасательной операцией». Не хочу давать ложную надежду. — Спасибо, что пришли. Двигайтесь медленно и тихо. У дельфинов и так сильный стресс. Будьте очень осторожны. Держитесь подальше от хвостов и зубов. Следите, чтобы они не придавили вас. Они все еще опаснее для вас, чем вы для них. Не подпускайте к ним детей и животных.

Теперь меня слушают все.

— Первая задача — охладить дельфинов и не дать их коже высохнуть. Защитить от солнца. Накройте животных, сколько сможете, простынями и брезентом и всё время смачивайте ткань. Те, у кого есть лопаты, начинайте копать канавы, чтобы подвести воду. Я пойду по берегу и буду ставить флажки. Красный означает, что животное не слишком крупное и его можно затащить назад в воду. За это отвечает мой коллега Пит. Он скажет, когда мы будем готовы. Синий флаг укажет на более крупных животных, которых мы попробуем обвязать веревками и стащить в воду с помощью лодок. Черный флаг означает, что животное нужно просто накрыть и охладить.

— Как мы вернем в море тех, у кого черный флаг?

Я смотрю на мужчину, задавшего вопрос. Массивный, средних лет, самоуверенный. В красной куртке — чтобы стюарду круизного судна было легче заметить его, когда нужно загнать всех пассажиров на борт. Считает себя умным — поймал меня.

— Надеюсь, военно-воздушные силы выделяют нам вертолет. — Я не говорю о том, что перемещение дельфина по воздуху — это очень сложная задача, отнимающая много времени. Даже если мы получим вертолет и людей для помощи на земле, шансы спасти больше одного или двух крупных животных крайне малы. — Лучшее, что вы можете для них сейчас сделать, — облегчить их страдания. И постарайтесь отгонять птиц. Итак, за дело.

— Давайте, вы слышали, что она сказала, — слышу я голос Джейни, когда иду вдоль берега. — Выстраивайтесь в цепочки.

Я осматриваю дельфинов, двигаясь от одного края пляжа к другому. Гринды — вторые по величине после косаток. Самцы могут достигать шести с половиной метров в длину. Не массивные по меркам китообразных, но достаточно большие. Они игривы, любят сопровождать лодки, кататься на волнах от разрезающих воду судов и имеют забавную привычку подсматривать, когда они висят в воде вертикально, подняв голову над поверхностью, так что их можно хорошо разглядеть. Это мой любимый вид дельфинов.

Минут через сорок мы готовы к переноске самых мелких животных. На воде ждет флотилия из лодок, чтобы подталкивать и заманивать дельфинов на глубину.

— Нужно перекатить их на носилки. — Мне приходится кричать, чтобы меня могли слышать все. — Только осторожно. Они очень нежные, и им больно, потому что вес тела давит на внутренние органы. Кроме того, они страдают от песка, попавшего в дýхало. С другой стороны, необходимо действовать как можно быстрее.

Никто не знает, с чего начать. Я опускаюсь на колени и жестом показываю, чтобы остальные следовали моему примеру. Потом подсовываю руки под тело животного, и рядом появляется пара больших ладоней, которые я сразу узнаю. Остальные присоединяются к нам.

Мы можем приподнять дельфина примерно на дюйм и не больше чем на секунду, но за голову животного взялась Джейни, а за хвост — ее подруга Кейти, а они уже проделывали это раньше. Мужчина рядом со мной — наша главная мускульная сила.

— Подсовывайте, — говорит Джейни, и две женщины расстилают брезент под дельфином.

— Отличная работа. — Я поворачиваюсь к Каллуму: — Где Куини?

— В моей машине, на большом острове. Наверное, спит. Стопфорд не слишком доволен, что ты здесь.

Я вскидываю бровь:

— Но рад, что избавился от тебя, правда?

— Он меня боится.

Шесть человек становятся по обе стороны от дельфина, наклоняются и берутся за брезент. Каллум, самый высокий из нас, переместился к голове.

— Поднимаем. — Животное издает громкий вздох. Мы не можем долго держать его на весу. — И идем.

Эта гринда лежит всего в одном футе от воды. Каллум шагает вперед, и мы изо всех сил стараемся не отстать. Вода плещется у моих ног, но я не смотрю вниз. Не хочу видеть, что иду по разбавленной крови. Дельфин тяжело дышит, издавая тихие жалобные звуки, но Каллум зашел уже достаточно глубоко и опустил его, так что вода принимает на себя часть веса животного.

— Как только уберем брезент, нужно сразу уходить, — говорю я. — Приготовились. Отпускаем.

Мы убираем импровизированные носилки. Дельфин на секунду неподвижно повисает в воде. Я вижу, что он собирается перевернуться.

— Каллум, отойди.

Он успевает отскочить в сторону, и животное переворачивается на спину. Хвост бьет по воде, задевая мое бедро. Я спотыкаюсь, но удерживаюсь на ногах.

— Все на берег.

Другие группы следуют нашему примеру, поднимая некрупных животных. Медленно, но неуклонно окружающие нас дельфины возвращаются в море.

— Есть новости? — спрашиваю я. — О... сам знаешь.

Каллум оглядывается, проверяя, что нас никто не слышит.

— Прямо мне ничего не говорили. Ходят слухи, что сегодня военные начнут осматривать другие затонувшие корабли. Больше тревожит то, что родители Фреда Харпера и Джимми Брауна, вероятно, связались с семьей Арчи Уэста. Говорят, они собираются дать интервью британским газетам.

— Как будто от этого будет толк...

— Я не стану помогать Стопфорду замять это дело. А на него еще давит губернатор... Власти очень не хотят, чтобы мы приобрели репутацию места, куда опасно привозить детей.

Я смотрю на окружающий нас хаос. В данный момент это не самое подходящее место для того, кто хочет пару недель отдохнуть и расслабиться.

— Скольких мы можем спасти? — спрашивает Каллум.

Я думаю о том же. Из всех животных, выбросившихся на берег, меньше трети достаточно малы, чтобы их можно было поднять. Если все, кто сейчас находится на пляже, будут работать весь день, без еды и отдыха и если нам помогут военные, у нас есть шанс вернуть в море около семидесяти дельфинов.

— Подкрепление. — Я смотрю в сторону дюн и облегченно вздыхаю. Всего один взвод, около дюжины солдат, но все равно гораздо лучше, чем ничего. Я благодарю рыжеволосого веснушчатого сержанта, который командует взводом, и прошу, чтобы его люди помогли тем, кто поднимает животных, а сама начинаю обвязывать веревками более крупного дельфина. Если нам удастся вернуть его в воду, я свяжусь с ВВС и буду просить «Чинук».

С помощью военных мы сможем спасти даже самых крупных дельфинов, и внезапно я чувствую, что делаю что-то нужное. Более того, впервые за много лет у меня, кажется, появилась цель. Интерес к жизни.

Черт, как же это?..

Под влиянием внезапного прилива сил я бегу назад, к берегу. Каллум ждет меня, но не оборачивается.

— Кэт, они возвращаются.

8

Этих слов я боялась больше всего. Но все равно пытаюсь не обращать на них внимания.

— Дельфины. — Каллум смотрит на то, что происходит в воде в футах пятидесяти от берега. — Те, кого мы спасли. Они возвращаются.

Я подхожу к кромке воды. Нужно самой убедиться, что Каллум прав, хотя сомнений в этом у меня нет. Я вижу трех... нет, четырех

маленьких гринд, которых мы отнесли в воду и которые плывут обратно. Снова собираются выброситься на берег. Окружающие меня люди тоже это видят. По мере того как новость распространяется по пляжу, спасательная операция останавливается.

— Почему они так делают?

— Что происходит?

Я убеждаю себя, что это не конец света. Популяция гринд в этих водах вполне жизнеспособна. Мы можем позволить себе потерять почти две сотни животных. Такое случается. Все смотрят на меня.

— Это те же самые?

— Они опять хотят выброситься на берег?

Именно это они и собираются сделать. Никто не знает, почему они так поступают, но такое случается часто. Либо дельфины выбросились на берег намеренно и не хотят, чтобы сентиментальность людей нарушила их планы, либо просто не могут бросить остальных.

— Продолжайте, — говорю я Каллуму. — Попробуйте вернуть в море еще несколько штук.

— Все за дело, не будем сдаваться.

Я отворачиваюсь от Каллума и захожу в воду; за мной — тетя Джейни, Кейти и еще один или двое жителей островов. Мы идем вперед, навстречу возвращающимся дельфинам. Джейни шлепает ладонями по воде. Кто-то кричит. Джейни употребляет выражения, которые меня точно испугали бы. На какое-то время это помогает. Гринды притормаживают, некоторые даже поворачивают назад, но, судя по всему, они не собираются отказываться от своего намерения. Дельфины просто выжидают или ищут другой путь к берегу, глядя на нас своими большими печальными глазами. Так или иначе, они вернутся.

Я жду, пока еще шесть животных заташат в море, и только потом признаю поражение. Мы больше не можем оставаться в воде — слишком холодно. Теперь остается лишь наблюдать за происходящим.

* * *

А происходит то, что все они возвращаются. Прокладывают путь к берегу, расталкивая тела уже умерших и протискиваясь между

умирающими. Переворачиваются, бьют хвостом и выталкивают себя на песок.

Мне больно смотреть на окружающих меня людей. Некоторые женщины и подростки плачут. Мужчины побледнели, часто моргают, трут ладонями лицо. Это несправедливо. Эти люди так старались и заслужили награду... К сожалению, природа устроена иначе.

— Что теперь? — Каллум старается говорить тихо. Подозреваю, он знает ответ. Я качаю головой, и он вслед за мной идет к сержанту. Мы втроем отделяемся от остальных.

— Я должна их умертвить, — говорю я. — Сколько раз их ни затаскивай в воду, они будут возвращаться.

Сержант — совсем еще мальчишка — шокирован. Он поворачивается и смотрит на массовое самоубийство, которое происходит на пляже.

— А что, если мы оттащим их поглубже? — спрашивает Каллум. — Отбуксируем лодкой?

Я это предвидела. Споры, предложения, которые лишь отсрочат неизбежное и продлят мучения животных.

Я качаю головой:

— Когда дельфины повторно выбрасываются на берег, сделать ничего уже нельзя.

Снова пауза — они пытаются придумать что-то еще, но тщетно.

— Как вы собираетесь это сделать? — спрашивает сержант, который теперь выглядит еще моложе и не таким уверенным в себе.

— Выстрел в голову. Если вы и ваши люди мне помогут, это значительно ускорит дело. Если это невозможно, я попрошу увести всех с пляжа. Не стоит никому этого видеть.

Каллум проводит пятерней по волосам.

— Неужели нет никакой альтернативы?

Я чувствую, как внутри закипает злость. Будет тяжело, и нужно, чтобы эти двое были на моей стороне.

— Если мы не вмешаемся, они будут умирать медленно и мучительно. Некоторые промучаются пару дней. Если их все время возвращать в воду, это лишь усилит их стресс и вымотает людей.

— Я свяжусь с командиром, — говорит сержант и возвращается на пляж. У кромки воды люди продолжают затаскивать небольших

дельфинов в воду и пытаются отогнать вернувшихся животных с мелководья.

— Ты не... Не знаю, разве тебе не нужно на это разрешение? — спрашивает Каллум.

— Интересно, от кого? От Господа Бога?

— Где Джон?

Намек на то, что мое решение недостаточно разумно и что нужно получить разрешение от босса, приводит меня в ярость. Неужели он и вправду думает, что мы с Джоном не обсуждали именно этот вариант, прежде чем я отправилась сюда? Что тщательно не подсчитали и не списали то количество пуль, которое мне понадобится?

Сержант возвращается. Он все еще с рацией в руке.

— Мой командир не может разрешить умерщвление животных без одобрения властей. Он звонит в офис губернатора.

— Ваш командир не имеет власти над этим пляжем или надо мной. Пора приступать.

Я поворачиваюсь и иду к воде. Кажется, сержант машет одному из своих людей, чтобы тот меня остановил, но Каллум догоняет меня первым:

— Подожди минуту. — Он говорит очень тихо, наклонившись к моему уху. — Офис губернатора свяжется с Джоном, который тебя поддержит. Тебе не нужно разрешение этого парня, чтобы действовать, но его помощь тебе понадобится.

— Единственное, что мне от него нужно, — чтобы он не путался под ногами.

Каллум хватает меня за плечо и силой заставляет остановиться.

— Кэтрин, тут на пляже человек пятьдесят. Местных меньше половины. Они не поймут, что ты делаешь и почему это необходимо.

Сержант с кем-то переговаривается по рации. Пустая трата времени, драгоценного времени — пока его начальник позвонит в офис губернатора, пока из офиса губернатора позвонят Джону, чтобы услышать убедительные, успокаивающие аргументы. И все это время дельфины будут страдать, а я сидеть тут и думать о самой худшей работе, которую только можно представить.

— Они не обязаны понимать.

— А если они захотят защитить дельфинов? Встанут между тобой и ими? У половины из них есть фотоаппараты. Ты не сможешь ничего

сделать без помощи армии.

Он прав. Я ненавижу его за это, но он прав.

Тем временем тетя Джейни понимает, что будет дальше. Они с Кейти идут ко мне по пляжу. Пит и Митчелл вытащили на берег лодку и тоже возвращаются. Я не одна.

— Я приглашу всех в дом, — говорит Джейни. — Мы можем устроить для них экскурсию по ферме и той стороне острова. У меня в морозилке есть пирожные. А Эшли освоила новый трюк. Она сидит и просит.

Я выдавливаю слабую улыбку. Если ее план сработает, люди уйдут с пляжа. И не увидят, как я убиваю сто семьдесят шесть дельфинов. Скрип песка говорит о том, что сержант возвращается. Он щурится на солнце, а его веснушки еще больше выделяются на побледневшем лице.

— Мой командир не может приказать, чтобы я и мои люди участвовали в умерщвлении дельфинов. — Я разочарована, но не удивлена. Ни один офицер не захочет увидеть фотографии своих подчиненных, стреляющих в беззащитных животных. — Но мы освободим вам место для работы и окажем всю необходимую помощь, — заканчивает он.

Я благодарно киваю. Лучше, чем ничего.

— Мы можем быть уверены, что дали им достаточно времени? — Каллум окидывает взглядом берег, усеянный тяжело дышащими, страдающими животными.

— С воды нам было лучше видно, — говорит Пит. — Абсолютно все дельфины, которых мы затаскивали в море, возвращаются назад. Некоторые дважды.

Митчелл кивает.

— Если мы подождем еще час, результат будет тем же.

Хватит. Я поворачиваюсь к сержанту:

— Вы можете попросить, чтобы люди покинули пляж? Они отлично поработали, но теперь должны предоставить всё нам.

— Я с вами. — Джейни берет молодого сержанта под руку и мягко подталкивает в сторону застывших в ожидании людей.

— Будем надеяться, что всё так просто. — Каллум следует за ними.

Пит говорит, что идет за пистолетом, и возвращается к лодке. Я остаюсь одна.

Буревестник проносится так низко, что я чувствую движение воздуха над своей головой. Неожиданное пиршество сделало птиц еще более агрессивными, чем обычно. Понимая, что тянуть бесполезно, я направляюсь к толпе, которой сержант уже сообщил, что надеяться не на что.

При моем приближении люди начинают кричать. Некоторые искренне хотят помочь и предлагают разные идеи — они действительно думают, что это не приходило мне в голову. Другие просто хотят, чтобы их голос был слышен в толпе. В висках пульсирует боль — оказывается, у меня разболелась голова, а я даже не заметила.

Поднимаю руку.

— Мне очень жаль, что все так обернулось, но вероятность подобного исхода всегда велика, — говорю я, когда все немного успокаиваются и могут меня услышать. — Приблизительно в пятидесяти процентах случаев дельфины повторно выбрасываются на берег. Никто не знает, почему они это делают, но если мы продолжим спасательную операцию, то лишь усилим их страдания. Самый гуманный выход — эвтаназия.

Я жду. Перевожу взгляд с одного потрясенного лица на другое.

Потом поворачиваюсь, и мне вслед летит поток вопросов и протестов. Молодая женщина пробегает мимо, направляясь к одному из крупных дельфинов. Солдат бросается за ней и ловит за руку. Я не останавливаюсь. Сдерживать толпу — задача военных.

Возвращаюсь к Питу, лавируя между мертвыми и умирающими дельфинами. Мы очень мало знаем о китообразных. Если не считать небольшого количества особей, содержащихся в неволе, в основном дельфинов, у нас мало возможностей для изучения. Было много разговоров об их интеллекте. Размер их мозга, как абсолютный, так и по отношению к массе тела, говорит о том, что китообразные входят в число самых умных видов на нашей планете. Они демонстрируют способности к решению задач и творческому мышлению. У них наблюдается сильная социальная привязанность, долговременные и глубокие отношения между особями, они способны сотрудничать с другими видами. Некоторые специалисты даже убеждены, что они

обладают самосознанием, могут узнавать себя в зеркале и на видеозаписи. Но в действительности предстоит еще очень многое узнать. Знают ли они, что я собираюсь делать, когда я прохожу среди них, отгоняя альбатросов и набирая пригоршни воды, чтобы смочить дельфиньи носы? Мне кажется, что знают. Что, когда я иду за пистолетом, по стаду пробегает волна понимания, похожая на дрожь.

— Ты раньше кого-нибудь убивала? — Каллум держится в шаге позади меня.

После недолгих размышлений я качаю головой. Я никогда не охотилась ради развлечения. Присутствовала при умерщвлении животных, но сама никогда не нажимала на спусковой крючок. Разве что с той косаткой...

— Хочешь, это сделаю я?

Я качаю головой. Это моя обязанность.

— Тогда чем тебе помочь?

— Будешь последней линией обороны. Если сержант и его подчиненные не сумеют сдержать толпу, ты мне понадобишься.

Наконец мы добрались до Пита. У него коробка с запасными патронами. Он протягивает мне пистолет.

* * *

Гуманное умерщвление крупного млекопитающего никак не назовешь чистой, быстрой и безболезненной процедурой. Пуля разрывает плоть, ошметки которой летят во все стороны. Повсюду брызги крови, как на месте преступления, и вскоре я уже вся покрыта ею. Можно держаться подальше, чтобы не запачкаться, но это увеличит шансы, что я промахнусь. Даже при хорошем, точном выстреле — в тот день я поняла, что я хороший стрелок, — мозгу требуется какое-то время, чтобы отключиться. Животное издает тихий печальный звук, как будто чувствует, что умирает, и этот стон подхватывают остальные. Вскоре отовсюду доносится предсмертная песня дельфинов. Пит уже давно плачет. Я чувствую, как влага стекает по моим щекам, и думаю, что это тоже слезы, но когда смахиваю их ладонью, рука становится красной. По моему лицу течет кровь, а не

слезы. Не сделав еще и половины работы, я вдруг понимаю, что убийство не угнетает меня. Лишь усиливает мою ярость.

Каллум внешне остается бесстрастным. Он перемещается от одного умирающего животного к другому, заслоняя меня от посторонних взглядов, но не в силах защитить от гневных слов.

Я подхожу к крупной самке и невольно вспоминаю о гринде, которую мы с папой спасли много лет назад. Теперь она должна быть совсем взрослой, в половозрелом возрасте. Та, которой я должна была дать имя, если встречу вновь.

— Ну, привет, Рейчел, — шепчу я за секунду до того, как выстрелить ей в голову.

9

Рейчел обвинили в невыполнении обязанностей в отношении ребенка. Вероятно, оставить двух непоседливых детей одних в машине на пятнадцать минут на вершине скалы не квалифицируется как убийство. Когда начался суд (судья специально прилетел из Великобритании), она была на шестом месяце беременности. Рейчел признала себя виновной, и ее приговорили к двенадцати месяцам тюрьмы, но освободили от наказания, учитывая беременность и двух маленьких детей. И на два года лишили водительских прав. Если у вас доброе сердце, вы, наверное, скажете, что чувство вины, с которым ей придется жить, — достаточное наказание.

Через неделю после вынесения приговора Бен внимательно посмотрел на меня, понял, что происходящее с моими психикой и телом — не просто горе, и уложил в больницу. Я подхватила инфекцию — вероятно, результат четырех месяцев страданий и полного пренебрежения собой. Я выжила, а мой сын — нет. Он родился мертвым, на три недели раньше срока. Когда я взяла его на руки, первый и единственный раз (его тело было еще теплым от моего тела), то услышала — я могу в этом поклясться — резкий звенящий звук, как от лопнувшей гитарной струны. И поняла, что это оборвалась единственная нить, связывавшая меня с жизнью. Я казалась себе потерпевшим крушение судном.

Все, что произошло потом, было абсолютно предсказуемо. Через полтора года Бен в целом примирился с утратой. Он был еще молод —

всего тридцать семь — и гораздо сильнее меня, но не знал, что делать с женой, превратившейся в бездушный автомат. Да, я заставляла себя каждый день тащиться на работу и довольно сносно исполнять свои обязанности. Умудрялась удерживать дом от полного запустения. Покупала еду и готовила ее. Выводила на прогулки и кормила Куини. А иногда обнимала ее, когда мне нужно было вспомнить, что тело должно быть теплым, а сердце — биться. Я даже позволяла Бену заниматься со мной сексом, когда чувствовала, что ему нужна физическая близость. И старалась не вздрагивать, чувствуя, как его ладони скользят по моему телу. Но женщины, на которой он женился, здесь больше не было, и ни он, ни я не знали, где ее искать. Когда Бен сказал, что съезжает, что будет жить с молодой женщиной, рентгенологом из больницы, я совсем не удивилась. Честно говоря, для меня это стало облегчением — можно не пытаться делать вид, что все нормально, когда он рядом. Я едва заметила его отсутствие в доме. Меньше стирала, меньше ела, не разговаривала ни с кем, кто не имел отношения к работе. В тот день, когда стало известно, что у Бена родился сын, я рыдала так долго и громко, что Куини сбежала из дома. После этого женщина, в которую я превратилась, снова стала притворяться, что всё в порядке.

* * *

Никто не уходит с пляжа. Даже пирожные, новорожденные ягнята и пингвин, исполняющий цирковые трюки, не заставили людей пойти вместе с тетей Джейни на другую сторону острова, а она не оставляет меня наедине с враждебной толпой. Они стоят и смотрят, кричат «позор» и фотографируют, как я перехожу от одного животного к другому.

— Убийца! — кричат они каждый раз, когда я прицеливаюсь и посылаю пулю в мозг существа, которое гораздо благороднее, красивее и больше заслуживает места на земле, чем я.

Я не смотрю вперед и не оглядываюсь — просто продолжаю идти, приближаюсь к следующей жертве, прицеливаюсь и стреляю. Убиваю снова и снова, и задолго до того, как начинает смеркаться, у меня не

остается сомнений, что я превратилась в ту, кем они меня считают. *В убийцу.*

Останавливаюсь я только один раз. Во второй половине дня, когда около тридцати дельфинов еще живы и страдают. Останавливаюсь, потому что группа вновь прибывших людей обходит солдат и направляется прямо ко мне. Я так поглощена своим жестоким занятием, что не замечаю их присутствия, пока меня не окликают по имени.

Я поворачиваюсь, но мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя — пока рассеется черный туман, сгустившийся в голове с того момента, как я начала убивать. Каллума нет рядом. Время от времени он останавливается, чтобы убедиться, что дельфины, в которых я стреляла, действительно мертвы. Он в двух метрах от меня, присел на корточки рядом с молодой самкой.

Семь человек. Все местные, но имен я сразу вспомнить не могу. Потом узнаю Джемму Браун. Тело ее сына я видела на «Эндеворе» несколько часов назад.

— Нам нужно знать, что вы видели на затонувшем корабле ночью, — ко мне обращается мужчина, скорее всего, ее муж, отец Джимми.

— Поговорите с Бобом Стопфордом, парни. — Каллум подходит ближе. Они не обращают на него внимания.

— Мы просто хотим знать, что вы видели. Кто это был. Мы не просим слишком многого. — Другой мужчина, похожий на первого, наверное, его брат, дядя мальчика. Да, они просят немного, но как мне сказать этим людям, что труп, который я видела, невозможно опознать? Что маленького мальчика, которого они любили, больше нет?

— Во что он был одет? — Джемма, его мать, самая практичная из всех. Я вспоминаю о матерчатых кедах, темно-синих, со шнурками, которые когда-то были кремовыми. Несколько моих слов подтвердят ее худшие опасения. Или продлят агонию. Я не вправе ничего говорить — это было бы непростительной безответственностью.

— Простите, я не могу вам помочь. Вам нужно поговорить с полицией. Уверена, они найдут ответы на ваши вопросы.

Пытаюсь отвернуться, но кто-то хватается за плечо.

— А какого черта вы вообще там делали? Кто лезет на затонувший корабль посреди ночи? — Голос высокого мужчины, стоящего прямо передо мной, звучит угрожающе.

— Кэтрин, пистолет, — тихо говорит Каллум и подходит ко мне. Я расслабляю пальцы, стискивающие оружие, и позволяю Каллumu забрать его. Люди тоже это замечают, и выражение их лиц меняется. Пара человек отходит в сторону.

— Отправиться на затонувший корабль — это была моя идея. — Каллум сует пистолет себе за пояс. — Мы искали пропавшего мальчика. Кэтрин меня подбросила. А теперь — у нас еще много работы, а вам нужно поговорить с полицией.

Двое солдат подходят к нам.

— Сержант, эти люди должны покинуть пляж. — Каллум дает понять, что разговор окончен.

Но последние слова отца Джимми обращены ко мне. Он окидывает взглядом мертвых животных, кроваво-красный песок, брызги крови на моей одежде и коже.

— Господи, во что вы превратились?

Затем поворачивается и уходит вместе с остальными.

* * *

К концу дня все дельфины мертвы. К нам присоединяются Джон, Брайан и офицер полиции, и мы начинаем сбор данных. Ни у кого не хватает духу сказать, что нет худа без добра, но информацию, собранную сегодня, получают специалисты по китообразным во всем мире.

Пляж медленно пустеет до тех пор, пока на берегу не остаются только сотрудники Фонда дикой природы, солдаты и те немногие, кто здесь ради меня. Тетя Джейни приносит сэндвичи, которые никто не может есть, и горячий кофе, который невозможно выпить залпом. Она также приносит сменную одежду, за что я ей очень благодарна. Она уговаривает меня остаться, говорит, что моя комната всегда свободна, но теперь у меня осталось меньше двадцати четырех часов. Вечером я должна быть в Стэнли.

Когда все то небольшое, что осталось сделать, уже можно поручить Джону, Брайану и Питу, я иду на соседний пляж, на котором почти нет живых существ. Все птицы в радиусе пяти миль теперь пируют на мертвых гриндах. Я раздеваюсь до белья и захожу в океан. Он холодный, и сердце у меня замирает. Захожу глубже, полностью погружаюсь под воду и смываю засохшую кровь с тела, лица и волос, прекрасно понимая, что память о сегодняшнем дне будет храниться в моей голове до самой смерти.

На секунду меня охватывает желание зайти еще глубже, а затем плыть, пока холод не сделает свое дело. Возможно, расплатившись за смерть дельфинов своей жизнью, я смогу утолить гнев людей, которые видели, как я сегодня убивала...

10

Примерно с год назад я стала серьезно задумываться о самоубийстве — причин жить дальше у меня не было. Мои родители и дети умерли, муж съехал, а лучшая подруга превратилась в того, о ком я даже думать не могу. Конечно, оставалась Куини, и мне не хотелось бросать ее, но я решила, что собаку возьмет Бен и с ней все будет в порядке. Я стала оставлять ей больше еды, на тот случай, если однажды воспользуюсь возможностью и не вернусь домой, но Куини — жадина, и пришлось снова урезать рацион, когда она слишком растолстела.

Однажды воскресным утром я поцеловала на прощанье свою маленькую собаку, прибрала в доме и направила лодку к берегу Нью-Айленда, острова в самой западной части Фолклендов.

Моя семья на протяжении многих лет владела разными участками земли на Фолклендских островах, но Нью-Айленд мы всегда считали своим домом. Потому что именно на нем высадились наши предки и занялись китобойным промыслом. Недалеко от берега там есть затонувший корабль «Изабелла», который потерпел крушение с грузом перламутровых раковин на борту. Прошло несколько десятилетий, а осколки раковин все еще находят на берегу. Одни кусочки перламутра имеют форму маленьких прямоугольников, и их используют для мозаики, другие все еще прикреплены к раковинам. Рейчел была очарована этим местом и переименовала его в Остров Сокровищ. В

день своей свадьбы я подарила ей ожерелье и серьги, изготовленные из перламутровых раковин с «Изабеллы», и она плакала так долго, что ей пришлось переделывать макияж.

Когда нашим старшим мальчикам было по шесть, а младшим всего по четыре, мы привезли их на Остров Сокровищ, где жгли костры, пели песни, наблюдали за слоняющимися пингвинами и за альбатросами, которые сидели в похожих на большие пончики гнездах, а за полтора часа на пляже собрали двадцать пластинок перламутра. Наверное, это был один из самых счастливых дней моей жизни.

Нью-Айленд — это именно то место, которое поможет осознать, что я потеряла, и облегчит расставание с пустой жизнью.

Тем воскресным утром, решив со всем этим покончить, я не стала брать гидрокостюм, рассудив, что холод ускорит смерть. Подключила баллон с запасом воздуха всего на десять минут и погрузилась в воду. Я плыла по диагонали, прочь от лодки. К тому моменту, как я добралась до океанского дна, воздуха оставалось минут на пять. Глубина почти тридцать метров, видимость плохая. Я подумала о сыновьях и впустила в себя боль. Подумала о возможности увидеть их снова, хотя никогда по-настоящему не верила в загробную жизнь. Потом услышала хрипы и шипение — в баллоне заканчивался воздух.

Я неподвижно сидела на песке. Когда мои легкие взбунтовались, я сняла баллон и сорвала с лица загубник. Желудок начал пульсировать, грудная клетка словно была готова взорваться. Я знала, что через несколько секунд желание сделать вдох станет непреодолимым, а когда это случится, вода хлынет в легкие, и обратного пути уже не будет. Но в ту секунду, когда у меня перед глазами стал сгущаться черный туман, на океанское дно пробился солнечный луч. Прямо передо мной лежал маленький переливчатый осколок. Не камень и не раковина, хотя когда-то он образовался внутри моллюска. Кусочек перламутра.

Рейчел. Она была со мной, прямо здесь, на дне моря. Я видела ее, двадцатисемилетнюю, с сияющим лицом, перебирающую блестящие кусочки, принесенные волнами на пляж. Я видела ее, залитую слезами и красивую, в день моей свадьбы. Я видела ее в ноже, вилке и ложке, которые она подарила Нэду на крестины.

Через несколько секунд я была уже на поверхности, сжимая в кулаке обломок раковины.

Разумеется, я попробовала еще раз — меня не так просто заставить отказаться от задуманного. Наглоталась парацетамола, но заработала лишь расстройство желудка. Взяла острый кухонный нож с собой в ванную и после нескольких неуверенных попыток сделать разрез на теле швырнула его в зеркало. Я прочитала о психологии суицида все, что только могла достать, пытаюсь понять, чего мне не хватает. Наконец до меня дошло. Я слишком сильно злилась, чтобы лишиться себя жизни. Я не преуспею, если только сначала не отниму жизнь у Рейчел.

Стоя в море под накатывающими холодными волнами — как будто что-нибудь способно вновь подарить мне ощущение чистоты, — я понимаю, что все мучавшие меня сомнения наконец исчезли.

Я спрашивала себя, способна ли убить. Смогу ли я, глядя в глаза живого существа, совершить одно непоправимое действие, обрывающее его жизнь. Спрашивала — и, похоже, получила ответ. Свидетельством тому почти две сотни мертвых млекопитающих на соседнем пляже. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается.

* * *

Уже в темноте тетя Джейни высаживает нас с Каллумом из своей лодки на главном острове. Прощаясь, я обнимаю ее так крепко и долго, что нисколько не сомневаюсь — она что-то заподозрила. Но мне везет. Она списывает это на сегодняшний стресс.

Куини радостно приветствует нас, высоко подпрыгивая от возбуждения. А может, она просто проголодалась.

— Все еще чувствую запах крови, — говорю я, когда машина трогается с места.

Каллум смущенно ерзает на сиденье.

— У Джейни не нашлось ничего подходящего размера. — Он улыбается. — А если постирать меня в море, то я окончательно расклеюсь.

Застигнутая врасплох, я улыбаюсь ему в ответ. У нас на островах есть дурацкая традиция под названием Зимний Заплыв. В день зимнего солнцестояния, наступающий в июне, пара сотен отчаянных голов

собираются в Сёрф-Бэй и... скорее, не плывут, а просто забегают в воду, окунаются и с воплями выскакивают на берег. В былые времена Каллум каждый год участвовал в веселье. Когда я первый раз увидела его в плавках, то подумала, что из моря вышел персонаж норвежских мифов, один из героев, о которых рассказывала Рейчел. Тогда его светлые волосы были довольно длинными и в лучах зимнего солнца отливали розовым. Бледная кожа была покрыта тонкими золотистыми волосками. Массивный, величественный — настоящий мужчина. Это было четыре года назад, за несколько недель до того, как мы по-настоящему познакомились. Тогда я была совсем другой женщиной.

Когда машина Рейчел упала с утеса в море, я лишилась не только сыновей.

11

Просыпаюсь внезапно, не понимая, где я и который час. Потом понимаю, что лежу поперек передних сидений «Лендкрузера» Каллума. Под головой у меня его куртка, и я накрыта клетчатым пледом. Машина пропиталась запахом убийств на пляже Спидвелла: кровь, океан и уже начинающая разлагаться плоть.

Куини со мной, но не свернулась между моим животом и бедром, как всегда, когда мы спим вместе, а сидит на задних лапах, наострив уши. Насторожившись, она что-то высматривает в окнах. Может, что-то заметила. Я ничего не вижу. Стекла запотели от нашего дыхания.

— Каллум? — Ответа я не жду. И не получаю.

Мне снились сны. Страшные, с выстрелами и разрывающейся плотью. С кровью и костями, разлетающимися в разные стороны. Я была в каком-то очень темном месте. Со всех сторон доносились неприятные звуки, и мне было очень страшно.

Сажусь, протираю ветровое стекло, потом стекло со стороны пассажира. Куини прыгает на сиденье водителя, чтобы не мешать, но следит за каждым моим движением.

— Куда он пошел?

Собака прижимается носом к стеклу, затем оглядывается на меня. Уши у нее прижаты. Она тоже не знает.

Ключей в замке зажигания нет.

Я выхожу из машины, и в нее устремляется ночной воздух, пропитанный запахом дрока, торфа и моря. Звезды похожи на искрящиеся капельки океана в лучах солнца, но луны на небе нет. В темноте я могу различить только густые заросли вороники — растущего вдоль дороги кустарника, чья верхушка похожа на обтрепанную ленту.

Я беру маленький фонарь, который всегда ношу с собой, и обхожу машину. За кустами по обе стороны дороги тянутся широкие и глубокие канавы, а это значит, что мы где-то между Дарвином и Стэнли. Направляю луч фонаря вдаль. Каллума нигде не видно.

Внезапный взрыв звука и света больно бьет по моим натянутым нервам. Фейерверк. Когда разноцветные сполохи гаснут, я вспоминаю подробности своего сна. Грязь и смерть. Темнота и оглушающий шум. Сражение за Гуз-Грин.

Когда мы с Каллумом познакомились, он много рассказывал о конфликте, но всегда что-нибудь несерьезное. О том, как украл овцу, чтобы приготовить жаркое из баранины, о винном магазине в Стэнли, в который попал снаряд, так что вино и пиво текли по улицам. Он ничего не рассказывал о смерти или увечьях. Не делился ужасами войны за Фолкленды.

Пришлось выяснять самой. Я читала все свидетельства очевидцев, которые удавалось найти. И не от Каллума узнала о пяти ужасных днях, которые его полк провел после высадки на горе Сассекс, в окружении продуваемых ветрами холмов и голых склонов, пытаюсь согреться на зимнем ветру, не ослабевавшем ни на секунду. Он ничего не рассказывал мне об этом, но я знаю, что они не смогли вырыть траншеи в сплошной скале или заболоченной земле и были вынуждены использовать любое укрытие, даже заросли дрока.

Я знаю, что ему пришлось пережить на том склоне.

Пока я раздумываю, что делать, Куини трусит по дороге.

— Поросенок, стой! — Не задумываясь, я использую прозвище, которое дал ей Каллум. Она вытаскивает свой нос из вороники и оглядывается на меня. Потом бежит дальше.

— Он пошел туда? — Куини не собака-ищейка, но обычно ей удавалось находить спрятавшихся мальчиков.

Куини лает на канаву. Я приподнимаюсь на цыпочки, но ничего не вижу — черная пустошь, а за ней непроглядная тьма. Собака пробегает

по дороге еще несколько метров. Я следую за ней, и тут небо снова взрывается фейерверком.

За все время, что мы знакомы, Каллум ни разу не рассказывал о ночном марш-броске своего полка к Гуз-Грин. О том, как в зимней тьме они преодолели одиннадцать миль пересеченной местности. Из письменных рапортов я выяснила, что парашютисты беззвучно двигались по плоской открытой равнине, зная, что у врага численное превосходство и что у них нет времени спланировать оборону и как следует окопаться.

Я спотыкаюсь, не заметив яму на дороге.

Торфяная пустошь, которую парашютисты пересекали в 1982 году, стала ловушкой. Люди проваливались в трясины, подворачивали голеностопы на невидимых корнях, начиная ненавидеть землю, к которой так долго плыли, чтобы защититься. Они приближались к месту, где — они это знали — их ждут вражеские солдаты, думая о том, не станут ли звуки выстрелов последним, что они услышат.

Каллум рассказывал, что во время того, первого перехода им пришлось дважды поворачивать назад и возвращаться по своим следам, так что когда, наконец, они вступили в бой, то уже успели вымокнуть до костей и выбиться из сил. Он рассказывал, что из-за какого-то гигантского косяка по Би-би-си объявили всему миру, что британская армия намерена освободить Гуз-Грин, выдав их планы врагу.

Каллум, уже испытавший стресс от приключения на «Эндовеоре», провел весь день в окружении смерти. Он смотрел, как я убиваю дельфинов, одного за другим, слышал почти две сотни выстрелов. Несколько часов он был вынужден слушать стоны умирающих животных, от которых разрывалось сердце. Он слушал плач и проклятия людей. Теперь он где-то здесь, в темноте, на том самом склоне, где когда-то сражался в жестоком бою.

Когда мы познакомились, у него было оружие. Он держал его в запортом ящике в багажнике своего «Лэндкрузера». Нужно было проверить.

Белая морда Куини появляется с другой стороны канавы. С растущим чувством тревоги я прыгаю вниз.

Каллум не рассказывал о траншеях — канавах, которые рыли по обе стороны дороги, чтобы укрыться от вражеского огня. От других

участников боев я узнала о парашютистах, находивших траншеи врага, украшенные детскими напоминаниями о доме: игрушечными автомобилями, комиксами, письмами, фотографиями. Он не рассказывал о найденных винтовках с религиозными картинками на прикладах, и оторванных ладонях, сжимающих спусковой крючок. Не рассказывал об обезглавленных трупах, о лицах с зияющими дырами, о еще живых людях с оторванными конечностями. Не рассказывал о напалме, который сбрасывали с самолетов.

Все это я узнала сама.

Вижу луч фонаря. На севере, метрах в ста. Я иду туда, совсем как парашютисты двенадцать лет назад. Куини держится чуть впереди.

Я не должна была позволять Каллуму остаться на пляже. Ночная поездка через пустошь, звуки фейерверка, похожие на стрельбу, — все это могло снова вывести его из равновесия. Вызвать очередную вспышку памяти.

Итак, я в безлюдной местности, за несколько миль от жилья, посреди ночи, а где-то недалеко от меня прячется психически неуравновешенный профессиональный убийца, возможно вооруженный, который может решить, что он в 1982 году, и вступить в бой.

Но я заставляю себя идти дальше.

Когда парашютисты приблизились к цели, по ним открыли огонь со всех сторон. Мины, пули, гранаты и противотанковые снаряды — все это обрушилось на них, когда они перебежками продвигались вперед, покрывая за один бросок маленькое расстояние.

Я делаю то же самое. Перемещаюсь рывками, незаметно подбираясь все ближе и ближе.

Подобравшись к позициям врага, парашютисты получили обескураживающее сообщение: их командир, полковник Х. Джонс с позывным «Луч», погиб во время самоубийственной атаки на пулеметное гнездо.

«Луч» убит. Повторяю, «Луч» убит.

Мне во что бы то ни стало нужно найти Каллума.

Я поднимаюсь на гребень холма, откуда лучше видна окружающая местность. Теперь я вижу машину и огни авиабазы Маунт-Плезант в трех или четырех милях отсюда. Куини исчезла.

Осторожно продвигаюсь вперед. Еще одна возвышенность. Я замечаю маленькое строение. Мне знакомо это место. Ветхая постройка — сарай для кормов. Эта земля принадлежит мне, но я сдала ее в аренду. И не была здесь много лет.

Луч фонаря теперь совсем не виден, и у меня такое чувство, что и фонарь, и человек, который его держит, переместились в сарай.

В конце боя, когда аргентинцы поняли, что побеждены, над укрепленным зданием школы поднялся белый флаг. За пленником отправились три человека из роты Каллума. Вероятно, Каллум был свидетелем того, как при их приближении возникла неразбериха и кто-то открыл огонь. Все трое были убиты — как и все аргентинцы в школе.

Я подхожу к сараю, и никто в меня не стреляет. Никаких признаков того, что внутри кто-то есть, но я уверена, что за мной наблюдают. Приблизившись вплотную, открываю дверь.

Внутри сарай не такой, каким я его помню. Пол деревянный, как и был, чтобы уберечь от влаги корм для овец, но кто-то предпринял попытку привнести сюда минимальный человеческий комфорт. У стены лежит один матрас. На нем подушка и грязное лоскутное одеяло. В сарае пахнет человеческими экскрементами, и в одном углу я замечаю маленькую коричневую кучку фекалий.

— Каллум?

— Я здесь. — Оглянувшись, я вижу темный массивный силуэт, загораживающий дверь.

— Что происходит? Что тут? — Я напугана. Мне не нравится, что я оказалась в ловушке. И мне не нравится, что вместо Каллума я вижу только большой черный силуэт.

— Я видел Арчи. По крайней мере, мне так показалось. Он стоял на обочине и смотрел, как мы проезжаем мимо. Извини, я не думал, что ты проснешься.

— Ты его видел? — Я поворачиваюсь и еще раз окидываю взглядом сарай. — Он был здесь?

— Думаю, да. Похоже, кто-то его кормил. — Каллум смотрит на пол, на какие-то бумажки. В дверь протискивается Куини и направляется прямо к оберткам шоколада.

— И давал ему пиво. — Каллум кивком указывает на банку с пивом рядом с подушкой. — Почти полная. Похоже, парню не

понравился вкус. И слава богу — от пива ребенку такого возраста может стать плохо. Оставь это, Поросенок.

Каллум рассуждает здраво. И голос, и дыхание ровные. Значит, это не вспышка памяти. Слава богу.

— Где же он?

— Черт его знает. Уйти далеко он не мог, но нам нужна помощь. В темноте сами мы не сможем обыскать всю эту местность.

Я еще раз окидываю взглядом сарай и вслед за Каллумом выхожу за дверь. Куини неохотно присоединяется к нам.

— Я кричал, но, думаю, парень или испуган, или впал в ступор. Может, ты попробуешь?

Я пробую. Зову Арчи по имени, говорю, что он в безопасности, что мы отвезем его к маме и папе, но он либо не слышит нас, либо не верит. Мы светим фонарями по обе стороны тропинки, но если Арчи и прячется за камнями и кустами, то не решается покинуть своего укрытия.

— Как ты умудрился его потерять? — спрашиваю я, когда чувствую, что пора передохнуть от криков.

— Я не мог резко остановиться, иначе вы с Поросенком вылетели бы через лобовое стекло. А когда выскочил из машины, он уже нырнул в какие-то кусты и снова пропал. Я кричал. Затем пошел в ту сторону, где, как мне казалось, он исчез, но не мог его найти. Хотел уже повернуть обратно, но увидел сарай.

Мы вернулись на дорогу; до нашей машины метров тридцать.

— По крайней мере, он жив.

— Да. Но все равно нужно найти его сегодня. Он появился передо мной всего на секунду, но вид у него был неважный. Похож на привидение... Постой. Кэт, ты оставила водительскую дверь открытой?

Каллум бежит к машине. Я тоже пытаюсь бежать, но обнаруживаю, что с трудом переставляю ноги. Он приближается к машине, заглядывает внутрь — и замирает, словно оцепенев. Выражение его лица я не вижу.

Каллум наклоняется, и я ускорю шаг. Сердце готово выскочить из груди. Когда он снова выпрямляется, я уже бегу к нему. На этот раз на меня смотрят две пары глаз. Каллум держит на руках Арчи Уэста.

Не привидение. Не труп на дне торфяного болота. Не тело под грязными одеялами в доме какого-то педофила, с синяками от пальцев на шее. Не скелет, медленно разлагающийся в затонувшем корабле. Пока мы с Каллумом обыскивали пустошь, этот сообразительный малыш забрался в нашу машину.

— Нахально устроился на моем месте. — Каллум высвобождает руку и тянется за одеялом. — Хотя очень замерз.

Я беру Арчи у Каллума. Впервые за три года у меня на руках живой, дышащий ребенок.

12

— Сам он не мог так далеко уйти. — Каллум выключает радио и прибавляет скорость. — И это не спонтанное похищение. Кто-то его спланировал. Подготовил сарай.

— В любом случае он, похоже, не пострадал. — Я смотрю на тихого дрожащего мальчика у себя на коленях. Лицо Арчи прижато к моему плечу. Глаза у него закрыты, но я не думаю, что он спит.

Каллум не отвечает.

— Жестокое обращение оставляет следы. А он цел и невредим, если не считать нескольких порезов и синяков. И одет.

Каллум говорит так тихо, что мне практически приходится читать по губам.

— Этот сарай пахнет сексом.

Я шокирована. Я чувствовала запах мочи и кала мальчика, землистый запах торфа и, как мне кажется, пива из открытой банки. Но не чувствовала...

— Стопфорд с коллегами могут обследовать место преступления? У них есть нужное оборудование.

Каллум поворачивает руль, объезжая выбоину на дороге.

— Для таких случаев, как этот, они запрасят помощь. Напортачить никак нельзя. История обязательно появится в британской прессе — это лишь вопрос времени.

— А армия? Военная полиция?

Каллум качает головой:

— У них совсем другие правила. Наверное, кто-то прилетит из Британии.

— Стопфорду будет непросто задержать здесь круизный лайнер. — Мне кажется, что вдалеке я вижу огни. К нам едут люди. — Не говоря уже о туристах, которые приехали сами по себе. У всех свои планы.

Каллум не отвечает.

— Что?

Молчание. Меня бесит, когда он так себя ведет.

— Думаешь, я обманываю себя, предполагая, что это может быть кто-то из туристов?

— Думаю, полностью этого исключать нельзя.

Мы оба умолкаем. Огни впереди нас выстраиваются в цепочку. Машины приближаются.

— Я собираюсь уехать домой. — Каллум смотрит на колонну автомобилей, которая движется к нам. На секунду я теряюсь. Что он имеет в виду?

— В Шотландию, — прибавляет он. — Насовсем.

Мы едем дальше. Он не отрывает ладоней от рулевого колеса, а взгляда — от дороги.

— Там все почти такое же. По крайней мере, на побережье. Дерьмовая погода. Много больших шумных птиц. Все суют нос в чужие дела.

Внедорожник внезапно останавливается. Я пытаюсь разглядеть выбоину на дороге, заблудившуюся овцу или мертвую собаку. Ничего. Дорога свободна. Каллум повернулся ко мне. Я смотрю вперед, на свое отражение в лобовом стекле, и мне кажется, что машина слегка раскачивается в такт с моим бьющимся сердцем.

— Поехали со мной.

* * *

Кажется, прошло несколько часов, прежде чем мы с Куини добираемся до дома. Я с трудом переставляю ноги. Срываю с себя одежду, и мы вдвоем забираемся под одеяло. У меня совсем нет сил, но сон долго не идет.

С возрастом я все чаще размышляю о том, что чем шире круг людей, которых мы любим, тем сильнее и одновременно слабее мы

становимся. Когда я была маленькой, моя вселенная состояла из трех человек: мамы, папы и меня. В возрасте восьми лет появилась Рейчел, и в гармонии нашего маленького трио зазвучал новый голос, громкий и яркий. Когда я потеряла обоих родителей — слишком рано, но такое случается, — Рейчел и Бен взяли меня за руки и удержали от падения. Несколько лет нас опять было трое, а затем мы разбросали вокруг серебряные нити и поймали в них мальчиков. Сначала Нэда, затем Кристофера, Кита и Майкла, четырех взъерошенных, сильных, шумных, пахучих, щекастых мальчиков, каждый из которых был неповторимой личностью, но вместе они становились похожими на стаю волков. Зализывали друг другу раны, если это было нужно. Затем я забеременела в третий раз, и Рейчел сказала мне, что тоже пытается. Четверо должны были превратиться в шестерых — мы были уверены, что это будут еще двое мальчиков. Некоторые женщины рождены для того, чтобы давать миру воинов, и нам с Рейчел выпала именно такая роль. Несколько коротких лет мне казалось, что мир недостаточно велик, чтобы вместить всю любовь, которая переполняла мое сердце.

И еще был Каллум.

* * *

Я проспала час, и мне снился сон об убийстве. Потом я сидела в саду, завернувшись в лоскутное одеяло, с Куини на коленях, среди личной коллекции мертвых китов. Восходит солнце, и у меня такое чувство, что меня медленно проглатывает смерть — похоже, так и должно быть.

«Поехали со мной», — сказал Каллум этой ночью, за несколько минут до того, как мы передали Арчи плачущим родителям.

«Будем жить в Шотландии. Очень похоже на Фолкленды, где такая же ужасная погода, люди любопытны, а дикие животные большие и шумные».

И будто в подтверждение моих мыслей прямо передо мной проносится птица. Это альбатрос. Огромная и сильная птица, которую даже здесь редко видят над сушей, и я вдруг вспоминаю любимую поэму Рейчел.

Старый Мореход во время долгого плавания в суровых южных морях убивает альбатроса — жестоко и беспричинно. Мертвая птица на шее главного героя символизирует чувство вины и скорбь, которые мучают старика.

Иногда мне кажется, что у каждого из нас на шее висит альбатрос.

Живая, дышащая птица надо мной находит воздушное течение и взмывает ввысь, затем разворачивается и летит к морю. Я смотрю на нее, пока она не превращается в точку, неразличимую среди облаков.

Прости, любовь моя, но уже слишком поздно. Сегодня я уеду и больше не вернусь. Но со мной пойдешь не ты. Рейчел.

День четвертый

Четверг, 3 ноября, 15.45

13

Пора. Статья на первой странице «Дейли миррор» — сентиментальная, невежественная чушь с моей нелепой фотографией на пляже Спидвелла — служит необходимым предлогом.

Никто не пытается меня остановить, когда я говорю, что уйду домой. Все думают, что я расстроена и хочу немного побыть одна.

А мне кажется, что такой спокойной я не была никогда в жизни.

Суматоха в офисе тем не менее добавила серьезную проблему. У меня не было времени позвонить. Придется импровизировать. На улице я оказываюсь в каких-то странных сумерках, как будто на мир упала зловещая тень, предвещающая беду. На мгновение меня охватывает страх. Потом я вспоминаю о солнечном затмении. Подняв голову, как это делают окружающие, вижу луну, пожирающую солнце.

Я не суеверна, но это кажется мне абсолютно уместным.

Трогаясь с места, я включаю фары. Мимо проносятся дома, магазины и офисы Стэнли. Дорога идет в гору. Я направляюсь за город.

Кто-то пытается меня остановить. Я вижу силуэт, знакомые глаза, но уже слишком поздно. Слишком поздно останавливать машину, вступать в разговор, быть нормальным человеком. Я не нормальный человек. Я убийца. Чудовище. Благодаря фотографии на первой странице общенациональной британской газеты весь мир узнал, кто я.

Но, черт возьми, они не знают и половины всего.

Я еду быстрее, чем следовало бы при таком освещении, но эта дорога всегда свободна. За поворотом виднеется белый дом с синей крышей. Дом Рейчел.

На дороге кто-то стоит. Ребенок. У меня мелькает мысль, что это Арчи Уэст снова материализовался из кустов у дороги и что его появление означает окончательное погружение в безумие. Затем в голове проясняется, и я вижу, что это не Арчи. И не один из моих мальчиков. Малыш худее, чем Арчи, и, наверное, чуть ниже; у него

светлые волосы и яркие синие глаза. И он более материален, чем эфемерные осколки поврежденного разума, которые преследовали меня эти три года.

Этот ребенок похож на Рейчел. Питер. Питер Гримвуд, ее младший сын. Возможность, о которой я не просила даже в самых мрачных мечтах.

Беги, Питер. Поворачивайся и беги.

Он стоит посреди дороги, смотрит на меня, а я несусь прямо на него. Он совершенно неподвижен. Просто стоит и смотрит. Без страха.

Насколько проще было бы забрать с собой ребенка вместо взрослого! Лишиться сына было бы для Рейчел мучительнее, чем лишиться жизни. Идеальная месть.

Я изо всех сил даю на педаль тормоза, и машина идет юзом, затем останавливается. Питер всего в футах от меня. Он не может быть один.

И все же он один. Машина Рейчел стоит на подъездной дорожке, но поблизости не видно ни ее самой, ни двух старших мальчиков, которые к этому времени должны были уже вернуться из школы. Я опускаю стекло и прислушиваюсь.

Ничего, кроме криков поморников и ворчания океана. И бешеного стука двух сердец.

Беги, Питер. Забудь все, что тебе говорили. Чудовища существуют, и одно из них пришло за тобой.

Не глуша мотор, я выхожу из машины, уверенная, что малыш повернется и убежит, пытаюсь укрыться в безопасности своего сада. Но он не двигается. Продолжает пристально смотреть. На секунду мне кажется, что его испугало зрелище исчезающего солнца и внезапное погружение яркого мира в темноту, но нет. Он смотрит на меня. Он ни разу в жизни меня не видел, но эти синие, как колокольчики, глаза словно знают меня. Или у меня появилась способность к гипнозу. Как у змеи.

Последний шанс, Питер. Развей чары. Я всего в шаге от тебя. На расстоянии вытянутой руки. Одного удара.

Чары не развеиваются. Питер не шевелится. Я тоже.

Часть II

Каллум

«Стреляй в него. Стреляй, твою мать!»

«Сам стреляй!»

Надежда исчезает из взгляда парня. Ни у кого не поднимается рука убить испуганного ребенка. Одна пуля. Короткий удар штыка снизу вверх. Парень падает в грязь. Моя пуля. Мой штык. Иногда ты становишься последней инстанцией.

День четвертый

Четверг, 3 ноября, 10.39

14

Я приехал в Стэнли поздним утром и позавтракал в закусочной Боб-Кэт. Это длинное и узкое одноэтажное здание с ярко-оранжевой железной крышей и такого же цвета столами. На стенах висят выцветшие фотографии бухты в дешевых рамках. Смысла в них нет, потому что из закусочной открывается великолепный вид на бухту.

У меня на родине органы санитарного надзора выдали бы предписание снести этот шалман. Все стены в жирных пятнах, абажуры полны дохлых мух. А если вы решитесь посетить туалет в задней части здания, значит, вы гораздо храбрее меня. Но, как любит говорить Боб-Кэт, никто еще не умер в течение двадцати четырех часов после того, как поел здесь.

Я открываю дверь, и меня окутывает знакомый запах горелого жира. Вижу пару клиентов за столом у окна и несколько парней с рыболовных судов у дальнего конца линии раздачи. Компания местных рабочих старается как можно дольше растянуть свое «смоко». Традиционный утренний перерыв, «смоко», включает чай, сигарету и пирожное. Это проклятие большинства наемных работников.

— Чему улыбаешься? — Роберта Кэттон по прозвищу Боб-Кэт отдирает бекон от гриля и швыряет на булочку. Сверху кладет обжаренное с двух сторон яйцо и коричневым соусом рисует букву «К» — для Каллума. По ее утверждению, все дело в мелочах. Она уже давно готовит мне завтрак, и ей больше не нужно спрашивать, что я хочу. И еще она знает, что я не всегда отвечаю на дурацкие вопросы.

— Кофе малость выдохся. — Она облокачивается на стойку. — Сварю свежий.

За десять лет, что я сюда хожу, Боб-Кэт ни разу не предлагала свежий кофе. Ты пил, что было в кувшине, пока она не насыпала новые зерна, а если у тебя хватало смелости пожаловаться, тебе напоминали, что дома, наверное, есть чайник и банка растворимого кофе.

Я не отвечаю. Не хочу спугнуть удачу. Свежий кофе у Боб-Кэт не так уж плох.

— Сегодня утром тебе будет о чем поговорить, — бурчит она.

Тарелка, которую мне дала Боб-Кэт, без сколов, и с нее вытерт жир. Кроме того, она положила салфетку, маленький квадратик, оторванный от бумажного кухонного полотенца. Старается больше, чем обычно. Ей что-то нужно. Нетрудно догадаться что.

— Что случилось с врачебной тайной? — Я говорю это из чувства долга, а не потому, что в этом месте у меня есть хоть малейший шанс что-то скрыть. В последние три года я раз в две недели прихожу на часовой сеанс к психотерапевту, и уже через неделю после первого все на островах знали, что я нанес визит местному мозгоправу. За исключением Кэтрин, как выяснилось в ночь на четверг. Экспатов^[16] здесь делят на три группы — наемники, миссионеры и неудачники, — но к бывшим военным проявляют снисхождение.

Я никогда не спрашивал, к какой группе причисляют меня. Мне это безразлично.

— Ничего конфиденциального о тех найденных парнях. Один жив, другой мертв, помоги нам Господь. — У Боб-Кэт обиженный вид. Любопытно, что у этой прожженной тетки, которая не лезет за словом в карман, чувства растрепать легче, чем волосы. Теперь волосы у нее торчат вертикально. Три дюйма похожих на проволоку черных и седых волос топорщатся на макушке и образуют странную конструкцию по бокам. Она из тех местных женщин, у которых нет ни времени, ни терпения на всякие женские штучки. Закусочная для Боб-Кэт — вторая работа. Однажды я назвал это хобби, и она едва не укусила меня за ухо.

Смотрю, как она отворачивается и что-то проделывает с кофемашиной. Та начинает шипеть, и я подозреваю, что Боб-Кэт сейчас двинет по ней кулаком.

Ее первое занятие — фермерство. У них с мужем небольшой земельный участок недалеко от Стэнли — несколько овец, пара свиней и небольшая армия домашней птицы. Руки у нее в коричневых пятнах от торфа, который она копает, чтобы топить печь, а под ногтями всегда грязь. Кожа загорелая и морщинистая, но тело под ней крепкое. Возраст определить трудно — от сорока до шестидесяти. Она довольно упитанная, но никто — по крайней мере, ни один мужчина

— не назовет ее толстой. Я видел, как на соревнованиях по армрестлингу Боб-Кэт не уступала здоровенным парням. По вечерам ее обычно можно найти в «Глоуб».

— По радио вчера вечером только об этом и говорили. — Боб-Кэт по-прежнему имеет в виду мальчиков, Арчи и Джимми. Она кричит мне через плечо, сражаясь с кофемашиной. Разговоры вокруг нас прекращаются. Конечно, все уже всё знают, но хотят услышать еще раз, из первых уст.

Я давно привык к неумемному любопытству. Когда ты живешь в сотнях миль от остального мира, когда новостей извне слишком мало и приходят они слишком поздно, мир, который тебя окружает, даже самый крошечный и малочисленный, приобретает огромное значение. На Фолклендских островах всем до всего есть дело.

Боб-Кэт наливает кофе и ставит передо мной.

— Осторожнее с кружкой, — предупреждает она. — На этой неделе у нас куча битой посуды.

Два дня назад я уронил кружку, но заплатил за нее сполна. И не собираюсь снова извиняться. С другой стороны, кофе, который она мне подала, пахнет так, словно способен мгновенно избавить меня от всех проблем. У меня в запасе есть пять минут, так что я могу позволить себе быть снисходительным.

— Это чертово радио может быть настоящей занозой в заднице. — Я вонзаю зубы в бургер и в очередной раз думаю, что на свете есть Бог и что он обожает на завтрак доброе жареное мясо. За бекон, приготовленный Боб-Кэт, не грех и войну начать. Это толстый, обжаренный с двух сторон стейк, мягкий, как мясо молодого цыпленка, с идеальным балансом сахара и соли. Боб-Кэт импортирует мед из Южной Америки и сама маринует мясо. Соль у нее океанская. Результат получается изумительным — каждый раз мне кажется, что ничего вкуснее я в жизни не ел. Может, двенадцать лет назад аргентинцы учуяли этот запах?

Она ждет от меня продолжения. Все остальные тоже.

— Должно быть, «Глоуб» остался без прибыли, — говорю я, проглотив кусок быстрее, чем хотелось бы. — Похоже, все поехали нас встречать. Настоящая пробка длиной в милю.

Буду говорить только об Арчи. У этой истории счастливый конец. Семья Джимми не заслуживает сплетен.

— Я им говорила. — Боб-Кэт качает головой, намекая, что ее никто никогда не слушает. — Говорила, чтобы сидели, где сидят, и освободили дорогу для полиции и «Скорой помощи», но разве они послушали?

Я абсолютно уверен, что вчера ночью ехал в пробке за стареньким «Лендрровером» Боб-Кэт, но спорить не собираюсь. У меня осталось три минуты, и я намерен доесть всё до последней крошки.

Когда прошлой ночью мы снова сели в машину, а завернутый в одеяло Арчи устроился на коленях у Кэтрин (что безумно раздражало Поросенка), мы обсуждали, стоит ли отправлять сообщение по радиосвязи. То есть обсуждал я один — вслух. Кэтрин слушала с широко раскрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Когда я решил, что лучше на час раньше прекратить мучения родителей, рискуя, что половина жителей Стэнли поедет нам навстречу, она кивнула, соглашаясь со мной. Я связался с Бобом Стопфордом по якобы защищенному каналу, который, конечно, таковым не являлся. Через пятнадцать минут новость передали по радио.

— Похоже, решение было неверным, — сказал я, когда на горизонте появились фары встречающих нас машин. Разъехаться с одной встречной машиной на дороге в Дарвин не составляет труда, а вот два или три десятка — это уже проблема, особенно с учетом глубины придорожных канав. Тем не менее этого дрожащего, молчаливого малыша каким-то образом нужно передать родителям и бригаде «Скорой помощи», которой придется долго маневрировать среди остальных автомобилей, чтобы попасть в больницу.

— Нет. — Наконец я дождался от нее хотя бы слова. — Его родители уже час знают, что он в безопасности. Ты понятия не имеешь, что это для них значит.

— Даже если они смогут его обнять не раньше, чем взойдет солнце?

Кэтрин смотрит на вереницу огней, движущуюся в нашу сторону, словно гигантская змея из научно-фантастического фильма.

— Затор на дороге их не остановит. — Ее руки побелели от напряжения, и я понял, что Кэтрин, наверное, впервые после гибели своих детей прикасается к ребенку...

— Ну, по крайней мере, теперь все закончилось, — говорит Боб-Кэт. — И парень не пострадал.

Ее слова возвращают меня в настоящее. Позже я собирался заскочить в больницу, справиться об Арчи.

— Нам известно, как у него дела?

Боб-Кэт кивком указывает на одного из рабочих:

— У Рона невестка — медсестра в больнице. Парень стабилен. — Она ждет подтверждения от Рона. Тот медленно кивает и зажимает сигарету между большим и указательным пальцами.

— Сильное обезвоживание, — продолжает Боб-Кэт, прежде чем Рон успевает открыть рот. — Подозревают пневмонию, но ночью ему дали антибиотики и надеются, что все обойдется. Серьезных травм нет. Несколько порезов и синяков.

Она наклоняется ко мне через барную стойку. От нее пахнет табаком, кофе и перегаром.

— Никаких признаков, что к парню приставали, но это ведь не всегда можно определить, правда?

— Думаю, на самом деле можно. Особенно если приставания были настойчивыми.

Боб-Кэт прищуривается. Она способна в мгновение ока перейти от дружелюбия к агрессии.

— Кто его лечит?

Сальная улыбка.

— Бен Куинн. Муж Кэтрин.

Понятно, она хочет, чтобы я поправил ее, сказал, что он *бывший* муж, но я этого не делаю. И мысленно отмечаю, что ехать в больницу нет нужды. Если Боб-Кэт не соврала, то все закончилось хорошо — так, как мы могли только надеяться.

Я благодарю ее за завтрак, допиваю кофе, вспоминаю, что нужно расплатиться — хотя иначе она меня все равно не выпустила бы, — и выхожу навстречу ветру.

* * *

Мне нужно пройти пешком несколько улиц, но я всегда любил гулять по Стэнли. Большинство домов построены из материала, который местные жители называют «покоробленной жестянкой». Похоже на горизонтальную деревянную облицовку, и под порывами

ветра она скрипит и свистит, как компания страдающих одышкой старых дам в зале для игры в бинго^[17]. Как правило, дома выкрашены в яркие цвета, что является скорее вызовом, чем украшением, — во время шторма половина из них может кувырком укатиться в океан.

Когда я подхожу к начальной школе, из ворот выходит констебль Скай. Она слегка вздрагивает, увидев меня, и ее взгляд упирается в тротуар.

— Доброе утро. — Я останавливаюсь прямо перед ней. Визит в полицейский участок — еще одно дело, запланированное на это утро.

— Каллум. Привет. — Она снимает шапку и начинает похлопывать ею о бедро. — Как вы сегодня? Я хочу сказать, отдохнули после своего приключения?

— Ага. Как и Арчи, насколько я понимаю. Говорят, никаких серьезных последствий.

Ее встревоженное лицо говорит мне все, что я хочу знать.

— Ходят слухи, что ему не причинили вреда, Скай. Если это не так, вы окажете всем дурную услугу, скрывая правду.

Она оглядывается. Потом смотрит мне за спину, куда-то ниже по склону холма.

— Никто ничего не скрывает. Насколько нам известно, Арчи не пострадал. Он очень замерз и проголодался, а в остальном с ним, похоже, всё в порядке.

— Так в чем проблема?

Констебль снова оглядывается.

— Арчи говорит, что его увел мужчина. Это кажется бессмыслицей. Зачем его похищать, но ничего не делать? — Она пожимает плечами: — Старший суперинтендант Стопфорд думает, что у мальчика, наверное, все в голове перепуталось.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться.

— Может, и перепуталось, но пройти тридцать миль он никак не мог.

Скай обходит меня.

— Мне пора. Позже можете задать вопросы самому мистеру Стопфорду.

Даже у меня хватает ума не удерживать силой офицера полиции. Я позволяю ей уйти.

Миновав школу, вижу на противоположной стороне улицы малыша в коляске. Лицо у него красное, и он с плачем пытается высвободиться из удерживающих его ремней. Уже собравшись перейти дорогу и проверить, всё ли в порядке, я узнаю и малыша, и коляску. Это младший сын Рейчел Гримвуд, ребенок, из-за которого я на этой неделе нажил себе неприятности, разбив кружку у Боб-Кэт.

Затем я вижу задницу женщины, торчащую из «Лендровера» в двух метрах от коляски, и узнаю Рейчел — по бриджам и сапогам для верховой езды. Кроме того, у меня талант узнавать женщин по задку. Машина не ее, а Боб-Кэт. Эту грязную старую рухлядь ни с чем не перепутаешь.

По какой-то причине Рейчел роется на заднем сиденье машины Боб-Кэт.

Я пожимаю плечами. Это не мое дело. А с ребенком, похоже, всё в порядке. Он злится, но и только. Я продолжаю свой путь вверх по склону холма.

* * *

Доктор Сапфир Пиррус совсем не похожа на врача, и тем более на психиатра, но она получила соответствующее образование, о чем свидетельствуют дипломы на стенах. Но главное, что она умеет слушать.

Ее дом стоит достаточно высоко, и из него открывается вид на гавань. «Бумагами, — ответила мне Кэтрин, когда я спросил, чем она будет занята сегодня. — Несколько дней мы будем заниматься только выброшенными на берег дельфинами». Значит, весь день она проторчит в офисе, составляя отчеты. И все же я пытаюсь разглядеть ее лодку среди снующих в гавани рыболовных судов, яхт и паромов. Кажется, я вижу ее у причала, но уверенности у меня нет — слишком далеко. Чуть дальше, на внешнем рейде, стоит на якоре круизный лайнер «Принсесс Ройял». Он уже должен был отплыть к Южной Георгии, а оттуда — к Антарктиде. За это путешествие пассажиры выложили кругленькую сумму. Задержки им не нужны.

Но жители островов надеются, что похититель Арчи Уэста находится на борту судна. Стопфорд не может его отпустить.

Сапфир открывает дверь и проводит меня в кабинет в передней части дома. Здесь, как обычно, чувствуется слабый аромат масла пачули. Ее родители были хиппи — задолго до того, как это движение вошло в моду. Семья перебралась на острова сорок лет назад, когда Сапфир с братом были совсем маленькими. Родители мечтали о простой жизни и самодостаточности.

— Как вы? — спрашиваю я, занимая свое обычное место в кресле с деревянным каркасом, лицом к окну; отсюда я могу видеть гавань, наблюдать за лодками. — Простуда прошла?

Она кривит губы и садится напротив. Ее раздражает, когда я о чем-то спрашиваю. Эта женщина предпочитает все раскладывать по полочкам. Тот час, за который я плачу, посвящен мне и должен быть использован для обсуждения меня и моих проблем. Я не всегда следую этому правилу, потому что не хочу становиться несчастным, погруженным в себя неудачником, в которого, как мне кажется, меня превратит злоупотребление психотерапией.

— Последняя пара дней у вас выдалась непростой. — Она берет свой блокнот и подвигает к себе карандаш. Сапфир никогда не держит карандаш в руке, а просто время от времени берет его со стола, что-то записывая в блокноте. Подозреваю, она делает это намеренно, потому что однажды забыла вернуть карандаш на стол и беспрерывно играла с ним — вертела, крутила, стучала и катала по столу. Когда Сапфир берет карандаш, становится понятным, сколько душевных сил требует ее работа. А может, мне это только кажется...

— Разве вы интересуетесь слухами?

— Остров маленький.

Я не говорю ей, что на самом деле острова большие, не меньше Уэльса, и что маленькое здесь только население. Если ее слишком сильно разозлить, она откажется продолжать наши сеансы.

— Отлично выглядите, — говорю я, что, наверное, еще хуже. Хотя это сушая правда. Высокая и жилистая, скорее худая, чем стройная, умеет одеваться и предпочитает яркие цвета. Сегодня на ней сапфировый — под стать имени — кардиган до колен. Ноги у нее длинные и стройные. Казалось бы, имя Сапфир предполагает синие глаза, но ее глаза светло-серые, как и волосы, волнами спускающиеся к плечам. Кожа тоже бледная.

Однажды я спросил ее, почему девочку с серыми глазами называли Сапфир. Она поджала губы и несколько секунд молчала, вероятно, пытаясь найти способ увильнуть от ответа.

— Моего старшего брата называли Мистраль^[18], — наконец сказала она. — А младшую сестру — Пламя. Можно сказать, мне повезло.

Как я говорил, родители у нее были хиппи.

— Что вы хотели бы обсудить в первую очередь? — По ее тону я понимаю, что шутки на сегодня закончились. На самом деле меня интересует только одна вещь, но я буду чувствовать себя тряпкой, если начну с нее.

— У меня была очередная вспышка памяти, — говорю я и описываю инцидент на «Эндеворе». Точнее, все, что я о нем помню.

Сапфир слушает, не прерывая, время от времени делая пометки в блокноте. Между ее светлыми бровями появляется небольшая складка. Она сдержанно реагирует на рассказ о том, как я нашел Джимми Брауна, дав понять, что это для нее не новость, но когда я приступаю к самой интересной части (по ее мнению), начинает постукивать карандашом по подлокотнику своего кресла.

— Вы напали на Кэтрин? Ударили ее?

— Не так сильно, как она меня, — отвечаю я, вспоминая, как Кэтрин приложила меня ломиком. И, вспоминая пистолет у нее в руке, мысленно прибавляю «и не так сильно, как могла бы».

Там, на затонувшем корабле, именно полуавтоматический пистолет остановил меня и вернул к действительности. Позже, на лодке, когда Кэтрин ушла в каюту, я нашел оружие и как следует рассмотрел его. «Баллестер Молина», выпущенный несколько десятков лет назад, аргентинская копия знаменитого американского «Кольта М1911». «Кольт» копировали во всем мире, и иногда копия получалась лучше оригинала. Во Второй мировой войне британская армия использовала пистолет этой марки в некоторых тайных операциях. Я понятия не имел, как этот экземпляр попал в руки Кэтрин, но ее предки явно не были мирными людьми.

Как бы то ни было, «Баллестер Молина» — очень солидное оружие. И я не предполагал, что Кэтрин сумеет им воспользоваться. Женщина, которую, как мне казалось, я знал, не способна направить

пистолет на живое существо и спустить курок. Это показывает, чего стоит мое знание.

— Я не пытаюсь спускать это на тормозах. Бог свидетель, Кэтрин — последний человек, которому я могу сознательно причинить вред.

— Расскажите мне все, что помните. От того момента, как вы забрались на судно, до того момента, как пришли в себя.

Я пытаюсь, но вспышки памяти похожи на сны. Если не поймать их через несколько секунд после пробуждения, они быстро исчезают.

— Думаю, что-то связанное с бомбардировкой «Галахада».

— Ваш полк видел, что произошло, да? В то время вы занимали позиции у Фицроя? — Сапфир, как и все взрослые жители островов, хорошо знает историю конфликта.

2 июня 1982 года «Чинук» высадил нас на голое, продуваемое ветрами склоне холма над Порт-Плезант. Это был отдых перед решающим наступлением на Стэнли. Наученные опытом сражения за Гуз-Грин, мы окопались и смотрели, как два десантных корабля с солдатами и боеприпасами, «Сэр Галахад» и «Сэр Тристрам», входят в бухту прямо под нами. К нашему удивлению, войска остались на борту, что сделало оба судна легкими мишенями для аргентинской авиации.

Через несколько дней именно это и произошло. Мы слышали звук моторов приближающихся «Скайхоков»^[19], пулеметные очереди, увидели, как люди прыгают с горящего судна в воду. Выстрелы, рев «Скайхоков», грохот от взрывающихся боеприпасов — все это должно было оглушить нас. И, наверное, оглушило. Скорее всего, крики раненых и умирающих звучали только у нас в голове. Но я знаю, что тогда они казались реальными — и остаются реальными во время вспышек воспоминаний.

Мы бегом спустились на пляж и обнаружили, что не можем дотронуться до выживших, потому что их почерневшая кожа сходит клочьями. Вонь от пороха и фосфора, заполнившая воздух, разъедала наши легкие, но даже она не могла перебить запах обожженной плоти. С того дня меня тошнит даже от запаха барбекю.

— И двое сыновей Кэтрин, Нэд и Кит. Они тоже там были. Но во вспышках памяти нет никакой логики. Они как галлюцинации пьяного и обдолбанного наркомана. В твоей голове одна за другой мелькают самые страшные картины, которые только можно представить.

— В этом-то и смысл. — Сапфир наклоняется ко мне; я чувствую резкий мускусный запах ее духов. — В состоянии стресса, усугубленного присутствием Кэтрин, вы переноситесь в то место, где пережили одни из худших минут в своей жизни. И, кроме того, вы нашли не только тело маленького мальчика, хотя и не того, кого искали, но также игрушку, принадлежавшую еще одному погибшему ребенку. Который много для вас значил.

— Может, это вовсе не кролик Кита.

Она нетерпеливо встряхивает головой:

— Неважно. В тот момент вы думали, что это он. Я не удивлена, что это вызвало приступ. Удивляет другое: почему вы оказались в этой ситуации.

Я пожимаю плечами:

— Мы все хотели найти парня.

— На островах две тысячи солдат, которые могли отправиться туда. Вы уверены, что это не предлог, чтобы побыть наедине с Кэтрин?

Сапфир пленных не берет. С начала сеанса прошло пять минут, а она уже меня расколола.

— Вы думали о том, что мы обсуждали в прошлый раз?

Я встаю и подхожу к окну. В залив входит рыболовное судно, оставляя за собой белый пенный след. Над ним парит стая птиц.

— Каллум, примерно через год после того, как вы здесь поселились, у вас исчезли почти все симптомы ПТСР. Вы прочно встали на путь выздоровления.

Я знаю, что будет дальше. Уже слышал.

— Затем, почти сразу после несчастного случая с машиной Гримвудов, сильные вспышки памяти возобновились. — Голос Сапфир звучит громче, и я понимаю, что она повернулась в своем кресле и смотрит на меня. — Не нужно быть гением, чтобы понять: они напрямую связаны с тем несчастьем, со свежей травмой, которую вы получили.

— Как ваш папа? — спрашиваю я. — Готов к праздничной ночи? — Отец Сапфир отвечает за фейерверк 5 ноября.

Она игнорирует вопрос. Я не ее виню. Отвлекающий маневр был не слишком удачным.

— Три года никаких признаков улучшения. Более того, судя по тому, что вы мне только что рассказали, приступы становятся сильнее.

Если вы от меня ничего не скрываете, то к физическому насилию вы прибегли впервые.

— Я ничего от вас не скрываю. — Разумеется, это неправда.

— Мне кажется, Кэтрин и ее горе оказывают непосредственное и разрушительное воздействие на ваше психическое здоровье. Она отказывается примириться со своей утратой, а поскольку Кэтрин — часть вашей жизни, вы тоже не можете переступить через то, что случилось.

Я резко поворачиваюсь:

— Она потеряла двух детей. Трех. — Голос у меня дрожит, и я понимаю, что совершил ошибку, которая не останется незамеченной. — Как вы думаете, когда она должна с этим примириться? Через полгода? Год?

— Вы должны с ней поговорить. Вы сами знаете.

— Она недостаточно сильна для этого.

Еще одно движение светлых бровей идеальной формы.

— Вчера Кэтрин убила почти две сотни дельфинов. Думаю, она сильнее, чем кажется.

Патовая ситуация. Я раздражен. Судя по выражению глаз, Сапфир тоже. Но она профессионал и первой берет себя в руки.

— Вы полагаете, что не можете говорить с Кэтрин о таких болезненных вещах, потому что боитесь, как это на нее подействует?

— Может, я боюсь, как это подействует на меня.

Она качает головой:

— Не согласна. Речь всегда шла о том, что лучше *для нее*. Я по-прежнему считаю, что это неправильно. Речь о вас двоих.

— Она потеряла все.

— Возможно, вы тоже.

Я тяжело вздыхаю.

— На свете есть другие женщины, — говорит Сапфир, уже не в первый раз, но теперь ее голос звучит мягче. — На островах есть другие женщины.

Я улыбаюсь, и это вовсе нетрудно. Она мне нравится, хотя и не дает мне спуска.

— Например, вы. Хотя вы можете решить, что это неэтично.

Ожидая ее ответа, я вдруг понимаю, что шучу лишь наполовину. Вне всякого сомнения, Сапфир сексуально привлекательна, хотя она

лет на десять старше меня. И замужем. Внезапно идея трахнуть ее кажется просто блестящей. Прямо здесь, прямо сейчас. На тонком бежевом ковре или на столе, наблюдая за судами, выходящими в море. Взгляд Сапфир прикован к блокноту. Я жду, пока она посмотрит на меня. Прочту ответ в ее глазах и буду действовать по обстоятельствам.

— Это было бы абсолютно неэтично, — ровным голосом говорит она, продолжая смотреть в блокнот. Я чувствую себя мудаком.

Атмосфера в комнате становится напряженной. Я раздумываю, не уйти ли мне, хотя до конца сеанса еще двадцать минут.

— Какой Кэтрин была прошлой ночью? Когда вы вдвоем везли ребенка. Должно быть, ей было очень тяжело.

Обычно Сапфир не желает тратить мое время на обсуждение Кэтрин. Тот факт, что она заговорила о ней, означает, что я прощен. Или что она выбрала наилучший из известных ей способов отвлечь внимание от себя. Я возвращаюсь к креслу и сажусь, решив, что оставшееся время буду пайнкой.

— Тихой. Как будто все еще переваривала случившееся. Но я чувствовал себя примерно так же. Думаю, мы оба были на автопилоте.

Сапфир кивает, и это сигнал — ей нужно, чтобы я продолжал говорить.

— Она была необычно молчаливой. Даже по ее меркам. Никаких вопросов, вроде: «Как он сюда попал? Каковы шансы, что мы проехали бы мимо?» В общем, совсем не та реакция, которую можно было ожидать. Словно она... не знаю... восприняла все как должное. Автопилот, как я уже сказал.

— Думаете, это изменит общественное мнение? Что она помогла найти мальчика?

— А вы уверены, что общественное мнение нужно менять?

— Она убила две сотни дельфинов.

— Она избавила от мучений две сотни умирающих животных.

— Не все к этому так относятся. — Ее тон стал резче. Она делает это сознательно — дразнит меня.

— Жители островов всё поймут.

— Некоторые. Возможно, большинство. Но всегда найдутся сомневающиеся. Не слишком ли она поторопилась? Испробовала ли другие средства? Кроме того, как я понимаю, там было много туристов.

— Через пару дней их здесь не будет. Я не удивлюсь, если то круизное судно отчалит сегодня.

Сапфир снова кивает, хотя я вижу, что она со мной не согласна. Она затронула тему, которая, должен признаться, меня сильно беспокоит. Кэтрин нужна поддержка. А после вчерашнего я не уверен, что она получит такую поддержку от окружающих.

— Вы всё еще ее любите?

Вопрос застаёт меня врасплох. Раньше Сапфир никогда не спрашивала напрямую.

— Вы пытаетесь ее защитить. Не только от меня. Вчера вы сломя голову бросились на Спидвелл — это ведь из желания подстраховать ее, так?

Я киваю, пытаюсь сделать вид, что отрицание будет пустой тратой времени.

— Она не та женщина, которую я знал. Я продолжаю надеяться, что Кэтрин вернется, хотя бы отчасти, но она похожа на пустую оболочку. Как это у вас называется... картонная коробка.

— Согласна. Но я спрашивала не об этом.

Откидываюсь назад и закрываю глаза. Люблю ли я Кэтрин? Фактически несколько часов назад я сделал ей предложение, удивив себя не меньше, чем ее. «Поехали со мной», — сказал я, имея в виду свою родину на другом конце планеты. Имея в виду: «Оставь это место и связанные с ним мучительные воспоминания, строй новую жизнь. Рискни поверить, что ты можешь быть снова счастлива».

Кэтрин не ответила. Всю обратную дорогу не проронила ни слова. Мне хотелось бы убедить себя, что она думает об этом, но даже я не настолько туп.

— Единственное, что я точно знаю, — она стала частью меня. Теперь мне это не особенно нравится. Это похоже на ПТСР или на фантомные боли в отсутствующих конечностях или изуродованных лицах, которые мучают моих сослуживцев. Я просто научился жить с этим.

— Интересно, что вы сравниваете свои чувства к Кэтрин с полученными на войне ранами.

— Думаете, я упрощаю?

— Думаю, ваши чувства к Кэтрин похожи на пулевое ранение, которое еще не зажило. После вашего разрыва прошло три года, а вам

все еще больно.

Она права. Я всегда знал, что она права, и теперь у меня нет сил спорить.

— Что мне с этим делать?

— Ну, полагаю, нужно начать с разговора.

— Я с ней разговариваю. Вчера мы почти целый день провели вместе.

— Речь не о дружеской болтовне. Обсудите ваши отношения. Почему они случились. И почему закончились.

Я смотрю на часы и решаю, что время вышло — независимо от того, прошел час или еще нет.

— Они случились потому, что не могли не случиться. А закончилось потому, что после смерти сыновей ей все стало безразлично. Говорить тут не о чем. — Встаю и кладу деньги на стол. Обычно я отпускаю какую-нибудь шутку насчет полученного удовлетворения. Но не сегодня.

— Нет, есть. — Сапфир провожает меня из комнаты и идет вслед за мной по коридору. Раньше она никогда не продолжала разговор после окончания сеанса. — Ребенок, которым она была беременна, когда погибли мальчики. Которого она потеряла.

Я знаю, что будет дальше. Открываю дверь и выхожу, не оглядываясь. В этом нет нужды. Ее прощальная фраза прекрасно слышна и так.

— Каллум, вам нужно знать, был ли тот ребенок вашим.

15

Домой я не иду. Бог свидетель, у меня куча работы, но сегодня толку от меня будет мало. Вместо этого я еду на пляж в двух милях от Стэнли. Выхожу из машины и бегу через дюны.

Надвигается шторм. Ветер усиливается и гонит на берег огромные волны. Птицы над моей головой — Кэтрин знает, как они называются, а для меня это просто большие шумные птицы — устроили настоящее представление; они пикируют, кувыркаются, громко кричат, широко раскрывая клювы.

Это один из самых пустынных пляжей, который редко посещают даже жители острова. Камни здесь слишком низкие, чтобы за ними

можно было укрыться, и слишком многочисленные, чтобы тут можно было играть в мяч. Кроме того, здесь почти невозможно все время держать детей в поле зрения. С другой стороны, этот пляж — идеальное место гнездования всяких живых существ, и поэтому Кэтрин всегда его очень любила.

И еще это прекрасное место для пробежек, если вы считаете, что необходимость беспрерывно лавировать между камнями полезна для ваших рефлексов и гибкости. Именно так мы с ней повстречались.

* * *

Я бежал, быстро и энергично, получая удовольствие от бега. Жизнь была хороша. После переезда на Фолкленды ночные кошмары и вспышки памяти по большей части прекратились. То ли это люди и образ жизни, которых мы защищали; то ли близость к демонам, такая, что можно было различить белки их глаз; то ли просто мир и покой, оставлявшие время на размышления, — так или иначе, моя голова чувствовала себя лучше, чем последние несколько лет. И физически я тоже был здоров. Регулярно занимался бегом, поднимал тяжести, играл в футбол. С работой все было хорошо. Я ни в чем не нуждался, немного откладывал, надеясь однажды добиться большого успеха. У меня был легкий флирт с женщиной, работавшей в офисе губернатора. Мы оба знали, что будущего у наших отношений нет — по крайней мере, я знал и очень надеялся, что она тоже. Как говорили парни у нас в полку: «Член занят — голова свободна».

Все было хорошо. Жизнь была полна, насколько это возможно. А потом я свернул за груды высоких камней — и словно кто-то взял отбойный молоток и прошелся по этой жизни, открыв огромную пустоту, которую могла заполнить только одна женщина.

Я увидел их ярдах^[20] в ста от меня. Женщина и двое детей шли по пляжу, обходя камни и лужи у кромки воды. На всех были шорты и легкие светлые свитера. Они держались за руки. Младший ребенок шел дальше всех от моря, но его шорты были мокрыми от брызг. Длинные темные волосы женщины напоминали водоросли, плескавшиеся у самого берега.

Я прибавил шаг. Никому не понравится, когда навстречу им несется такой громила, как я. Они что-то рассматривали в воде, но при моем приближении подняли головы. Внезапная мысль заставила меня остановиться.

— Там колония тюленей. — Я говорил громко, стараясь перекрыть ветер, и обращался к женщине. Кивком указал направление, откуда прибежал. — Они агрессивны. Наверное, не стоит подпускать к ним детей.

— Это детеныши южного морского льва, — крикнул мне в ответ старший мальчик. — Им около шести недель. Они без мам. Мамы делают еду в море.

— Добывают, — поправила его мать.

Приблизившись, я увидел начинающую грубеть кожу и мелкие морщинки в уголках глаз женщины — ей уже давно не двадцать, скорее около тридцати. Примерно моего возраста.

— Вы солдат, — сказал мальчик.

Я рискнул подойти еще ближе. Младший прижался к ногам матери.

— Меня зовут Каллум. — Я смотрел на мать. Потом прибавил: — Каллум Мюррей.

Она кивнула, как будто это для нее не новость.

— У вас есть пистолет? — Старший мальчик был уже рядом со мной и смотрел на меня снизу вверх.

— Больше нет. — Это было не совсем правдой, но мне показалось, что именно такой ответ предпочитает мать. Теперь я не мог оторвать от нее глаз. Ее худое лицо было совершенным — каждая черточка точно такого размера и формы, как и должно быть. Никакого макияжа. Этому лицу не нужен макияж; любая косметика сделает его похожим на одну из этих страшных китайских кукол.

Ее глаза, слезящиеся от ветра, были цвета окружающих нас камней. Волосы, длинные и прямые, беспрестанно шевелились на ветру. Вблизи они еще больше напоминали водоросли. Кожа женщины имела оттенок слоновой кости, как у песка. Вся она походила на оживший пляж.

Дети тоже были темноволосыми. Старший — копия матери, а у младшего более темные волосы и карие глаза. Даже в таком юном

возрасте форма его подбородка почему-то привела меня к выводу, что он унаследовал его от отца.

— Мы Куинны, — сказала женщина, обнимая прислонившегося к ней малыша. Интересно, подумал я, намеренно ли она использовала множественное число, подчеркнув, что они семья. *Мы одно целое. Даже не думайте разделять нас.* — Это Кит. А тот, кто интересуется оружием, — Нэд.

Я ждал, вопросительно вскинув бровь. Этим она не отделается.

— Кэтрин, — через секунду прибавила женщина. — Моего мужа зовут Бен. Он врач в больнице.

Да, это определенно сигнал. *Я не свободна. Даже не думай об этом. Оставь нас в покое.*

— И еще. Я не уверен, но мне кажется, у самого берега я видел стадо косаток. Если они охотятся на тюленей, думаю, вам не стоит... — Я посмотрел сначала на одного малыша, затем на другого; не сомневаясь, что она поняла намек. Не стоит рисковать жизнью детей, приближаясь к голодной косатке.

Кэтрин тоже смотрела на мальчиков. И вдруг ее лицо оживилось.

— А вот теперь, похоже, нам нужно кое на что посмотреть. — Последний, пренебрежительный, взгляд в мою сторону. — Спасибо.

Она повернулась и побежала легкой трусцой. Дети не отставали. Через несколько минут они уже приближались к скалам, отделяющим безопасную часть пляжа от колонии тюленей. Или морских львов. Впрочем, неважно.

Я пошел за ними. Животные, которых я видел, были крупными, агрессивными и многочисленными. Они лаяли на меня, когда я огибал их колонию, и мне не нравилась идея, что компания из крошечных человечков попадет им в зубы. Даже если матери детенышей еще не вернулись из своей экспедиции. Даже без дополнительной угрозы со стороны стада китов-убийц.

Женщина с детьми исчезли за камнями, и я перешел на бег. А когда увидел их снова, то с облегчением выдохнул. Они устроились на широком плоском камне на безопасном расстоянии от животных. Кэтрин заметила меня и улыбнулась, показывая на черный треугольный плавник, неспешно перемещавшийся вблизи от береговой линии.

Я замедлил шаг и присоединился к ним, выбрав камень на некотором удалении. Достаточно близко, чтобы разговаривать, но не слишком, чтобы показаться назойливым. Младший, Кит, сидел на коленях у матери, старший прижался к ее боку.

— Там их три штуки, может, четыре, — сказала она, не отрывая взгляда от черного треугольника на воде. — Маленькое стадо; возможно, подростки решили поразвлечься. Ждут, пока детеныши морских львов войдут в воду. Этот мелкий пляж — популярное место у молодняка.

— Мама, я не хочу, чтобы киты съели детеныша.

Кэтрин обняла старшего сына:

— Вряд ли это случится, милый. Смотри, пингвины заметили, что собираются делать большие косатки.

Такое впечатление, что прибой ожил — у кромки воды внезапно появилась стая гладких, жирных пингвинов. Они толкались, дрались, истерически хлопали своими маленьким крыльями, стараясь выбраться из моря. Позади них скользили по воде четыре черных паруса.

Детеныши морского льва закричали на вторгшихся на их территорию пингвинов, которые путались в водорослях и громко галдели. Одновременно в небе, словно из ниоткуда, появились морские птицы и собрались над тем местом, где вода — я был в этом уверен — окрасилась красным. Косатки до кого-то добрались.

В полосе прибоя началось настоящее представление: пингвины выскочили на камни и принялись прыгать по ним, словно шарики в лотерейном барабане. Оказавшись на берегу, они продолжали прыгать с камня на камень, все дальше удаляясь от воды. Младший мальчик рассмеялся.

— Это пингвины-скалолазы. Видите большие желтые брови? Смотрите, как они прыгают к скале, к своим гнездам. — Кэтрин повернулась к мальчикам: — Давайте пойдём туда и посмотрим на птенцов.

Она видела, что косатки кого-то убили, и отвлекала внимание сыновей. Когда они встали, я тоже поднялся.

— Похоже, вы знаете, что делаете. Не буду вам мешать.

— Приятно было познакомиться.

Она протянула руку, и я на мгновение растерялся, подумав, что рука тянется ко мне. Кажется, я даже испугался, что придется пожать ее, но потом понял, что рука предназначена для старшего мальчика. Тот ухватился за ладонь матери и поплелся сзади, оглядываясь на меня. Задерживаться не стоило, чтобы не пугать их, и я снова побежал. Через сотню ярдов что-то заставило меня остановиться. Оглянувшись, я увидел, что Кэтрин Куинн смотрит на меня поверх камней.

Тогда я все понял. И она тоже. Хотя прошло еще четыре месяца, прежде чем я заставил ее в этом признаться.

* * *

У самой земли с криком пролетает чайка. Наверное, я слишком близко подошел к ее гнезду. Вьют ли чайки гнезда в ноябре? Понятия не имею. Кэтрин часами рассказывала мне о дикой природе островов. Я ничего не запомнил. Просто наслаждался звуком ее голоса.

Я поворачиваю и направляюсь к машине. Здесь для меня нет ответов.

Мой психотерапевт с нелепым именем права. Два с половиной года назад, когда землю скрывал толстый слой снега, женщина, сердце и душа которой были разбиты, родила крошечного мертвого мальчика. Я должен знать, был ли он моим, и сказать мне об этом может только Кэтрин.

* * *

После той встречи на пляже я начал высматривать Кэтрин в городе. Выяснил, где она живет, где работает на полставки, в каком отделении больницы трудится ее муж. Я узнал, в какой детский сад она по утрам отводит мальчиков, пока сама занята в Фонде дикой природы. Я начал бывать в Стэнли в то время, когда мог увидеть ее, — болтался в городе, смотрел, как уходит и возвращается ее лодка, проверял все серебристые «Лендроверы», на тот случай, если это ее машина. Похоже на преследование? Да, похоже. Но я просто ничего не мог с собой поделать.

Я начал бегать на том пляже каждый день, потому что там она могла рассчитывать на встречу со мной. И через две недели Кэтрин действительно пришла.

Она сопротивлялась. У нее было двое маленьких детей, полная забот жизнь. Ей совсем не был нужен кто-то, кто мог все это разрушить, как карточный домик. Когда я намекнул, что мне нужно больше, чем шапочное знакомство, Кэтрин начала меня сторониться.

Я стал участвовать в общественной жизни Стэнли: танцы, ночные киносеансы, собрания игроков в вист^[21]. В вист, черт бы его побрал! Время от времени меня ждала награда — я видел ее вместе с мужем. Он был довольно приличным парнем, и я не слишком гордился тем, что делаю, хотя нисколько не сомневался, что он ее не любит. И вряд ли когда-то любил. В нем чувствовалась какая-то холодность. Он ни разу не прикоснулся к ней на публике, никогда собственническим жестом не обнимал за талию, не гладил по волосам. Я ни разу не видел, чтобы он ее целовал. И хорошо, что не видел. Я мог бы ему врезать, и это было бы трудно объяснить.

Я никогда не уходил с мероприятия раньше них. Смотрел, как Кэтрин садится за руль — она никогда не напивалась, — а потом шел домой, мучимый воспоминаниями о том, как взметались ее темные волосы, обнажая плечи и шею, о плавном изгибе подъема ее ноги, когда она надевала туфли на каблуках. Я думал о том, что почувствую, прикоснувшись к ней, и вздрагивал, говоря себе, что сойду с ума, если этого не произойдет.

А потом, через несколько месяцев после нашего знакомства, я столкнулся с ней, когда она с трудом тащила какие-то коробки со своей лодки. Шел дождь, и ее волосы, больше чем когда-либо походившие на морские водоросли, струились по спине. Я взял коробки, донес до машины и предложил кофе.

— Я бы предпочла что-нибудь покрепче, — ответила Кэтрин, удивив меня.

Десять минут спустя мы сидели в баре «Виктория» с двумя большими порциями бурбона, и она рассказывала о затонувшем корабле, к которому ныряла. Поблагодарив Бога и его светлых ангелов за курс погружения с аквалангом, пройденный в армии, я принялся расхваливать этот вид спорта, хотя и опасался переборщить. Может,

это было виски, может, я утомил ее своим энтузиазмом, но когда мы допили свои порции, Кэтрин опустила взгляд.

— Я буду здесь в пятницу. — Она водила пальцем по лужице воды на деревянной крышке стола, изображая непринужденность и беспечность. Но меня не обманешь. Вторая рука у нее тряслась, как маракас музыканта, исполняющего сальсу. — Мне нужно собрать кое-какие образцы. Можете прийти, если хотите.

Я сделал вид, что обдумываю предложение.

— В пятницу утром у меня встреча. Но, наверное, ее можно перенести. Спасибо, это было бы здорово.

Трое суток я почти не спал. И питался одним супом, потому что спазмы в горле не пропускали твердую пищу. В пятницу я ждал на почти неиспользуемой пристани в Уэйлбон-Бэй неподалеку от ее дома. Она предложила забрать меня там, чтобы нас не видели вместе, когда мы покинем порт Стэнли, и я все понял. Черт, я все понял в тот момент, когда увидел ее. Сомнений у меня не было. Оставался лишь один вопрос — *когда*.

Кэтрин опоздала на десять минут. Через пять минут ожидания я решил, что она не появится. Струсил. Или решила разыграть меня и теперь сидит где-нибудь с подружками, пьет кофе и хихикает, обсуждая легковых парней, в частности, тупых бывших вояк. Честно говоря, я не знал, как переживу следующий час. Затем из-за мыса показалась ее лодка. Солнце отражалось от стекол рулевой рубки, но на носу я смог разглядеть маленькую толстую собаку.

Кэтрин бросила мне фал, я поймал его, запрыгнул на борт, затем оттолкнулся от причала.

— Техника безопасности не рекомендует такой способ швартовки. — Она включила задний ход, чтобы отойти от причала, затем развернула лодку и направила в открытое море.

— Ветер крепчает. — Я намотал фал на руку, затем отпустил. — Если волнение усилится, вы, наверное, не захотите погружаться с таким новичком, как я. А мне очень хотелось бы взглянуть на «Мэри Джейн».

Я бессовестно лгал. Мне было плевать, будем мы погружаться или нет. Если честно, я предпочел бы этого не делать. Единственное, что меня заботило, — оказаться у нее на лодке и уплыть достаточно далеко, чтобы никто не мог нам помешать. И мы уже были на полпути.

Нырнуть все же пришлось. Кэтрин твердо решила как можно дольше держать меня на расстоянии, и если она хотела сделать вид, что приплыла сюда обследовать затонувший корабль, я был готов подыграть. Мы надели гидрокостюмы, баллоны, маски, загубники, ласты и прыгнули в море.

Холодная вода охладила мой пыл — почти. Солнце к этому времени скрылось за облаком, и видимость была плохой. Погружаясь все глубже и глубже, я ориентировался по энергично работающим ластам Кэтрин и лучу ее налобного фонаря. Меня интересовало, занимался ли кто-нибудь сексом на дне океана. Вслед за Кэтрин я нырнул внутрь старого китобойного судна, отводя в сторону колышущиеся водоросли, проскальзывая между листов железа и продвигаясь на ощупь, когда терял из виду луч фонаря. Время от времени она останавливалась, дожидаясь меня, и направляла луч света на медную табличку или груды гарпунов. Я делал вид, что мне интересно, но на самом деле желал лишь одного — схватить ее за волосы, которые колыхались в воде, как живые, и притянуть к себе. Я видел, как блестят ее глаза под маской. Здесь Кэтрин двигалась очень быстро, гораздо быстрее меня, — превосходный пловец. Под водой она меня не боялась.

Облазив на затонувшем корабле все, что только можно, мы выбрались наружу через огромную дыру в правом борту, и Кэтрин оглянулась, чтобы убедиться, что я следую за ней. Я взял ее за руку.

Мы плыли среди пляшущих теней у самого океанского дна, почти в невесомости. Ее лицо находилось на одном уровне с моим. Я притянул ее ближе, выплюнул загубник и поцеловал ей руку.

Она запаниковала, схватила загубник и протянула мне. Я улыбнулся, взял загубник и медленно, показывая, что нисколько не волнуюсь, вернул его на место. Затем поднял большие пальцы вверх, показывая, что хочу всплыть, и она кивнула.

Вернувшись на лодку, мы мгновенно замерзли. Дрожа, сняли с себя снаряжение, и Кэтрин позволила мне стянуть с нее гидрокостюм и обернуть полотенцем черный купальник, который она надела под низ. Ее волосы свисали до талии, и вода капала с них на пол рубки. Раздевшись до плавок, я отнес ее через рубку в каюту на носу.

В армии я прыгал с парашютом не один десяток раз, но первый прыжок никогда не забуду. Почти парализующий ужас, когда самолет

взбирается все выше и выше, и ты знаешь, что единственный способ вернуться на землю — свободное падение. Осознание, что этот момент приближается и что нужно выпрыгнуть из самолета. Уверенность, что через несколько секунд ты умрешь. А затем — неописуемая радость, что ты летишь в небе, словно стрела, чувство абсолютной, бесконечной силы, ощущение, что все возможно. То же самое было в первый раз с Кэтрин.

Даже сегодня мне достаточно закрыть глаза, чтобы вспомнить ледяной шелк ее кожи, когда она прижималась ко мне, сначала чтобы согреться, а потом потому, что не могла оторваться от меня. Или ее волосы, опутывающие меня, словно мокрые нити. Пьянящее волнение от того, что женщина моей мечты стала женщиной, которая впивается зубами мне в шею, проводит ладонями по моим бедрам, своими ласковыми пальцами сводя меня с ума.

Кэтрин оказалась восхитительно неопытной. Она знала только Бена, а тот явно не был мастером импровизации. Она стонала и вскрикивала, шептала «нет», но извивалась, как угорь, брыкалась, как новорожденный жеребенок, и прижималась ко мне с силой, которая меня удивила.

Потом, когда я без сил лежал на спине на крошечной койке, глядя на деревянные панели потолка, а она прильнула ко мне, положив голову мне на плечо и хозяйским жестом положив руку на мою грудь, я сказал, что люблю ее.

Ей на такое признание потребовалось время. Но это не имело значения. Того, что я чувствовал, хватало нам обоим. К концу первого месяца я умолял ее бросить Бена. И продолжал умолять, вплоть до того момента, как он сам бросил ее, а она посмотрела на меня этим пустым взглядом. Наверное, именно тогда я и сдался.

* * *

Я еду домой и приступаю к работе. На Западном побережье США, где базируется мой основной бизнес, время отстает от нашего на пять часов, и скоро люди, с которыми мне нужно поговорить, рассядутся по своим рабочим местам.

Вечером поеду в город и напьюсь в стельку. К жителям Стэнли вернется хорошее настроение — тревоги из-за исчезновения Арчи Уэста остались позади. «Глоуб» будет забит до отказа, местными и туристами. Будет греметь музыка, а женщины не станут отказываться от легкого лирта.

Сапфир права: Кэтрин не единственная женщина на островах. И, возможно, ласковая и страстная подруга — это именно то, что нужно.

Я печатаю электронное письмо своему помощнику по имени Сэм, который живет в Пало-Альто. У меня дома есть система ISDN, которую мои работодатели установили, когда я переехал сюда, и постоянная связь с внешним миром не проблема. Вероятно, у меня лучшая IT-система на островах, если не считать военных. Вот почему я первым узнаю о разразившейся в большом мире буре, одновременно с той, которая всей мощью обрушивается на Фолкленды.

Начинается все достаточно невинно.

«Ты попал в сводки новостей», — пишет Сэм.

«Да?» У меня слишком большие пальцы, чтобы ловко управляться с клавиатурой, и я экономлю слова.

«Во всех газетах. Здесь и в Британии. Сегодня у Южной Америки настоящий бенефис».

«Да?» Меня это не интересует. Должно быть, Джон Мейджор сказал что-то нелестное об аргентинцах, и они всполошились. Время от времени такое случается. Или губернатор выступил с преждевременным заявлением о запасах нефти в районе островов.

«Попробую прикрепить картинку. Подожди».

Я жду. Вернее, встаю, варю кофе, иду в туалет, потом смотрю на дождь, который льет как из ведра, а через десять минут возвращаюсь и нахожу в своем почтовом ящике новое письмо с прикрепленным файлом. Открываю его, вижу скан первой страницы «Дейли миррор» и понимаю, что роль Кэтрин в счастливом возвращении маленького Арчи Уэста не повлияет на ее репутацию на островах. И тот факт, что она нашла тело Джимми Брауна, покончив с семнадцатью месяцами мучительной неизвестности для его родителей, не произведет ни малейшего впечатления на остальной мир. Даже я, невежественный бывший парашютист, понимаю, что такое настоящая сенсация.

Снимок сделал кто-то из туристов, причем очень хорошей камерой. Превосходное разрешение. Должно быть, он воспользовался

телеобъективом — я не помню, чтобы кто-то подходил так близко. Я там тоже есть, но вполоборота, и чтобы узнать меня, нужно хорошенько присмотреться. Пит — он тоже на заднем плане — опустил взгляд, как будто его тошнит. Фотография цветная, так что я прекрасно вижу кровь на пляже, в воде и на лице женщины в центре кадра.

Это фотография Кэтрин с развевающимися волосами, которые придают ей вид мстительной фурии, рядом с шестиметровым самым гринды. В руке у нее пистолет. Она смотрит на свою жертву. Дуло пистолета окутывает едва заметный дым. Пасть животного раскрыта, словно в крике, хотя это только кажется. И заголовок:

УБИЙЦА КУИНН^[22]

16

Когда я добрался до Стэнли, дождь немного стих. Но это временно. Над морем снова собираются тучи. Заметив машину Роберта Дункана перед редакцией «Пингвин ньюс», я с облегчением вздыхаю. На его поиски я потратил бы много времени. Прилавок, за которым раз в неделю продают газету, пуст, так что я поднимаю крышку и прохожу в заднюю комнату. Все три штатных работника редакции на месте, и все трое висят на телефонах. Роберт замечает меня, поднимает палец и продолжает разговор.

Я не хочу, чтобы Кэтрин видела это фото. Не хочу, чтобы его вообще кто-то видел. И абсолютно уверен, что, если придется, смогу на пару дней заблокировать электронную почту на островах. Конечно, до армейских компьютеров не добраться, защита у них слишком надежная, но со всем гражданским трафиком я разберусь. Люди просто подумают, что возникли проблемы с телефонной связью. Они обратятся к своим провайдерам, для которых Фолкленды — не самый высокий приоритет, а через день или два я снова открою краник для информации. Двух или трех дней должно быть достаточно, чтобы буря утихла. Люди быстро забывают, и через пару дней мир найдет новый повод для возмущения.

Но мне нужно знать, дошла ли новость сюда. Видели ли Роб и его сотрудники статью, которая лежит у меня в кармане куртки.

— Я уверена, что они перезвонят вам, как только смогут. — Кэти, главная (и единственная) корреспондентка Роба, выглядит измученной. — У Фонда дикой природы очень мало людей, и, по всей видимости, в данный момент все телефонные линии заняты.

Похоже, я опоздал.

— Каллум, чем я могу помочь? — Роб закончил разговор. Он встает и огибает свой стол. Правой рукой я отвечаю на рукопожатие, а левой достаю из заднего кармана фотографию.

— Вы это видели?

Ему достаточно одного взгляда.

— Телефоны уже час как разрываются. Проклятые туристы...

— Кэтрин знает?

Роб удрученно кивает:

— Должна. Я хотел предупредить Джона, как только поступил первый звонок. Но мы не смогли связаться с ними, так что, похоже, им звонят больше, чем нам.

— А вот это уже интересно. — Мейбл, мать Роба и младший сотрудник редакции, тоже закончила разговор. — «Ньюс интернешнл» арендовали самолет, Роб. Могут появиться здесь завтра днем.

— Из-за кучки долбанных мертвых дельфинов? — Я вне себя от ярости. — Мейбл, Кэти, прошу прощения.

Телефон Роба снова звонит. Он морщится, извиняясь, и отворачивается, чтобы взять трубку. Я слышу слова «предсказуемая природная катастрофа» и понимаю, что это надолго.

— Дело не только в дельфинах, Каллум. — Телефон Кэти звонит, но она не обращает на него внимания. — Они связывают умерщвление дельфинов и исчезновение Арчи Уэста.

На мгновение я лишаюсь дара речи.

— Каким образом, черт возьми? Здесь же нет никакой связи.

Между бровями Кэти пролегает глубокая складка.

— Конечно, нет. Но ты должен понимать, что они имеют в виду. У нас есть похищенный британский ребенок и жительница острова, совершившая массовое убийство. — Она поднимает руку, останавливая меня. — Да, мы понимаем, что эти действия оправданны, но попробуйте рассказать об этом людям, которые знают о жизни дельфинов только по фильму «Освободите Вилли»^[23]. Кроме того, эта

женщина, у которой в прошлом уже был нервный срыв, привезла в город похищенного ребенка.

— С головой у Кэтрин всё в порядке, и это она нашла долбаного ребенка.

Мейбл встает и идет на кухню.

Теперь хмурится даже добродушная Кэти:

— Возможно, но именно так передают в утренних сводках новостей. По их словам, она исчезла с пляжа вся в крови, а через несколько часов появилась в Стэнли с ребенком на руках.

— Долбаное дерьмо! Я был с ней в машине. Почти всю дорогу она спала. И это было чистым везением, что мы его заметили.

Мейбл возвращается и останавливается прямо передо мной, держа в руке жидкость для мытья посуды. Я опускаю взгляд. На флакон, на нее.

— Следите за языком, молодой человек, или мне придется вымыть вам рот, — говорит она. — Да, у нас отдел новостей, но мы не на Флит-стрит, и не мы пишем это дерьмо.

Голова Мейбл едва достает мне до подмышек, а весит пожилая дама, наверное, раза в четыре меньше, но у меня такое чувство, что если я улыбнусь, то сильно пожалею об этом.

— Но слово «дерьмо» мне позволено произносить?

Она машет флаконом «Фейри» у меня перед носом:

— Нет. *Мне* позволено, потому что мне девяносто два года и мне уже на все плевать. Вы же можете говорить «да, мэм», «нет, мэм», «прошу прощения, мэм», но на вашем месте я бы ушла отсюда и попыталась найти Кэтрин.

— Кроме того, тело Джимми Брауна найдено в бухте, где она часто бывает. — Кэти осмелела, чувствуя поддержку.

— О чем ты? Это я предложил обыскать затонувший корабль.

Кэти решительно трясет головой:

— В городе говорят другое.

Роб закончил телефонный разговор, и я поворачиваюсь спиной к Кэти.

— Подтвердилось, что ребенок с «Эндевора» — Джимми?

Он смотрит на меня поверх головы Мейбл.

— Вчера после обеда они провели предварительное обследование. Пока вы с Кэтрин были на Спидвелле. Это точно Джимми. У них был

слепок зубов.

Я жду продолжения.

— Естественно, семье сообщили. Теперь все ждут прибытия патологоанатома.

На островах нет никого, кто мог бы выполнить патологоанатомическое исследование. При необходимости к нам прилетает специалист из Великобритании. Пройдет еще несколько дней, неделя или даже больше, прежде чем мы узнаем, что случилось с Джимми.

Роб морщится:

— Мы не рассчитываем узнать что-то новое. Судя по тому, что они выяснили вчера, очевидной причины смерти нет, а остатки одежды говорят об отсутствии посягательств. Боб говорит, что мы, скорее всего, никогда не узнаем, что с ним случилось, но есть все основания предполагать, что, если ребенок зашел в море в Сёрф-Бэй, его вполне могло унести в Порт-Плезант.

Звонит телефон. Роб автоматически берет трубку. Я поворачиваюсь к Мейбл:

— Значит, Стопфорд снова счастлив. Арчи найден живым и невредимым, смерть бедного маленького Джимми — несчастный случай. Никаких монстров на Фолклендских островах.

— Я бы не спешила с выводами, — говорит Кэти.

Мейбл взглядом заставляет ее умолкнуть.

— Лучшее, что вы можете теперь сделать, — увезти Кэтрин из города на некоторое время, — она обращается ко мне. — Садитесь в лодку и плывите на Нью-Айленд или еще куда-нибудь и не высовывайтесь, пока все не утихнет. Завтра это место будет кишеть журналистами, и мне кажется, она этого не выдержит.

Уходя, я бросаю взгляд на Роба, который стоит у окна, продолжая говорить по телефону. Он переводит взгляд с неба на часы и обратно и говорит собеседнику, чтобы тот поторопился, а иначе не успеет.

До Фолклендского фонда дикой природы пять минут ходьбы, а бегом еще меньше. Я направляюсь туда, но через две минуты понимаю, что принял неверное решение. «Лендровер» Кэтрин мчится мне навстречу. Выскакивать на дорогу нет смысла — отчасти потому, что я не уверен, что она остановится. Кэтрин пронесется мимо, и у

меня не остается выбора, кроме как развернуться и бегом возвращаться к своей машине.

Добравшись до нее, я судорожно хватаю ртом воздух. Дыхание становится поверхностным. Дурной знак. Приближение вспышки памяти похоже на паническую атаку. Сердце начинает биться быстрее и с перебойми, дыхание тоже сильно учащается. Голова кружится, и все кажется нереальным, как будто окружающий мир отдаляется. Именно это и происходит.

Кроме того, вокруг сгущается тьма. Я трясую головой, чтобы рассеять ее. Не помогает. Кажется, я теряю связь с реальностью.

Обычно в таких ситуациях я нахожу тихое место, ложусь и пытаюсь выровнять дыхание. Иногда удается предотвратить приступ. Но теперь лечь никак нельзя. Я должен найти Кэтрин.

Делаю несколько глубоких вдохов и прыгаю за руль. У нее фора в восемь или десять минут. Я направляюсь на восток по быстро темнеющей Росс-роуд, а проехав почти весь город, поворачиваю вглубь острова, к аэропорту. Через несколько минут дорога свернет точно на север, к ее дому. Я приказываю себе дышать равномерно, сохранять спокойствие.

Почти у самого поворота я вижу машину Кэтрин, которая снова несется мне навстречу. Она резко, со скрежетом, тормозит, затем немного сдает назад и съезжает на обочину, освобождая дорогу. Я замороженно провожаю ее взглядом, но она даже не смотрит в мою сторону. Как будто разъезжается с пустым автомобилем. Затем трогается с места, так что с обочины летит фонтан грязи, и уносится в противоположном направлении. Мир вокруг опять меркнет, и я больше не могу сопротивляться приступу.

* * *

В чувство меня приводит дождь, и я с трудом поднимаюсь на ноги. Понятия не имею, каким образом и почему оказался на улице, но понимаю, что одет не для пребывания на природе. Легкая джинсовая куртка, джинсы и туфли, которые я обычно надеваю в паб или для прогулок возле дома. Утром я был одет не так. То есть в промежуток

времени между преследованием Кэтрин на прибрежном шоссе и текущим моментом я побывал дома.

Тьма кромешная. Ни звезд, ни луны, ни света от восходящего солнца. Нажимаю кнопку подсветки на часах — и искорка света вдруг превращается в вспышку выстрела.

Я вскрикиваю и испуганно оглядываюсь. Затем делаю глубокий вдох и говорю себе, что все уже в прошлом. Вспышка памяти и вызвавшие ее события. Но избавиться от них нелегко.

13 июня 1982 года. Штурм Вайрлесс-Ридж. Моя рота уже понесла тяжелые потери в Гуз-Грин, и мы не были готовы к еще одному длительному наступлению. Мы ждали, лежа в грязи. Пушки умолкли. Я должен был отдать приказ: «Примкнуть штыки, парни! Пленных не брать».

Звучит приказ, и мы встаем. Бросок в черный кошмар. Мы не знаем, где враг и что за местность перед нами. Липкая грязь и вражеские траншеи, уже брошенные. И снова мой голос, который гонит парней вперед: «Не останавливаться! За мной! Мы пришли сюда за этим!» Ключ к победе в бою — непрерывное движение вперед, невзирая на потери.

Потом просьба об артиллерийской поддержке — с катастрофическими последствиями. Снаряды обрушиваются на нас, и мы теряем людей от дружеского огня. «Вперед, парни! Нас к этому готовили». Как будто кого-то можно подготовить к аду на земле. Перед нами, подняв руки, выскакивает перепуганный молодой аргентинец.

Пленных не брать.

Невозможно объяснить людям, которые никогда не участвовали в бою и которые могут цитировать Женевскую конвенцию, но понятия не имеют, что значит оказаться во враждебной обстановке, что в горячке боя пленных не берут. Если взять в плен одного вражеского солдата, на его сопровождение потребуется выделить двух или трех наших парней — в обстоятельствах, когда на счету каждый боец.

Парень стоит прямо перед нами. Подросток, умоляющий не убивать его.

«Стреляй в него. Стреляй, твою мать!»

«Сам стреляй!»

Надежда исчезает из взгляда парня. Ни у кого не поднимается рука убить испуганного ребенка. Одна пуля. Короткий удар штыка

снизу вверх. Парень падает в грязь. Моя пуля. Мой штык. Иногда ты становишься последней инстанцией.

Я весь в поту, несмотря на холод. Дрожу после вспышки памяти, которой боюсь больше всего. Для меня худшей ночью войны была та, когда я убил испуганного невооруженного ребенка.

Когда мы с Кэтрин были вдвоем, она часто говорила о стихах, которые очень любила ее подруга Рейчел, а я в то время был так одержим всем, что имело отношение к Кэтрин, что прочел эту поэму. Помню, она была длинной и не совсем понятной, но несколько строк поразили меня:

Когда же веки я сомкну,
Зрачков ужасен бой,
Небес и вод, небес и вод
Лежит на них тяжелый гнет,
И трупы под ногой.

Мне бы хотелось забыть эти строки. Но я не могу. Я сам был в окружении трупов. Падал на них, ходил по ним. Иногда мне кажется, что мертвецы всегда у меня под ногами.

Снова смотрю на часы. Третий час ночи. Я сую руку в карман куртки — слава богу, швейцарский армейский нож все еще там. К нему прикреплен маленький фонарик.

Я стою у каменной осыпи, той самой, что пересекает дорогу на Эстансию. Можно пойти по ней. Это будет чертовски трудно, но я хотя бы не заблужусь. Стараюсь держаться у края тропы из булыжников и каждые несколько секунд включаю фонарик, чтобы не сбиться с пути. Кошмары постепенно выветриваются из головы. Обручи, сдавливающие грудь, ослабевают.

Я пытаюсь вспомнить последнее реальное событие перед началом приступа. Кэтрин. Рядом с домом Гримвудов. Еду за ней в город. Вижу, как ее лодка выходит из гавани, и понимаю, что не могу последовать за ней. Судя по одежде, я заскочил домой, принял душ и переоделся. Потом я вспоминаю «Глоуб», в пятом часу дня. Там было несколько парней с рыболовных судов. И пара фермеров. Компания солдат с базы, свободных от дежурства. Я узнал, что Стопфорд сумел

договориться, чтобы круизное судно задержалось еще на одну ночь, но потом ему потребуется постановление суда.

Я начал с пива, но быстро перешел на скотч. Помню музыку, но ни одна группа не начинает играть раньше восьми. Я понятия не имею, когда ушел из паба.

Передо мной появляется что-то более плотное, чем ночной воздух, и более светлое, чем склон холма, на котором оно стоит. Мой «Лендкрузер».

На островах меня считают чужаком — по разным причинам, но не в последнюю очередь из-за выбора машины. Патриотически настроенные местные жители обычно предпочитают британский «Лендровер», иногда в вариантах «Рейнджровера» или «Дискавери». Моя «Тойота Лендкрузер FJ40» 1974 года, которую я купил у дилера в Техасе, такая здесь одна.

Забираюсь на переднее сиденье, снимаю куртку, нахожу одеяло — то самое, в которое завернул Кэтрин и Арчи прошлой ночью, — и накидываю на себя. Совсем скоро на меня должно обрушиться похмелье — оно уже притаилось и ждет подходящего момента.

Приступ почти закончился, и самые ужасные образы побледнели. Но остается что-то еще. Другое воспоминание, совсем недавнее. Я стою среди холмов над Порт-Фицроем. Небо надо мной все еще светлое, и я смотрю на лодку Кэтрин, далеко внизу, в бухте.

Было ли это на самом деле? Зачем, ради всего святого, ей возвращаться в то место, где два дня назад мы нашли труп? А если это и было, то когда? До паба или после? Освещение ни о чем не говорит. В это время года здесь темнеет почти в десять. А если я смотрел на лодку Кэтрин, стоящую на якоре в бухте, там ли она еще?

Наконец я выезжаю на дорогу и поворачиваю к Стэнли. Еще в полумиле от города понимаю: что-то случилось. Но в данный момент я так поглощен собой, что несколько не сомневаюсь: это имеет какое-то отношение ко мне. Я кого-то сбил.

Ослепленный алкоголем и мучительными воспоминаниями, я сбил человека и уехал, не заметив этого. Я вижу синие мигающие огни и понимаю, что полиция, наверное, ищет меня.

Еду к порту, ожидая, что меня окликнут и что передо мной появится полицейская машина. На часах почти три утра, а закусочная Боб-Кэт открыта.

Взвод солдат идет по улице к полицейскому участку.

Я паркую машину и снова натягиваю мокрую куртку. Мне повезло — похоже, я успею выпить горячего кофе, прежде чем меня арестуют.

— Смотрите, кто к нам пришел. — Боб-Кэт ставит кружку на стойку и поднимает кувшин с кофе, что, по моему мнению, гораздо действеннее, чем бежать к двери и кричать: «Вот он, вот он!»

— Что происходит? — Я хватаю кофе едва ли не раньше, чем наполняется кружка.

— К твоему сведению, когда мужчина предлагает меня угостить, он сначала платит за выпивку, а потом уходит. — Она добавляет молоко в кофе, кладет два кусочка сахара. Кофе я пью без сахара. Ей это хорошо известно. — Если б я знала, что мне самой придется платить, то заказала бы полпинты пива.

Надежда есть, думаю я, — раздражение Боб-Кэт вызвано в основном тем, что ее надули с выпивкой.

— Ты можешь вспомнить, когда я ушел?

— Между тем, как заказать мне выпивку, и заплатить за нее. С тебя пять фунтов и шестьдесят пенсов.

Вычтя полтора фунта за кофе, я прихожу к выводу, что должен Боб-Кэт за большую порцию «Баккарди» с колой. Расплачиваюсь, начиная думать, что легко отделался. И все равно не могу избавиться от ощущения, что худшее еще впереди.

— Что происходит? — Решив, что Боб-Кэт успокоилась, я повторяю вопрос. Ее взгляд говорит: «Ты что, с луны свалился?»

— Серьезно. — Я машу рукой в сторону двери. — Вряд ли это из-за неоплаченного счета в баре.

Она с прищуром смотрит на меня:

— Мы думали, что тебя предупредили. Поэтому ты и смылся.

— О чем предупредили? Что аргентинцы возвращаются?

Двое солдат на улице, похоже, собираются присоединиться к нам. Они топают ногами, стряхивают капли дождя с воротников. Дверь открывается, впуская влажный, холодный воздух.

— Кофе нальете?

— Продолжение следует. — Боб-Кэт поворачивается ко мне спиной.

Я встаю, допиваю кофе и выхожу. Выше по склону холма рядом с редакцией газеты Роб Дункан держит раскрытый зонт. Под зонтом я

различаю женскую фигуру. Роб усаживает женщину на пассажирское сиденье. Она похожа на тряпичную куклу и держится на ногах только благодаря стоящему рядом мужчине. Дверца захлопывается, Роб стучит по крыше машины, и она уезжает.

Все это выглядит пугающе знакомым. Расстроенные лица людей, перебегающих от одного укрытия к другому. Торопливые движения полицейских, которые захлопывают двери патрульных машин и бегут в участок, выставляя вперед ладони, чтобы избежать вопросов.

Люди, похоже, собираются в здании муниципалитета, и я направляюсь туда. Внутри образовались две отдельные группы. В одном углу туристы. Я вижу отца Арчи Уэста — глаза горят, движения полны энергии, совсем не похож на человека, которого я видел в последний раз. В противоположном углу, у буфета, местные жители. Некоторые лица мне не знакомы, и я гадаю, то ли они из Порт-Ховарда, то ли это родственники Фреда Харпера. Все мокрые. Никто не догадался включить отопление, и внутри почти так же холодно, как снаружи. Какое-то время я радуюсь, что благодаря промокшей одежде меня принимают за члена поисковой команды.

Откуда я знаю, что снова идут поиски? Что пропал еще один ребенок? Просто знаю.

Я подхожу к тем, кого знаю. Терри из моей футбольной команды. Джон, коллега Кэтрин в Фолклендском фонде дикой природы. Чед из скобяной лавки. Еще один или двое. Все мужчины.

— Есть новости? — Такая формулировка кажется мне наиболее безобидной.

Пара человек смотрит на меня. Один опускает взгляд в пол. Затем откуда-то сзади раздается голос:

— Похоже, все мы надеемся, что ты и моя бывшая жена совершите очередное чудо.

Я проклиная себя за невнимательность. За то, что не заметил Бена Куинна. Он был за спиной Чеда, но теперь шагнул вперед и стоит прямо передо мной. По возможности я избегаю бывшего мужа Кэтрин. Эта привычка появилась у меня еще до того, как я начал встречаться с ней. Я старался не смотреть на него и не говорить с ним, даже когда мы оказывались в одной комнате. Даже не помню, когда мы в последний раз смотрели друг другу в глаза — как теперь. Он не слишком изменился. Испанские глаза, желтоватая кожа. Темные

волосы, слегка тронутые сединой. Малыш Кит был его копией, и я удивляюсь, как Кэтрин смогла так долго выносить присутствие Бена.

Худощавый. Довольно крепкий, но килограммов на двадцать легче меня. Даже наполовину пьяный, я его вырублю. Тот факт, что у меня возникло такое желание, свидетельствует, что я еще не протрезвел. По крайней мере, я на это надеюсь — в противном случае дело плохо. Я понимаю, что у парня есть все основания иметь на меня зуб. Я действительно трахал его жену.

Насколько мне известно, о наших с Кэтрин отношениях никто не знал, но от слухов никуда не деться, и он вполне мог их слышать. Ладно, плевать. В конечном счете ушел именно он.

— В новостях я прочел, что полиция обыскала сарай, где держали Арчи Уэста. — Я обращаюсь не к Бену, но не отвожу взгляд. Иначе получится, что я уступил, и это вдруг стало для меня очень важным.

— Его осмотрели в первую очередь. — Мне отвечает Чед. Мы с Беном палимся друг на друга, как два подростка, у которых адреналина больше, чем мозгов.

Я по-прежнему не знаю, какой ребенок пропал. Хотя это не имеет особого значения. Я не знаком с большинством детей из Стэнли.

— Может, ты знаешь, где Кэтрин? А то мы немного волнуемся, — говорит Джон. — С полудня с ней никто не может связаться.

— Я не видел ее с тех пор, как высадил у дома сегодня утром, — говорю я, слегка подвирая. Я отвез Кэтрин домой еще ночью, но мне доставляет удовольствие позлить ее бывшего мужа. Его глаза суживаются еще больше, и я понимаю, что веду себя как настоящий мудака. Кивнув всем на прощание, иду к двери.

Переступив порог, чувствую чью-то руку на своем плече. В этом жесте, остановившем меня, нет ничего дружеского. Я поворачиваюсь и, несколько не удивившись, вижу, что это Куинн. Ладно, я давно этого ждал.

— Знаешь, она винит тебя. В том, что случилось с мальчиками.

Я сдерживаюсь, чтобы не врезать ему, и размышляю, насколько этот удар был бы оправданным. Такого я не ожидал.

Я качаю головой:

— Ты ошибаешься. О моем участии она узнала всего пару дней назад. — Интересно, нужно ли выразить ему соболезнование, сказать,

что у него были прекрасные сыновья... И прихожу к выводу, что в таком случае он точно бросится на меня.

— Я не о твоей героической попытке спасения. Мы все знаем, каким героем ты себя проявил в тот день. Я говорю о том, как это видится Кэтрин: она спала с кем попало и в наказание у нее отняли мальчиков.

— Чушь собачья.

Он то ли моргнул, то ли на секунду прикрыл глаза.

— Конечно. Но для травмированного сознания моей бывшей жены это совершенно логично. За то, чем она занималась с тобой, пришлось расплатиться детьми. Так что, если ты лелеешь какие-нибудь сентиментальные мечты о будущем счастье, забудь.

Я не могу его ударить. Если начну, то не остановлюсь. Тогда она будет винить меня и в убийстве ее бывшего мужа.

— Кто именно? — спрашиваю я, потому что должен найти выход из этой ситуации, а этот способ ничем не хуже других.

— Что?

— Кто пропал? Меня весь вечер не было в Стэнли. Кого похитили?

Бен пятится, качая головой, как будто я больше не стою его внимания. Тем не менее он отвечает, через плечо, уже возвращаясь в холл:

— Питер Гримвуд. Младший сын ее подруги Рейчел.

День пятый

Пятница, 4 ноября

17

Я бегу вверх по склону холма. Люди провожают меня взглядами. Думают, я что-то знаю. Глупо так привлекать к себе внимание. Но мне нужно двигаться — в противном случае я начну думать. Полицейский участок исключается. Если я смогу застать Скай одну, то, возможно, выужу у нее основные факты, но в присутствии ее коллег это невозможно.

Питер Гримвуд. Я видел его пару раз на этой неделе. С матерью. Два дня назад он почти до смерти напугал меня игрушечным пистолетом. Забавный малыш. Хотя показался мне чересчур тихим и прилипчивым.

Значит, пропал ребенок Рейчел?.. Ничего хорошего. По любым меркам.

Я стучу в дверь редакции газеты и секунду спустя открываю ее. Знаю, что все сотрудники еще там, — видел через окно, когда бежал мимо. Кэти облокотилась на свой стол. Мейбл в розовом велюровом спортивном костюме замерла в проеме кухни, а Роб стоит посередине комнаты. Все трое смотрят на меня. Звонит телефон. Они не обращают на него внимания.

— Роб, дружище, чем я могу помочь?

Роб поднимает руку, смахивая с глаз воображаемые волосы.

— Иди домой. Проверь сарай, навес для торфа, гараж, кусты — все места, где может прятаться маленький мальчик. Когда рассветет, возвращайся сюда и присоединяйся к поискам. Это все, что можно сделать.

В этот момент он выглядит на все свои семьдесят с хвостиком.

— Можешь отвезти Роба домой, — говорит Кэти. — А лучше к Рейчел. Ее нельзя оставлять одну.

— Где Сандер?

Сандер — муж Рейчел. Он работает в секретариате губернатора.

— Его нет, — говорит мне Роб. — Прилетает завтра. И она не одна. С ней Джен.

По взгляду, которым обмениваются Мейбл и Кэти, я понимаю, что они невысокого мнения о способности Джен позаботиться о своей дочери в кризисной ситуации.

Я почти не знаю мать Рейчел, но слышал, что она склонна все драматизировать.

— Джен не справится с Рейчел и мальчиками, — говорит Мейбл. — А мы тут все равно не отвечаем на звонки.

Звонит второй телефон. Роб протягивает руку, но его мать цыкает на него. Потом подходит к вешалке и снимает с крючка куртку.

— Теперь ты не газетчик, ты сам стал новостью, и кому, как не тебе, знать, во что ты вляпаешься, когда начнешь говорить с людьми, которые буду тебя цитировать. — Она швыряет ему куртку. — Каллум отвезет тебя домой. Кэти подбросит меня. Арчи нашелся живым и невредимым, и с Питером тоже все будет хорошо.

* * *

— Я недавно проезжал мимо дома Рейчел, — говорю я, когда мы выбираемся из города. — Когда пропал Питер?

— В начале пятого. Когда все наблюдали затмение. — Роб внезапно отводит взгляд. — Кэти как раз привезла двоих старших домой из школы. Рейчел позвонила в полицию в половине пятого, после того как вместе с мальчиками обыскала дом и сад.

Электронное письмо с фотографией Кэтрин пришло около трех часов дня. Я приехал в Стэнли приблизительно через час. Вероятно, было около четырех, когда я гнался за машиной Кэтрин.

— В какое время ты там проезжал? — спрашивает Роб. — Ты его видел?

— Раньше, — лгу я и, радуясь тому, что могу сказать хотя бы часть правды, прибавляю: — Питера я не заметил.

Я еду вверх по склону того же холма, где несколько часов назад преследовал Кэтрин. На сколько она меня обогнала? На пару минут? На десять? Вполне достаточно, чтобы доехать до дома Гримвудов, как я сейчас, развернуться на окружающей подъездную дорожку жидкой

грязи, а затем понестись вниз с холма. Я пытаюсь вспомнить, как далеко заехал сам, но не могу. Почти вся вторая половина вчерашнего дня стерлась вспышкой памяти. Но это самое удобное место для разворота, так что я вполне мог тут быть.

Я сдаю назад, затем снова немного проезжаю вперед, и в голову мне приходит мысль, не пытаюсь ли я намеренно стереть следы от шин, оставленные раньше. И если да, то какую игру, черт возьми, я затеял. Как только я нажимаю на тормоз, Роб выскакивает из машины и исчезает в доме. Я не успеваю попрощаться, и мне не остается ничего другого, кроме как последовать за ним.

Я вхожу в дом. Хорошо, что Роб напомнил о вчерашнем затмении. Я знал о нем — как и все, — но просто забыл, что совсем неудивительно с учетом всего, что со мной произошло. В любом случае приятно сознавать, что необычная темнота среди дня была естественным явлением, а не признаком приближающегося безумия.

При свете дня это один из самых красивых домов в Стэнли, возвышающийся над Сёрф-Бэй среди красивого сада на склоне холма. В кухне пахнет растворимым кофе, супом из бычьих хвостов и подгоревшим тостом. Испытывая неловкость от того, что вошел без приглашения, а еще больше из-за стекающей с меня воды, я нахожу Роба в гостиной, где его жена Джен свернулась клубком под одеялом вместе с Кристофером, старшим сыном Рейчел.

— Есть новости? — Она видит меня, и ее глаза расширяются.

— Каллум днем проезжал мимо. — Роб поворачивается ко мне: — Ты сказал Бобу Стопфорду?

— В котором часу это было? Ты был один?

— Около четырех, — говорю я Джен. — Один. Питера я не видел. И Стопфорду еще не говорил. Привет, Крис. Как мама?

Несколько месяцев назад я рассказывал старшим ребятам из школы Криса о будущем информационных технологий и о том, как однажды домашние компьютеры изменят нашу жизнь и весь мир. Крис был одним из самых сообразительных и любознательных слушателей.

Лицо мальчика бледнеет.

— Думаю, когда придет папа, ей станет лучше.

— А разве ты не должен быть в постели? — спрашивает его дедушка.

— Я не могу спать. Майкл спит в моей кровати и толкается локтями.

Я смотрю на часы. Начало пятого утра — со времени исчезновения Питера прошло почти двенадцать часов. Джен подтягивает одеяло, кутая плечи.

— Может, зажечь огонь? — Я смотрю на торфяную печь. Она тщательно вычищена, а в корзине рядом с ней лежит жидкость для растопки и щепки. Все приготовлено, и мне будет чем себя занять. — Ты знаешь, где спички, Крис?

Мальчик ведет меня на кухню. Он вырастет высоким. Как его отец, Сандер. Рейчел тоже высокая — для женщины. Крис всегда был на пару дюймов выше Нэда.

— Когда ты в последний раз видел Питера? — спрашиваю я, когда мы удаляемся от взрослых и они не могут нас услышать.

— Когда я вернулся из школы, он был в своей кроватке. Подгузник у него был мокрый. Я его переодел.

— А потом?

— Меня позвал Майкл. Мы собирались пойти на пляж и посмотреть затмение.

Крис отводит взгляд. Думает, у него неприятности. Он быстро выбежал из дома, так что младший брат не мог успеть за ним, и теперь винит себя. Я подвигаю стул и сажусь, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— А где была твоя мама?

— В спальне. Прилегла. Она всегда так делает, когда мы возвращаемся домой.

— Он устал, Каллум. Ему нужно в постель. — Роб вышел за нами из гостиной на кухню.

— Это вы нашли того маленького мальчика, да? — спрашивает Крис. — Вы будете искать Питера?

— Конечно, мы все будем. Ты отнес Питера вниз?

— На руках. Потом поставил на землю. Он довольно тяжелый.

— Чертовски тяжелый, — подтверждает Роб. — Я сам его с трудом поднимаю.

— А что было потом, дружок?

— Я побежал вниз, к Майклу. На пляже у нас убежище. Мы там играли. Пока мама нас не позвала. Тогда мы узнали, что Питер пропал.

— Рейчел позвонила в полицию около половины пятого, — говорит Роб.

Крис смотрит на меня:

— А для Питера зажгут костры? Как для того маленького мальчика?

Я встаю.

— Сегодня слишком мокро для костров. Но тот малыш цел и невредим. Помни об этом.

Крис не двигается.

— Но не Джимми, правда?

Мы с Робом переглядываемся. Никто из нас не знает, что на это сказать.

— Вчера полиция обыскивала затонувший корабль в бухте. — У Криса упрямое выражение лица. Он хотел услышать совсем не то. — Они ищут другого маленького мальчика. Того, с Западных Фолклендов. Всего получается четыре.

— В постель, — говорит Роб, не зная, что ответить внуку.

— Проводите? — спрашивает меня Крис.

— Я отведу тебя наверх, Крис. — Бабушка стоит в дверях, наблюдая за нами.

— Я хочу Каллума. — Мальчик устал, но не отступает.

Роб кивает в знак согласия, Джен раздраженно пожимает плечами. Я снимаю ботинки и иду вместе с Крисом наверх — не без опасений. У меня нет опыта общения с маленькими детьми.

На втором этаже четыре двери открыты, одна закрыта. Вероятно, там Рейчел. Крис останавливается на пороге одной из дверей, затем проходит мимо. Я замечаю маленькую фигурку, свернувшуюся калачиком на односпальной кровати. Следующая комната — Питера. Я заглядываю внутрь и включаю свет.

Может, ее следовало опечатать как место преступления? Решив ни к чему не прикасаться, я наклоняюсь над кроватью и чувствую слабый запах мочи. При таком освещении трудно быть уверенным, но мне кажется, что я вижу пятно в том месте, где протек подгузник Питера. На полу пеленка и раскрытая пачка подгузников. В ней осталось три штуки. Грязный подгузник лежит в углу комнаты.

Криса я нахожу в следующей спальне.

— Это комната Майкла, — говорит он мне, объясняя плакаты и игрушки, которые вряд ли заинтересовали бы почти подростка. — Вы будете искать Питера, да?

— Да. Все будут искать.

— А где?

— Думаю, начнем с окрестностей дома. Если он ушел сам, то не слишком далеко.

— Мы проверили сад. Мы с Майклом везде смотрели. И на пляж спускались. И в старом лодочном сарае внизу тоже смотрели. Рядом с домом его нет.

— Крис, если ты что-то вспомнишь, хоть что-нибудь, ты должен рассказать полиции. Или мне, если хочешь. Обещаешь?

Он кивает и ложится.

— С мамой все будет хорошо? — спрашивает мне вслед. Я не помню, что ответил ему, помню только, что оглянулся на комнату Рейчел, надеясь, что она не вышла к нам потому, что спит и на несколько часов отключилась от всего этого кошмара.

У двери гостиной до меня доносится обрывок разговора, явно не предназначенного для моих ушей:

— ...явиться сюда!

Я открываю дверь. Ноги у меня по-прежнему босые, и для такого бугая я двигаюсь почти неслышно. Роб и Джен поворачиваются — на их лицах удивление и еще что-то. Не похожее на тревогу за внука. Роб не слишком успешно пытался разжечь огонь. Не обращая внимания на напряженную атмосферу в комнате, я отодвигаю его, и через несколько секунд над торфом занимается пламя.

Я уже бывал в этом доме, но давно, много лет назад. Помню солидную мебель и достойную живопись на стенах. По вечерам здесь горели свечи, наполняя воздух легкими ароматами. В вазах всегда стояли цветы. Беспорядок от детских игр ограничивался редкой игрушкой на полу. Сегодня гостиная выглядит так, словно никто не убирал здесь несколько недель, а во всем доме чувствуется какой-то затхлый запах. Не похоже на несколько часов небрежности обезумевшей от страха матери.

— Как Рейчел?

Джен и Роб переглядываются.

— Наверное, в шоке, — говорит Роб. — Вся дрожит. Едва может разговаривать. Пытается держаться ради старших мальчиков, но...

— Насколько я понял, Сандер знает?

— Я с ним говорил. Не стоило бы сообщать такое по телефону, но он должен был знать.

— В какое время ты вчера здесь проезжал? — спрашивает Джен, но не ждет моего ответа. — Мы знаем, что ты вышел из редакции около четырех, так что не мог быть тут гораздо раньше. Ты был с Кэтрин Куинн?

Я ничего не знаю об исчезновении Питера, но вдруг на меня обрушивается чувство вины. Джен пятится к двери кухни, и я понимаю, что она пытается быть поближе к телефону.

— При чем здесь Кэтрин? — Я встаю.

— Рейчел вчера видела ее здесь. — Роб больше не может смотреть мне в глаза. — За несколько секунд до исчезновения Питера. Как раз в тот момент, когда стало темно. Она видела, как Кэтрин берет его на руки. А когда выбежала из дома, они оба исчезли.

— Полиция ее ищет. И найдет. А если она причинила вред моему внуку...

Роб кладет ладонь на плечо жены.

— Мы все расстроены, Каллум. Может, лучше...

Мне не нужно повторять дважды. Я нахожу ботинки, надеваю их и иду к двери.

— Конечно, мы все надеемся, что это какое-то недоразумение. — Роб вышел меня проводить.

— Нет тут никакого недоразумения, Роб. Рейчел ее видела. — Джен подходит ко мне и хватает за руку. — Прошли всего сутки, как она якобы нашла другого мальчика. Он был на *ее* земле. И все эти убитые дельфины... Не говоря уже о мертвом ребенке на затонувшем корабле! Никто не верит, что это совпадение. Она больна, Каллум! Ты должен нам помочь найти ее, пока она не совершила что-то ужасное.

* * *

Я еду в порт, и у меня в голове только одна мысль. Машина Кэтрин здесь, но лодки нет. Поэтому я направляюсь в холмы над Порт-

Фицроем. Темное небо начинает светлеть. Я сворачиваю с дороги к утесу. В дневное время можно было бы остановиться у самого края, но в полутьме это рискованно. Как бы то ни было, мне нужно знать, есть ли ее лодка в бухте.

Подъехав как можно ближе, я выхожу на улицу.

Я так замерз, что с иду с трудом, хотя одеяло из машины немного помогает. Небо понемногу светлеет.

На краю утеса ветер просто валит с ног. Дергает за одеяло, словно хочет отобрать его. Подо мной, в окружении похожих на зубы скал, среди клубящихся облаков и беспокойного моря, видна лодка Кэтрин. На борту никакого движения, никаких признаков жизни, и я не знаю, как с ней связаться. Если я вызову ее по радио, это услышит весь мир. Если вернусь в порт, возьму лодку и выйду в море, то меня остановят — или просто проследят за мной.

Я замечаю, как на фоне серо-стального моря мелькает что-то белое. Большая белая птица летит над самой водой, едва не задевая поверхность. Приблизившись к лодке Кэтрин, птица взмывает ввысь. Я вижу мощные крылья с черной каймой, загнутый клюв. Птица парит над лодкой, и я многое отдал бы, чтобы видеть то, что видит она.

Что происходит, Кэтрин? Какого черта ты делаешь здесь, на лодке?

Я размышляю, не спуститься ли с утеса, не добраться до лодки вплавь, но понимаю, что мне это не под силу.

Потом говорю себе, что Кэтрин не способна причинить вред ребенку. Что она вчера проезжала мимо дома Гримвудов и видела Питера — может, он играл в саду, а может, смотрел сквозь изгородь. Она увидела малыша, и это ее потрясло, потому что ее сын — мой сын — теперь был бы примерно такого же возраста. Неожиданная встреча так на нее подействовала, что ей потребовалось побыть одной. И она отправилась туда, где привыкла уединяться, когда ей нужно собраться с мыслями, — в море.

Но если она видела Питера, почему его не видел я?

Ветер толкает меня назад, словно боится того, что может произойти, если я подойду слишком близко к краю. Из-за мыса появляется еще одно судно и на большой скорости направляется к лодке Кэтрин. Полицейский катер. Они ее нашли.

Мы с Кэтрин были у дома Гримвудов приблизительно в четыре часа дня. В десять минут пятого Рейчелхватила своего младшего сына и начала искать. По той дороге проезжает меньше десяти машин в день. А тут три штуки всего за десять минут?

А еще Рейчел утверждает, что видела, как Кэтрин берет на руки ребенка.

Я не знаю никого, кто страдал бы так сильно, как Кэтрин. Я видел много страданий и знаю, о чем говорю. Она изменилась до неузнаваемости, и возможно, это уже непоправимо, но все равно не способна причинить вред ребенку.

Я должен в это верить. Иначе мне ничего не остается, как шагнуть с утеса.

Приблизившись к лодке, полицейский катер сбавляет ход. Я вижу, как на палубу выскакивает Куини, приветствуя гостей. Затем появляется Кэтрин. Она двигается медленно, словно в полусне. Обычно энергичная и ловкая, теперь она выглядит заторможенной. Ловит брошенный ей фал, затем упускает его. Я смотрю, как на ее лодку высаживается полицейский, затем еще один. Третий. Кэтрин берет на руки Куини, и ей помогают перейти на катер. Потом отводят вниз, пригнув ей голову, чтобы она не ударилась о крышу рубки. Наручников я не вижу, но смысл происходящего совершенно ясен. Кэтрин арестована.

18

Я возвращаюсь в Стэнли три часа спустя и все это время молю бога, чтобы опять пошел дождь. Ливень, гроза, ураган — все, что угодно. Лишь бы прогнать эти толпы с улиц. Люди повсюду. Закусочная Боб-Кэт забита до отказа. Паб открылся рано. У почты толпа. Люди входят в здание муниципалитета и выходят из него. Два дня назад, когда мы искали Арчи Уэста, ощущение цели было почти осязаемым. Все были полны решимости искать и найти парня. Теперь все иначе, и дело не в том, что люди устали сочувствовать чужому горю. Их лица мне не знакомы, и я уверен, что это туристы с круизного судна, которых привлекает драма, разворачивающаяся на их глазах.

Все знают об аресте Кэтрин. Если люди считают ее виноватой, то будут ждать, когда полиция выбьет из нее признание и она скажет, где

Питер. Искать его никто не собирается.

На часах почти восемь утра. Став свидетелем ареста Кэтрин, я подавил желание как можно скорее вернуться в город, а поехал домой, принял душ, переоделся в сухое и поел. Заставил себя успокоиться, понимая, что Кэтрин подвергнут стандартной процедуре, через которую проходят все арестованные. Зарегистрируют, снимут отпечатки пальцев и сфотографируют. Предложат адвоката, и если она согласится — я на это очень надеюсь, — то часа на два ее оставят в покое. Адвоката нужно еще найти и поднять с постели. Первый допрос продлится около часа, а потом они сделают перерыв.

Теперь все это дерьмо уже должно закончиться, и все немного успокоились — по крайней мере, в полицейском участке. У них будет время поговорить со мной.

На парковке все на меня оглядываются. Я уже заклею связью с женщиной, которую, как им известно, подозревает полиция. Боже правый — здесь команда телевизионщиков, приехавшая освещать историю с выбросившимися на берег дельфинами и неожиданно наткнувшаяся на сенсацию... Один держит на плече камеру, у другого в руке большой пушистый микрофон на палке. У женщины в куртке абрикосового цвета волосы похожи на шлем, плотно облегающий голову. Ветер рвет ее шарф, швыряя в лицо, но светлые с желтоватым оттенком волосы совершенно неподвижны. Кто-то указывает им на меня, и, когда я вылезая из машины, они уже тут.

— Каллум Мюррей, вы близкий друг Кэтрин Куинн, которую арестовали сегодня утром. Вы можете это как-то прокомментировать?

Я пытаюсь ее обойти, но женщина преграждает мне путь. У нее на лице толстый слой грима. Вероятно, для камеры, но в реальной жизни это выглядит гротескно.

— Вы по-прежнему считаете случайным совпадением, что позавчера вместе с ней нашли Арчи Уэста?

Я снова обхожу ее, наступив на ногу оператору.

— Полегче, парень, — бурчит тот.

— Что случилось? Он тебя толкнул? — Абрикосовая дама на секунду отвлекается, и я иду к двери участка. Она снова забегает вперед: — Что вы можете сказать о теле ребенка, которого нашли в четверг ночью?

Хорошо, что я уже у двери. Вход в участок охраняет констебль. Абрикосовая дама пытается последовать за мной. Констебль Баунсер останавливает ее.

— Привет, Нил, — я киваю дежурному сержанту за конторкой. — Кэтрин здесь?

Он молча кивает в ответ. За моей спиной абрикосовая команда спорит с констеблем, утверждая, что у них есть такое же право войти в полицейский участок, как и у любого другого. Баунсер непоколебим.

— Можно с ней увидеться?

Нил моргает и напрягается.

— Ее допрашивают.

— У нее есть адвокат?

Нил опускает глаза. Он не уверен.

— Ей предъявили обвинение?

Ничего не выражающий взгляд.

— Когда я могу ее увидеть?

Нил смотрит на дверь.

— Приходи попозже.

И-за спин абрикосовой банды появился еще один желающий пройти в участок. Баунсер не справляется. Он сдает позиции, и помещение для посетителей внезапно наполняется людьми. Нил отвлекается. Баунсер растерян. Я незаметно проскальзываю во внутренний коридор.

Далеко я не пойду, только в первый кабинет справа, где сидит Скай. Она поднимает голову.

— Нил меня пропустил, — успокаиваю я ее. — Там настоящий хаос.

Она кивает и морщится:

— Могу себе представить...

Я подхожу к ее столу, выдвигаю стул и сажусь.

— Скай, скажите мне, что с Кэтрин.

Она густо краснеет и начинает тереть пуговицу на рубашке. И, как всегда, отводит взгляд. Мне говорили, что Скай в меня влюблена, и я сам это подозревал. Но не пытался подкатить к ней, хотя она единственная женщина на островах, с которой я могу целоваться, не рискуя свернуть себе шею. Для меня Скай — ребенок-переросток. Но

если она действительно питает ко мне слабость, пришла пора использовать ее по полной.

Я наклоняюсь вперед:

— Мы с Кэтрин давно знакомы, Скай. Очень давно, и лучше меня ее, наверное, никто не знает. Я могу помочь.

Скай достаточно молода и достаточно амбициозна — и она глотает наживку.

— Вы хотите сделать заявление?

— Конечно. — Уверен, я что-нибудь придумаю, если до этого дойдет. — Предпочтительно вам. Но сначала я должен знать, что происходит. Кэтрин арестована?

Скай печально кивает.

— Если хотите знать мое мнение, они немного торопятся. Сначала нужно было просто ее допросить. Но сразу после похищения Арчи Уэста, когда к нам приковано внимание прессы... думаю, старший суперинтендант хочет подстраховаться.

— Ей предъявили обвинение?

— Мне об этом неизвестно.

— Каковы факты, Скай? Что у вас есть?

Она качает головой:

— Я правда не должна... — Она встает, подходит к двери и захлопывает ее. — Какого черта! Все равно весь Стэнли уже знает. Разве в этом городе что-нибудь скроешь?

Я жду. Наверное, внешне я выгляжу спокойным, хотя понимаю, что время уходит.

— Свидетель видел, как вчера около четырех дня Кэтрин ехала к дому Гримвудов.

— Кто этот свидетель?

— Работник лодочной мастерской. Десять минут спустя он снова видел ее. Теперь она ехала в обратном направлении, к гавани.

Я молчу — пусть выговорится.

— Она остановилась перед домом. Рейчел Гримвуд стояла у окна в спальне. Она видела, как Кэтрин вышла из машины и взяла Питера на руки.

— Может, мальчик вышел на дорогу? Конечно, Кэтрин остановилась.

— Кроме того, она — теперь я говорю о Кэтрин — садилась в свою лодку с очень большим мешком или узлом. — Скай явно не хотелось сообщать мне плохие новости. — Тащила его с трудом.

— Что, по ее словам, там было?

Скай качает головой. Этого она не знает.

— И всё? Она проехала мимо дома, остановилась перед выбежавшим на дорогу ребенком и принесла мешок на свою лодку? — Я подаюсь вперед, как будто хотел взять Скай за руку, а потом передумал. — Скай, это опасно. Пока вы занимаетесь Кэтрин, мальчика не ищут. Вы видели этот цирк на улице? Никто не собирается искать Питера.

Я встаю, подхожу к окну и снова поворачиваюсь к Скай:

— Погода портится. Питеру придется гораздо хуже, чем Арчи. Под открытым небом в такую погоду маленький ребенок долго не продержится.

Она морщится, и мне ее жалко, но на кону стоит гораздо больше, чем чувства Скай. Она делает резкое движение, явно не преследующее никакую цель, и сбивает со стола стаканчик для карандашей. Тот со стуком ударяется об пол.

— Вечером ожидают шторм. — Это неправда.

— Армия готова приступить к поискам. — Скай опускается на корточки и начинает собирать карандаши. Я вижу, что она стукнулась лбом о край стола, но прикусывает губу и не жалуется. — Старший суперинтендант сказал, чтобы они не начинали, пока мы не допросим главного... не поговорим с Кэтрин.

— Он дурак.

— Группа дайверов обыскивает бухту, где прошлой ночью стояла ее лодка.

Я возвращаюсь к столу и поднимаю последний карандаш. Вручаю Скай и беру ее за руку. Ладонь у нее большая и теплая, совсем не похожая на крошечную, всегда холодную ладошку Кэтрин.

— Скай, мне нужно две вещи. Поговорить с Кэтрин, и чтобы вы как можно скорее начали поиски. Где-то есть еще одна берлога. Старый сарай, кладовая для кормов, хозяйственная постройка... — Я отпускаю ее руку и откидываюсь назад. — Послушайте, совершенно очевидно, что Питера похитил тот же, кто и Арчи, а мы знаем, что Арчи увез мужчина.

В кармане у меня лежит список, который я показывал Кэтрин в четверг вечером, но доставать его нет нужды. Несколько месяцев назад Скай получила его по электронной почте.

— Сорок один мужчина в возрасте от шестнадцати до семидесяти пяти лет присутствовал и на спортивном празднике, и на Зимнем Заплыве. У нескольких человек не будет алиби на то время, когда исчезли Арчи и Питер. Старые добрые полицейские методы — вот что нужно, чтобы найти человека, похищающего детей, Скай. Вы можете его найти — сами, сегодня же, если захотите.

Она трет руку и встает.

— Дело в том, что у Арчи в голове все перепуталось. Он говорит о какой-то женщине.

— Что?

Скай делает шаг к двери. Шум в коридоре усиливается. Ей достаточно коснуться двери, и мое время истечет.

— Последняя версия — Арчи похитили мужчина и женщина.

— Это смешно, — говорю я. Но имею в виду не предположение, что похитителей было двое, а мысль, которая, как я вижу, пришла в голову Скай. Если у Кэтрин в ее новой роли похитительницы детей был сообщник...

— У Кэтрин нет алиби на то время, когда пропал Арчи. Она всю вторую половину дня работала дома, одна.

— Да, и я тоже. — Вероятно, это не самый удачный ответ, если учесть, куда свернул наш разговор. — И половина населения островов.

— На ее лодке нашли игрушку. Рейчел узнала игрушку Питера. Мне очень жаль, Каллум, но дело плохо.

Я чувствую облегчение — наконец-то появились факты, которые я могу опровергнуть.

— Какую игрушку? Случайно, не кролика? Малость потрепанного? Он не Питера. Мы с Кэтрин нашли его в ту ночь на «Эндеворе». У ее сына был точно такой же.

— Да, Рейчел нам сказала. Мы думаем, Кэтрин увидела Питера со знакомой игрушкой, и это стало последней каплей.

— Кэтрин и мухи не обидит.

Скай вскидывает брови. Возразить мне нечего.

— На ее свитере нашли волосы. Тонкие, короткие, светлые. Явно не ее. И не ваши. Конечно, их отправят в лабораторию, но...

— Скорее всего, это шерсть Куини. Кэтрин таскает собаку на руках, как ребенка. Стопфорд потратит кучу денег на проверку собачьей шерсти... Кстати, где Куини?

— В клетке. Кажется, она кого-то укусила.

— Хорошо. — Я подхожу к двери и распахиваю ее. — По крайней мере, собаку я могу увидеть?

19

Пока я взламывал компьютеры полиции, Куини успела сожрать все, чем я рассчитывал поужинать, а также нагадить в саду и оставить в моей постели кучу шерсти. Честно говоря, проникнуть в систему оказалось очень сложно. И зря, если туда еще не успели внести сведения об аресте и допросе Кэтрин.

Я начинаю с личного почтового ящика Стопфорда и нахожу там запрос, отправленный сегодня утром на базу в Маунт-Плезант: он хочет, чтобы дайверы обыскали бухту, где стояла на якоре лодка Кэтрин. В ответе читаю, что поиски начнутся в середине утра и закончатся ближе к вечеру. Военные также предлагают привлечь гидрологов, чтобы выяснить, куда, вероятнее всего, принесет предметы, выброшенные за борт в Порт-Фицрое, — на тот случай, если в бухте ничего не найдут.

Потом я обнаруживаю письмо в криминалистическую лабораторию полиции Большого Лондона, сообщающее, что одежда подозреваемой в похищении ребенка прибудет к ним в течение двух дней. Третье письмо содержит просьбу командировать следователя в помощь местным полицейским. В еще одном письме выясняется возможность прилета судебного патологоанатома для повторного исследования тела Джимми Брауна. Стопфорд прикрывает тылы. Служебная записка рекомендует полиции не прочесывать местность вокруг дома Гримвудов. По имеющимся данным, Питера увезли на машине, и Стопфорд не видит смысла тратить драгоценные часы на поиски, которые скорее всего окажутся бесплодными.

Ублюдок.

Копнув глубже, нахожу протокол допроса Кэтрин. Допрос проводил сержант уголовной полиции Джош Сэвидж, сын директора

местной школы. Присутствовала также констебль уголовной полиции Лиз Уилкинс. Кэтрин отказалась от адвоката.

Я пропускаю обязательные формальности, напоминая, что Кэтрин имеет право на юридическое представительство, и ее повторный отказ.

Сэвидж: В какое время вы покинули свой офис вчера днем, миссис Куинн?

Куинн: Боюсь, я не особенно следила за временем. После обеда.

Сэвидж: Ваши коллеги говорят, что это было около четырех, незадолго до того, как факсом прислали фотографию из «Дейли миррор». В это время как раз началось затмение.

Куинн: Похоже, что так.

Сэвидж: Значит, около четырех?

(Короткая пауза.)

Сэвидж: Мы ведем запись, миссис Куинн. Вы не могли бы ответить на вопрос словами?

Куинн: Да, думаю, я ушла около четырех.

Сэвидж: Одна?

Куинн: С собакой. Кстати, где она?

Сэвидж: Почему вы ушли?

Куинн: Вы видели мою фотографию, которую рассматривали миллионы людей по всему миру?

Сэвидж: Пожалуйста, отвечайте на вопрос, миссис Куинн.

Куинн: Я расстроилась. Мне хотелось побыть одной.

Сэвидж: Куда вы собирались?

Куинн: Домой.

Сэвидж: Какой дорогой вы поехали?

Куинн: Восточной, что ведет в аэропорт.

Сэвидж: Не самый прямой путь, правда?

(Короткая пауза.)

Уилкинс: Миссис Куинн?

Куинн: Нет. Но я иногда так езжу.

Уилкинс: Почему?

Куинн: На Фолклендах не слишком много дорог. Иногда мне просто становится скучно.

Я прерываю чтение и откидываюсь на стуле. Наверху все тихо: не слышно ни возни, ни собачьего храпа. Я возвращаюсь к протоколу — естественно, Сэвидж не поверил объяснению Кэтрин, что вчера она выбрала ту дорогу ради развлечения. Он давит на нее. Она не хочет отвечать. Он настаивает. Она впервые уступает.

Куинн: Та дорога проходит мимо дома Рейчел Гримвуд. Я там часто бывала, когда была моложе. Когда были живы мои сыновья. Думаю, это место напоминает мне о временах, когда я была счастлива.

(Невнятное бормотание.)

Сэвидж: Миссис Куинн, вчера мы беседовали с Кристофером Гримвудом. Милый парнишка. Ему недавно исполнилось двенадцать.

Куинн: Кристофер — мой крестник. Я знаю, кто он.

Сэвидж: Да, совершенно верно. Когда вы в последний раз проводили с ним время?

Куинн: Прошу прощения, вы хотите знать, когда я в последний раз видела Кристофера?

Сэвидж: Да. Когда вы в последний раз... не знаю... обедали с ним? Гуляли? Вместе смотрели телевизор?

Куинн: Последние три я года не виделась ни с кем из этой семьи.

Сэвидж: Три года? Даже со своим крестником?

Куинн: Джош, вы знаете, что случилось три года назад. Вы знаете, почему я избегала Рейчел и ее семью.

Сэвидж: Да. Мы очень сочувствуем вашей утрате.

(Короткая пауза.)

Куинн: Ждете от меня благодарности?

Сэвидж: Я жду, что вы расскажете, почему, несмотря на нежелание общаться с Гримвудами — конечно, по вполне понятной причине, — вы без необходимости ездили мимо их дома. Почему вы так долго стояли рядом с ним в темноте?

Куинн: Кто это сказал?

Сэвидж: Кристофер. Он вас видел. Окна его спальни выходят на дорогу, и он говорит, что несколько раз видел, как ночью вы останавливались напротив дома. Он записал номер вашей машины, так что нет никаких сомнений, что он видел именно вас.

Куинн: Мне жаль это слышать. Я не хотела напугать Кристофера.

Сэвидж: Значит, вы признаёте, что регулярно останавливались перед домом Гримвудов в темное время суток?

Куинн: Да. Думаю, да.

Сэвидж: Насколько часто?

Куинн: Я вряд ли могу ответить на этот вопрос. Я не вела записей.

Сэвидж: Раз в день? Раз в неделю?

Куинн: Реже. Пару раз в месяц.

Сэвидж: Всегда по ночам?

Куинн: Проезжала и в другое время. Останавливалась только ночью. Когда думала, что меня никто не видит.

Сэвидж: Почему?

Куинн: Я уже вам говорила. У меня с этим домом связаны определенные воспоминания.

Сэвидж: Мне это кажется признаком психического нездоровья.

(Короткая пауза.)

Уилкинс: Миссис Куинн?

Куинн: Простите, это был вопрос?

Я встаю, чтобы размять ноги. Всем, кто хорошо знает Кэтрин, было бы понятно, что она просто остается собой. Она не переносит дураков, а Сэвидж явно не блещет умом. К сожалению, мне не обязательно быть там, чтобы понимать: симпатий это ей не прибавило. Возможно, им не удастся доказать ее вину, но пока все внимание полиции направлено на нее, они не ищут Питера.

Я прекрасно понимаю иронию происходящего. Несколько месяцев подряд я твердил об убийце, но никто не обращал на меня внимания.

Теперь полиция наконец пришла к такому же выводу, но решила, что это Кэтрин.

Я возвращаюсь за стол.

Сэвидж: Расскажите, что произошло вчера. Когда вы проезжали мимо дома Гримвудов. На этот раз днем.

Куинн: Я поднялась на холм, проехала последний поворот перед домом и увидела на дороге Питера.

Я практически вижу, как вострепнулись Сэвидж и Уилкинс. Они переглядываются и слегка выпрямляются.

Уилкинс: Питер был на дороге?

Куинн: Да, прямо передо мной.

Уилкинс: Что вы сделали?

Куинн: Остановилась. Заглушила мотор. Вышла, взяла его на руки, отнесла за калитку сада и проверила, что она закрыта и он не может снова убежать. Потом вернулась к машине и уехала.

Уилкинс: Вы не постучали? Чтобы передать ребенка матери, удостовериться, что с ним всё в порядке?

Куинн: Я видела, что с ним ничего не случится. Если калитка закрыта, маленькому ребенку на улицу не выйти.

Уилкинс: Большинство людей поговорили бы с его матерью, вам не кажется? Сообщили бы ей о случившемся. Особенно с учетом того, что на улице стемнело.

Куинн: Я не принадлежу к большинству. Я — мать, потерявшая детей из-за небрежности той женщины. Я не разговариваю с Рейчел.

Сэвидж: Вы ее ненавидите, да?

Не отвечай, Кэтрин. Пожалуйста, не отвечай.

Куинн: Я даже не представляла, что можно кого-то так сильно ненавидеть.

У меня нет сил продолжать. Я встаю, иду наверх, обнимаю Куини. Потом варю себе кофе и смотрю на горы.

Кэтрин наплевать. Это видно даже по протоколу. Ей больше нечего терять. Ей безразлично, если люди подумают, что это она убила малыша. Она уже стала женщиной, способной убить почти две сотни дельфинов, а для многих это гораздо хуже, чем убить одного ребенка.

Твердо решив дочитать протокол, я возвращаюсь и просматриваю оставшуюся часть. Сэвидж спрашивает о светлых волосах на свитере; Кэтрин с едва скрываемым раздражением объясняет, что, если эти волосы принадлежат Питеру, они могли остаться на ткани после того, как она отнесла ребенка в сад. Потом сержант интересуется, что было в большом узле, который она принесла на лодку, и Кэтрин отвечает, что это белье из рубки, промокшее днем ранее.

Наверное, вода натекла с моей одежды, когда мы с Куини там заснули. Я могу это подтвердить. И кролика, которого нашел на «Эндеворе». Нужно с ними поговорить. Я смотрю на часы. Интересно, как долго полиция может удерживать человека без предъявления обвинений?

Сэвидж заводит разговор об экспедиции на «Эндевор» во вторник ночью. Почему мы туда отправились и что нашли. Кэтрин отвечает на все вопросы, ничего не скрывая, но не упоминает о том, что я на нее напал. Кроме того, она рассказывает кое-что, чего я не знал. Оказывается, она часто бросает якорь в Порт-Плезант и соседнем Порт-Фицрое и не хуже других знает бухту и останки «Эндевора».

Мне нужно с ними поговорить. Это я предложил обыскать затонувший корабль, а не она. Если уж на то пошло, Кэтрин совсем не хотела меня туда везти.

Сэвидж спрашивает, что она выбросила за борт в Порт-Фицрое сегодня утром. Кэтрин говорит, что ничего не бросала. Сэвидж утверждает, что есть свидетели. Кэтрин требует назвать имя. Он не может. Или не хочет. Кэтрин говорит, что если б хотела избавиться от тела, то не выбрала бы эту бухту — слишком мелко. На островах немало других мест, где практически нет шансов найти тело с привязанным грузом. Я понимаю, что в реальной жизни допрос уже закончился, но мне все равно хочется сказать ей, чтобы она заткнулась, потому что это дает мыслям Сэвиджа новое направление. Где бы она сбросила тело? Она об этом думала?

Ничего не добившись, Сэвидж меняет тему. Она видела кого-нибудь на дороге, ведущей к аэропорту? Нет, не видела. Увозила ли она

вчера Питера Гримвуда из дома? Нет. Приводила ли на свою лодку? Нет, оставила в саду у дома. Где она была три дня назад, когда похитили Арчи Уэста? Дома, работала. Нет, никто это не может подтвердить — она живет одна.

Кэтрин прерывает череду вопросов и спрашивает, где ее собака. Сэвидж не знает. Он продолжает давить. Считает ли она совпадением, что Арчи Уэста держали в домике, который принадлежит ей и о котором почти никто не знает? Кэтрин сказала, что у нее нет никакого мнения на этот счет. Похищала ли она Арчи Уэста? Она впервые увидела Арчи Уэста прошлой ночью, когда нашла его на дороге в Дарвин.

Это тянется так долго, что даже я устаю. Допрос занимает чуть больше часа. Я ищу другие материалы, но ничего не нахожу. Если Кэтрин допрашивали еще раз, протокол не успели загрузить в систему.

Я беру телефон и звоню в полицейский участок, Нилу. Договариваюсь, что приду ближе к вечеру. Если повезет, мне удастся исключить игрушечного кролика из числа улик против Кэтрин.

Арчи похитили мужчина и женщина? По словам Скай, рассказ мальчика довольно бессвязен. Если у ребенка в голове все перепуталось, то мужчина и женщина, о которых он говорит, вполне могут быть мной и Кэтрин. О ком он говорит — о мужчине и женщине, которые его похитили, или о мужчине и женщине, которые его вернули? Черт, нужно всего лишь провести процедуру опознания. Арчи почти наверняка узнает Кэтрин, и дело развалится.

Я звоню в адвокатскую контору в Стэнли, и там подтверждают то, в чем я и так был уверен. В серьезных случаях, таких как похищение ребенка, Кэтрин могут задержать на четверо суток без предъявления обвинений. Если в течение четырех дней не начнутся серьезные поиски Питера Гримвуда, ребенок погибнет.

Потом я звоню знакомым в Маунт-Плезант и, к своему огромному облегчению, узнаю, что поиски уже идут. Взвод солдат прочесывает местность вокруг сарая для кормов, в котором держали Арчи. Это начало, но особых надежд у меня нет. Если Питера похитил тот же человек — а какие еще возможны варианты? — то он, она или они найдут другое место, чтобы спрятать ребенка.

Я понятия не имею, что делать дальше, и поэтому возвращаюсь к дому Гримвудов. Рядом с домом припаркованы две полицейские

машины, а зона поворота огорожена лентой. Внутри работают люди в белых комбинезонах. Лучше поздно, чем никогда. Подъезжаю ближе и прочищаю горло.

— Что-нибудь нашли? — Я знаю, что они не обязаны мне отвечать. А еще знаю, что, скорее всего, ответят. И меня не разочаровывают.

— След. — Один из криминалистов заливает какую-то светлую жидкость в углубление в земле. — Всего один. Наверное, остальные смыл дождь, но и этого хватит. Кто-то тут недавно стоял. Крупный парень, судя по отпечатку ноги.

У Кэтрин крошечная ступня.

Я иду дальше и открываю калитку в сад. Кристофер и Майкл сидят на качелях недалеко от дома. Увидев меня, они спрыгивают и идут ко мне.

— Привет, ребята. Новости есть?

— Папин самолет задержали, — сообщает Крис. — Он вернется домой только завтра.

— Жаль. Наверное, все вы очень хотите, чтобы он вернулся побыстрее.

Глаза Майкла краснеют, и я жалею, что не сказал что-нибудь ободряющее — например, что их маме повезло, что у нее два таких разумных взрослых сына, или какую-нибудь другую подобную хрень.

— Где ваша мама?

— Прилегла. Бабушка говорит, что ей нужно поспать.

Если кому-то интересно мое мнение, то поспать нужно Кристоферу. До этого момента я не понимал, что означают синяки у него под глазами. Как будто кто-то окунул пальцы в фиолетовую краску и провел от уголков его глаз по диагонали через всю щеку.

— Вы приехали искать Питера?

— Если хотите, поищем вместе, — предлагаю я, понимая, что в таких ситуациях члены семьи испытывают потребность в действии. В любом, которое кажется им полезным. — Можно спуститься на пляж.

— Мы там уже были. — Крис берет брата за руку. — Утром первым делом пошли туда. Когда все еще спали.

— И вчера смотрели. — Майк все еще в пижаме. Поверх он надел флисовую курточку, чтобы не замерзнуть, и сунул ноги в кроссовки, но переодеться не стал. — Когда мама его не нашла, мы везде искали.

— Говорят, его забрала тетя Кэтрин.

Я сажусь на корточки, чтобы мое лицо оказалось на одном уровне с лицом Майкла.

— Кто говорит, дружок?

— Сегодня утром мы слышали разговор бабушки и дедушки, — за брата отвечает Крис.

— Она в тюрьме, — вставляет Майкл. — Бабушка говорит, она больная на голову, потому что ее дети умерли, и теперь она хочет навредить Питеру.

Я беру мальчиков за плечи и веду к перевернутым бочкам, расставленным в форме круга.

— Ребята, кто-то из вас вчера видел Кэтрин у вашего дома? Около четырех часов? Прямо перед исчезновением Питера?

Они опускают глаза. Потом качают головами — сначала Кристофер, потом его брат.

— А еще кого-нибудь видели? Другие машины?

Мальчики снова качают головами. Но ведь они были в саду, когда мы с Кэтрин проезжали мимо. Наверное, дети пребывают в своем мире, не видят и не слышат, что происходит за его пределами.

— Вы никого не заметили рядом с домом? Не обязательно вчера, а, например, в последние несколько дней? Или даже в последние несколько недель? Кого-то незнакомого? Может, кто-то следил за вами?

— Вчера полицейский уже спрашивал об этом, — говорит Крис. — Я сказал, что нет. Только тетю Кэтрин.

— Бабушка говорит, она нас ненавидит.

— Вовсе нет, — возражаю я. — Просто она очень страдает.

— Мама тоже страдает, — говорит Майкл. — Она много плачет. И не только из-за Питера. Она из-за всего плачет.

— Мне иногда кажется, что все страдают, — задумчиво произносит Крис. — Всегда страдали и всегда будут страдать.

Разве он не прав?

Хвост Куини стучит по пассажирской дверце машины, и до меня доходит, что если она несколько дней будет моей гостьей, то нужно

купить собачий корм. До назначенной встречи в полицейском участке еще полтора часа. Думаю, шопинг не хуже любого другого способа убить время.

— Каллум! — слышу я, захлопывая дверцу. Ко мне торопится Джон, начальник Кэтрин. Я жду, пока он подойдет ближе, понимая, что улицы Стэнли по-прежнему полны народом и многие испытывают ко мне повышенный интерес.

— Как дела, Джон?

Он улыбается своей хитрой, почти заговорщической улыбкой. Я ничего не имею против Джона, но в его присутствии всегда чувствую себя не очень комфортно. Высокие часто избегают людей маленького роста. Коротышкам есть что доказывать. Коротышки могут застать вас врасплох. Вы удивитесь, если узнаете, сколько низкорослых людей носят с собой нож.

— Вы сегодня видели Кэтрин? — спрашивает он, и я подавляю искушение ответить, что не видел, потому что ее арестовали по подозрению в похищении ребенка. Просто качаю головой.

— Ей нужно поговорить с адвокатом. — Джон переминается с ноги на ногу и не поднимает взгляд. — По словам Нила из полицейского участка, она отказывается. Я пытался поговорить с ней, но она не хочет никого видеть.

— У них на нее ничего нет. — Я стараюсь голосом передать свою уверенность. — Через пару дней им придется ее отпустить.

— Вот только они считают, что получили неопровержимые улики. — Джон придвигается ко мне. — Как сказал Нил, они уверены, что к вечеру смогут предъявить обвинение.

Должно быть, речь идет о кролике. Что у них есть без него и косвенных доказательств ее присутствия рядом с домом Гримвудов вчера днем?

— Похоже, они нашли отпечатки пальцев, — отвечает Джон на незаданный вопрос.

— Чьи отпечатки?

— Малыша. У Кэтрин вчера была кожаная сумка через плечо. На ней остались его отпечатки.

Я говорю себе, что это ничего не значит. Отпечатки пальцев Питера будут на сумке Кэтрин по той же причине, что и волосы на свитере. Она нашла мальчика на дороге, взяла на руки и отнесла в сад.

Но мне это все равно не нравится. Если волосы Питера остались на свитере Кэтрин, то их могут найти также в машине и на лодке. Выстраивается целая цепочка улик, фальшивых, но кажущихся все более убедительным.

— И отпечатки пальцев на пистолете, который она хранит на лодке. Похоже, свежие, хотя я не понимаю, как они это определили. Она недавно брала в руки пистолет.

Кэтрин держала пистолет, когда мы с ней были на «Эндовеоре». Повезло еще, что не стреляла — как выясняется, не только мне...

— Ей нужен разумный совет.

«Ей нужно, — думаю я, попрощавшись и поднимаясь по склону холма, — чтобы нашли Питера и вычислили настоящего похитителя».

— Каллум!

Джон догоняет меня.

— Послушайте, это еще не всё. Я не хотел говорить, но такое чувство, что всем на нее плевать, а ей в любом случае понадобится поддержка.

— Ей нужно, чтобы нашли Питера, и тогда со всем этим дерьмом будет покончено.

— Каллум, вы знали двух других пропавших мальчиков? Джимми Браун был местным, и вы, вероятно, его видели. Другая семья, Харперы, время от времени приезжала в город. Вы с ними знакомы?

Я качаю головой.

— Простите, приятель, а какое это имеет значение?

— В библиотеке найдутся старые номера «Пингвин ньюс». После исчезновения мальчиков газета публиковала их фотографии. Взгляните. Но я не советую идти с этим к Дункану. Скорее всего, фотографии есть и в полиции. Люди начинают видеть связь, друг мой. И вам бы не помешало.

Он качает головой, как будто жалеет, что больше ничего не может сделать, потом поворачивается и идет вниз по улице.

Остается еще час до беседы в полицейском участке. Библиотека находится в общественном центре, и я отправляюсь туда, чтобы порыться в старых подшивках «Пингвин ньюс».

Джимми пропал в июне 1993-го. Я нашел статью о происшествии на первой странице номера за ту неделю и сделал фотокопию.

Мое внимание привлек рассказ о мальчиках, а если точнее, о том, как их исчезновение повлияет на жителей островов. По мнению автора, Роба Дункана, через несколько десятилетий эти истории станут частью нашего фольклора — дети, унесенные феями. А через год, утверждал он, их призраки появятся на пляжах.

Я помню, что уже читал эту статью и посчитал ее чересчур бесстрашной, хотя она была написана в то время, когда мы все молились о благополучном возвращении Джимми. Но в одном Роб был прав: для общества нет ничего хуже, чем пропавший ребенок. И я не уверен, что мы выдержим еще одного.

Понимая, что нельзя отвлекаться, я нахожу номер за август 1992 года со статьей о пропавшем Фреде Харпере и тоже делаю копию. Потом возвращаю подшивки на место и кладу две фотокопии на стол у окна.

О нет.

Я сажусь и подвигаю листочки ближе, надеясь, что при внимательном рассмотрении первое впечатление рассеется.

Семилетний Джимми жил с родителями в Стэнли. Пятилетний Фред был из поселка на Западном Фолкленде. Ничто не указывало на близкое знакомство двух семей. У них не было ничего общего. За исключением того, что два мальчика выглядели похожими, словно братья. Темные волосы, карие глаза, смуглая кожа — у обоих признаки испанской крови, как и у большинства здешнего населения. И оба чертовски похожи на детей Кэтрин.

Кто, как не я, громче и настойчивее всех кричал о том, что на островах живет убийца? Кто, как не я, чаще всего говорил, что три пропавших ребенка, не говоря уже о четырех, никак не могут быть совпадением? Наконец остальные жители островов начинают со мной соглашаться...

Боже правый, что же я наделал?

* * *

Несколько часов спустя я задаюсь вопросом: есть ли хоть какой-то толк от моих действий? Было бы сильным преувеличением утверждать, что полицию убедил рассказ о находке плюшевого

кролика на «Эндеворе». Они хотели знать, почему мы сразу ничего не сказали, но объяснение, что находка тела ребенка на какое-то время заставила забыть об игрушке, их тоже не впечатлило. Как и заявление, что именно я предложил обыскать обломки кораблекрушения.

Мне даже показали копию моего дурацкого списка. С добавленным именем Кэтрин. Когда я попытался спорить, мне ответили, что несколько человек видели Кэтрин во время заплыва. Вероятно, она стояла на скале и в бинокль следила за пловцами. Никто не помнил, что видел ее на школьном спортивном празднике, но судя по журналу начальника порта, ее лодка в то время стояла в Порт-Ховарде.

Когда меня отпустили, уже было абсолютно ясно: полиция считает нас с Кэтрин очень странной парочкой, а сам я могу скоро перейти в разряд подозреваемых. Только вернувшись домой, я вспомнил, что нужно было купить корм для Куини. От банки томатного супа, которую я открыл для себя, она воротит нос, кукурузные хлопья ее тоже не впечатлили. Возвращаться в Стэнли уже поздно, и остается только принести что-нибудь из дома Кэтрин. Так я одним выстрелом убью двух зайцев. Возьму что-нибудь из ее вещей и утром отнесу в полицейский участок. Появится предлог еще раз попросить о встрече с ней.

Я иду пешком. До дома Кэтрин всего четыре мили напрямик; кроме того, я немного взвинчен и не хочу садиться за руль. Ничто так не успокаивает, как ходьба, хотя это может показаться странным — первая пешая прогулка по Фолклендам была одним из худших эпизодов в моей жизни. Но за прошедшие годы я очень хорошо понял разницу между ночным марш-броском по незнакомой местности — в промокшей насквозь одежде, навстречу неминуемой насильственной смерти — и прогулкой по исхоженным вдоль и поперек пустошам при золотистом свете луны, когда запахи моря смешиваются с запахами земли.

Солнце садится, и направление указывает только серебристая полоска на горизонте, но этого вполне достаточно. Минут через пятнадцать я подхожу к узкой речушке — значит, пройдено уже больше половины пути. Здесь нужно повернуться спиной к закату, если от него что-то осталось, и идти точно на восток.

Я иду быстро. Куини трусит рядом, время от времени отвлекаясь на запахи и шорохи, но, услышав мой свист, всегда возвращается. В районе аэропорта ветер усиливается. Отсюда уже видны огни Стэнли.

Когда на горизонте проступает белый силуэт над Уэйлбон-Бэй, Куини понимает, что она почти дома; бежит впереди меня по узкой протоптанной тропке, которая приводит нас прямо к саду. Ночь такая темная, что я с трудом различаю эти чертовы скелеты — даже когда мы подходим совсем близко. Если газетчики увидят дом Кэтрин, это будет настоящая сенсация. Те, кто захочет понять, поймут, что это протест против китобойного промысла, но умело выбранный ракурс и хитрое редактирование расскажут совсем другую историю. Кэтрин может предстать каким-то вурдалаком, живущим на кладбище.

Здесь почти никто не запирает дома. Я свой запираю, но привычка — вторая натура. У Кэтрин такой привычки не было, однако, когда я толкаю заднюю дверь, она не поддается. Приходится проверить каменную кадку для растений под окном гостиной — да, ключ на своем обычном месте.

Куини носится по дому, словно проверяя, что тут изменилось за время ее отсутствия. Обнюхивает пол, стены, дверцы буфета, стремглав бежит наверх, а минуту спустя топчет вниз. Все это время я стою на кухне, собираясь с мыслями. Я ни разу не был здесь без Кэтрин. Без нее дом кажется совсем другим.

В кладовке я нахожу корм для Куини, набиваю им рюкзак и иду наверх. В конце коридора — комната с белой дверью. Закрытой.

Я никогда не был в спальне Кэтрин. Те несколько раз, когда я сюда приходил — обычно мы встречались у меня или на лодке, — мы устраивались в спальне для гостей. Мне казалось, что если это жест уважения к мужу, то поезд уже давно ушел. Я спал с его женой, и какая, черт возьми, разница, если я улягусь в его постель? Но для Кэтрин было важно сохранять эту разницу, и я с готовностью подчинялся.

И все равно я почему-то волнуюсь, когда толчком распахиваю дверь и вхожу в спальню.

Двухспальная кровать аккуратно заправлена, в ногах сложено лоскутное одеяло, явно старое. Глядя на лоскуты всех цветов радуги и самой разной фактуры, я представляю, как несколько поколений фолклендских женщин при свете керосиновой лампы шили это

гигантское произведение искусства. Воображаю, как бабушка Кэтрин делится воспоминаниями с крохотной темноволосой девочкой: «А это платье я носила, когда познакомилась с дедушкой... Ой, смотри, а этой тканью была обшита твоя коляска, когда ты была маленькой. Помнишь?»

Мы с Кэтрин могли бы много лет лежать, обнявшись, под этим одеялом, и она рассказывала бы мне историю каждого лоскутка.

Комната имеет Г-образную форму, и за углом я вижу маленький кабинет. Письменный стол, шкаф для документов, стул. Нижний ящик шкафа открыт. Компьютер забрали — думаю, недавно, если судить по разбросанным на столе и полу кабелям. Лазерный принтер, старая модель «Хьюлетт-Пакард», остался, но кабель, соединявший его с компьютером, свисает на ковер. Подойдя ближе, я вижу пыльный круг.

Три стены заняты фотографиями Нэда и Кита — поодиночке, вдвоем и с родителями. Среди фотографий попадаются школьные рисунки и даже страницы, вырванные из медицинских карт. Четвертая стена пустая, но я вижу на ней отверстия от булавок и остатки липкого синтетического каучука.

Куини выбегает из комнаты. Я слышу, как она спускается по лестнице, затем несется по коридору первого этажа. Начинаю открывать ящики комода, стараясь не отвлекаться на исходящий от них запах Кэтрин. Нахожу брюки, свитер, носки. В ящике с нижним бельем беру вещи, которые сам ей покупал — из эгоистичного мужского желания видеть на ней одежду, за которую я заплатил. Наши отношения с женщинами — это борьба за территорию, ведь так?

Еще одна дверь ведет в ванную, и мне приходит в голову, что Кэтрин понадобится зубная щетка и паста. На внутренней стороне двери висит пижама, и я не могу удержаться. Подношу к лицу и вдыхаю запах. За последние три года я никогда не был к ней так близко. Я закрываю глаза и представляю, что она здесь, в комнате, рядом со мной — прямо сейчас.

— Привет, — говорит Кэтрин.

Я вздрагиваю и отпускаю шелковистую ткань, почему-то чувствуя себя виноватым. Мне ничего не привиделось. Она *здесь*, в дверном проеме. Куини вертится у ее ног и с такой силой виляет хвостом, что едва не сбивает с ног их обеих.

Моя первая мысль: Кэтрин стала меньше. Одежда ей явно велика — свисает с плеч, подвернута на запястьях и лодыжках. Прилизанные тусклые волосы собраны на затылке. Глаза огромные и в полутьме кажутся серебристыми.

— Подумал, тебе нужна одежда. — Я чувствую потребность объяснить, почему без приглашения вторгся в ее спальню.

— Нужна. — Она криво улыбается, смотрит на себя и поднимает руки. — Это дала Скай. Не уверена, что у нас одинаковый размер.

— Тебя отпустили?

Она слегка склоняет голову набок:

— Нет, я дождалась, пока они отвлекутся, и сбежала.

— Как ты сюда добралась? — Я не слышал машины, хотя, нужно признать, ветер завывал, как безумный.

— На метле.

В этом вся Кэтрин. Ей нравится, когда я выгляжу тупым солдафоном, а она знает ответы на все вопросы. Заметив что-то в моем лице, она проявляет милосердие:

— Скай меня подбросила.

— Что происходит? Почему?

Она пожимает плечами, но продолжает стоять в дверном проеме.

— Дайверы закончили прочесывать Порт-Фицрой и ничего не нашли. Это значит, что у полиции имеются только косвенные улики. Боб Стопфорд решил, что у них нет условий для длительного пребывания задержанных, и, будем откровенны, я все равно никуда не сбегу.

Все это так неожиданно, что с трудом укладывается в голове.

— Все закончилось?

Кэтрин хмурится:

— Конечно, нет. Завтра дайверы вернутся. А меня обязали явиться в полицейский участок. Кстати, ты не мог бы подбросить меня до бухты? Моя машина все еще там.

— С радостью, но только утром. Я пришел пешком.

Она кивает, и пресловутый «слон в комнате»^[24] задирает голову и трубит так громко, что я боюсь, что в доме снесет крышу. Она тоже слышит этот рев.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Нет. — Пусть хоть весь дом рухнет, но я не произнесу этого вслух.

— Дурак, — говорит Кэтрин, и ее лицо смягчается. Я вижу, как дергается ее тело, словно она хочет броситься ко мне через всю комнату, но сдерживаю себя, понимая, что первый шаг должна сделать она.

— Ты видел Рейчел?

Три года я не слышал, чтобы Кэтрин произносила это имя. Я качаю головой, подразумевая, что речь идет о времени после исчезновения ребенка.

— Только ее родителей. И двух старших мальчиков.

— Что они говорят? Как она?

— В шоке. Пытается осознать случившееся. Собственно, как и следовало ожидать.

— Его ищут? Как Арчи? Я ничего не могла вытянуть у Стопфорда и его парней. Полиция организовала поиски?

Черт. Это Кэтрин. *Настоящая* Кэтрин, а не призрак, который я преследовал так долго, что почти забыл, какой она была раньше. Похоже, она тоже что-то прочла на моем лице. Морщинки на ее лбу разглаживаются. Щеки вздрагивают. Неужели она сейчас мне улыбнется?

— Я чуть с ума не сошел, так переживал за тебя...

Не улыбка, еще нет; просто воспоминание, что когда-то такое было возможно.

— Меня держали под арестом меньше суток.

— Я говорю о последних трех годах.

Давай, Кэтрин. До меня всего пять шагов. Мне кажется, она уже готова преодолеть это расстояние, но тут сквозь завывание ветра до нас доносится звон стекла. Кто-то разбил окно.

Потом мы слышим взрыв.

От испуга глаза Кэтрин широко раскрываются:

— Это выстрел. Внизу вооруженный человек.

— Фейерверк, — успокаиваю я ее, быстро поворачиваюсь и выключаю свет. Спальня находится в задней части дома, а звуки

доносятся спереди. — Наверное, детишки балуются... — Но уверенности в этом нет. — Подожди здесь.

Бегу вниз, радуясь, что ни я, ни Кэтрин не включили свет и есть шанс скрыть свое присутствие в доме. На полу в кухне лежат камень и хлопушка, влетевшая вслед за ним. Самодельная — в детстве мы называли их шутихами и бросали в толпу в ночь Гая Фокса^[25]. По крайней мере, я бросал, пока папаша не надрал мне задницу. Подхожу к задней двери и поворачиваю ключ.

Снаружи доносится рев моторов. Это квадроциклы. Они становятся популярными на островах, особенно среди молодежи. Чтобы носиться по бездорожью на квадроцикле, не нужны права. И на них можно забраться туда, куда не проедет ни один автомобиль. Мне приходилось видеть, как двенадцатилетние мальчишки гоняли по пустошам на этих четырехколесных телегах.

Снаружи ничего не видно, и я возвращаюсь наверх. На полпути встречаю Кэтрин и тащу ее за собой. В маленькой спальне, раньше принадлежавшей Нэду — выглядит она жутковато, как будто в ней по-прежнему живет восьмилетний мальчик, — подкрадываюсь к окну, выходящему на дорогу. Кэтрин идет следом и прижимается подбородком к моему плечу. Ветер словно с цепи сорвался, обрушиваясь на стены старого дома и завывая над крышей. Неудивительно, что мы не слышали приближение квадроциклов.

— Там целая толпа, — шепчет Кэтрин мне в ухо.

Нам видны зажженные фары, и, судя по всему, не все приехали на квадроциклах. Вереница припаркованных машин тянется довольно далеко, перегораживая дорогу.

— Отойди. Встань у меня за спиной.

Уличные фонари дают нам временное преимущество: мы можем видеть больше, чем люди снаружи. Ветер разогнал облака, и жутковатые украшения в саду Кэтрин поблескивают в искусственном свете.

— Не могла поставить гномиков, как нормальные люди, — бормочу я.

Потом вижу свет электрических фонарей. Три... четыре... шесть штук перед домом среди скелетов и гарпунов. Смотрю, как они приближаются. Неясные тени постепенно материализуются, превращаясь в человеческие фигуры. Толпа подходит к дому, и что-то

подсказывает мне, что они пришли не затем, чтобы петь рождественские гимны. Очень необычное поведение для жителей островов.

Снаружи мелькает что-то яркое — открытое пламя, у самой земли. К дому летит шутиха. Она проносится над крышей, не причинив вреда.

— Посмотри сзади, есть ли там кто-нибудь. Только осторожно, чтобы тебя не заметили.

К нам летит еще одна шутиха. Ударяется в стену рядом с окном и падает на землю. За ней могут последовать другие. И попасть в цель. Так можно и дом поджечь. Я трясусь головой, пытаюсь отогнать назойливые видения. «Сэр Галахад» в огне. Крики горящих людей.

Кэтрин появляется в дверном проеме за моей спиной:

— Они обошли дом. Я насчитала трех человек. Кто они?

Девять фонарей. Не меньше девяти незваных гостей, а с учетом количества машин на дороге, скорее всего, гораздо больше.

— Дай мне телефон. И не зажигай свет.

Громкий стук в дверь, а затем я вижу, как кто-то отходит назад и поднимает голову. Луч фонаря направлен вверх, но в другое окно, и я успеваю спрятаться. Что-то подсказывает мне, что эти парни не знают, что мы здесь. Они думают, что Кэтрин в тюрьме, а рядом с домом нет машин, которые бы указывали на наше присутствие.

Но что им тогда нужно, если не мы?

Ответ на этот вопрос я получаю через несколько секунд, когда несколько фонарей перемещаются от дома к скелетам. В мерцающем луче виден молоток, обрушивающийся на скелет косатки. Склеенные и скрепленные штифтами кости установлены на постаменте, создавая впечатление стремительного и грациозного движения морского млекопитающего. От сильного удара постамент опрокидывается, и скелет падает на землю. Еще один взмах молотка, и он распадается на две части. Следующий удар разбивает плавник.

Кто-то лупит аэрозольным баллончиком по челюсти голубого кита. Третий вандал поднимает гарпун и бросает в сторону дома. Его не взяли бы в команду по метанию копья, но дурной пример заразителен, и вскоре в нас уже летят гарпуны. Слышно, как некоторые ударяют в стену.

Еще дальше люди перебрасывают мелкие обломки костей через изгородь на землю и пляж в нескольких метрах внизу.

— Они всё ломают. — В руке у Кэтрин телефон, глаза широко раскрыты. Она в смятении. Конечно, скелеты китов многим не нравятся — например, мне, — но это ее наследство, это часть истории острова.

— Я выхожу.

— С ума сошла? — Одной рукой я хватаю ее, другой беру телефон и большим пальцем набираю «999»^[26]. Пока жду ответа, толпа принимается за дельфинов. Кэтрин дрожит, и я не знаю, сколько еще смогу ее удерживать.

Пока я объясняю ситуацию дежурному сержанту в полицейском участке, люди вновь хватают гарпуны и начинают бросать в дом. Слышится звон разбитого окна.

Полицейской машине понадобится не меньше пятнадцати или двадцати минут, чтобы до нас добраться. Учитывая, что дорога блокирована машинами, время может удвоиться.

— Эти люди думают, что я похитила Питера. — Я отмечаю, что Кэтрин не говорит «убила».

— Дело не только в Питере. — Мне очень не хочется этого говорить, но она должна понимать, с чем имеет дело.

Я тяну ее ближе к двери. Снаружи по-прежнему взрываются шутихи, а грохот падающих со скалы костей сопровождается пронзительными воплями.

— Помнишь двух мальчиков, пропавших до Арчи и Питера? Местных?

Она отвечает недоуменным взглядом, в котором читается страх.

— Джимми и Фред?

— Люди сообразили, что они похожи на Нэда и Кита. А первый из них пропал вскоре после гибели мальчиков. У людей плохо с логикой, Кэт. Дети пропадают, и испуганные люди начинают обвинять друг друга.

Внизу лает Куини. Времени больше нет. Они знают, что мы тут.

— Позвони еще раз, — говорю я и иду к лестнице. — Пусть поторапливаются, черт бы их побрал.

Крики снаружи усиливаются. Что-то ударяет в окно. Стекло не разбивается, но это лишь вопрос времени.

— Не выходи.

— Полиция будет здесь через десять минут. Я их заболтаю.

Кэтрин пытается удержать меня, но на моей стороне сила тяжести и тридцатикилограммовое преимущество в весе. Я прошу ее позвонить в полицию и ждать в задней части дома. Потом иду через кухню, чувствуя гулкие удары сердца. Не очень-то приятно кидаться в драку вслепую. Я понятия не имею, что за люди собрались снаружи дома и что они собираются делать. Ясно только, что нужно действовать быстро. Застать их врасплох. Я распахиваю дверь, выхожу под свет уличного фонаря и запираю ее за собой. Ключ опускаю в карман. Посмотрим, у кого хватит смелости отобрать его у меня.

— Что вам нужно, парни? — Вопрос звучит достаточно вежливо. Своим тоном я даю понять, что со мной лучше не связываться. Честно говоря, мне страшно, но если я не смогу этого скрыть, мне конец.

Луч фонаря упирается мне в лицо. Потом еще один. Проклятье!

— Нам нужно поговорить с твоей подругой. Пусть выйдет. — Женщина, причем явно не местная. Акцент жителя Юго-Восточной Англии, совсем не похожий на мягкий тягучий говор, характерный для многих островитян. Если дипломатические переговоры ни к чему не приведут, я должен знать, что меня ждет. Полиция будет здесь в лучшем случае через десять минут, да и то при условии, что они выехали сразу после звонка. А пока можно рассчитывать только на себя.

— Кто хочет с ней поговорить? И не свети мне в лицо, пока я не засунул фонарь тебе в задницу!

Толпа гогочет, но луч фонаря сползает с моего лица. Из темноты на фоне остатков скелетов проступают тени. Взрослые, в теплых куртках — по погоде. Шарфы и шапки частично скрывают лица. Не хотят, чтобы их узнали. Слышен звук приближающихся машин, но это явно не полиция — слишком рано.

— Я кого-то из вас знаю или вы все с круизного судна? В таком случае вам лучше дважды подумать, прежде чем нарушать здесь закон. Корабль не будет ждать, пока вас возьмут на поруки.

Молчание. Я чувствую, что отвоевал преимущество.

— Вам придется выложить по тысяче фунтов, чтобы улететь домой. Сомневаюсь, что это покрывается страховкой.

— Никто не собирается нарушать закон. — Вперед выходит мужчина, высокий, но все-таки ниже меня и немного оплывший. Я узнаю отца Джимми Брауна. — Мы просто хотим с ней поговорить.

— С ней целый день говорила полиция. Они этим занимаются. Идите домой.

Из-за спины мужчины выходит женщина. За ней еще одна. Обе мне не знакомы. Первая подходит прямо ко мне. Ей лет сорок пять, а огрубевшая кожа и морщины вокруг рта выдают любительницу спиртного. Я чувствую запах алкоголя. Это сложнее. Мужик будет меня опасаться. Женщина — нет. Убедит себя, что я не посмею ее тронуть. И будет права — только не при свидетелях, особенно с учетом того, что за спинами людей я замечаю блеск объектива. Телевизионщики приехали сюда вместе с толпой, но пока предпочитают держаться в тени.

Женщина подходит вплотную, на расстояние нескольких дюймов, пытаюсь смутить меня своей близостью.

— Пропал двухлетний малыш. — Она тыкает мне в лицо пальцем, обтянутым перчаткой. — За три года пропали четверо детей. Тебе плевать, да?

— Тащи ее сюда!

Тут не только туристы. Местные держатся сзади, но они тоже здесь. Семья Браунов, это точно, и, похоже, один или двое Харперов. За потемневшим черепом голубого кита я вижу черные с сединой пучки волос Боб-Кэт.

Полиция еще далеко. Эти люди напуганы. Их детей похищают, и они чувствуют себя беспомощными. Подогретая алкоголем толпа нашла выход для своих страхов. Ключ они не получают, но несколько окон уже разбиты. Люди могут забраться в дом.

— Хотите поговорить с Кэтрин? — Я смотрю поверх головы женщины на мужчину, в котором узнал отца Арчи Уэста. — С женщиной, которая, между прочим, нашла вашего сына? С женщиной, которая меньше суток назад вернула ребенка матери? Считаете, она это заслужила?

Мужчина выглядит пристыженным, но остальные по-прежнему храбрятся — смелости им придает анонимность. Какие-то юнцы в задних рядах затягивают песенку про женщину по имени «Королева убийц». Я поднимаю руки:

— Ладно, ваша взяла. Я ее приведу.

Такой поворот их удивляет. Они перестают петь, но все время придвигаются ближе.

— Дайте мне две минуты. Но она выйдет поговорить, и только. Она не сделала ничего плохого. У нее был трудный день, и вы должны отнестись к ней уважительно.

Я отступаю к двери, но женщина не отстает:

— Как насчет того, чтобы пойти с тобой?

Наклонившись, я шепчу ей в лицо так, чтобы слышала только она:

— А как насчет того, чтобы сломать твой уродливый нос?

Выпрямляюсь, отпираю и распахиваю дверь.

— Две минуты. И никто ее пальцем не тронет — иначе будете иметь дело со мной.

Проскользнув в дом, я поворачиваю ключ в замке. Кэтрин ждет в коридоре. Она смотрит мимо меня, на заднюю дверь.

— Я с ними поговорю. Я не боюсь.

— Зато я боюсь.

Тяну ее за собой через весь дом, в прачечную. Стиральная машина и сушилки с веревками аккуратно расставлены вдоль стены. Большое окно, прямо над раковиной, выходит в скрытый от глаз уголок сада.

Я много раз спал с Кэтрин в этом доме. Ее муж работал в двадцати минутах езды отсюда. Тогда, несколько лет назад, мне требовался план отхода.

— Позади дома тоже люди, — шепчет Кэтрин, когда я открываю окно и взбираюсь на раковину.

— Теперь все собрались у входа, ждут тебя. — Не без труда — возможно, за прошедшие три года я немного поправился — протискиваюсь в окно и спрыгиваю на землю. Потом протягиваю руки, чтобы помочь Кэтрин, и она вручает мне Куини.

Отлично.

Сунув собаку под мышку, я другой рукой помогаю ее хозяйке. Ветер заглушает звуки нашего бегства. Остается надеяться, что собака будет молчать. Когда все оказываются на земле, я останавливаюсь на секунду, чтобы оглядеться.

Мы на маленьком огороженном участке, где Кэтрин держит мусорные баки. Окно оставляю открытым — преследователи будут знать, что мы сбежали, и, возможно, не станут громить дом. Потом

осторожно выглядываю за калитку. Никого. В любом случае случайный противник мне не помеха. Передав Кэтрин собаку, я тяну их за собой по узкой мощеной дорожке, ведущей в дальний конец сада. Перемахнув через изгородь, мы окажемся на открытой местности. Ветер разогнал облака, и от квадроциклов здесь не убежать.

Из-за дома вновь доносятся крики. Громкий стук говорит о том, что толпа теряет терпение, но мы уже у изгороди. Я перелезаю на ту сторону, беру Куини, опускаю ее на землю и наклоняюсь к Кэтрин, чтобы поднять ее.

Над головой с визгом проносится шутиха, разбрасывая мелкие разноцветные искры. Я тяну Кэтрин за собой. В одежде, которую ей одолжила Скай, идти по пересеченной местности не слишком удобно, но нужно торопиться.

Почувствовав перемену в настроении толпы, я оглядываюсь и вижу беспорядочное движение фонарей. Сквозь ветер доносятся крики — кажется, они разлились.

— Думаю, они догадались, что мы сбежали. — Кэтрин уже тяжело дышит. Три года назад она была в отличной форме. Теперь я не уверен, что она выдержит четырехмильный марш-бросок. Ничего, ночью на Фолклендах мне приходилось таскать кое-что потяжелее.

Лучи фонарей скользят по земле прямо передо мной, и крики становятся громче. Нас заметили. Я прибавляю ходу, но у Кэтрин на ногах явно не кроссовки. Она старается не отставать, но я уже слышу рев квадроциклов. Это плохо. В доме у нас было моральное превосходство, и мы могли дать отпор. Теперь мы стали добычей, которую преследует толпа, а это совсем другое дело.

Варианты? Прятаться? Повернуть назад и вступить в бой? Отделать одного так, чтобы остальные отступили? В голову мне приходит неожиданное решение, и я поворачиваю к дороге.

— У них машины. По дороге нам не уйти.

— А мы и не будем. Мы ее пересечем.

Я жду, что Кэтрин будет протестовать. Сообразит, что нас ждет на другой стороне, — скажет, что я сошел с ума. Мы пробираемся через заросли дрока и вороніки. На небе еще остались облака, и время от времени они закрывают луну. Каждый раз, когда это происходит, появляется шанс, что преследователи нас потеряют, и я иду так быстро, как только осмеливаюсь. Бег по пересеченной местности на

Фолклендах — непростое занятие, особенно в условиях стресса. Повсюду травяные кочки, ямы и норы, большие заболоченные участки и даже ручьи и озера — там, где меньше всего ожидаешь их увидеть. И еще камни, глубоко вросшие в землю, невысокие, но острые и коварные, как капканы.

Квадроциклы приближаются. Оглянувшись, вижу фары. Они направлены прямо на нас.

Вот наконец и дорога. Теперь мы можем двигаться быстрее, даже без света. Парни, которые нас преследуют, — тоже. Я поворачиваю налево, не выпуская руки Кэтрин. Нам осталось преодолеть сорок ярдов, но в гору, а она уже задыхается.

— Ты не в форме.

— А ты не в своем уме.

Мы у ограждения. Обычно я захожу на минное поле в другом месте и потому не подготовил проход.

— Ты мне веришь? — За спиной Кэтрин появляются фары, быстро поднимающиеся по склону. Три штуки.

— Похоже, мне больше ничего не остается.

Я улыбаюсь, затем ложусь на землю и перекатываюсь под ограждением. Колочая проволока цепляет куртку, но я освобождаюсь. Почва тут пропитана влагой, но нет времени искать более подходящее место. Кэтрин следует моему примеру, потом к нам проползает Куини.

Мы на минном поле.

22

Я держусь как можно ближе к ограждению, пока не замечаю знакомые ориентиры. Чуть севернее того места, где мы находимся, есть скальный выступ, и от него можно поворачивать на запад. Большую часть пути мы преодолеем по овечьей тропе. Кэтрин идет за мной; собаку она снова взяла на руки.

— От Поросятки тут ничего не взорвется. Опустит ее на землю.

Она еще крепче прижимает собаку к себе. Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ним:

— Кэт, на этом поле полно овец. Они слишком легкие, и мины от них не срабатывают. От Куини тоже. Просто не позволяй ей гоняться за овцами, а то нас пристрелят.

Это лишь наполовину шутка. Минное поле арендовал местный фермер, Чейз Вентфилд, не терпящий собак, которые гонятся за его скотом. Тем временем свет фар продолжает преследовать нас. Квадроциклы по ту сторону ограждения перемещаются быстрее нас. Мы доходим до выступа, и я достаю из кармана компас, чтобы проверить себя. В обычной обстановке я этого не сделал бы, и у нас совсем нет времени, но Кэтрин все еще нервничает.

— Туда. Держись за мной. И отпусти эту чертову собаку.

Я бегу трусцой по овечьей тропе. Кэтрин не отстает, едва не наступая мне на пятки, но это хорошо. Мы должны исчезнуть во тьме, пока не оказались в свете фар, чтобы этим ублюдкам не пришлось в голову последовать за нами. Ярдов через сто я останавливаюсь и оглядываюсь. Фары по-прежнему направлены на минное поле, но квадроциклам сюда путь заказан, и нет никаких признаков, чтобы кто-то преследовал нас пешком. Я заставляю Кэтрин пригнуться, и через несколько минут мы видим, как квадроциклы разворачиваются и спускаются по склону холма.

— Люблю, когда все идет по плану.

— Блестяще. — Она все еще держит Поросятку на руках. — Оторванная рука или нога — небольшая цена за успех.

Я встаю и иду дальше. Кэтрин следует за мной, как слоненок за матерью.

— Думаю, нам лучше держать дистанцию. Если я подорвусь, у тебя есть шанс легко отделаться.

— Очень смешно. Лучше расскажи, как ты это делаешь.

— У меня есть карта.

Она задумывается.

— Карта? На островах больше десяти лет огорожена уйма земли, потому что никто не хочет взлететь на воздух, а у тебя есть карта? Ты кому-нибудь говорил?

— Никто не спрашивал.

Я оглядываюсь. Ничего — только темнота.

Кэтрин тоже останавливается. Мне знаком этот взгляд. Если б не Куини, ее руки упирались бы в бедра.

— Конечно, другие знают о карте. Если точнее, то военные. Беда в том, что они не могут ей доверять. Я получил ее в конце войны от пленного аргентинца. Его батальон устанавливал мины, и он знал их

точное расположение. Британские власти хотят всё проверить сами, но, пока деньги не выделены, минное поле остается.

Кэтрин оглаживается. Неровная местность, усеянная кочками, камнями и размытыми белыми пятнами — вероятно, овцами.

— Сколько здесь мин?

— Где-то сто сорок.

— Издеваешься? И ты помнишь, где они все находятся?

— Конечно, нет. Просто знаю, что этот путь безопасен.

Кэтрин берет меня за руку и снова оглаживается.

— Они уже уехали. Сдались. Можно возвращаться к дороге.

Как давно Кэтрин не брала меня за руку... Я чувствую, как она дрожит, и понимаю, что это не только страх. Расстегнув куртку, снимаю ее и накидываю на плечи Кэтрин — это предлог притянуть ее к себе, как раньше. Потом обхватываю ладонями ее затылок и распускаю ей волосы.

Она помнит. Я вижу это по ее глазам, по тому, как она вздрагивает от прикосновения моих пальцев к шее.

— Поверить не могу, что ты пристаешь ко мне посреди минного поля, — шепчет Кэтрин.

Больше всего на свете мне хочется ее поцеловать. Я смотрю на ее лицо, едва проступающее из темноты, и у меня такое чувство, будто что-то меняется. Впервые за три последних года я ощущаю нечто похожее на надежду.

— Пойдем.

Мы снова пускаемся в путь. И по-прежнему держимся за руки.

— Все это время я думала, что ты играл в какую-то русскую рулетку, когда ходил здесь. Думала, ты совсем повредился умом. Мог бы сказать, что у тебя есть карта.

Я понятия не имел, что Кэтрин знает о моих походах через минное поле.

— Ты за мной шпионила?

— Много чести.

Мы идем дальше. Куини, которую наконец спустили на землю, чует овец, и приходится цыкнуть на нее. Она смотрит на меня, как непослушный ребенок. Я скалюсь в ответ.

— Перестань дразнить собаку. Послушай, откуда ты знаешь, что карта точная? Твоему аргентинскому другу достаточно было что-то

пропустить — и ты превратишься в еду для птиц.

— На самом деле он забыл несколько штук. В мае прошлого года я наступил на одну. Заработал пару трещин в ребрах, когда приземлился.

Кэтрин останавливается как вкопанная:

— Это не смешно.

— А я и не шучу.

Не буду ее мучить.

— Аргентинцы — неважные минеры. Они поставили мины слишком глубоко и недооценили влияние торфяной почвы.

Мы идем дальше, и я рассказываю об одной ночи, вскоре после высадки, когда мы штурмовали оборону аргентинцев в Гуз-Грин. Один солдат из нашей роты, восемнадцатилетний придурок из Глазго, наступил на мину и взлетел в воздух футов на двадцать. Приземлился в болото, вскочил и побежал дальше. Той ночью никто из наших парней не пострадал — по крайней мере от мин. Аргентинцы, наверное, думали, что мы супермены.

Воспоминания вызывают у меня улыбку. В том аду, которым была операция по освобождению Фолклендов, мы использовали любую возможность находить что-то забавное, чтобы не сойти с ума.

— Я скучала по твоим армейским байкам.

Я не отвечаю. Не могу. Если отвечу, разговор продолжится. И эта ее фраза не будет последней.

— Каллум, как ты думаешь, что с ним случилось? Я имею в виду малыша Рейчел.

Хороший вопрос, черт возьми. И на него нам нужно найти ответ.

— Мы знаем, что его не увезли по дороге, потому что мы по ней ехали, так что в голову приходят только две возможности. Во-первых, кто-то пробрался к дому с пляжа и увез ребенка на лодке.

— Это значит, что Питер может быть где угодно.

— Второй вариант — они пришли со стороны пустоши.

— И унесли его с собой, пешком?

— Я имел в виду квадроцикл. Или лошадь.

Кэтрин не спорит. Многие жители островов держат лошадей для передвижения по пересеченной местности. У Рейчел их две.

— Но если одно из твоих предположений верно, похититель должен был оставить следы. На земле вокруг дома, если это

квадроцикл или лошадь, и на пляже, если лодка.

— Может, они там были. Но полиция их не искала, потому что была занята тобой.

— А потом дождь все смыл.

— Когда я был там вчера, криминалисты нашли отпечаток ноги. По крайней мере, они так думали. Большой. Мужской. Думаю, они успели скопировать его до дождя.

Кэтрин молчит, размышляя.

— И все-таки я не могу поверить, что это кто-то из местных. Тот, кто жил здесь много лет. Не может же человек в одночасье превратиться в педофила.

Меня часто спрашивали, почему я вернулся сюда после окончания войны и почему так долго не уезжаю. Дело в том, что я приехал из-за Кэтрин, хотя в то время еще не был с ней знаком, и таких людей, как она.

Эту женщину, стоящую сейчас рядом со мной, и всех местных жителей я полюбил, помимо всего прочего, за их невинность. Крошечный архипелаг похож на изолированный от остального мира пузырь, в котором у людей есть шанс быть лучшей версией себя. Здесь культ личности, широко распространенный в западном мире, почти неизвестен. Здесь нет врожденного чувства, что тебе все должны. Никто не говорит о «личном времени». Жизнь здесь — это тяжелый, до седьмого пота, труд, борьба с суровой природой и — что сейчас особенно важно — помощь другим. Это сообщество. Команда.

Маргарет Тэтчер, которая практически превратилась в святого покровителя островов, дав отпор аргентинцам, любила рассуждать об избыточности общества и о главенстве личности. Если б она по-настоящему знала и понимала это место, то никогда не наговорила бы столько устаревшей чуши.

Жители Фолклендов никогда — если не считать конфликта, но даже тогда аргентинская армия вполне достойно вела себя в отношении островитян — не сталкивались с худшими проявлениями человеческой природы. Они не знают, что для превращения в монстра нужны годы.

Через полчаса мы доходим до края минного поля и ныряем под колючую проволоку. Кэтрин явно испытывает облегчение. Я замерз.

Мы сократили путь примерно на милю и скоро упремся в ручей, который приведет прямо к моему дому.

— Вспоминается армия? — Она старается не отставать, но ветер такой пронизывающий, что я не могу замедлить шаг. Куини тоже хромает, и я задумываюсь, не придется ли мне нести их обоих весь остаток пути. — Как вы это называли, прогулкой?

— Выбирайте выражения, леди. Это у всех остальных прогулка, а у десантников — переход.

— По-моему, что в лоб, что по лбу.

— Глупости, — возражаю я, хотя формально она права. Прогулка — жаргон морской пехоты. Между морской пехотой и десантом испокон веков существовало здоровое соперничество. Мы их уважали, но всему есть предел. Когда отбивали Стэнли, начальство хотело, чтобы британский флаг над островами подняла морская пехота. Но у нас на этот счет было другое мнение: ведь это они его сдали, и поэтому мы не собирались уступать. Наш батальон первым высадился на берег и задал аргентинцам хорошую трепку, и мы были твердо намерены первыми быть в Порт-Стэнли. И были.

— Переход — это более тяжелые ранцы и темп выше на пару миль в час, — не терпящим возражения тоном прибавляю я. — Гуляют мальчишки, настоящие парни *ходят*.

Последний забор, потом недолгий спуск, и я вижу свой дом. Кэтрин облегченно вздыхает.

— Я не искушаю судьбу, надеюсь на горячую воду?

Я вдруг представляю Кэтрин в ванной — розовая кожа под струями воды, — но тут же гоню от себя эту картину. Сегодня что-то сдвинулось, но путь предстоит долгий.

— Наверное, я даже смогу предложить горячий ужин — правда, из микроволновки.

Кэтрин молчит.

— Как по-твоему, Рейчел думает, что это сделала я? — Ее голос тих и серьезен.

Честно говоря, понятия не имею. Я не был близко знаком с Рейчел, а при встрече мы ограничивались светской болтовней.

— Она знает тебя дольше, чем я. Если я знаю, что ты не виновата, то и она, наверное, тоже.

— Ты не можешь знать. Как и она. Ты можешь надеяться или даже верить. Но не знаешь. — Кэтрин притормозила, почти остановилась. Все бы ничего, но на ней моя куртка, а теплее не становится.

— Я тебя знаю.

— Ты знал меня три года назад. Много изменилось.

— Люди так сильно не меняются. — Я очень хочу надеяться, что в глубине души Кэтрин осталась той женщиной, которую я знал. — Неважно, через что им пришлось пройти, их суть остается прежней.

— Мы оба знаем, что это неправда.

Почти пришли. Я прекрасно осознаю, на что надеюсь, и это не горячая вода и горячая пища. Стараюсь убедить себя, что не нужно ее торопить, но делаю прямо противоположное. Останавливаю и поворачиваюсь к ней. Мы стоим лицом друг к другу на узкой тропинке.

— Вчера я говорил с Беном. Он о нас знает. Это ты ему сказала?

При упоминании Бена ее лицо мрачнеет. Мне очень хочется услышать «да». Одному богу известно, сколько раз я ее об этом просил. Когда у тебя ничего нет, маленькие победы так много значат...

Кэтрин знает, что мне хочется от нее услышать, но эта женщина никогда не лжет.

— Не я. Рейчел.

— Ты рассказала Рейчел? — Она всегда настаивала, что Рейчел ничего не должна знать.

Кэтрин не смотрит мне в глаза. Я чувствую, что ей не хочется об этом говорить, даже теперь.

— Нет, не рассказала. Она сама поняла. Однажды увидела нас вместе. Мы... В общем, не могло быть никаких сомнений, чем мы занимаемся.

Я жду подробностей. Мне интересно, когда Рейчел могла нас застукать. Мы были очень осторожны.

— Вот почему она была у нашего дома в тот день, когда оставила мальчиков в машине. — Кэтрин смотрит себе под ноги. — Пришла почти на час раньше, чем мы договаривались. Столкнулась с Беном и рассказала ему о нас. Когда мои сыновья упали со скалы и погибли, моя *лучшая подруга* была в *моем доме*, пыталась уничтожить *мой брак* и разрушить *мою семью*. Несчастный случай или неосторожность я могла бы простить. Но не это.

Черт... В голове теснилась тысяча вопросов. Это ей рассказал Бен? Почему Рейчел так сильно хотела насолить Кэтрин? Почему все это не всплыло при расследовании гибели мальчиков? Но я задаю самый дурацкий и эгоистичный вопрос из всех возможных:

— Ты когда-нибудь собиралась ему сказать?

Я заслужил пощечину. Но Кэтрин не шевелится.

— Я боялась. Бен был таким... надежным. Я очень тебя любила, но совсем не знала. Я понятия не имела, можно ли на тебя опереться, а мне нужно было думать о двоих детях.

Я рад, что она затронула эту тему.

— Трех. Тебе нужно было думать о *трех* детях.

Кэтрин пятится, пытается обойти меня. Я протягиваю руку, но она уже далеко.

— Он был моим? — кричу я ей в спину, понимая, что ответа не будет. По крайней мере сейчас. В любом случае я сделал свой ход. Мяч на ее стороне.

Мы идем дальше. Дом уже рядом.

— Каллум, я хочу кое-что спросить тебя о компьютерах.

— Это в моей компетенции.

— Мне нужно удалить кое-какие файлы. Если я открою файловый менеджер и удалю их, они сотрутся или останутся где-то на жестком диске?

Ну, это совсем просто.

— Останутся. Я могу удалить их полностью, если тебе это так важно.

— Расскажешь, как это сделать?

Пока я размышляю, к чему она клонит, мы поднимаемся на последнюю гряду, от которой до моего дома рукой подать.

— Если речь о твоём домашнем компьютере, придется немного подождать. В спальне его не было. Должно быть, забрала полиция — в рамках расследования.

Кэтрин останавливается, и я вижу, что у дома нас ждут две полицейские машины. Я тоже останавливаюсь. Кэтрин поворачивается, и выражение ее лица мне совсем не нравится. Она снимает куртку и протягивает мне:

— Спасибо. Не только за куртку.

Нас заметили. Из одной машины выходят Стопфорд и Джош Сэвидж, из другой — Скай и еще два констебля. Все направляются к нам.

— Лучше поздно, чем никогда. — Я почему-то испытываю потребность делать вид, что всё в порядке. С учетом того, что произошло у ее дома, полиция должна нас ждать.

— Я ошибалась, — говорит Кэтрин. — Насчет надежности Бена. Ты — единственный, кто думал обо мне и никогда не сдавался. Прости.

И улыбка. Мимолетная, на долю секунды, но настоящая.

— Не делай глупостей, Каллум. Ты больше не можешь меня защитить. Только наживешь себе неприятностей.

— Кэт, все это чушь. Наверное, они хотят убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Пожалуйста, позаботься о Куини. Думаю, Бен ее заберет, но ему нужно время. Пообещай, что позаботишься о ней.

— Они ничего с тобой не могут сделать. У них нет улик.

— О, улики у них достаточно. Более чем достаточно.

Кэтрин идет к полицейским. Я пытаюсь остановить ее, но она мягко отталкивает мою руку.

— Мне правда жаль, Каллум.

И уходит.

Становится все холоднее, но я не двигаюсь с места. Смотрю, как она встречается с полицейскими. Протягивает руки для наручников, молча слушает, что ее снова арестовывают. Смотрю, как ее уводят.

* * *

Куини сильно переживает. Царапает двери, бежит по дому. В растерянности — то ли прикрикнуть на нее, то ли присоединиться — я сам начинаю бродить по комнатам.

Кэтрин хотела, чтобы я удалил какие-то файлы из ее компьютера. Нет, она спрашивала, как это сделать. Ее компьютер в полиции. И они увидели то, что не предназначалось для чужих глаз. Зная, что они увидели, Кэтрин не сопротивлялась и пошла с ними.

Компьютер Кэтрин не подключен к Интернету. Я не видел провода, ведущего к модему. И модема тоже. Она не могла отправлять электронные письма и искать веб-сайты. Наверное, компьютер использовался для ведения документации и хранения данных. Это значит, что я не могу получить к нему доступ. Для переноса информации нужно сохранить ее на диске и загрузить в другой компьютер. Если это уже сделано, я могу найти все, что нужно, в компьютерах полиции.

Через несколько минут я захожу в полицейскую компьютерную систему, но там ничего нет. Я встаю, зажигаю камин, заставляю себя поесть, кормлю Куини и повторяю попытку. Ничего. Но я не сдаюсь. Наконец, за час до рассвета нахожу то, что искал. Все файлы с компьютера Кэтрин были загружены и сохранены, но за последние несколько часов один из них открывали и читали много раз. Я тоже открываю его — это дневник. Я понятия не имел, что Кэтрин ведет дневник. А может, и не вела, когда мы встречались. Первая запись сделана чуть меньше трех лет назад.

В других обстоятельствах мне бы и в голову не пришло вторгаться в личную жизнь Кэтрин. Но все, кто связан с полицией Фолклендов, к этому моменту уже ознакомились с содержанием лежащего передо мной документа. Я начинаю читать. А когда заканчиваю, край солнца уже появляется над восточным горизонтом.

День шестой

Суббота, 5 ноября

23

Должно быть, у нас в голове есть механизм, который работает как фильтр, когда случается что-то по-настоящему ужасное. Смягчает удар, пропуская плохие новости постепенно, порциями, чтобы мы могли их переварить, а затем говорит «стоп» и дает нам отдых. Первый час после прочтения дневника Кэтрин я пытался во всем этом разобраться, как-то осмыслить. И как будто оцепенел.

Кэтрин вела дневник — это я уже понял. Он начинался со скорби и с удивления: неужели можно жить с такой болью? Читая эти строчки, я метался по комнатам, затем вышел на улицу, на обжигающе холодный воздух. Дневник Кэтрин отражал переход от скорби к кипящей ярости, а затем к холодной, безжалостной решимости отомстить.

Читая записи, я открыл для себя женщину, о существовании которой даже не подозревал. Женщину, чьи страдания были так велики, что она скорее согласилась бы стать чудовищем, чем жить так, как живет сейчас.

Мне казалось, что меня уже невозможно ничем шокировать. Я видел, как снаряды разрывают на куски моих товарищей, но ночи были такими холодными, что хотелось погрузить руки в кишки, вывалившиеся из их животов, только чтобы согреться. Я видел, как смуглые парни бегали по полям сражений в поисках своих оторванных рук. Я видел, как большие и сильные мужчины плакали и звали маму, умирая в холоде и одиночестве на другом краю планеты. Я думал, меня уже ничем не удивишь. Как же я ошибался...

Стук в дверь застает меня врасплох.

Она вернулась. Это была ошибка. Дневник — чушь, фальшивка, порождение больной фантазии. Я бросаюсь к двери и распахиваю ее. Это не Кэтрин.

Рейчел.

Пахнет от нее как от подставки под пивную кружку из «Глоуб» через несколько часов после окончания футбольного матча. Под глазами потеки туши, как будто она несколько дней не умывалась и не смотрелась в зеркало.

— Мне нужно с вами поговорить. — Рейчел не смотрит мне в глаза.

Посторонившись, я впускаю ее, но держусь настороже. Представить не могу, зачем она явилась. Мы едва знакомы. Кэтрин много говорила о ней, но не хотела, чтобы мы общались. «Она поймет, — повторяла Кэтрин. — Как только увидит нас вместе, она сразу все поймет».

— Разве это так плохо? — В отличие от нее, я не хотел держать наш роман в секрете. Хотел, чтобы все знали. Хотел крикнуть всему свету, что она моя. Господи, да я бы поставил клеймо «Собственность Каллума Мюррея» у нее на лбу, если б мог.

«Нечестно требовать от нее молчания. — Кэтрин даже не делала вид, что эта мысль приходила ей в голову. — Мы дружим семьями. Это поставило бы ее в неловкое положение».

Тайна осталась тайной, и у Кэтрин, делившейся всем с лучшей подругой, появилось нечто, о чем она не могла рассказать. Впрочем, похоже, у нее было больше тайн, чем мы с Рейчел могли даже вообразить.

Оказавшись в тепле, Рейчел вздрагивает всем телом, как собака, отряхивающаяся после дождя. Ее считают одной из первых красавиц на островах, но мне так никогда не казалось. Даже до того, как тревога за сына лишила ее лицо жизни, на мой вкус она была слишком блеклой, какой-то бесцветной. Теперь сквозь белокурые пряди просвечивают темные корни волос, а знаменитые синие глаза налиты кровью.

— Кэтрин опять арестовали. — Она одета не по погоде. На ней бриджи для верховой езды и тонкая футболка с длинными рукавами. Одежда слишком тесная и туго обтягивает плоть, выпирающую в неподходящих местах. Сапоги по колено. Куртки нет. — Полиция нашла дневник в ее компьютере. Говорят, это равносильно признанию, Каллум. Что она призналась в убийстве Питера.

Господи, неужели для этих людей конфиденциальность — пустой звук?

Рейчел что-то читает на моем лице и нервно пятится.

— Вы знали, да? Откуда вы узнали?

Только этого мне не хватало. Я не умею разговаривать с несчастными истерящими матерями, и кроме того, я сам на грани истерики.

— Кэтрин была здесь, когда за ней приехала полиция. Пару часов назад. Рейчел, вам нужно к семье. Давайте я отвезу вас домой.

Повернувшись к двери, чтобы открыть ее и выставить непрошеную гостью, я чувствую запах лошади. Должно быть, Рейчел приехала верхом.

Она снова пятится и выставляет руку, словно хочет удержать меня на расстоянии.

— Я должна сама это прочитать. Иначе не поверю. Только не Кэтрин. Она не могла.

Да, я многое отдал бы, чтобы вернуть эту уверенность. Эту веру в Кэтрин. Но я прочел дневник. И теперь она тоже хочет прочесть. Я не могу ей этого позволить.

— Рейчел, следующие несколько дней будет много слухов. Вы не должны обращать на них внимания. Если дневник существует, он всплывет на суде.

— Через несколько месяцев. Мне нужно знать *сейчас*.

Я не отхожу от двери. Лицо Рейчел бледнеет, глаза наполняются слезами.

— Я — его мать, Каллум. Я должна знать, что с ним случилось. Я не понимаю, почему все в полицейском участке знают подробности, а я — нет.

— Рейч. — Я неосознанно назвал ее так, как Кэтрин. — Не знаю, как вы представляете мои возможности...

— Вы можете его найти. — Она делает шаг ко мне и протягивает руку, словно хочет дотронуться, но не осмеливается. — Ее компьютер в полицейском участке. Файлы с него, скорее всего, скопировали, и вы можете получить к ним доступ. Когда дело касается компьютеров, вы можете всё.

Я качаю головой.

— Я знаю о вас больше, чем вы думаете. И знала о вас двоих. С самого начала. Она никогда не могла ничего от меня скрыть.

— Рейчел, я не понимаю, о чем вы, но...

— Это было очевидно. Она в буквальном смысле менялась при упоминании вашего имени. Выпрямляла спину, если сидела, бросала все дела, чтобы не пропустить ни единого сказанного о вас слова. Вся обращалась в слух.

— Давайте я отвезу вас домой. — Я оглядываюсь, чтобы что-нибудь взять, подать ей сигнал, что ей пора уходить. У этой женщины с собой нет ни куртки, ни сумки — ничего. Что я могу сделать: открыть дверь и вытолкнуть ее на улицу?

— Она говорила о вас чаще, чем о муже. Использовала любой предлог, чтобы упомянуть ваше имя. Я видела ее глаза, когда она смотрела на вас. Кэтрин не умеет хранить тайну. И совсем не умеет лгать. Я знала, когда она встречалась с вами, знала, когда вы пару дней ей не звонили.

Нет, я этого не выдержу... По крайней мере сейчас. Я сочувствую этой женщине, но мой мир тоже пошатнулся.

— Вы расстроены. Вам нужно вернуться к своим сы... к Крису и Майклу. Они будут спрашивать, где вы.

— Я ей ничего не говорила. — Похоже, Рейчел пытается меня успокоить. — И не собиралась. Я ждала, пока она сама расскажет.

Она ничего не сказала Кэтрин, но сказала ее мужу? Пора с этим заканчивать, пора выставить ее отсюда.

— Рейчел, рассказывать было не о чем. Вы всё неправильно поняли.

— Я знаю, что она никогда не любила Бена так, как вас. И вообще не уверена, что она его любила. Но когда появились вы, между ними все было кончено.

Эта женщина в каком-то смысле умнее Кэтрин. А может, просто лучше умеет манипулировать людьми. Кэтрин никогда не стала бы подлизываться и льстить, чтобы получить желаемое. Она бы просто попросила. А получив отказ, начала бы спорить, но ее аргументы были бы рациональными. Ей и в голову не пришло бы использовать чьи-то слабости, как это делает Рейчел. Кроме того, Рейчел лжет. По мелочам, но лжет. Если Кэтрин говорила правду — а я не знаю ни одного случая, когда она лгала, — Рейчел застала нас на месте преступления.

— Я звоню вашим родителям. — Обогнув ее, я направляюсь к телефону. Большая ошибка. Разумеется, она идет за мной, а на компьютере по-прежнему открыт файл с дневником Кэтрин. Рейчел достаточно подвинуть мышь, и он появится на экране. Я резко поворачиваюсь и становлюсь между компьютером и гостьей.

— Рейчел, вы не знаете, о чем просите. Независимо от того, что Кэтрин могла или не могла написать в дневнике, вам не нужно это читать.

Она не сдастся. Я понимаю, что эта женщина не отступит.

— Нужно. Я не хочу, чтобы вечером ко мне пришел Боб Стопфорд, попросил сесть и сказал, что ему очень жаль, но они нашли тело моего сына. И я боюсь, что так и будет, потому что из дневника Кэтрин они узнали, где Питер. Я не хочу полгода избегать газет, потому что в них будут все подробности того, как она его убила. Я не хочу объяснять Крису и Майклу, что их младший брат никогда не вернется. Я не хочу завтра встречать мужа у трапа самолета и говорить ему, что позволила безумной женщине, которая когда-то была моей подругой, убить его сына. Но мне придется, и если я буду уверена, если прочту ее собственные слова, то постепенно начну привыкать, начну принимать это как данность.

Чушь, дерьмо собачье, нагромождение лжи.

— Пойдемте присядем.

Она позволяет мне увести ее в гостиную. Куини, свернувшаяся на ковре, открывает глаза и, похоже, вздрагивает. Потом медленно встает, не отрывая взгляда от гостьи. Я усаживаю Рейчел в кресло у камина и наливаю нам обоим выпить. Сажусь на пол рядом с ней и смотрю в глаза, хотя это дается с трудом.

— Рейчел, мне очень жаль, но я думаю, что Питера уже нет в живых.

Она издает какой-то странный звук, нечто среднее между воем и криком. Потом подносит ладони ко рту и как будто кусает что-то прямо перед своим лицом. Я предпочел бы этого не видеть, но деваться некуда.

— Уверен, что она его не мучила. И не пугала. Она не жестокая. Все произошло очень быстро, я в этом не сомневаюсь, но, похоже, он мертв. Мне очень жаль.

Рейчел закрывает глаза и начинает раскачиваться взад-вперед. Она убедила себя, что нет ничего хуже неизвестности, но теперь обнаружила, что лучше б ей вообще ничего не знать. Затем смотрит на меня и качает головой:

— Она не могла. Я знаю. Не могла.

Я делаю глубокий вдох и тру глаза, перед которыми все плывет. Затем Рейчел оказывается в моих объятиях, и я не понимаю, кто из нас рыдает. Вернее, кто рыдает громче. Через несколько минут, когда мы успокаиваемся, выясняется, что между нами втиснулась Куини.

— Вы уже читали дневник, да? — шепчет Рейчел.

— Вам не нужно его видеть. Поверьте, будет только хуже.

Она отстраняется:

— Нет, я должна. Он у вас в компьютере.

На этот раз я ее не останавливаю. Беру Куини и тащусь следом. Втроем мы устраиваемся за моим столом.

* * *

Первые две трети дневника — сплошная боль. Сокровенные мысли женщины, раздавленной горем. Любому человеку тяжело читать такое. А двум людям, которые любили Кэтрин и которые, возможно, виноваты в ее страданиях, — почти невыносимо. Еще не дойдя до конца первой страницы, Рейчел хватается меня за руку. К концу второй я иду в кухню за рулоном бумажных полотенец. Боюсь, мне они тоже понадобятся.

Вернувшись, я вижу, что Рейчел как будто съежилась. Внешне вроде бы ничего не изменилось — она сидит в той же позе, в какой я ее оставил, и смотрит на экран прямо перед собой, глазами, которые словно разучились моргать. Но это уже не человек, а пустая оболочка.

Я сажусь, ставлю перед собой рулон бумажных полотенец, и мы продолжаем.

Читая второй раз о призраках маленьких мальчиков, которые Кэтрин видит в доме, о голосах, зовущих ее из моря, я думаю о том, что любой мало-мальски приличный адвокат будет делать ставку на неменяемость подсудимой. Я читаю о том, как муж постепенно исчезал из ее жизни, словно растворяясь в воздухе, — его образ

бледнел, лишался красок, голос становился тише. Перечитываю ее решение остаться на островах, а не начинать новую жизнь в другом месте. Здесь, на Фолклендах, говорит она себе, никто не будет спрашивать, есть ли у нее дети. И никто не будет считать ее нормальной.

Обо мне она не упоминает ни разу. У меня хватило эгоизма это заметить. Как будто я перестал существовать для Кэтрин в тот день, когда не смог спасти ее детей.

Фрагменты, которые хочет видеть Рейчел и которые в любом суде станут уликами для обвинения, находятся ближе к концу. 19 октября этого года Кэтрин писала:

Мне будут говорить, чтобы я простила Рейчел, что это был несчастный случай, что никто не виноват и что она тоже страдает. Скажут, что только прощение поможет мне исцелиться. Как будто исцеление вообще возможно. Или желанно. Мне невыносима сама мысль о жизни без моих сыновей. В этом жалком подобии жизни, в этом существовании в мире теней они по-прежнему со мной. Я не могу их отпустить.

Рейчел вздрагивает, увидев на экране свое имя. Но, как поется в песне, это еще цветочки.

Правда в том, что у меня нет ненависти к Рейчел, к женщине, которую я когда-то знала, потому что для меня она перестала быть той женщиной. Я больше не считаю ее человеком — как и себя саму. Она превратилась в вещь. В ходячую катастрофу. Бездну, поглощающую последний луч света вокруг меня. Она — причина того, что мир перевернулся. Пока она здесь, вселенная не встанет на место, и те из нас, кто оказался на той стороне, в любую секунду могут свалиться вниз, прямо в ад.

Я не смотрю на женщину, сидящую рядом со мной. Не могу.

Фрагмент дневника, который в конечном счете будет считаться — я в этом нисколько не сомневаюсь — признанием Кэтрин, начинается во вторник, 1 ноября, на следующий день после исчезновения Арчи Уэста.

Пропал ребенок. Мне не интересно, кто он и как это случилось. Мне безразлично, найдут ли его сегодня или через полгода, когда его кости уже будут начисто обглоданы птицами. Меня не интересуют живые дети, но его мать не выходит у меня из головы. Она словно исчезала у меня на глазах. Схлопывалась под тяжестью шока и беспомощности, вынести которые она не могла.

Я подумала, что она похожа на меня. Всю дорогу домой я видела себя на ее месте. А потом, когда парковалась, увидела вместо нее Рейчел.

— Хватит? — спрашиваю я. Мне очень хочется на этом остановиться.

Рейчел качает головой.

Что было бы хуже, думаю я, — знать, что твой ребенок мертв, что его смерть была быстрой и безболезненной, или не знать, где он, кто его похитил или как сильно он страдает? Сколько часов неизвестности, когда представляешь самое худшее, может выдержать женщина, прежде чем потеряет связь с реальностью?

Прежде чем начнет страдать так, как страдаю я?

Рейчел закрывает лицо руками и снова начинает всхлипывать. Я не пытаюсь ее успокоить. И точно знаю, что бессмысленно предлагать ей остановиться.

— Три года она носила это в себе, — наконец произносит Рейчел. — Дальше будет хуже?

— Боюсь, что да.

— Ладно, продолжим.

— Рейч...

— Дальше.

Как будто кто-то включил свет, как будто все, что скрывалось в тени, вдруг стало видно, как днем. Почему Рейчел не может точно так же стоять на пристани, раздавленная горем? Страдать так, как страдает та бедная женщина? Почему прямо сейчас, в эту минуту, Рейчел не теряет всякую надежду, а свернулась калачиком в кровати сына и укачивает его, прижимая к себе теплое тельце?

Почему она не смотрит на эту кроватку, холодную и пустую, гадая, где может быть ее ребенок?

Мы приближаемся к концу дневника, и у меня из головы не выходит одна картина. Кэтрин, бледная как мел, стоит у тела крупной гринды: лицо в брызгах крови, от пистолета поднимается дымок. Я представляю, как она стоит над телом мертвого ребенка, и понимаю, что благодаря статье в «Дейли миррор» весь мир скоро последует моему примеру.

Последняя запись — в четверг, 3 ноября, на следующий день после трагедии с дельфинами. Вероятно, Кэтрин сделала ее через несколько часов после того, как передала маленького Арчи Уэста родителям. Эта сцена растрогала всех до слез. Только не Кэтрин.

Я спрашивала себя, способна ли убить. Смогу ли я, глядя в глаза живого существа, совершить одно непоправимое действие, обрывающее жизнь. Спрашивала — и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается.

Сегодня годовщина смерти мальчиков. Прошло три года с того дня, как небрежность Рейчел оборвала их жизни — и мою тоже. Три года я строила планы, как уравнять счет. По большей части я думала о том, как и когда убью Рейчел. Теперь не знаю, будет ли этого достаточно. Может, я должна пойти дальше?

От меня уже ничего не осталось. Я только что отняла сто семьдесят шесть жизней. Что стоит отнять еще одну?

25

Рейчел уезжает, а я возвращаюсь в город, хотя понятия не имею, куда направляюсь и что буду делать. Кэтрин нужен адвокат. Я могу заскочить в адвокатскую контору в Стэнли и поговорить с одним из партнеров, чтобы они представляли ее интересы — по крайней мере, на первом этапе. Потом нужно будет найти в Британии специалиста по уголовным делам и привезти сюда. Это будет чертовски дорого. К счастью, и у Кэтрин, и у меня есть деньги.

Абрикосовая дама — сегодня на ней ярко-красная куртка — снимает сюжет перед полицейским участком, и я проезжаю мимо и

оставляю машину на частной парковке позади здания. Вхожу через заднюю дверь и оказываюсь в одном из кабинетов.

Сержант Нил, покинувший свой пост в приемной, замечает меня и преграждает путь:

— Выйдите. Войдите через главный вход, как все остальные.

— Там съемочная группа перекрыла проход. Прогоните их, а то потом придется разбираться с жалобами.

Чертыхнувшись, Нил уходит.

— Мне нужно видеть Кэтрин. — Я обращаюсь к Скай, которая осталась в комнате одна.

Констебль качает головой.

— Ее допрашивают? У нее есть адвокат?

— Она отказалась. — Скай наклоняется над столом и закрывает компьютерный файл, который они с Нилом читали. Но я успеваю его увидеть.

— У нее есть законный представитель?

Скай удивленно моргает.

— Кэтрин эмоционально неустойчива. Возможно, психически неуравновешенна. Британское законодательство разрешает допрашивать таких людей только в присутствии компетентного совершеннолетнего лица.

Это на 80 процентов ерунда, на 10 процентов догадки. Я лишь хочу убедиться, что Скай и ее коллеги не слишком хорошо знакомы с юридическими нормами, касающимся допроса уязвимых свидетелей. Тем не менее ее не так-то легко запугать.

— Я не сомневаюсь, что это было принято во внимание, — говорит она.

— В таком случае я хочу знать, кто присутствует на допросе. Кто этот законный представитель и какая у него квалификация? Черт возьми, Скай, за этим делом будет следить весь мир. Вы не можете позволить себе ошибаться, потому что я найму лучшего адвоката Англии, чтобы защищать Кэтрин.

— Удачи. — Скай похожа на рассерженного подростка.

— Вы не понимаете. Что будет с вами и остальными местными полицейскими, если она избежит наказания по формальным основаниям, потому что вы нарушили процедуру? Вам всем придется улепетывать на Южную Георгию, чтобы скрыться от людского гнева.

Да, запугать ее непросто, но я в конце концов добиваюсь своего. Скай просит меня подождать и выходит из комнаты. Ее шаги затихают в коридоре. Я подхожу к компьютеру. Она закрыла файл, но я открываю историю просмотра и нахожу его в верхней строке. Это фотография следа, найденного у дома Гримвудов.

Испытывая некоторое облегчение — если эта версия еще не отброшена, у Кэтрин остается надежда, — я открываю файл и рассматриваю фотографию.

О боже. Нет...

На мгновение мне показалось, что я сейчас грохнусь в обморок. Я потер глаза, закрыл их, затем снова посмотрел на экран. Ничего не изменилось. Этот отпечаток ботинка я узнал сразу.

В тот день, когда пропал Питер Гримвуд, я помчался из города вслед за Кэтрин, поднялся по склону холма, развернулся у дома Гримвудов и поехал обратно, но не помню, что выходил из машины. Но, по всей видимости, выходил.

Ночью, когда я отключился посреди пустоши, а затем очнулся, промокший насквозь, на мне не было туристических ботинок — именно на их след я сейчас смотрю. Ошибки быть не может, потому что отпечаток армейских ботинок ни с чем не спутаешь. Значит, я успел переобуться. Для того чтобы мой след остался в грязи рядом с домом Гримвудов, я должен был в тот день выйти из машины. Двенадцать часов спустя, когда я вернулся туда вместе с Робом, на мне была другая обувь.

Если я не помню, что выходил из машины, что еще я мог забыть?

В мозгу прокручиваются образы из вспышки памяти, словно я перематываю назад видеозапись. Грохот, выстрелы, крики. Полный хаос. На меня смотрят исполненные ужаса глаза юноши. Аргентинского парня, которого я убил.

Только эти глаза уже не карие. Они ярко-синие, широко распахнутые от страха, а маленькие красные губы раздвинуты в крике. Подхожу к наружной стене комнаты и прижимаюсь лбом к гладкой прохладной поверхности. Потом ударяю лбом о стену, сначала осторожно, потом все сильнее и сильнее, как будто пытаюсь выбить из головы какие-то воспоминания.

Синие глаза. Светлые волосы. Испуганный ребенок.

В тот день я видел Питера. Я его видел, когда поехал вслед за Кэтрин к дому Гримвудов. Мне хочется сесть, но я понимаю, что времени почти не осталось.

Если я видел Питера, значит, в машине Кэтрин его не было. Если мои теперешние воспоминания не врут, Кэтрин его не забирала. Его не было ни в ее машине, ни на ее лодке. Она его не убивала.

Водитель, скрывшийся с места аварии. Другая машина, после Кэтрин, ехала слишком быстро. Водитель отвлекся, не смотрел на дорогу. Маленький ребенок второй раз убежал из сада, потому что, если малыша что-то заинтересует, он будет возвращаться к этому снова и снова. Ребенок на дороге. Видимость плохая — из-за проклятого солнечного затмения. Водитель не может вовремя остановиться.

Водитель немного не в себе. Увидев, что ребенок мертв, он паникует. Хватает маленькое безжизненное тело и прячет в своей машине, возможно, во что-то завернув, чтобы его не увидели. Уезжает. Никому не говорит. Стирает происшествие из памяти, как стирал другие воспоминания, слишком страшные, чтобы их хранить.

Я стою у окна. Смотрю на свой «Лендкрузер», припаркованный снаружи. В багажнике есть запирающийся ящик, в котором прошлый хозяин возил свою коллекцию оружия, когда куда-то ехал. Пытаюсь вспомнить, заглядывал ли я в ящик вечера, когда пропал Питер. Кто-то идет. Я выскальзываю на улицу.

На заднем стекле машины сидит муха. В этом нет ничего необычного. Летом мухи часто садятся на нагретую поверхность автомобиля. Наверное, в этом все дело? Или...

До машины пять ярдов. Оглядываюсь. Комната, из которой я сбежал, по-прежнему пуста. Четыре ярда. Три. Я сую руку в карман, нащупываю ключи. Потом вспоминаю, что машина не заперта. Я никогда ее не запираю. И ящик тоже. Потому что не держу там оружие. Содержимое ящика может видеть каждый, и оно было там последние сорок восемь часов.

Два ярда. Один. Я на месте. Если Кэтрин не убивала Питера Гримвуда, значит...

Я нажимаю кнопку и открываю заднюю дверцу машины.

Часть III

Рейчел

Я готова отрезать себе руку, разодрать в клочья лицо, если б это могло искупить то, что я натворила. А иногда мне кажется, что все бесполезно, что никакая жертва не поможет мне заслужить прощение Кэтрин.

День первый

Понедельник, 31 октября

26

Сейчас самый пик отлива — дальше вода сегодня уже не отступит. Только отблеск на песке напоминает, что она вообще была здесь, а мерцающий свет и движение на горизонте говорят, что она может вернуться. Обнажился широкий изогнутый пляж, окруженный невысокими скалами. Ожерелье из плавника в нескольких дюймах от линии возвращающихся волн украшает песок, похожий на белую и гладкую девичью кожу. Недалеко от меня три кулика-сороки оставляют похожие на руны следы — возможно, совершенно случайные, а возможно, содержащие тайну вселенной. Что-то привлекает их внимание, и три ярко-красных клюва одновременно поворачиваются в одном направлении. Они похожи на три воплощения одной души.

Я сижу на заляпанной птичьим пометом скале метрах в двадцати над пляжем. Я часто здесь сижу, когда позволяет погода (когда не позволяет — тоже), и смотрю на пейзаж, который никогда не меняется и в то же время всегда разный. Иногда я наблюдаю за серферами. Они появляются в высокую волну, черные и скользкие, похожие на обитателей глубин, — холодному ветру открыты только их лица. Лежа на досках, они отчаянно гребут среди брызг, выжидая подходящего момента. А потом взлетают, парят в воздухе и исчезают среди пены и бирюзовых волн, чтобы опять появиться там, где их меньше всего ждешь.

Сегодня серферов нет, а по воде скользит одинокая фолклендская утка-пароход, и за ней тянется след, как от быстроходного катера. Р-р-р... Я негромко рычу, как маленький ребенок, играющий с машинкой. Кулики-сороки смотрят на меня, словно я не опасна, но в любой момент могу передумать и укусить.

Меня окружают пучки тусклой серой травы, усеивающие весь склон утеса. В ветреный день они раскачиваются и хлещут скалу, как сотни крошечных плеток. Сегодня ветра нет, и трава неподвижна, как

камни. Я тоже не шевелюсь. Сажу и смотрю на бескрайний океан, пока все не начинает плыть перед глазами. В такие моменты мне кажется, что я на самом краю земли.

В небо взмывает стайка птиц. Думаю, это большие бакланы. Их стреловидные тела пронзают небо, словно осколки стекла. Прямо передо мной — прибежище, к которому они направляются: массивный нос затонувшего судна под названием «Саннингем». С неподвижного, разрушающегося от времени остова капает морская вода. Это грузовое судно, построенное в начале двадцатого века, один из первых пароходов с металлическим корпусом, совершавших длительные и опасные переходы к берегам Южной Америки. Несколько десятилетий назад он дал течь, когда огибал мыс Горн, и уже не вернулся домой. Во время прилива над волнами выступают только надстройки на палубе, но когда вода спадает, из-под нее появляется корпус, покрытый ржавыми пятнами, которые при определенном освещении напоминают пятна крови. Я сижу здесь и смотрю, как с каждым приливом корабль все больше ржавеет.

Несколько лет назад, когда мальчики были младше, а моя жизнь не походила на нынешнюю, мы с Кэтрин и детьми во время отлива доплывали до затонувшего судна и забирались на него. Оно достаточно хорошо сохранилось, и мы могли увидеть жизнь моряков прошлого: узкие палубы, опасные во время шторма, тесные койки, вероятно, большую часть времени влажные, и каюты с низким потолком, которые даже по прошествии нескольких десятилетий воняют серой.

Кэтрин пыталась рассказывать мальчикам о морских существах, колонизировавших затонувший корабль, но я утерла ей нос. За пару часов до «экспедиции» я спрятала здесь водонепроницаемый пакет с пятьюдесятью шоколадными медальками в золотистой фольге. Это была потрясающая охота за сокровищами.

Естественно, мальчикам очень понравилось, и они просили меня вернуться на «Саннингем», но я, конечно, не разрешаю им плавать туда одним. Во время прилива это слишком опасно, да и в любое время забраться на него довольно трудно. Сандер один или два раза возил их туда. Я просто не в состоянии.

В дальнем конце пляжа возникает какое-то движение. Мне не нужно поворачиваться, чтобы узнать Ральфа Ларкина. Встречая его, я

всегда вспоминаю строки Кольриджа:

Вот Старый Мореход. Из тьмы
Вонзил он в Гостя взгляд.

Только Ральф никогда меня не останавливает. По-моему, мы не сказали друг другу и пары слов.

Выйдя на пенсию, он дважды в день во время отлива обходит пляж, собирая пла́вник, который использует для растопки, принесенных морем крабов и даже падаль: птиц, пингвинов или рыбу, выброшенных на берег целыми. Ходят слухи, что Ральф и две женщины, с которыми он живет, весь этот улов варят и едят, но мне не хочется об этом думать.

Ральф здесь в «черном списке». Это список закоренелых алкоголиков, которым пабы, рестораны и винные магазины не должны продавать спиртное. В целом система работает, но не идеально. При большом желании любители выпить находят способы обойти запрет. Сегодня что-то в движениях Ральфа заставляет предположить, что в последние двенадцать часов ему это удалось. Он похож на марионетку: каждый шаг, каждый взмах руки неестественный и неуклюжий.

Секунду или две он копается в песке, потом снова выпрямляется и, похоже, замечает меня. Мы смотрим друг на друга, и я тихо шепчу:

Кто ты? Чего тебе, старик?
Твои глаза горят!

— Рейчел!

Голос моей матери, с вершины утеса у меня за спиной. Я ждала ее позже. Она должна забрать детей, ходивших по домам в Хэллоуин. Даже соорудила для них костюмы, в том числе наряд в виде тыквы для младшего. У мальчиков будут лучшие костюмы монстров в городе, и все, кто их увидит, подумают: *по крайней мере, у детей есть бабушка.*

Птицы не теряют времени зря: воспользовавшись отливом, они важно расхаживают по песку, ищут выброшенных на берег моллюсков или неосторожно выползших на поверхность червей. Их тут не меньше сотни, и, глядя на то, как они копошатся в песке, я думаю о

червях на трупе. Время от времени птицы чего-то пугаются. Точно не меня, потому что я сижу неподвижно почти час, а Чокнутый Ральф еще далеко. Периодически они обращаются в бегство, взмывая в воздух в вихре криков, перьев и помета. Они гадят каждые несколько секунд, эти птицы, как будто внутри у них все жидкое. Если долго смотреть, начинаешь замечать такие вещи.

— Рейчел!

Я уже не могу делать вид, что не слышу. Один раз можно сослаться на плеск волн и птичьи крики, заглушившие ее голос. Второй раз это уже будет выглядеть нарочитым, а мне нельзя ссориться с матерью. Встаю, поворачиваюсь и вижу, что она слишком далеко спустилась по тропке. Ей будет трудно. Склон довольно крутой, и если б я оглянулась раньше, то значительно сократила бы ей обратный путь наверх. Мать тяжело дышит, хотя спускаться здесь легко. Даже колени не устают. Это демонстрация. Опять...

— Мы больше часа пытались до тебя дозвониться. — Она тяжело вздыхает — признак недовольства, совсем как в те годы, когда я была подростком. Теперь я слышу его постоянно. — Где Питер?

Она подходит слишком близко, пытаюсь понять, не пахнет ли от меня спиртным. Нет. Сегодня один из относительно хороших дней.

Когда-то я смотрела на мать со страхом. Видела ее пухлые формы, втиснутые в одежду, которая всегда была на размер меньше, поблекшие осветленные волосы, уже начавшие редеть, оплывшие скулы и думала: через двадцать лет я буду такой же. Теперь мне кажется, что двадцать лет — это слишком оптимистичный прогноз, но мне все равно.

— Питер спит. — Я улыбаюсь, хотя с каждым разом делать это все труднее.

Она смотрит на часы и видит, что уже почти четыре.

— Что, если он проснется, пока ты здесь?

— Не проснется. У него крепкий сон.

— Тебе лучше пойти к нему. — Она поворачивается, и я снова чувствую эти невидимые нити, которые тянут меня прочь от дома, не дают вернуться. Я нехотя иду за ней, пытаюсь придумать вежливый вариант вопроса, что ей здесь нужно.

— Чем обязана? — Это лучшее, что приходит в голову. Я улыбаюсь, вернее, пытаюсь улыбнуться, чтобы слова звучали не так

резко.

— Меня прислал отец. Пропал ребенок. — Она понижает голос, словно боится, что нас подслушивают. — Еще один.

Я вдруг представляю, как бакланы на берегу поворачиваются друг к другу в притворном ужасе. *Пропал ребенок? Еще один? Что не так с этими людьми?*

— Какой ребенок? Как? — Я оглядываюсь. Второго из пропавших детей — кстати, это было не так давно — последний раз видели на пляже прямо под нами.

— Один из туристов. В городе настоящая паника. Люди отправляются на поиски. — Физическая форма матери оставляет желать лучшего, и мы поднимаемся медленно. — Семья рыбачила в районе Эстансии. Детям стало скучно, и они затеяли игру в прятки. Младшего до сих пор не нашли.

— Насколько я понимаю, они обратились в полицию.

— Поиски идут уже пару часов. — Она останавливается, зацепившись свитером за дрок. Я протягиваю руку, чтобы отцепить его, и мать окидывает взглядом пляж. — Ральф заинтересовался твоим сараем для лодок.

Проследив за ее взглядом, я вижу Ральфа прямо под нами: он идет к старому сараю, прилепленному к скале.

— Пусть забирает все, что найдет. — Я последний раз дергаю свитер. — Готово.

Мы возобновляем подъем. Мама тяжело дышит. Это мне еще аукнется. Наверху она толкает калитку, отделяющую утес от сада, и спрашивает — уже не в первый раз:

— Ты уверена, что эта щеколда надежна? Не хотелось бы, чтобы Питер ее открыл.

— Что они собираются делать? Я имею в виду поиски.

— Кажется, он зашел в сарай. — Мать снова смотрит вниз, на пляж.

— Ту дверь не открывали уже много лет. А он вообще далеко... Послушай, ты просто не видишь его на фоне «Саннингема».

Мать усмехается, понимая, что я права. Грязная серо-коричневая одежда Ральфа почти неотличима от носа старого корабля. Он приближается к обломкам, не отрывая взгляда от песка. Должно быть, ищет крабов.

В этот момент в судно ударяет случайная волна. Брызги взлетают вверх и словно зависают в воздухе. Целую секунду или даже больше меня не покидает ощущение, что время остановилось. Господи, только не это... Дни и так кажутся бесконечными.

— Где пункт сбора?

— Около фермы. В том месте, где семья оставила машину. Возьми Вела. Я заберу Питера, потом поеду за мальчиками.

Вел, или Вельзевул, — мой конь. Восемилетний жеребец чилийских кровей ростом в семнадцать ладоней. Он прекрасен, как восход солнца, а характер у него как у дьявола, в честь которого его назвали. Мне уже давно следовало его продать, но он никого к себе не подпускает.

В прошлом, когда транспортные средства были еще несовершенны, и задолго до появления приличных дорог жители островов передвигались на лошадях. Мой дедушка со стороны отца, англичанин, был врачом. Он очень быстро освоил верховую езду и добирался до пациентов на лошади. С тех пор Дунканы держали лошадей. Даже сегодня большие участки местности по-прежнему недоступны для транспорта.

В серьезных случаях мы отправляемся на поиски верхом.

Дойдя до середины лужайки, мы слышим недовольный голос Питера. Он не плачет, а просто ворчит, но мать бросает на меня осуждающий взгляд. Ждет, пока я ускорю шаг, но, не дождавшись, обгоняет меня.

— Я сама, — заявляет она.

Мне все равно. Я огибаю дом и подхожу к трейлеру. При моем появлении жеребец начинает бить копытом в калитку стойла. Я нахожу упряжь и проверяю, что сено в клетке свежее. Вел трется шеей о боковину. Так лошади могут серьезно травмировать себя, но мой жеребец делает это только в моем присутствии. Он настоящий артист.

Рядом с ним появляется светло-серый нос. Земляничка, детский пони, почти не видна за загородкой. Я глажу ее нос и протягиваю леденец, чем вызываю недовольное ржание в соседнем стойле.

— Пойдем, старый мошенник. У нас есть работа. — Я откидываю щеколду на калитке.

Конь ударом ноги открывает ее и выходит во двор. Его шкура блестит на солнце. Официально Вел считается черным, но это

вопиющая несправедливость. Я насчитала больше дюжины разных оттенков на его шкуре: от абсолютно черного до насыщенного красно-коричневого.

— *Кто-нибудь из этих непосед здесь?* — Он презрительно оглядывается в поисках детей, которых презирает. — *Я не прочь куснуть...*

— Бабушка в твоём распоряжении. — Я понижаю голос. Окна в доме открыты, и неизвестно, из какого она может выглянуть. — На этой заднице много мяса.

— *Куда это, черт возьми, мы собрались?* — Я веду его к трейлеру, а он не слишком доволен. — *Мы уже гуляли.*

— Эстансия. Тебе там понравится.

— *Черта с два. Потом несколько недель отскрести синюю глину от копыт.*

Разумеется, все разговоры с жеребцом происходят в моём воображении — я ещё не совсем сошла с ума. Но в последнее время часто ловлю себя на том, что веду споры, которые невозможны в реальной жизни. Нападаю и защищаюсь, сражаюсь сама с собой в притворном бою — иногда этого бывает достаточно, чтобы успокоиться. Иногда.

— Давай, заходи. — Я хлопаю рукой по пандусу. Жеребец расширяет анус и выбрасывает из себя три абсолютно круглых шарика навоза, издающего сладковатый запах. Один катится к моим ногам.

— Спасибо, — бормочу я.

— *Пожалуйста,* — хрюкает он.

— Питер хочет попрощаться.

Мама вышла ко мне во двор. Малыш, все ещё помятый и насупленный после сна, сидит у нее на руках, прижимаясь к плечу. Увидев нас, он начинает плакать.

— Мы его сюда не выносим. Он боится Вела.

Примерно год назад Питер сидел на плечах Сандера, когда мой очаровательный жеребец решил его куснуть. Сандер успел отскочить, и лошади достался только клочок светлых волос. Понятно, что ребенок обиделся.

Я подхожу, чтобы попрощаться с сыном. Он никогда не тянется ко мне, не просится на руки, хотя я видела, что он всегда так ведет себя

с Сандером и даже с мальчиками. Его большие синие глаза, все еще влажные после сна, смотрят на меня с любопытством.

— Поедешь с бабушкой, — говорю я ему. — Там Майк и Крис. Я заберу тебя позже.

— Айк и Кис, — повторяет Питер. — Айк и Кис.

— Ты записалась на прием?

— Запишусь, но я уверена, что с ним всё в порядке. Дети развиваются по-разному. Он немного ленивее, чем двое других, и только. — Недавно мать вбила себе в голову, что мой младший сын плохо говорит для своего возраста. — Ты все взяла, что тебе нужно?

Она кивает, поджав губы.

— Отец тебя там встретит.

Этого только не хватало. Я жду, пока ее машина исчезнет за поворотом, и вхожу в дом, чтобы взять нужные вещи.

— *Счастливо*, — ржет Земляничка, когда я сажусь в машину. Вел показывает ей средний палец — в его случае это презрительное встряхивание обоими ушами.

Собравшись тронуться с места, я замечаю уголок белого конверта, торчащий из моей сумки. Он ждал меня сегодня утром в абонентском ящике на почте — судя по штемпелю, его прислал кто-то из местных. Почерк я не узнала. Аккуратный, довольно энергичный, но концы букв немного неровные. Или этот человек редко писал, или пытался скрыть свой настоящий почерк.

Я вынимаю наружу листок бумаги. Чисто-белый, как и сам конверт. Надпись от руки, той же самой синей шариковой ручкой. Четыре коротких слова:

НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО ОДНОГО

Выехав из города, я довольно быстро преодолела приличную часть пути, но на холмах между Стэнли и большим заливом Порт-Сальвадор пришлось сбросить скорость. Когда я пересекаю курумник, с него вспархивают какие-то маленькие серые птички, прятаясь в скалах, и на несколько секунд окружают меня со всех сторон. Как будто взлетели сами камни.

Курумник — очень необычное, как будто из другого мира, скальное образование. В других уголках планеты они встречаются редко, но здесь эти каменные реки прорезают весь ландшафт. Мне нравится представлять, что это древние дороги, построенные для путешественников, отличавшихся от человека не меньше, чем мы отличаемся от других существ. Я уверена, что у каменных россыпей есть цель, что существует причина, по которой вся местность прочерчена извилистыми лентами из камней.

Иногда мне казалось, что каменные реки снова ожили и пришли в движение — потекли так же, как, по мнению ученых, текли когда-то. Виновата во всем игра света, возникающая при низких облаках, сильном ветре и ярком солнце. Миллионы маленьких теней бегут по земле, и камни, прочно вросшие в землю не хуже любой скалы, как будто скользят, катятся и падают по склону холма. Но стоит моргнуть, и они останавливаются. А если снова взглянуть боковым зрением, возобновляют свой безумный воображаемый бег.

Многие туристы специально приезжают к нам, чтобы посмотреть на курумник.

Эстансия тоже пользуется популярностью. Владельцы фермы, Джордж и Бренда Баррелл, летом проводят экскурсии, в основном к королевским пингвинам на Волонтир-Пойнт. Миновав гребень холма и спускаясь по противоположному склону, я вижу прямо перед собой почти весь залив. Его береговая линия такая извилистая и неровная, что иногда трудно определить, где заканчивается суша и начинается море. Бывают дни, когда море кажется неподвижным, а по земле непрерывно бегут волны. Но не сегодня. Прозрачный воздух делает краски особенно яркими. Синий океан, белый пляж, расцвеченный зеленым, серым и желтым склон холма. Внизу виднеются маленькие озера, вода из которых не может найти путь назад в океан, и они сверкают удивительными красками, каких я больше не встречала в природе: изумрудно-зеленый, насыщенная лазурь и даже оттенки фиолетового.

В пасмурную погоду мои родные места выглядят бесплодными и пустыми, но когда светит солнце, эти острова словно сотканы из радуги.

Поисковый отряд собрался на ферме, которая используется как база. Приблизившись, я вижу несколько полицейских машин, пару

трейлеров, в том числе отцовский, и несколько внедорожников. Люди толпятся вокруг одной из машин. Я ее не узнаю — возможно, ее арендовала семья пропавшего мальчика. Новый «Лендрровер», серебристый, с черной полосой.

Я останавливаюсь как можно дальше от отцовского трейлера и выхожу. Лица людей поворачиваются ко мне, но лишь на мгновение. Для жителей островов я превратилась в подобие вампира. Каждый, кто смотрит на меня, думает: «Женщина, убившая двух детей». Интересно, кто-нибудь из них задается вопросом: «Где сегодня ее собственный ребенок? Она оставила его одного? Опять?»

НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО ОДНОГО

Что это вообще значит: «Не оставляй его одного»? Не отлучаться в другую комнату? Не выходить в сад, если он дома? Держать его в поле зрения, занимаясь лошадьми?

Я прислоняюсь к машине и задумываюсь. Соседей у нас нет, и никто не может знать, рядом со мной или нет мой младший сын. Друзья уже давно к нам не ходят, особенно когда Сандер в отъезде. Ральф видит меня на пляже, но я сомневаюсь, что он умеет читать и писать.

И все же кто-то решил, что чувства вины, заполняющего меня с той самой секунды, как я утром открываю глаза, недостаточно. Вероятно, если речь идет о вине женщины, ее не может быть слишком много. Я снова наклоняюсь, нахожу в машине записку и засовываю ее в карман бриджей.

Вел начинает бить копытом, требуя выпустить его.

— Помолчи минуту! — рывкаю я.

— Прошу прощения? — Голос не принадлежит моему жеребцу. Повернувшись, я вижу констебля Скай Макнир, выходящую из-за трейлера.

— Привет, Скай. Как дела? — Широко улыбаюсь, что несколько неуместно в данных обстоятельствах, но она отвечает вполне вежливо:

— Неважно. Прошло уже два часа.

Ближе к ферме люди садятся на лошадей. Я вижу семь всадников. Отец на своей огромной гнедой кобыле пытается руководить.

— Что я должна делать?

— Ваш отец считает, что все, кто верхом, должны действовать вместе. Рассредоточиться и двигаться прямо на запад. Пешие будут прочесывать местность с другой стороны дороги. Он не мог уйти далеко.

Кто-то окликает Скай. Она благодарит меня и уходит. Стук в трейлере возобновляется.

— Ладно, ладно. — Открываю дверь, пытаюсь сообразить, куда жеребец с именем дьявола может нацелить свое копыто, и проскальзываю внутрь.

— *Кто-то за тобой следил*, — говорит он, когда я накидываю на него уздечку.

— Шел бы ты знаешь куда... — Я удлиняю повод на расстояние вытянутой руки, на тот случай, если Вел обидится.

— *Болтался около дома. Шпионил.*

— Может, заткнешься?

— *Ну, кто-то же должен тебе сказать. Будь осторожна.*

Я кладу ему на спину седло.

— Расслабься, дурень. Я не тупая.

Начинаю затягивать подпругу. Вел выпячивает грудь — так делают многие лошади, и это может быть опасно. Однажды, когда я свалилась с него, мне показалось, что он смеется.

— *Разбойники на шесть часов.*

Снаружи слышится стук копыт. Я делаю глубокий вдох и снова вывожу своего коня в мир, сотканный из осуждения, недовольства и выставления оценок. Именно такими стали мои отношения с отцом.

— Привет. — Я опускаю стремяна, еще раз проверяю подпругу и сажусь в седло. Вел пятится, словно я вешу сто килограммов, а не пятьдесят.

— Плохи дела. — Отец кивком указывает на горы на западе: — Опускается туман. Нам нужно было начинать раньше. Послеобеденный сон, да?

Я поворачиваю Вела и еду к остальным всадникам, уже сидящим в седлах. Никаких признаков тумана. Обычно его видно рано утром, над водой, но не в это время дня.

— Когда ты проезжала мимо, мне показалось, что мотор барахлит. — Отец едет сбоку, почти вплотную — глупо, если

учитывать дурной характер Вела. — Когда ты в последний раз была в автосервисе?

— За этим следит Сандер.

— Как и за всем остальным.

Любопытно, как отреагировал бы отец, скажи я ему о записке, которую получила сегодня утром? Думаю, заявил бы, что на сто процентов согласен с автором.

— Должно быть, паренька похитил какой-нибудь педик из казарм. Каждые два месяца к нам привозят новых солдат, и мы понятия не имеем, что это за люди и какое у них прошлое. Я говорил Бобу Стопфорду, что нужно проверять, кто из них раньше нарушал закон.

— Я уверена, что ребенка никто не похищал. Он просто потерялся.

— Прошу простить, что сразу не спросил твое мнение. — Отец повышает голос, готовый вовлечь в спор других, чтобы они приняли его сторону или наблюдали за моим унижением, когда я буду раздавлена его аргументами. — Наверное, нам всем нужно возвращаться домой, раз Рейчел считает, что он объявится через десять минут.

Почему он так ко мне относится?.. Черт, с чего же начать? Во-первых, в отличие от 75 процентов сверстников, я не вернулась домой сразу же после окончания университета. Господи, как же мы гордимся этой статистикой: 75 процентов нашей молодежи — самых умных, не забывают, — при первой же возможности возвращаются на острова, в это лучшее в мире место, кучку камней в Южной Атлантике... Задержавшись на материке, я примкнула к тем 25 процентам, чей поступок неизбежно будет расценен как отступничество, в личном и культурном плане.

На вопросы из дома я неизменно отвечала, что опыт, который я получала в английской газете, будет неоценим для карьеры репортера и в конечном счете редактора. Что я жертвую своими желаниями ради островов. Разумеется, в этом не было ни капли правды. Я просто не хотела возвращаться домой.

На вопросы англичан, почему осталась, я отвечала, что люблю Лондон. Даже написала заметку в газету на эту тему. Мне нравилась анонимность толпы, ощущение безграничных возможностей, а также тот факт, что дома никто ничего не узнает. Я могу становиться такой,

какой хочу, меняться даже в течение одного дня: утром быть застенчивой и женственной, в воздушных платьях до середины икры и с авторучкой с фиолетовыми чернилами в руке, днем — дымящим, как паровоз, и сквернословящим «готом», в драной черной коже и с белым гримом на лице, а вечером — надевать спортивный костюм и бегать по бесконечным лондонским паркам. И никто не спросит меня: «Рейчел Дункан, когда ты увлеклась бегом? Рейчел, а твоя мать знает, что ты так одеваешься? Боже, Рейчел, ты собралась на маскарад?»

«Нужно родиться на маленьком острове, на задворках цивилизации, чтобы по-настоящему ценить анонимность», — писала я. И это было неправдой. Истинная причина того, что я осталась, была совсем в другом.

Но отец принял эти претензии на независимость как свидетельство моего превосходства. Не вернувшись домой сразу после университета, я давала ясно понять, насколько это было возможно, что считаю себя лучше всех людей, среди которых выросла. В его поведении я вижу презрение, которое мы испытываем к тем, кто пытается возвыситься над нами, перегнуть нас.

А может, все гораздо проще. Может, он не в состоянии находиться рядом с женщиной, в которую я превратилась три года назад.

Я совершила ужасный поступок.

Ужасный поступок, который мне никогда не позволят забыть.

* * *

— Ату! — говорю я и скачу в сторону пустоши. Отец прищипривает свою кобылу, Примроуз, и следует за мной.

Сначала перед нами расстилается сухая, открытая всем ветрам пустошь. Из тонкого слоя почвы торчат голые скалы, а низкий кустарник похож на плотный пушистый ковер. Он довольно мягкий, но поверхность получается такой неровной, что идти по нему практически невозможно. С любой скоростью. Из густой поросли торчат цветы, словно символизируя стойкий дух Фолклендов.

— Смотри, куда едешь. — Я слишком сильно приблизилась, и Вел нацелился зубами на зад Примроуз.

— Извини. Я ищу маленького ребенка. — Тем не менее я отворачиваю в сторону. У меня нет желания пререкаться с отцом.

Слева слышится крик. Что-то нашли. Несмотря на свои размеры и чистоту кровей, Вел довольно хорошо справляется с пересеченной местностью, и вскоре мы догоняем следующего всадника, местного психотерапевта Сапфир Пиррус.

Одним из условий, позволивших мне избежать тюрьмы, было посещение психотерапевта. К концу третьего сеанса я начала думать, что уж лучше тюрьма. *Как вы себя чувствуете сегодня, Рейчел? Какие это вызывает у вас чувства? Что вы чувствуете в данный момент?* Боже праведный, как я могла себя чувствовать? Мой мир рухнул! Закрывая глаза, я каждый раз видела лица тех мертвых мальчиков, слышала, как они кричат в падающей машине. Неужели она думала, что разговоры о моих чувствах чем-то помогут?

Во время последнего сеанса я рассказала ей о поэме Кольриджа, которая мне никогда не нравилась, но которую я выучила в надежде, что это оценит Кэтрин, предки которой были моряками. Под внимательным взглядом Сапфир я рассказала ей историю о долгом и опасном путешествии на юг, об альбатросе, который был для моряков чем-то вроде домашнего питомца или приемного ребенка и которого застрелил Старый Мореход.

Раскаяние постоянно преследует Старого Морехода, и он носит на шее мертвую птицу (я никогда не была до конца уверена, в прямом или в переносном смысле) как яркий символ камня на душе.

Я чувствую себя Старым Мореходом из поэмы Кольриджа, сказала я Сапфир. Я вела себя глупо, бездумно, а от последствий страдают окружающие. Я чувствую себя так, словно предала всех, кого любила. Словно жители островов повесили мне на шею альбатроса. Словно всюду, куда бы я ни шла, за мной следует запах разлагающейся птицы, а каждый, кто на меня смотрит, видит капающую кровь. От этой крови никогда не избавиться. Не рассказываю я только конец поэмы, где Старый Мореход, обратившись к молитвам, наконец избавляется от альбатроса.

Чтобы сбросить со своей шеи гниющий труп, мне придется провести в церкви гораздо больше, чем пару минут.

Сапфир на сером жеребце, под цвет ее волосам и одежде, и я на черном дьяволе направляемся к группе людей, один из которых держит

в руке лоскут красной ткани. Нам уже сообщили, что одежда у Арчи красного цвета.

— Можно взглянуть? — Я подгоняю Вела. Сапфир не отстаёт, и мы подъезжаем одновременно.

Мужчина неохотно протягивает нам ткань. Красная клетка. Крупная. Кусок крашеного хлопка размером примерно восемь на десять дюймов, оторванный от нижней части рубашки, с инструкцией по стирке.

— Нет, — Сапфир качает головой. — Я знаю этот бренд. Такую одежду продают в Стэнли. Никакой связи с маленьким мальчиком.

Все смотрят на меня, ждут подтверждения. Мы здесь единственные женщины и должны разбираться во всем, что касается одежды.

— Я тоже узнаю этот бренд. Должно быть, рубашка кого-то из местных. И рисунок сильно выцвел. Но я бы его все равно не выбрасывала, на всякий случай.

Я сую ткань в седельную сумку, пока до нее не добрался отец — видно, что у него руки чешутся. Он командует, чтобы мы снова растянулись цепочкой, и все движутся дальше.

— Мы должны найти его как можно скорее. — Оглянувшись, я вижу, что со мной поравнялась Сапфир. — Даже если он мертв — а я молю Бога, чтобы он был жив, — нам все равно нужно его найти. Самую сильную панику в обществе вызывают именно *пропавшие* дети.

«Некоторым обществам нравятся мертвецы», — думаю я, но произнести вслух не решаюсь.

— Наш худший, примитивный страх. — Я слышу ее дыхание. Она изо всех сил старается не отстать от моего более крупного и тренированного жеребца. — Боязнь, что кто-то крадет наших детей. Год назад ваш отец написал превосходную статью на эту тему. Читали?

Я не только читала эту статью — о том, как реагирует общество на пропавших детей, включая в фольклор рассказы о них, — я ее писала. Папа заметил (по всей видимости, справедливо), что никто не захочет читать *мою* статью о несчастьях с детьми, и поэтому поместил ее в газете под своей подписью. Думаю, со временем он убедил себя, что сам ее сочинил.

— Малыш играл. Уверена, он просто потерялся.

— Будем надеяться, что вы правы. Но страх меняет общество.

— Берегитесь Вела. — Я выдвигаюсь вперед. — Он лягается. Тот еще субчик.

— *На себя посмотри*, — фыркает мой жеребец.

* * *

В тот день мы не находим никаких следов ребенка, хотя не прекращаем поиски до тех пор, пока солнце не опускается за холмы, а небо не становится фиолетовым. У самой фермы я подъезжаю к Тому Барреллу, младшему сыну фермера, который держится слева от меня. Он переговаривается с Сапфир.

— Кажется, я не видела вашего отца, — говорит она.

— Отец уехал сразу после обеда. Он даже не знает.

— Думаете, малыш упал в реку?

Том морщится — у него самого маленький ребенок. Конечно, никому не хочется думать, что ребенок утонул, но с учетом близости воды этого исключить нельзя. Весной, после зимних дождей и снега, реки могут быть глубокими и быстрыми.

— Похоже на то, — отвечает Том. — Тогда тело вынесет приливом, ночью или завтра утром.

Я закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов. Нэд и Кит не утонули, выводы вскрытия однозначны, — но я столько раз падала в воду вместе с ними... Мои страшные сны, мои кошмары наяву — все они одинаковые. Поэтому я знаю, как это, когда тебя со всех сторон окружает вода, когда ты не видишь ничего, кроме воды, чувствуешь, как она бьет в лицо, проникает в горло... Я знаю, что значит потеряться в водном мире, не понимая, выберешься ли ты из него. Судьба пощадила Нэда и Кита, избавив от всего этого, — но не меня. Я тону каждый день.

Вода, вода, повсюду.

Никто не должен умирать в воде, особенно трехлетний ребенок.

Мы вернулись. Вел видит свою корзину с сеном и переходит на галоп. Он несется сломя голову и едва не сбивает констебля Скай.

— Том, мне нужно у вас кое-что спросить! — кричит она. Вел добирается до сена и начинает есть, не дожидаясь, пока я спрыгну на землю.

— Один из братьев Арчи говорит, что видел на обочине дороги другой серебристый «Лендровер». — Скай подпрыгивает на месте, как встревоженный жеребенок; ей неуютно одной среди лошадей. — Вы на ферме ничего не заметили?

Том задумывается, потом качает головой:

— Честно говоря, из дома не очень хорошо видно то место. Но летом здесь останавливается много народу. По десятку машин в неделю. Так что все возможно.

— А разве второй «Лендровер» был не с ними? — Без моего отца никак не обойтись. Он обязательно должен быть в центре событий.

— Родители Арчи и их друзья приехали на двух арендованных машинах. «Лендровер» и красный «Форд Мондео». Здесь уже были другие туристы, на синем «Воксхолле», и они еще здесь, помогают искать. Таким образом, три машины. Теперь, возможно, четыре.

Думаю, половина автомобилей на острове — серебристо-серые «Лендроверы». Ребенок мог перепутать.

— Нам нужно поговорить с вашим отцом, — говорит Скай Тому. — Он мог видеть неизвестный автомобиль. Когда, вы сказали, он уехал?

Я оставляю их. Веду Вела в трейлер, привязываю его и снова выхожу, чтобы забрать упряжь. Сойдя с пандуса, резко поворачиваю и едва не сталкиваюсь с мужчиной. Знакомым. Среднего роста, худощавый, с темными глазами, часто и сильно моргающими. Бледная кожа. Некогда темные волосы тронуты сединой.

Бен Куинн. Я убила его сыновей. Пока мы искали ребенка, здесь появилась «Скорая», — наверное, он приехал вместе с бригадой.

— Ой. Привет. — Похоже, Бен удивлен не меньше меня. Он не узнал мой трейлер.

Неловкая пауза — никто из нас не знает, что делать дальше. Поэтому мы стоим и просто смотрим друг на друга. Наверное, он бы все отдал, лишь бы оказаться как можно дальше от меня, но условности цивилизованного общества требуют по крайней мере обмена парой вежливых фраз.

— Как дела? — Бен часто моргает, словно пытается рассеять чары, удерживающие его рядом с женщиной, которую он, наверное, с удовольствием придушил бы.

— Хорошо. А у тебя?

Что дальше? Спросить, как семья? Семимесячный ребенок? Слава богу, Бен лишает меня шанса на какую-нибудь глупость, потому что первым отворачивается и уходит, споткнувшись о кочку. Забыв об упряжи, я возвращаюсь в трейлер. Буквально врываюсь внутрь и, дрожа, прижимаюсь к мощной груди жеребца.

Вел недовольно ерзает.

— Ну, что еще?

— Подожди, дай мне минутку... — Я опускаю голову. Его шкура теплая и влажная от пота. Я чувствую, как бьется его сердце.

— У тебя жалкий вид, ты это знаешь? — Он встряхивает головой.

— Да, знаю.

Пыль лезет в нос, и мне хочется чихнуть, но я не шевелюсь. Обнимаю свою лошадь и уговариваю себя, что мне нужна минута, всего одна минута, хотя прекрасно понимаю, что не хватит ни тысячи, ни миллиона минут.

* * *

Мы с Кэтрин ровесницы и поэтому уехали в Англию одновременно, хотя учились в разных университетах. Она изучала морскую биологию в Плимуте, я выбрала английскую литературу в Бристолле.

Наверное, мне никогда не забыть радостного волнения того первого путешествия. Нас было пятеро, летевших к знаниям на самолете «RAF Тристар». В том числе и Бен, учившийся на третьем курсе медицинского факультета. Опытные путешественники спали, а мы с Кэтрин бодрствовали всю ночь, наблюдая, как при пересечении часовых поясов неестественно быстро темнеет, а затем снова светает.

Мы решили, что это просто новый этап нашей дружбы. Мы купим складные коврики и спальные мешки, чтобы можно было ночевать друг у друга по выходным. Новые друзья Кэтрин (она очень разборчива и предъявляет высокие требования к людям, которых впускает в свою жизнь) станут и моими друзьями, а мои (я собиралась завести их как можно больше, перепробовать все на свете — потому что как мне еще узнать, что я на самом деле люблю?) станут ее

друзьями. Помню, в последние месяцы перед отъездом я бесконечно рассуждала о природе истинной дружбы, о синергии^[27] двух душ, которые еще больше сближаются по мере того, как каждая становится сильнее. Кэтрин изучала расписание поездов и подсчитывала, какую часть ежегодной стипендии нужно отложить на железнодорожные билеты.

— Хочу посмотреть Шотландию, — сказала я, когда самолет приземлился для дозаправки на острове Вознесения. Я читала сэра Вальтера Скотта и рисовала в своем воображении Роба Роя^[28], полуразрушенные замки, воинов в клетчатых пледах и поросшие вереском горы.

— Театральное общество из Бристоля обычно привозит пару спектаклей на Эдинбургский фестиваль, — сделала я вторую попытку, когда Кэтрин не ответила.

— Разве фестиваль не летом?

Считалось, что первую пару лет длинные летние каникулы мы будем проводить дома. Бен сидел тремя рядами дальше, вместе с Джошем Сэвиджем, который перешел на последний курс юридического факультета в Бате. В то время он всегда выглядел так, словно только что проснулся. Может, из-за припухших век, может, из-за привычки часто и сильно моргать. А может, просто не высыпался.

— В августе. — Бен отбросил волосы с глаз. Седина, которая неизбежно их присыплет, еще не начала проступать; они были черными, как у испанца. — А что? Собираетесь приехать?

— Рейчел хочет.

— Приезжайте на Хогманай. Вот где настоящее безумие. Гостей мы обычно укладываем на полу.

И мы приехали на Хогманай, шотландский Новый год. Поезд дальнего следования прибыл во вторник в половине седьмого утра, и Бен встречал нас на вокзале. Потом были пять дней в городе, который казался высеченным из черного льда. Мы были ослеплены Эдинбургом, величественным и вечным, как окружающие его горы. Уроженцы мест, где, если ты хочешь, чтобы твой дом выдержал проверку временем, нужно снабдить его прочной железной кровлей, мы были очарованы замком и жилыми домами, башнями и церквями, широкими колоннадами и лестницами, мощеными дорогами, барами в

подвалах и напоминавшем о доме небом над городом, который так отличался от всего, что мы знали раньше

Новогодняя стужа вытягивала воздух из легких и обжигала кончики пальцев, но крепкий янтарный напиток, который мы пили, разливался теплом до самых ног. Пять дней мы почти не отдыхали. И, наверное, ни одного часа не оставались трезвыми. Но мы обе не спали на полу — по крайней мере, после первой ночи. Именно во время этого путешествия Бен и Кэтрин стали встречаться.

* * *

Оставив своего фыркающего и бьющего копытом жеребца, я прокрадываюсь к задней части трейлера и выглядываю наружу. Бен стоит рядом с машиной «Скорой помощи» и разговаривает с парамедиком^[29].

Мне кажется, что людей, которых мы любим, можно разделить на две категории. Во-первых, те, о ком мы обязаны заботиться, кто связан с нами кровными узами или брачными узами других людей. А еще есть люди, настолько близкие по духу, что их просто невозможно не любить. Одно их присутствие поднимает настроение, приглаживает взъерошенные перья и ставит на место пошатнувшийся мир.

За всю свою жизнь я так любила всего двух человек. Двух человек, которых просто не могла не любить. Разумеется, это моя лучшая подруга Кэтрин, родная душа.

И мужчина, за которого она вышла замуж.

28

Пять дней в Эдинбурге превратились в пять ночей физической и душевной пытки. Лежа в спальном мешке на засаленном ковре в гостиной, я мечтала о руках Бена, о тепле его кожи, о его пальцах, скользящих по моему телу, а всего в нескольких ярдах от меня для Кэтрин все это было реальностью. Я говорила себе, что это не продлится долго, что однажды он снова будет свободен, что в следующий раз он будет мудрее, — но все оставалось неизменным.

Они были вместе все три университетских года, и к концу последнего семестра на пальце у Кэтрин появилось кольцо.

Когда она вернулась домой, устроилась на работу в Фолклендский фонд дикой природы и стала готовиться к свадьбе, я просто не смогла последовать за ней. Вернулась только к свадьбе, больше года спустя — и проплакала весь день. К счастью, все думали, что это просто сентиментальность. Я всегда была плаксой. После свадьбы я решила остаться. Казалось, хуже быть не может.

Кроме того, на островах появился новый молодой человек, голландец по имени Сандер, приехавший на работу в канцелярию губернатора. Он явно питал слабость к женщинам, а на свадьбе взгляд его влажных голубых глаз неотступно следовал за мной. Интересно, знал ли он, что эти слезы настоящие? Что мое сердце под бледно-золотистым шелком разорвано в клочья? Если и знал, то ни разу этого не выдал.

Мысли о Сандере немного успокоили. Так бывает всегда. Я не люблю мужа — и не уверена, что когда-нибудь любила, — но в его присутствии становлюсь лучше, сильнее.

Я собираю упряжь, выслушиваю наметки плана под названием «Собраться утром, если в этом будет необходимость». Затем все возвращаются в Стэнли. Мне очень хочется снова увидеть Бена, и я уезжаю последней, когда на ферме остаются только полицейские машины и арендованные автомобили семьи пропавшего мальчика.

За несколько ярдов от пересечения дороги с каменной осыпью замечаю старенький зеленый «Рейнджровер»,двигающийся навстречу. Он останавливается, пропуская меня. Я поднимаю руку, чтобы поблагодарить возвращающегося домой Джорджа Баррела, и тот машет в ответ.

Теперь я на дороге одна, и мне приходит в голову, что в это время Питера пора укладывать спать.

Что-то вбивается мне в зад, и я вспоминаю, что в кармане у меня анонимная записка. Нужно кому-то о ней рассказать, хотя бы Сандеру. Но я не могу этого сделать, не признавшись, что каждый день надолго оставляю младшего сына одного. Когда он засыпает днем, я иду на свое место на скале над пляжем или принимаю таблетки, которые врач выписал мне от бессонницы. Питер часто просыпается раньше меня

или до того, как я возвращаюсь с пляжа, но он не может сам выбраться из кровати. Он в полной безопасности.

Я подъезжаю к развилке дорог, ведущих из Стэнли — левая ведет к Дарвину, Гуз-Грин и аэропорту, а правая (по которой я возвращаюсь в город) к Эстансии. С запада к развилке приближается другая машина, причем водитель прибавляет скорость, как будто полон решимости меня опередить. Я притормаживаю, пропуская светлый «Лендровер», но успеваю увидеть три буквы номерного знака, SNR, и почему-то вспоминаю о курумнике.

* * *

Когда я проезжаю через Стэнли, город всюду празднует Хэллоуин. Улицы заполнены крошечными ведьмами и миниатюрными скелетами — в сопровождении родителей. Старшие дети тоже здесь. Их наряды и маски выглядят более мрачно и устрашающе. Прямо передо мной дорогу перебегают зомби, вынуждая остановиться.

Запуская двигатель, я вижу, что к детям присоединились некоторые взрослые. Мел, шеф-повар «Глоуб», шагает по улице в костюме женского персонажа комической пантомимы. Он видит меня и останавливается — одна рука упирается в обтянутое фиолетовым шелком бедро, другая плотнее нахлобучивает на голову шляпу в стиле Кармен Миранды.

— Как я выгляжу, дорогуша?

Мел один из немногих людей на островах, который искренне мил со мной. Я окидываю его взглядом и пытаюсь улыбнуться.

— Совсем не похоже на даму.

Он делает вид, что поправляет свои причиндалы в промежности.

— А я вовсе и не дама. — И, подмигнув, идет дальше.

Мальчики уже дома, играют с бабушкой, хотя младшему давно пора спать. Мама нашла какие-то старые картонные коробки и построила в гостиной туннели и пещеры. Когда я тихо вошла через заднюю дверь, то никого из них не увидела, но коробки тряслись, а изнутри доносился шорох — по туннелям ползли маленькие человечки.

— А-ха-ха! — Голос бабушки еще больше, чем обычно, похож на рев гоблина. Она появляется из одного конца картонного города и, увидев меня, смущается. Потом выползает наружу и неуклюже встает.

— Отец с тобой? — Стряхивает пыль с одежды.

— Должно быть, поехал прямо в редакцию. Сегодня они собирались оставаться в эфире допоздна. — Шорох стихает. Появляется Крис и улыбается мне. За ним — Майкл. Последним вылезает младший. Он не обращает на меня внимания.

— Бабушка, лови нас!

Все три мальчика в пижамах. Я чувствую запах шампуня и печенья.

— Ну, что? — спрашивает меня мать. Я качаю головой.

— Вы его нашли? — От Криса ничего не скроешь.

Майкл подходит ко мне и обнимает за талию. Он всегда был очень ласковым ребенком. Питер видит, как я обнимаю его старшего брата, и, естественно, ревнует. Подбегает и протягивает руки, чтобы его взяли. Он смотрит на Майкла, а не на меня, но я беру его на руки.

— Как насчет горячего шоколада? — предлагает бабушка.

В кухне вся посуда вымыта и убрана в буфет. Стол чист. Все сияет. Я пытаюсь смотреть на все это как на любезность со стороны матери, что на самом деле правда, но в каждом блике на чистых поверхностях мне видится упрек.

— Что с ним будет? — спрашивает Крис, когда мы садимся за стол.

— Ничего плохого с ним точно не случится. Замерзнет и немного испугается, но никакой опасности нет. Ночью ожидают хорошую погоду. Возьмешь Питера? Я помогу бабушке. — Я передаю малыша старшему брату.

— Он умрет? — спрашивает Майкл.

— Конечно, нет. Как он может умереть? Думаешь, его насмерть заклюет пингвин?

Майкл в мгновение ока превращается в пингвина — руки застывают под прямым углом к туловищу, губы вытягиваются, изображая клюв, — и начинает клевать младшего брата, который радостно включается в игру.

— Мама Сэма Уэлша говорит, что он умрет от *перехлаждения*, — говорит Крис.

— Переохлаждения. Но это маловероятно. Летом многие спят на свежем воздухе.

— В палатках. В спальных мешках. — Крис никак не успокаивается.

— Я не утверждаю, что ему будет хорошо. Просто за одну ночь на улице ничего страшного не случится. — Совершенно очевидно, что мой оптимизм никого не может обмануть.

— Мы задули фонарики из тыкв, — говорит Майкл, — чтобы он не испугался, если придет к нам.

— Я сказала им это сделать. — Моя мать не склонна отдавать восьмилетнему ребенку заслуги, принадлежащие ей по праву. — Наверное, его родители тоже там были. — Она понижает голос, словно Крис и Майкл ловят каждое слово. — Что имеем — не храним, потерявши — плачем. — Мать ставит на стол две кружки и пластмассовую чашку с крышкой. — Представить не могу, что чувствует бедная мать... Тебе тоже налить, Рейчел?

— Нет, спасибо, — отказываюсь я, хотя с обеда ничего не ела.

Мама помогает мне уложить мальчиков в кровати, а затем я провожаю ее до машины.

— Что говорит полиция? Они видят связь? — Она открывает дверцу, а я отступаю к зеленой изгороди, прячась от ветра. — С двумя другими?

— Никто ничего не говорит. — «За исключением отца, — мысленно прибавляю я. — Ему везде мерещатся заговоры».

— Все трое пропали недалеко от воды. — Она втискивает свое массивное тело на водительское сиденье и смотрит на меня: — Может, стоит обратить внимание на тех, у кого есть лодка?

У половины местных жителей есть лодки, и ей это хорошо известно.

— Я уверена, завтра мы его найдем. Спокойной ночи, мама. — Наклоняюсь и тыкаюсь губами в ее щеку, делая вид, что не замечаю, как она морщится. — Спасибо за помощь.

Мама фыркает и трогается с места, прежде чем я успеваю отойти. На ногу она мне не наезжает, но лишь по чистой случайности.

Примерно через час я просыпаюсь от тихого плача. Жду несколько минут — в комнате младшего всегда горит ночник, и он умеет успокаиваться сам. Но не сегодня. Питер плачет по-настоящему, и я понимаю, что он разбудит остальных.

Иду по коридору, и мое внимание привлекает какое-то мерцание рядом с домом. Подхожу к окну, зная, что снаружи меня видно.

На дороге стоит машина. Ошибиться невозможно — даже если я не узнаю бледную темноволосую женщину на водительском сиденье. Кэтрин снова приехала к нашему дому ночью и смотрит прямо в окно спальни моего младшего сына.

* * *

Выйдя из дома, я запираю дверь, что случается очень редко, но меня беспокоит пропавший ребенок, не говоря уже об анонимном корреспонденте. Ветер, почти незаметный днем, вновь усилился, так что весь дом протестующе стонет и скрипит.

Оставлять записку для Криса на кухонном столе тоже не в моих правилах. Я не помню, чтобы, проснувшись ночью, он спускался на кухню, но эту ночь обычной не назовешь.

«Пошла проверить лошадей, — написала я. — Скоро вернусь».

— *Ты шутишь*, — бормочет Вел.

— Поехали, лентяй. Разочек отработаешь свой корм — для разнообразия.

Я быстро седлаю его и вывожу со двора по полоске травы, приглушающей звуки.

До дома Кэтрин несколько миль по дороге, но напрямик я доберусь чуть больше, чем за полчаса. Мы уже какое-то время играем в эти игры. Она по ночам проезжает мимо моего дома, иногда останавливаясь на несколько минут. Я подкрадываюсь к ее дому верхом. Я всегда чувствую ее присутствие, и почему-то кажется, что и она знает, когда я рядом. Но мы ничего не предпринимаем. Однажды — возможно, этой ночью — одна из нас попытается найти выход из этого тупика.

И тогда я, возможно, найду дорогу к себе прежней.

Он кару заслужил свою и кару понесет.

Начну вытаскивать себя из поглотившей меня пучины.

Двадцать с лишним лет, большую часть нашей жизни, Кэтрин была моей второй половинкой. Она была мне нужна, даже когда я жутко ревновала ее к Бену. Теперь, через несколько лет после нашего последнего разговора, я совсем потерялась без нее. Я готова отрезать себе руку, разодрать в клочья лицо, если б это могло искупить то, что я натворила. А иногда мне кажется, что все бесполезно, что никакая жертва не поможет мне заслужить прощение Кэтрин.

Смыть Альбатроса кровь.

С заходом солнца острова изменились. Цвета поблекли, сменившись оттенками серого, четкие контуры ландшафта растворились среди теней, но зато проснулись звуки, запахи и текстура. Люди, живущие в густонаселенных частях мира, говорят о тишине и спокойствии ночи. Здесь же, когда немногочисленное население укладывается спать, происходит прямо противоположное. Здесь ночь — это нескончаемая какофония звуков. Птицы в гнездах, мимо которых проезжаем мы с Велом, кудахчут, сплетничают и ссорятся, словно ткут плотный звуковой ковер. Над нашими головами пронзительно галдит птичий молодежь, радуясь полету и свободе. Соколы поют, пингвины на соседнем берегу пронзительно кричат, возмущаясь ветром, а колония альбатросов на вершине скалы, должно быть, обсуждает политику — такими разнообразными и умными кажутся их разговоры. А за всем этим проступает рокот и рев океана.

Я съезжаю с тропинки на пересеченную местность. Судя по сладковатому запаху, это заросли дрока. У границы торфяника запах меняется — теперь это влажная гниль. Усилившийся ветер раздражает Вела, но вскоре мы добираемся до того места, где нужно повернуть, и теперь ветер дует в спину, подгоняя нас.

НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО ОДНОГО

На полпути едва не поворачиваю назад. Я оставила детей одних. Если кто-то за мной наблюдал, он знает, что меня нет.

— *Может, они сейчас там, рыскают вокруг, хотят войти...*

Да, Вельзевул умеет внести полезный вклад в любой внутренний диалог. Предположение нелепое. Никакой опасности для спящих детей нет. Я так ему и говорю.

— *Родители Арчи Уэста оставили его одного.*

— Арчи потерялся. Сбежал. Не нужно ничего выдумывать.

— *Ты себя в этом убеждаешь, милочка.*

— Мы поедem домой, когда я скажу. А теперь заткнись.

В спальне Кэтрин горит свет. Я вижу его с расстояния полумили. В этом нет ничего необычного — Кэтрин часто не спит в такой поздний час. Бывает, что ночью она уплывает на лодке и бросает якорь в какой-нибудь укромной бухте. Может, у нее тоже бессонница.

Последний участок пути идет вдоль дороги, но я предпочитаю обочину, чтобы заглушить стук копыт. Мне виден верхний этаж дома и края скелетов, но живая изгородь из дрока скрывает все остальное. Спрыгнув на землю, я нахожу укромное место за каменным выступом и привязываю Вела.

В изгороди есть просвет. Протискиваться между колючими ветками неудобно, но я уже проделывала это раньше. Нагибаю голову, съезживаюсь — и вот я уже на другой стороне. Подходя к дому, ловлю себя на мысли, что жду, что Кэтрин выглянет и увидит меня или что Куини почует мое присутствие и залает.

Вел негромко фыркает, и через секунду я слышу другой звук — тихий, низкий, *человеческий*. Какое-то пыхтение, чуть громче вдоха. Кто-то идет. Я прячусь в живой изгороди и жду.

— Эй?

Этот акцент невозможно не узнать, даже если голос кажется незнакомым. Шотландец. С учетом роста и габаритов мужчины, это может быть только Каллум Мюррей.

Похоже, он меня заметил, потому что идет через сад, глядя прямо на меня. Я съезживаюсь еще больше, понимая, что не смогу улизнуть бесшумно. Спасает меня лишь то, что он плохо знает сад и не замечает пирамиду из гарпунов. Спотыкается о гарпун, падает и сбивает остальные, так что они с грохотом рассыпаются по траве.

Пользуясь тем, что Каллум отвлекся, я отступаю вглубь зеленой изгороди и уже собираюсь повернуться и уйти, но тут открывается задняя дверь дома.

— Не поздновато выпрашивать сладости? — Силуэт Кэтрин в проеме двери едва различим на фоне темной комнаты. Каллум бормочет, что вроде бы видел ее в саду. Он подходит ближе, и вой ветра заглушает их голоса, но голос в моей голове звучит четко и ясно. Кэтрин и Каллум снова вместе.

Три года назад я поняла, что Кэтрин не все мне рассказывает. Несколько месяцев я просто подозревала. Прежде всего, она стала ужасно занятой, утратила свою характерную открытость, желание делиться всем, что происходит в ее жизни. Я знала: она что-то скрывает. Мне в голову приходила мысль, что у них с Беном могут быть какие-то проблемы, но в глубине души понимала, что дело не в этом. Она не выглядела несчастной. А однажды я оседлала Вела и приехала к ней без предупреждения. Привязала его в том же месте, где он ждет меня сейчас, подошла к двери и услышала голос подруги, доносящийся с заднего двора. Потом обошла дом и остановилась на углу.

Тыльная сторона дома Кэтрин обращена к морю, это очень тихое и уютное местечко. При слабом ветре и ясном небе здесь тепло и солнечно. Это было ранней весной, и день, по меркам Фолклендов, стоял жаркий.

На разбросанных подушках лежала голая Кэтрин — вместе с голым мужчиной. Я сразу же поняла, что это не Бен. Плечи светлые, широкие и слишком мускулистые, ноги гораздо длиннее, чем у ее мужа. По напряженному телу Кэтрин, по движениям пальцев, вцепившихся в плечи мужчины, я поняла, что эти двое собираются заняться любовью. Потом мужчина поднял голову, и я узнала волосы песочного цвета.

Я сбежала с места преступления, размышляя, как сохранить эту тайну, такую большую и важную. Непостижимо — по крайней мере, для меня, — как женщине, к которой каждую ночь приходит Бен, могла даже прийти мысль о том, чтобы посмотреть на кого-то другого. С другой стороны, теперь все становилось на свои места — Кэтрин явно проявляла интерес к этому шотландцу.

Шок, испытанный в тот день, скоро прошел, и осталась только радость. Кэтрин встретила другого. Я хорошо ее знала и была уверена, что она не станет заводить роман с мужчиной, которого не любит. Кэтрин влюбилась в другого. Бен снова может стать свободным! Свободным — и моим. Конечно, это непросто, и я буду чувствовать себя виноватой, забирая мальчиков от отца, но мы что-нибудь придумаем. Жизнь вдруг наполнилась возможностями.

Впервые за многие годы впереди забрезжила надежда на счастье, а не только на утешение. На нечто большее, чем покой.

Я увожу Вела, испытывая похожие чувства. Кэтрин снова встречается с Каллумом. Он вернулся в ее жизнь — может, это признак выздоровления? Если Кэтрин сумеет найти свое счастье, может, она позволит вернуться и мне?

День второй

Вторник, 1 ноября

29

На следующий день поиски Арчи продолжаются. Все утро всадники апокалипсиса, как упорно называет нас отец, объезжают пляжи, высматривая засыпанные песком останки или торчащий из-за камня маленький ботинок. Другие, в том числе Кэтрин и Каллум, прочесывают холмы. К полудню сохранять оптимизм становится все труднее. Если ребенок просто ушел и заблудился, его уже нашли бы. Если он утонул в болоте, его уже нашли бы.

Остаются две возможности. Во-первых, он мог упасть в реку, и тогда его течением унесло в море. В этом случае, если прилив не выбросил тело на берег, скорее всего, уже и не выбросит. И мы никогда его не найдем.

Другая возможность, вокруг которой разгорелись яростные споры, заключается в том, что Арчи похитили. Ни один из жителей островов, за исключением моего отца, открыто не признаёт эту возможность, но туристы точно об этом задумываются. Военные тоже. Повсюду чувствуется скрытое беспокойство, и оно усиливается. Люди недовольны. Они начинают присоединяться к тому или иному лагерю.

В середине дня я вынуждена оставить поисковую команду. Маме, которая все утро сидела с Питером, нужно к врачу, и кроме того, сегодня моя очередь забирать мальчиков из школы. Я беру младшего и, не в силах провести с ним дома хотя бы час, еду в Стэнли.

Людей в городе больше, чем обычно. Много военных, приехавших помочь с поисками. Остальные — туристы с «Принсес Ройял». Разумеется, тут нет ничего нового, но обычно туристы сходят на берег на несколько часов, чтобы понаблюдать за дикой природой или добраться до удаленных пряжей. Они не бродят по Стэнли. Эти же слетелись на несчастье, словно мухи на гнилое мясо.

И дело не в том, что кто-то из них знаком с родителями Арчи, потому что Уэсты приехали сами. Эти люди с элегантными прическами, в яркой, пошитой на заказ одежде и в ослепительно белых

кроссовках явились сюда за острыми ощущениями. Они хотят вдохнуть зловоние нашей беды.

Я беру стопку почты и, не глядя, сую в сумку. В магазине Чокнутый Ральф покупает бумагу для самокруток и табак. Он кивает мне и как будто хочет что-то сказать, но к нему обращается женщина за прилавком, и он отворачивается.

Я покупаю все необходимое, однако до окончания уроков в школе еще час, и я направляюсь в закусочную Боб-Кэт, чтобы выпить кофе. Вращающаяся дверь очень тяжелая, и преодолеть ее с коляской не слишком легко, поэтому я не смотрю на посетителей внутри.

— Пиф-паф! — Детский голос. Моего ребенка.

Одновременно со стуком закрывающейся двери слышится звон стекла — что-то разбивается о каменный пол. Боб-Кэт за стойкой бара чертыхается. Все остальные умолкают.

Между стойкой и дверью стоит Каллум и в ужасе смотрит на моего сына, сжимающего в руках пистолет. По полу разбросаны осколки кофейной кружки. Мой ребенок начинает всхлипывать, громко и противно.

— Ради всего святого, приятель, это же детская хлопушка. Что с тобой? — Боб-Кэт здорово расстроилась из-за разбитой кружки и пролитого кофе.

Каллум по-прежнему смотрит на пистолет, и странный блеск в его глазах мне совсем не нравится. Я тяну коляску назад, а Боб-Кэт перегибается через стойку и дергает Каллума за плечо. Это помогает. Он мотает головой, словно стряхивая наваждение, затем смотрит на пол.

— Черт, простите. — Наклоняется и начинает собирать осколки, но затем снова выпрямляется. — Рейчел, кажется, на него попал кофе. Наверное, он обжегся.

Все посетители закусочной внезапно оказываются специалистами по оказанию первой помощи и начинают суетиться вокруг ребенка, который перестает плакать, как только понимает, что стал центром внимания. На левой лодыжке у него обнаруживается розовое пятнышко, носок заляпан кофе, но мы снимаем носок, прикладываем к ноге холодную влажную ткань, и через минуту-другую от пятнышка не остается и следа.

Пока остальные занимаются Питером, Каллум собирает осколки с пола и предлагает заплатить за разбитую кружку. Боб-Кэт ловит его на слове и сдирает сумму, на которую можно купить сервиз из дорогого фарфора.

— Это моя вина, — говорю я, когда в закуской восстанавливается подобие порядка. — Я не видела, что у него пистолет. Это брата. Наверное, лежал на дне коляски.

— Ничего страшного. — Каллум также настоял, чтобы заплатить за мой кофе и коктейль для Питера. Я собиралась сесть за пустой столик в глубине зала, но теперь это было бы невежливо. Кроме того... Каллум и Кэтрин? Я сажусь рядом с ним на табурет у стойки. Питер начинает хныкать, что вполне предсказуемо, и я расстегиваю ремни коляски и сажаю его на колени. Он пытается залезть на стойку бара, и его приходится отвлечь печеньем.

— По-прежнему ничего? — спрашиваю я.

Каллум понижает голос:

— Стопфорд — дурак. Он не рассматривает ни одну возможность, кроме той, что ребенок заблудился. Поэтому ограничивает поиски одной зоной. Никто не ищет в других местах.

Я задумываюсь об истинных размерах островов.

— Да, но, если честно, непонятно, с чего начинать.

— Никто не попытался найти тот, второй «Лендровер», который видел брат мальчика.

Дверь за нашей спиной открывается, впуская запах жареной еды, морских водорослей и выхлопных газов от дизеля, как будто мы находимся в конце ветрового туннеля, ведущего прямо к порту. Повернувшись, я вижу Чокнутого Ральфа, сжимающего в пожелтевших от никотина пальцах наполовину выкуренную самокрутку.

— Твои парни играли на затонувшем корабле?

Мне требуется целая секунда, чтобы справиться с удивлением: Ральф заговорил.

— Не думаю. Они знают, что им не разрешено ходить туда самим.

Он кивает, затягивается своей тонкой кривой сигаретой, потом поворачивается и выходит из закуской.

— Нужно как-нибудь пригласить его и девочек на ужин. — Лицо Каллума абсолютно непроницаемо, и в это мгновение я понимаю, что

Кэтрин в нем нашла. Или находит? И с удивлением обнаруживаю, что смеюсь. Через секунду он тоже начинает смеяться.

Я слишком долго сижу в закускойной, слишком долго болтаю с Каллумом о пустяках, хотя мне хочется спросить только об одном: «Как Кэтрин? Думаете, она захочет поговорить со мной? И, кстати, я так и не поблагодарила вас за все, что вы сделали в тот день. Я знаю, вы прыгнули в воду, чтобы найти меня и моих сыновей, рисковали своей жизнью ради наших, но именно в тот день умерли ее дети, а я превратилась в чудовище, от которого все отводят взгляд, но мы ведь не сможем об этом поговорить, так? Никогда?»

Он уходит первым. Я тоже выхожу из закускойной и медленно толкаю коляску в гору, к своей машине. Должно быть, я рассеянна еще больше, чем обычно, потому что открываю чужую. Перепутать несложно — машины здесь никто не запирает, а в городе полно светлых «Лендроверов». Я открываю заднюю дверцу, и первое, что приходит в голову, — кто-то украл детское кресло. Потом я вижу картонную коробку из-под бекона, соображаю, что моя машина никогда не была такой грязной и засыпанной песком, и понимаю, что по ошибке влезла в «Лендровер» Боб-Кэт. Смутившись, выпрямляюсь и поспешно оглядываюсь, но меня, похоже никто не заметил. Тогда я беру коляску и делаю еще несколько шагов вверх по склону, к своей машине.

Вернувшись домой с мальчиками, наконец просматриваю почту. Еще один белый конверт с написанным от руки адресом. Марка местная.

Мне слышно, как играют дети, но я все равно иду в гостиную и пересчитываю. Старший, средний, младший — все на месте. Они конструируют Звезду Смерти из «Лего». Мне хочется выбросить конверт, но я не могу себя заставить.

Вскрываю его. То же, что и раньше. Почти.

НЕ ОСТАВЛЯЙ ЕГО ОДНОГО. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Сплю я плохо. Каждый час встаю, проверяю замки, плотнее задергиваю занавески и смотрю на мальчиков. И каждый раз

высчитываю время в том месте, где сейчас Сандер. Я сама удивляюсь, как сильно мне хочется, чтобы он был дома. Удивляюсь своему страху.

Из окна третьей спальни я вижу костры. Цепочка из десятка или больше огней тянется вверх по склону холма, мерцая на ветру. Маяки для маленького Арчи Уэста. По всему острову люди ночуют в палатках и поддерживают огонь, чтобы ребенок не чувствовал себя одиноко. Это правильно, я знаю, но мне все равно не хочется это видеть, потому что картина на склоне холма кажется живым воплощением строк из Кольриджа, которые не идут из головы.

Виясь, крутясь, кругом зажглась
Огнями смерти мгла.

Каждый маленький огонек кажется погребальным костром.

День третий

Среда, 2 ноября

30

С момента исчезновения Арчи Уэста прошло почти двое суток, и теперь везде, куда бы я ни пошла, мне невольно вспоминается то, о чем говорила Сапфир в первый день поисков. Страх меняет общество. Наше — точно меняет. Когда я отвожу детей в школу, водители встречных машин не машут мне. У нас такой обычай: встречаясь с кем-то на дороге, мы поднимаем руку в знак приветствия. Туристы находят это забавным, думая, что мы вынуждены все время отпускать руль, но нас здесь так мало, что нам и в голову не приходит отказываться от этого вежливого жеста. Сегодня меня никто не приветствует, хотя я узнаю едущие навстречу машины. А потом понимаю, что тоже ни с кем не здороваюсь. Все мы озабочены. У всех в головах мертвый ребенок. Уже не пропавший, хотя вслух мы продолжаем так говорить. Но в наших мыслях он превратился в мертвого.

Еще один мертвый ребенок. Что с нами не так? Почему мы не можем защитить своих детей?

У почты спорят двое мужчин. Я их не знаю, как и толпу, наблюдающую за ними с некоторого расстояния. Кто-то выскакивает на дорогу, и я резко торможу. Мужчина средних лет, довольно упитанный, видит детей и подкрадывается ближе, чтобы лучше их рассмотреть. Он замечает младшего на заднем сиденье, и глаза его широко раскрываются. Я нажимаю педаль газа. На обратном пути нужно будет запереть машину.

У ворот школы я прощаюсь с Крисом и Майклом и крепко их обнимаю; другие родители поступают так же. Матерей больше, чем обычно. У нас даже ученики младших классов, как правило, ходят в школу сами. Матери машут им рукой от двери дома, предоставляя самостоятельно преодолеть пару коротких тихих улиц. Но не сегодня. Мистер Сэвидж, похоже, пересчитывает детей, убеждая себя, что каждый, кого ему доверили, в безопасности. По крайней мере, пока.

— Я ни на минуту не выпускаю их из виду, — говорит одна из матерей. Не мне. Ко мне они редко обращаются, но я стою достаточно близко, чтобы уловить обрывки разговора.

Мы все ждем, пока последний ребенок благополучно проходит в школу, и двери захлопываются. Интересно, думаю я, сколько из них вернутся в обеденный перерыв, чтобы удостовериться, что дети по-прежнему в безопасности?

Я, как обычно, толкаю коляску в направлении магазинов. Моя жизнь превратилась в поиски решения одной-единственной задачи: как убить время. На улицах слишком много солдат. Они здесь для того, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, но сегодня служат живым напоминанием о нашей неудаче. И о том, что несчастья еще не закончились.

— Стадо дельфинов, черт бы их побрал! Они плывут на какой-то богом забытый остров, чтобы спасти стадо дельфинов? Эти люди совсем рехнулись?

— После вчерашнего случая поиск пропавших детей должен быть на первом месте.

Я замедляю шаг. Это группа туристов, которые уже спорили у почты. Кажется, один из них — отец Арчи Уэста. Остальных я не узнаю.

— Позвоните в газеты. Узнайте номер «Дейли миррор».

Стараясь не привлекать внимания, меняю направление и иду к офису «Пингвин ньюс». Особого желания видеть отца у меня нет, но о возможных звонках из британских газет его нужно предупредить.

Войдя в коридор, я слышу его голос по громкой связи, а это значит, что над дверью студии горит красная лампочка и прерывать его нельзя. Но можно оставить сообщение. Моя бабушка бросается к Питеру и вытаскивает его из коляски.

— Тучи сгущаются, — я обращаюсь к Кэти, нашей давней приятельнице, которая работает с отцом и пару раз в неделю привозит мальчиков из школы домой.

Она понимает, что я имею в виду не погоду.

— Ты мне будешь рассказывать? Телефоны прямо разрываются. Как будто мы что-то знаем.

И, словно по команде, звонит один из стоящих на столе телефонов. Кэти наклоняется, включает автоответчик и поднимает

вверх палец, призывая к тишине. Музыка смолкает, и я слышу голос отца, который берет интервью у старшего суперинтенданта Стопфорда.

Мы слушаем, а мой сын ведет себя так тихо, что я не сомневаюсь: бабушка Мейбл сунула ему мятные леденцы. Она не упускает случая угостить ими моих детей или лошадей. И она — единственный человек, не считая меня, кого терпит Вел.

— Разумеется, мы заботимся о дикой природе, Боб, но вы можете заверить нас, что поиски маленького Арчи по-прежнему на первом месте? — В радиоэфире отцовский голос всегда кажется более проникновенным и интеллигентным.

— Несомненно, Роберт. На самом первом. — Стопфорд прочищает горло. — Мы расширяем зону поисков. В данный момент военные выдвигаются к Эстансии вместе с многочисленными добровольцами.

— За исключением тех, кто отправился на Спидвелл, чтобы помочь Фонду дикой природы спасти выбросившихся на берег дельфинов...

— Роберт, я не вправе указывать людям, как им распоряжаться временем. Это их личный выбор. Единственное, что я могу сказать, — сегодня Арчи ищут много людей, и, бог даст, мы его найдем.

— Вы осматривали «Принсес Ройял»?

Стопфорд начинает отвечать, запутывается, начинает снова. Он подчеркивает, что у них достаточно сотрудников, чтобы обыскать местность, где пропал Арчи.

— Как продвигаются поиски серебристого «Лендровера», который там видели?

Снова пустая болтовня. О количестве отрабатываемых версий, об отсутствии уверенности, что в Эстансии действительно был серебристый «Лендровер», и о том, что главное, что должны понять все, — поиски Арчи продолжаются и будут продолжаться столько, сколько потребуется.

— А как насчет обхода домов? Сколько их в Стэнли, семь сотен? Если задействовать всех военных, о которых вы говорите, это ведь займет не больше одного дня, да?

— Вы же знаете, Роберт, мы не можем обыскивать дом без ордера, а люди готовы помочь. Более того: не будет преувеличением сказать,

что за последние двадцать четыре часа каждый житель Стэнли тщательно осмотрел свой дом. Думаю, мы должны сосредоточить ресурсы полиции там, где они нужнее всего.

— Вы обратитесь за помощью к Лондону?

— Разумеется, при необходимости, но в данный момент все указывает, что ситуация не более чем... Я хочу сказать, что мы направляем все доступные ресурсы на поиски маленького Арчи, и у меня нет сомнений, что мы его скоро найдем.

В студии повисает пауза. Секунда или две полной тишины. Мейбл и Кэти переглядываются.

— Приготовиться, — говорит Кэти.

— Сегодня утром появились слухи, что в Порт-Плезант было найдено тело маленького мальчика. Что вы можете об этом сказать, старший суперинтендант?

Что? Я поворачиваюсь к Кэти. Она снова на меня шикает.

Стопфорд издает какой-то странный звук, словно поперхнувшись.

— В надлежащее время мы вас проинформируем, Роберт. Вы же понимаете, что с моей стороны было бы неправильно строить предположения.

Тело? В Порт-Плезант? Мы с мальчиками слушали радио за завтраком. Ни о каком теле в новостях не говорили.

— Думаете, это Арчи? — спрашивает отец.

— В данный момент у нас нет никаких оснований считать... То есть мы практически уверены, что это не Арчи, и мы сообщили об этом его родителям.

Тело ребенка? Неудивительно, что люди в городе такие нервные. Но если не Арчи, то...

— Джимми, — одними губами произносит Кэти. — Джимми Браун.

— Как скоро вы сможете его идентифицировать?

— Я действительно не вправе строить предположения. — Я практически вижу, как Стопфорд встает со стула и медленно перемещается к двери.

— Как вы думаете, эти два случая связаны?

— На данном этапе нет никаких... абсолютно никаких причин связывать... то есть считать, что эти два случая связаны. Было бы

безответственно выдвигать какие-либо предположения. И очень несправедливо по отношению к семьям.

— Три маленьких мальчика за последние два года. Все пропали около воды — и вы по-прежнему предлагаете людям верить, что эти случаи не связаны?

— Роберт, это ничем не поможет и только расстроит семьи пропавших. Давайте на этом пока остановимся.

Включается музыка, потом мы слышим, как отодвигаются стулья и открывается дверь студии. Старший суперинтендант Стопфорд, не замечая нас, выходит из здания на улицу. Отец стоит и смотрит ему вслед под песню «Sweat» группы «Иннер сёркл»^[30], звуки которой разносятся над островами. «Я задам тебе жару», — поет солист.

Иногда даже я не могу не любить моего отца.

* * *

Вернувшись домой, я кормлю Питера и беру его с собой на пляж, что бывает очень редко. Он быстро начинает капризничать, потому что ему действительно нужен послеобеденный сон, но я не могу находиться в доме и по какой-то причине — почти наверняка из-за писем — не хочу оставлять его одного.

Выходя из дома, я слышу голос отца по радио. Он сообщает, что первичный осмотр тела ребенка, предположительно Джимми Брауна, проводится сегодня в местной больнице.

Я снова задумываюсь, нужно ли говорить кому-то о письмах, но, с учетом всего, чем приходится сейчас заниматься полиции, мои анонимные рукописные послания вряд ли войдут в число приоритетов. И родители Арчи не получали предупреждений до его исчезновения. А может, получали, но никому не говорили... Что же делать? Сообщить полиции, рискуя зря потратить их время, не говоря уже о том, что все узнают, какая я плохая мать... Нет, я все же им скажу. Обязательно. Скоро.

Новизна прогулки на пляж заставляет Питера забыть об усталости. Он бежит к стайке птиц, и они взмывают вверх, заполняя воздух вокруг него. Малыш начинает крутиться на песке, очарованный своей властью над жизнью такого количества других существ.

Это опасная власть, думаю я, наблюдая за тем, как он, широко раскрыв удивленные глаза, кивает и чертит ногой по песку.

Когда родился Крис, ответственность, внезапно обрушившаяся на меня в первые дни материнства, приводила меня в ужас. Большую часть времени мы были с ним одни, только я и крошечное существо, полностью от меня зависящее. И моя голова наполнялась отвратительными, пугающими фантазиями.

Они появлялись внезапно, на пустом месте. Я заваривала чай и думала о том, что кипяток может случайно пролиться в кровать. Выносила сына в сад на прогулку, подходила к краю утеса и задумывалась: если ребенок прямо сейчас выскользнет из рук, как долго он будет падать? Заплачет ли он? Расстроюсь ли я? И в те несколько секунд, прежде чем он ударится о камни, кто будет громче кричать, он или я?

У меня было мало молока, и я быстро перешла на искусственное вскармливание. Каждое утро, готовя детскую смесь, я представляла, что могу налить в бутылочки все, что угодно. Очиститель для труб? Чистый виски? Кто меня остановит?

Я терялась в догадках, что могло переклинить у меня в голове и почему в ней возникают эти чудовищные мысли. Нельзя сказать, что я не любила сына. Иногда любовь была так сильна, что казалось, она просто не умещается во мне. Я боялась выйти в другую комнату. Просыпаясь ночью с ладонью, прижатой к животу младенца, чья кровать стояла рядом, я удивлялась, как столько лет жила без него. Но мрачные, извращенные мысли не исчезали.

Я стала бояться себя, бояться того, что могу натворить, а обратиться за помощью мне было не к кому. Разве я могла признаться, что фантазирую об убийстве своего ребенка? Любая мать, услышав такое, испугается и найдет предлог выдворить меня из своего дома. Лечащий врач потребует отправить меня в психушку, а Сандер — за решетку. Моя лучшая подруга сама недавно родила ребенка и вряд ли подходила для того, чтобы разбираться с моей паранойей.

В конце концов я сказала Кэтрин. Однажды вечером окончательно сломалась и все ей рассказала. Как всегда непроницаемая и невозмутимая, она задумалась. Наконец произнесла:

— Думаю, подсознание обрабатывает довольно крутой поворот в твоей жизни. В определенной степени ты осознаешь, что способна на

такое, и на этом уровне проигрываешь в голове ужасные сценарии, определяя границы. На твоём месте я не волновалась бы. Думаю, со временем все пройдет — когда ты окончательно привыкнешь к материнству.

— А если нет? Что, если я и вправду что-то такое сделаю?

Она посмотрела на меня, как на полную дуру.

— Рейч, я видела, как ты ловила ос голыми руками, потому что не могла их прихлопнуть. Это всего лишь фантазии.

Со временем я убедилась, что она права. Жуткие фантазии приходили все реже, а потом исчезли совсем. А когда родился Майкл, они не вернулись.

Тем не менее власть над жизнью другого человека очень опасна. Пришел день, когда я распорядилась чужими жизнями, и годы спустя последствия одной ошибки пожирают меня, словно раковая опухоль...

Из-за мыса появляется полицейский катер, и я наблюдаю за его приближением. Он направляется к обломкам кораблекрушения. Пройдет пара дней, и их тщательно обыщут. Полицейские наводнят старый корабль, на котором играли в пиратов близкие мне люди.

На нас обрушивается внезапный порыв ветра, едва не сбив Питера с ног. Он делает несколько шагов по пляжу и панически оглядывается, испугавшись, что потерялся.

Иногда мне кажется, что все окружающие люди потерялись. В десятке миль отсюда продолжают поиски потерявшегося малыша. В пятидесяти милях люди пытаются вернуть в море больше сотни потерявшихся дельфинов. Я сижу на холодном песке, смотрю на худого мальчика, гоняющего по пляжу бакланов и кайр, и думаю о том, найдет ли меня кто-нибудь и как мне вернуться домой.

* * *

Ночью меня будит Крис. У него в руке телефон. Должно быть, телефон звонил довольно долго, но не смог пробиться сквозь усиленный лекарствами сон.

— Мама.

Крис сидит на кровати рядом со мной и тянет за плечо. Я вскакиваю, охваченная паникой.

— Это дедушка. Его нашли. Маленького мальчика нашли.

Я хватаю телефон и пытаюсь сосредоточиться. Еще не слишком поздно, чуть больше полуночи, но снотворное не хочет отпускать. И все же я понимаю. Арчи Уэста нашли. Живого и относительно невредимого.

Крис прижимается ко мне, пытаюсь расслышать слова дедушки, и его юное лицо расплывается в улыбке. Я различаю едва скрываемое волнение отца, слышу тихий голос матери. Такое чувство, словно окружающие с облегчением выдохнули, избавляясь от напряжения. Все закончилось.

Отец продолжает говорить. Маленького Арчи нашли Кэтрин и Каллум — кто бы мог подумать? — по дороге домой со Спидвелла. Отец с трудом скрывает радость — эта история упала к его ногам, как горшочек амброзии с Олимпа. Они убили почти две сотни дельфинов, выбросившихся на берег, и по дороге домой заметили на обочине дороги голодного и замерзшего малыша.

Отец умолкает, чтобы перевести дыхание, и я пользуюсь возможностью и желаю ему спокойной ночи. Крис уже забрался в мою постель и почти заснул.

Я ложусь на половину Сандера. Простыня подо мной прохладная.

Ночной кошмар закончился, причем лучше, чем кто-то мог ожидать. Маленького ребенка, приехавшего издалека, нашли. Похоже, что Каллум и Кэтрин снова вместе. Внезапно это не кажется таким уж невероятным. Я ложусь, наслаждаясь приятной прохладой простыни на стороне Сандера и дыханием Криса рядом с собой.

Потом вспоминаю, какой сегодня день. Третье ноября. День, когда я убила детей своей лучшей подруги.

Спать я уже не могу, поэтому укутываю одеялом плечи Криса и встаю. В комнате Майкла выпуклость под одеялом необычно большая, а из-под него торчат две светловолосые головы. Младший не мог сам выбраться из кровати, и остается лишь предположить, что он проснулся, а Майк его услышал и перенес к себе в постель.

Возвращаясь в спальню, я останавливаюсь у комнаты Питера, чтобы закрыть дверь. Вид пустой кровати пугает меня, хотя я прекрасно знаю, где мой младший сын.

Наверное, больше всего мы дорожим младшими детьми. Самыми маленькими, самые дорогими и любимыми, последним порождением

наших тел. Арчи — младший ребенок в семье. Вновь сжимая его в объятиях, мать чувствует, что тонкая и хрупкая оболочка ее сердца больше не может сдерживать рвущиеся наружу эмоции. Мать не будет спать всю ночь, прижимая к себе крошечное замерзшее тельце, с трудом веря, что ей дали второй шанс.

Будет ли у меня второй шанс?

— Мама. — Сонный детский голос из моей спальни зовет меня назад в постель. Я не иду. Стою в дверях, думаю, смотрю на пустую кроватку.

День четвертый

Четверг, 3 ноября

31

— Она не права. Была не права с самого начала, с тех пор, как...

Одна из сплетничающих мамочек у ворот школы замечает меня. Я вижу движение локтем, и голос на секунду умолкает.

— Ну и что? Я не говорю ничего такого, чего бы все не знали. — Женщина понижает голос, но не сильно. Я давно перешла в категорию людей, на чувства которых никто не обращает внимания.

Мы ждем, пока откроются ворота. Небо чистое, но на горизонте собираются облака, и все знают, что скоро погода испортится. Облака движутся к морю, становятся гуще и темнее по мере того, как к ним добавляются новые и тень от них захватывает поверхность океана. Сейчас разноцветные крыши Стэнли сверкают на солнце. Через пару часов они поблекнут, как оставленное под дождем белье.

Три года назад этот день был необычно тихим и не по сезону теплым. Дети были на пляже, и помню, когда я везла Нэда и Кита домой, то думала о том, что нужно пропылесосить машину. Но не успела. Песок, галька и другой пляжный мусор — все оказалось в море вместе с мальчиками.

В тот день, когда умерли Нэд и Кит, стояла прекрасная погода.

Шторм здесь налетает внезапно, но мы научились видеть его признаки. Армия облаков с запада все утро будет набирать силу. Затем наступает затишье, и наблюдатель, не знакомый с этими местами, может подумать, что худшее позади, но тут приходит подкрепление — темное облако,двигающееся быстрее и опускающееся к земле. Это авангард, стремительный и бесстрашный, ведущий за собой остальных, после чего природа обрушивается дождем на землю во всю свою мощь.

И вдруг из царства зимних вьюг
Примчался лютый шквал.

Не обращая внимания на сплетничающих женщин, я делаю вид, что смотрю, как Майкл носится по игровой площадке за братом. Крис бежит вперед и ждет, пока младший почти догонит его, а затем вновь убегает. Младший скоро устанет, но пока игра ему нравится.

— Не знаю, как она смогла. Одного за другим, как казнь...

— Но ведь это ее работа, правда?

— А ты бы смогла? Я — нет. Больше двух сотен! Детеныши, беременные самки, все остальные...

Оказывается, они обсуждают Кэтрин. Не меня.

— Но она нашла ребенка.

— Двух. Один из них мертв. Это кое о чем говорит.

— Да, ссориться с ней я бы поостереглась, это точно.

Вот в чем дело...

— Сколько овец твой Аллан режет каждую весну, Элисон? — Я смотрю на женщину с завитыми белокурыми волосами и румяными щеками. Они с мужем держат овечью ферму на одном из маленьких островов. — И как он это делает?

Она смотрит на меня:

— Это совсем другое, ты же знаешь.

Мы с Элисон учились в одной школе, хотя она на год или два старше. Я помню, что хитрости в ней было больше, чем ума, и поэтому спорить с ней было трудно.

— Массовое убийство из необходимости. Овец убивают потому, что нам нужна еда. Дельфинов — чтобы избавить их от страданий. Возможно, поступок Кэтрин милосерднее, чем то, что делаете вы с мужем.

Элисон ухмыляется и делает шаг ко мне. Сердце замирает у меня в груди. Она придвигается, так что ее лицо оказывается прямо напротив моего.

— Прошу прощения. Я забыла, что ты у нас знаешь толк в убийстве невинных существ.

На это мне нечего ответить. Лучше никак не реагировать. Большинство окружающих нас женщин — вокруг уже собралась приличная толпа — испытывают неловкость, но я вижу по лицам, что несколько человек наслаждаются ситуацией.

В этом споре мне не суждено одержать победу. Мой поступок навсегда лишил меня права иметь мнение по любому вопросу, права

защищать любую точку зрения. Я не могу никому возразить, потому что у них есть оружие, способное меня уничтожить. Я убила двух детей. И буду за это расплачиваться, снова и снова, каждый день и каждый час.

— Они идут.

Женщины расходятся. Одни бегут попрощаться со своими детьми, другие собираются вокруг Элисон, словно свора собак, ждущая, когда я совсем ослабну. К глазам подступают слезы. Нет, плакать нельзя. По крайней мере сейчас, у них на виду.

— Мама! Питер пытается войти.

Голос Криса. Он стоит у ограды и держит брата. Майкл уже исчез. Я подхожу к нему и беру малыша на руки. Питер не хочет идти со мной — кто бы сомневался. Брыкаясь и извиваясь, он тянется к старшему брату. Настоящая, полноценная истерика.

Трехлетние мальчики, разозлившись, становятся невероятно сильными. Единственное, что остается, — прижать его к коляске и застегнуть ремни, хотя осуждающие взгляды Элисон и ее товарок превращают это в настоящую муку. Маленький кулачок попадает мне в глаз, и боль такая сильная, что я на секунду теряю самообладание.

— Прекрати, маленький засранец!

Я понимаю, что все по-прежнему смотрят на меня, и даже стоящий у ограды Крис видит мое унижение и разделяет его, но могу лишь развернуть коляску и уйти.

* * *

Остаток утра мы плачем. Я окружаю сына игрушками, включаю его любимые мультфильмы и остаюсь с ним в комнате. Но Питер чувствует мое настроение, капризничает и упрямится; иногда льнет ко мне, иногда прячется в углу.

Сердце разрывается от жалости к нему. Когда Сандера и мальчиков нет дома — по сути, большую часть дня, — этому малышу не на кого рассчитывать, кроме меня. Я вижу, что он жаждет чего-то, что его маленький, еще не до конца сформировавшийся мозг не в состоянии представить или выразить словами. Питер понятия не имеет, что это, но чувствует, что в его жизни не хватает чего-то

важного. Он плачет и кричит, и его страдания взывают ко мне, требуют, чтобы я разобралась в себе, стала ему настоящей матерью, заботилась о нем так, как заботилась и забочусь о двух старших детях. Но я не могу.

Не могу.

В конце концов я включаю радио, пытаюсь найти там что-нибудь, все равно что, лишь бы отвлечься от себя и от своей жизни. Я пропустила большую пресс-конференцию, но выпуск новостей знакомит меня с последними событиями.

Найденные на «Эндовеоре» останки официально идентифицированы, и семья семилетнего Джимми Брауна сможет должным образом похоронить и оплакать его. У полиции нет оснований считать его смерть чем-то иным, кроме как несчастным случаем.

Диктор — не папа — сообщает далее, что полиция придерживается версии о похищении Арчи. По всей видимости, преступник потерял самообладание и бросил мальчика. Ведутся поиски похитителя, и в ближайшем будущем «Принсесс Ройял» не позволят покинуть порт.

В три часа, когда до возвращения мальчиков остается еще почти час, я сажаю Питера в машину и еду к дому Кэтрин. В это время она на работе. За три года Кэтрин ни разу не была на том месте, где умерли ее сыновья, когда моя машина свалилась со скалы. Эту печальную вахту я несу одна.

Выхожу из машины, предварительно проверив, что Питер надежно пристегнут, а ручной тормоз зафиксирован в вертикальном положении. Три года назад я не сделала ни того, ни другого. Затем я иду к дому. Три года назад мое лицо сияло, сердце радостно билось — я знала, что Бен дома и что я пришла на час раньше, чем мы с Кэтрин договаривались. Три года назад я шла навстречу неизвестности.

У двери поворачиваю назад — дальше я никогда не захожу, — и на секунду мне кажется, что моя машина скользит к краю скалы, как в тот день. Разумеется, это просто игра света, но я все равно бегу к сыну.

Рычание машины на повороте дороги заставляет меня очнуться от дремы. Я слышу голос Кэти, прощающейся с мальчиками, шаги Майкла и Криса на дорожке к дому. Потом сажусь, трясу головой, тру заспанные глаза.

Когда я встаю, кровь отливает от головы, и колени подкашиваются. Под окном Крис и Майкл тихо переговариваются. Питер зовет их из соседней комнаты.

Я иду в туалет, потом споласкиваю руки и лицо.

— Мама! — Возвращаясь домой, Крис обычно идет прямо ко мне в комнату. Другие мальчики, приходя из школы, находят матерей на кухне, занятых обедом. Мои будят меня от медикаментозного сна.

— Я здесь. — Стараюсь, чтобы мой голос звучал нормально. — Секунду.

— Ладно.

Он снова спускается. Я слышу голоса во дворе. Потом перевожу взгляд на зеркало — и не узнаю женщину, которая смотрит на меня из него.

Заметив, что в доме темнее обычного, вспоминаю о затмении. Крис и Майкл. В полутьме им не стоит спускаться со скалы.

По склону холма поднимается еще один автомобиль. В такой час это может быть только Кэти. Должно быть, что-то забыла.

Но это не красный седан, который я ожидала увидеть. Серебристый «Лендровер» с черной крышей. Машина Кэтрин. Никогда раньше я не видела, чтобы она днем проезжала мимо моего дома. Она едет быстро. Слишком быстро для такой узкой и разбитой дороги. Резко тормозит, и секунду спустя я чувствую запах горелой резины.

Она выходит. Уже вышла из машины. Темные волосы развеваются вокруг головы. Что-то в выражении ее лица пугает меня. Сколько раз я мечтала о том, что она первой сделает шаг навстречу.

Только не сегодня. Сегодня я не смогу посмотреть ей в глаза.

Она наклоняется и исчезает из виду, скрывшись за зеленой изгородью. Потом вновь выпрямляется.

У нее на руках мой ребенок.

Раскрыв от удивления рот, я смотрю, как она поворачивается к машине. Женщина, которая меня ненавидит, которая желает мне

смерти, женщина, вчера показавшая себя хладнокровной убийцей,
держит на руках моего сына.

День пятый

Пятница, 4 ноября, поздний вечер

32

Только когда в доме становится тихо, я выхожу из ступора, в котором пребывала большую часть дня. Полицейские, доброжелатели и просто любопытные разошлись по домам, мать храпит в комнате для гостей, а два оставшихся у меня сына, несчастные и измученные, спят, свернувшись калачиком, в одной постели. Только теперь я выбираюсь из спальни и иду через темный дом.

Большую часть дня я не помню. Если б не ночное небо за окном, я начала бы сомневаться, не приснился ли он мне. Но эти часы прошли, были чем-то наполнены.

Я осторожно спускаюсь по лестнице, опасаясь кого-нибудь испугать или побеспокоить, заглядываю в каждый укромный уголок — на всякий случай. Как будто могла забыть о чем-то мелком и незначительном. Вроде моего младшего сына. *Ага, вот он где! Как я могла забыть, что сунула его в маленький шкафчик для обуви под лестницей? Прошу прощения, всем можно успокоиться, он все время был тут.*

Я судорожно дышу, но воздуха все равно не хватает. Убеждаю себя мысленно вернуться к минувшему дню и все вспомнить, чтобы мой разум мог хоть за что-то зацепиться. Вдох, выдох...

Об аресте Кэтрин мы услышали сегодня утром. Естественно, когда приехала полиция, я рассказала им о том, что она останавливалась у дома и брала на руки ребенка. У них не было выхода, кроме как назначить ее главной подозреваемой. Они быстро выяснили, что она покинула порт на своей лодке, и организовали полномасштабные поиски, но Кэтрин очень хорошо знает воды Фолклендов, а к тому времени, как в воздух поднялся вертолет, уже стемнело.

Нашли ее только на рассвете, но на лодке не обнаружилось никого, кроме собаки и самой Кэтрин. Мне не говорили, что Питер

был у Кэтрин больше двенадцати часов и она могла сделать с ним все, что угодно, бросить его где угодно, но я знаю, о чем они думают.

Вчера была третья годовщина трагедии, когда я оставила без присмотра двух детей в машине, в опасной близости от края утеса. Мне и в страшном сне не могло привидеться, к чему приведет такая беспечность. Что они погибнут, упав вместе с машиной в ледяную воду. Эта дата не могла остаться незамеченной. Сколько людей решат, что Кэтрин намеренно выбрала ее, чтобы сделать то же самое с моим сыном?

Весь день звонила полиция — подозреваю, отец вытряс бы из них душу, если б они не держали нас в курсе событий. Поэтому мы знаем, что Кэтрин долго допрашивали, но она призналась лишь в том, что увидела ребенка на дороге, взяла на руки и отнесла в сад. На ее свитере нашли светлые волосы, а на сумке — отпечатки детских пальцев, но это ничего не доказывает, кроме того, что Кэтрин брала Питера на руки, а она этого и не отрицает.

Кафельная плитка у подножья лестницы в коридоре неприятно холодит ноги. Сандер постоянно звонит. Думаю, он буквально сходит с ума — далеко от дома, лишенный возможности что-либо предпринять. Как будто здесь он не чувствовал бы своей беспомощности...

Полиция убеждена, что Кэтрин лжет. Главным образом потому, что на ее лодке нашли игрушку: маленького плюшевого кролика, которого я сразу узнала. Это старая игрушка Майкла, перешедшая к младшему брату, и дома мы ее не смогли найти. Полиция считает кролика доказательством, что Питер был на лодке и что Кэтрин выходила с ним в море. Почти весь день в Порт-Плезант работали дайверы — искали, что могла выбросить за борт Кэтрин. По крайней мере, такова официальная версия. Но все понимают, что они ищут тело моего сына.

На кухне все еще пахнет спагетти болоньезе, которые бабушка приготовила для мальчиков. Мы все смотрели, как она ставит на стол три тарелки, в том числе с кроликом Питером, из которой всегда ел мой младший сын, но ни у кого не хватило духу остановить ее. Увидев, что она сделала, бабушка выбежала из кухни. Мы слышали, как она всхлипывает в коридоре. Тогда Крис встал, убрал маленькую тарелку брата в буфет и положил спагетти себе и Майклу.

О двух анонимных записках, которые я получила, общественности не сообщили. Стопфорд говорит, что в подобных случаях принято сохранять конфиденциальность, но, насколько нам известно, Кэтрин отрицает, что посылала их. Тщательное обследование не выявило никаких отпечатков пальцев, кроме моих и женщины, работающей на почте. Разумеется, она продает много конвертов. Образец почерка Кэтрин отправят в лабораторию для сравнения, но до тех пор, пока не придет положительный результат, записки не могут считаться уликами.

Заняться мне нечем, и я возвращаюсь в постель. По всему Стэнли начинают запускать фейерверки. Каждый звучит как выстрел.

* * *

На следующее утро я встаю первой. Быстро одеваюсь, выхожу из дома, пересекаю сад и иду по тропинке к утесу. Когда приближаюсь к обрыву, небо начинает розоветь, отражая лучи солнца, до появления которого осталось совсем недолго. На свете не много зрелищ, которые так вдохновляют и поднимают настроение, как восход солнца, — это величественное явление миру о том, что ночь закончилась. Но только не сегодня. В цветовой палитре, постепенно проступающей вокруг, не видно ни нежно-розового, ни пастельных тонов оранжевого. Облака, такие же густые, тяжелые и низкие, как и все последние сутки, превращаются в хаос из темных теней и ярких сполохов фалунского красного — цвета, который обычно встречается на медных рудниках. Это *горячий медный небосклон* из поэмы Кольриджа. Когда море тоже приобретает цвет, его вздымающаяся и опадающая поверхность становится похожей на густеющую кровь. Темно-красные тона вокруг меня сгущаются, и даже трава, дрок и скалы отсвечивают алым. Мир стал кровавокрасным.

Если утреннее небо и может выглядеть зловещим, предвещающим беду, сегодня именно такой случай. Как будто заря воплощает в себе смерть ребенка.

Вернувшись в дом, я обнаруживаю, что меня ждут полицейские. Кэтрин призналась.

День шестой

Суббота, 5 ноября, пять часов спустя

33

Когда мы с Каллумом дочитали дневник Кэтрин, я не поехала домой. Не смогла. В любом случае в этом не было необходимости. Мальчики с моей матерью, и хотя та способна довести меня до белого каления, бабушка она замечательная. Крис будет накормлен, вымыт и приголублен. А папа всю жизнь будет их защищать, если потребуется, я это точно знаю. Через несколько часов вернется Сандер, а лучшего отца и представить себе невозможно. Я им не нужна. Они думают, что нужна, но это неправда.

Мне незачем возвращаться домой.

Когда пройдет первый шок и горе, им будет гораздо лучше. Как здоровому телу после ампутации конечности, пораженной гангреной. Поэтому я не еду домой, а направляюсь к ближайшему утесу, достаточно высокому для того, что я задумала.

Боже, какой ветер... Он с воем хлещет меня по лицу. Такой сильный и яростный, что кажется, будто он способен поднять из моря весь Восточный Фолкленд. Очень кстати, думаю я, — снимет с меня всю ответственность. Я могу отдаться во власть ветра, так что пути назад уже не будет, и позволить ему выбрать момент, когда он меня отпустит.

В двадцати ярдах от края я придерживаю Вела. Ветер его нервирует, и я не хочу пугать животное, заставляя приблизиться к обрыву.

Я больше не считаю ее человеком.

Как верно она сформулировала! Для всех остальных я больше не человек. Как она меня называет?

Вещь, ходячая катастрофа, бездна.

Мужчина, которого я любила, моя лучшая подруга, мужчина, который ее любил, — все они изменились до неузнаваемости, изуродованные горем. А мои сыновья, муж и родители запятнаны связью со мной. Один из них уже заплатил по счету, который

предназначался мне. Жертвой стал один из нас, самый маленький и незащитный. Это нужно остановить.

Я соскальзываю со спины Вела, снимаю седло и уздечку, кладу на землю. Их скоро найдут — как подсказки в охоте за сокровищами.

— *Ради всего святого, что ты делаешь?*

Я не ждала, что мой жеребец воспримет это спокойно, и поэтому совсем не удивлена. Я прислоняюсь к его боку, чувствуя влажную шкуру в том месте, где было седло, протягиваю руку и глажу шею животного.

— Тихо, будь умницей. Иди домой.

Она — причина того, что мир перевернулся. Пока она здесь, вселенная не встанет на место, и те из нас, кто оказался на той стороне, в любую секунду могут свалиться вниз, прямо в ад.

Люди, которых я люблю, оказались на нижней стороне. Один из них уже упал. Больше никто не должен упасть. Или только один. Только я.

Я отстраняюсь от теплого тела жеребца, поворачиваю его голову в нужном направлении, упираюсь ладонями в круп и легонько толкаю. Потом поворачиваюсь к утесу.

— *Я видел, как ты делаешь глупости, но это...* — Вел не ушел. Его голова ударяет меня прямо между лопаток.

— Иди домой, дурачок. Я тебя люблю. И никого не кусай.

Я снова толкаю его, на этот раз в бок, и он убегает. У меня больше нет сил за ним следить. Я поворачиваюсь и почти слепну — ветер как будто хочет вырвать мои глаза. Ничего не видя перед собой, иду на ощупь. Одни шаг, затем другой...

Почему Рейчел не может точно так же стоять на пристани, раздавленная горем? Страдать так, как страдает та бедная женщина? Почему прямо сейчас, в эту минуту, Рейчел не теряет всякую надежду, а свернулась калачиком в кроватке сына и укачивает его, прижимая к себе теплое тельце? Почему она не смотрит на эту кроватку, холодную и пустую, гадая, где может быть ее ребенок?

Я. Я все это натворила. Пора с этим покончить. Ускоряю шаг. Не остановлюсь, не буду думать об этом. Буду идти. А еще лучше бежать. Побегу и прыгну.

Бежать не получается. Не хватает духу. Но я уже на самом краю. Последний взгляд. Берег внизу усеян большими твердыми камнями с

острыми гранями. Если повезет, они расколуют мой череп, и это будет самая быстрая смерть, но даже если голова останется целой, сила удара разорвет внутренние органы, и обильное кровотечение убьет меня за несколько минут. А может, мне улыбнется удача, и я сломаю себе шею...

Раскидываю руки в стороны и наклоняюсь вперед; ветер подхватывает меня и удерживает на грани небытия — и тут проклятый жеребец хватает зубами мое плечо. Он пятится, упираясь копытами в мягкую землю, и тащит меня за собой.

— Отпусти! — Я пытаюсь вырваться. Я бы это сделала, я знаю, потому что уже чувствовала, как теряю равновесие, как наклоняется тело.

Он не может со мной говорить. Его зубы сжимают тонкую ткань блузки. Кроме того, все силы уходят на то, чтобы оттащить меня от скалы. Не имея возможности освободиться, я опускаюсь на землю. Он разжимает зубы и тычется мордой мне в лицо.

— *Вставай, надевай мне седло. Мы возвращаемся домой.*

— Вел, я не могу. Просто не могу.

— *Леди, через двадцать четыре часа я сам вас толкну. Но сначала вы должны кое-что сделать.*

Повернувшись, я смотрю на эту бархатистую черную морду, на эти шоколадные глаза и вопреки всему понимаю, что он прав. Я скоро сюда вернусь, если смогу. Но сначала мне нужно кое-что сделать.

34

Сегодня Ночь костров. Будучи британцами — более или менее, — мы ее празднуем. Конечно, это нелегко, потому что ноябрь на островах — поздняя весна с долгими вечерами. В сумерках костры выглядят не так эффектно, и приходится ждать допоздна, чтобы их зажечь, но мы не отступаем от традиции.

Вернувшись домой, я прошу маму остаться с мальчиками, но она торопится. Они с папой намерены участвовать в продолжающихся поисках моего сына, и на это мне нечего возразить. Она уезжает, пообещав, что вечером возьмет детей на праздник. Мне требуется как-то пережить еще несколько часов.

Хотела бы я сказать, что весь день навожу порядок — ухаживаю за лошадьми, убираю в доме, готовлю ужин для Сандера и мальчиков, — но дело в том, что все это уже сделано. Поэтому я убиваю время, наблюдая за сыновьями и по возможности не отпуская их от себя. Стараюсь не думать, правильным ли было мое решение на вершине утеса. Стрелки часов ползут мучительно медленно.

Шесть часов вечера — время действовать. Я оставляю инструкции для Сандера: где что лежит, как кормить лошадей. Я не пишу, что собираюсь делать или почему. Первое он скоро узнает, а второе я не понимаю сама.

— Мы не хотим на праздник, — начинает канючить Крис, еще не успев застегнуть ремни безопасности. — Мы хотим остаться дома.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не заорать: «Просто садись в эту чертову машину!»

— Мы каждый год туда ездим. Это вас немного отвлечет.

— А что, если Питер вернется, а нас нет?

— Папа скоро приедет. И я постараюсь сразу приехать домой, как только закончу дела.

— Ты не с нами? — интересуется Майкл.

— Питеру нужна не ты. — Крис с трудом удерживается от слез. Он становится злым, когда пытается скрыть, что расстроен. — Он знает, что ты его не любишь. Ему нужны мы.

Я делаю глубокий вдох. Крис всегда был умен.

— Я вас люблю. Я люблю тебя и Майкла больше всего на свете. Пожалуйста, сделайте это для меня.

— Но не Питера.

— Конечно, я люблю Питера. — Я обнимаю Криса и крепко прижимаю к себе, так чтобы он не мог посмотреть мне в глаза. Скоро он меня перерастет. Однажды я его обниму, и он окажется самым высоким из нас двоих. А потом я понимаю, что этого может никогда не случиться, и у меня такое ощущение, что в салон машины врывается холодный арктический ветер. Я отпускаю сына, и он угрюмо отодвигается.

На подъездной аллее к дому бабушки и дедушки я прощаюсь с мальчиками. Мне хочется еще раз их обнять, сказать что-то важное. Но я знаю, что тогда просто не смогу расстаться с ними.

До полицейского участка ехать недалеко, и вокруг уже начинают зажигать костры. Я проезжаю дома с разноцветными жестяными крышами, замечаю прислоненные к заборам чучела Гая Фокса и рассеявшиеся у костров семьи, и мне кажется, что я вижу все это в последний раз.

— Привет, Рейчел.

С дежурным сержантом, сидящим за конторкой в приемной, мы знакомы с детства. Теперь я смотрю, как вытягивается его лицо.

— Боюсь, у меня нет новостей, но если хочешь, я могу позвать сержанта Сэвиджа.

Такое впечатление, что участок пуст — должно быть, все следят за кострами или просто празднуют. Но я все равно испытываю потребность придвинуться ближе и говорить шепотом:

— Кэтрин все еще здесь? Я знаю, что вчера вечером ее отпустили, позволили уехать домой... Сегодня тоже?

Нахмурившись, он качает головой:

— Она здесь. Но, Рейч... давай я позову Джоша.

Я жду в приемной, наблюдая, как во время разговора по телефону дергаются морщины на лице сержанта.

— Он идет. — Телефонная трубка со щелчком ложится на место. — Тебе что-нибудь принести? Чай?

Я качаю головой. Не хочу, чтобы он делал что-то такое, о чем потом пожалеет. В том числе был добр ко мне.

Джон Сэвидж, появившийся через минуту-другую, выглядит напряженным. Он думает, что я пришла требовать ответа, обвинять его в том, что моего сына еще не нашли. Скоро он пожалеет, что ошибся.

— Мне очень жаль, Рейчел. Пока ничего нового. — Сэвидж оглядывается, словно в поисках поддержки. — Послушайте, может, предложить вам чаю? Комната для допросов свободна, Нил?.. Нет, лучше пойдете в помещение для персонала.

Все хотят мне чем-то угодить.

— Наверное, лучше, если это будет официально. Я пришла, чтобы сделать заявление.

Сэвидж удивленно моргает.

— Ладно, хорошо. — Он снова моргает. — Что-то вспомнили, да? Ладно. В таком случае следуйте, пожалуйста, за мной.

Стены коридора словно смыкаются передо мной.

— Следующая дверь направо.

Мы входим в стандартное помещение с зарешеченным окном высоко на стене и столом, который кажется слишком большим для четырех стульев, расставленных вокруг него. В углу еще четыре стула, вложенные один в другой. В окне я вижу ракету, взрывающуюся в небо. Она взрывается, распадаясь на лиловые звезды, и я невольно вспоминаю, что Питер ненавидел фейерверки и в прошлом году плакал и никак не мог успокоиться, когда мы привезли его на праздник. «Мне страшно, папочка», — всхлипывал он, уткнувшись в плечо отца.

— Здесь как будто тихо... Я имею в виду участок.

— Большинство сотрудников следят за кострами. В городе много людей с «Принсесс Ройял», а обстановка немного... У нас тут только основной персонал. — У Джоша виноватый вид, словно он ждет обвинений, что не все силы брошены на поиски моего пропавшего сына. Хотя с какой стати? Они убеждены, что его убила Кэтрин, а необходимость найти его тело не стоит выплаты солидных сверхурочных.

Через несколько секунд к нам присоединяется Скай Макнил. Ударившись лодыжкой о ножку стола, она садится. На воротнике у нее что-то похожее на пятно от кетчупа, узел волос сбился набок.

Сэвидж кладет перед собой раскрытый блокнот. Повозившись несколько секунд, Скай следует его примеру. Оба выжидающе смотрят на меня.

— Кажется, вы что-то вспомнили, Рейчел, — приходит мне на помощь Сэвидж.

Я собираюсь с духом и смотрю ему прямо в глаза:

— Я убила своего сына, сержант. Я убила Питера Гримвуда.

35

В комнате висит тишина. Где-то тут есть часы, возможно, у меня за спиной, и я слышу, как они тикают. Потом урчание у кого-то в животе. Я не отрываю взгляда от Сэвиджа, но краем глаза вижу Скай. Они думают, что им послышалось. Я даю им время. Мысленно начинаю отсчет. Один, два... Когда я дохожу до четырех, Сэвидж наклоняется ко мне:

— Вы можете повторить это, Рейчел?

— Серж...

— погоди минуту, Скай. Рейчел?

— Сержант, мы должны ее предупредить. — Скай резко поворачивается, едва не опрокинув свой стул. — И включить диктофон.

Признав разумность ее замечания, Сэвидж встает.

Скай смотрит на меня широко раскрытыми испуганными глазами, потом поворачивается к начальнику, который возится с диктофоном.

— Рейчел Гримвуд, вы пришли сюда добровольно, чтобы сделать заявление, — говорит она. — В данный момент вы не арестованы, но можете оказаться под арестом в ближайшем будущем. Вы не обязаны ничего говорить. Но если на допросе вы не упомянете факты, на которые впоследствии будете ссылаться в суде, это может повредить вашей защите. Кроме того, все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Сэвидж садится рядом с ней и смотрит на меня так, словно я изменилась прямо у него на глазах. Думаю, так оно и есть.

— Все правильно, сержант? То, что я сейчас сказала? — Скай нервно косится на сидящего рядом начальника.

— Все замечательно. Отличная работа, дорогая. — Он по-прежнему не может отвести от меня взгляд.

— Рейчел, — снова говорит Скай, — вы понимаете свои права, то есть то, что я вам сейчас зачитала?

Они в полной растерянности, и это меня успокаивает. Создается впечатление, что главная здесь я, а не они.

— Да, спасибо.

Сэвидж приступает к формальной процедуре, записывая все на диктофон. Мы называем свои имена, а затем он снова просит меня повторить признание.

— Я убила своего сына. Это не Кэтрин Куинн. Это я. Мне жаль, что я заставила вас зря потратить время.

До них по-прежнему не доходит. Я жду, когда они начнут спрашивать, где и когда, чтобы подробно рассказать о самом ужасном поступке, который каждый из них только может вообразить.

— Почему? — Скай задает совсем другой вопрос. Меня это не смущает. Ответить на него проще простого.

— Я его не любила.

Они молча смотрят на меня.

— Никогда не любила, — повторяю я. — Не могла.

— Вы любите двух других сыновей? — спрашивает Скай.

— Больше всего на свете.

— Почему не Питера? — Она говорит тихо и ласково, как с умственно неполноценным.

Хороший вопрос, но мне трудно подобрать нужные слова. Я никогда не говорила этого вслух. Ни с кем не обсуждала свои отношения с младшим сыном. Никому — ни мужу, ни родителям, ни даже своей лошади — не признавалась, что мои чувства к нему не такие, какими должны быть. Даже себе не позволяла думать об этом, но правда в том, что я была не в состоянии испытывать к нему даже нечто похожее на любовь.

— Три года назад, незадолго до того, как вы вернулись из колледжа в Англии, Скай, я убила двоих детей. Думаю, вы об этом знаете. Джош точно знает.

— Это был несчастный случай. — В полутемной комнате волосы Скай кажутся дополнительным источником света. — Ужасно. Но это не то же самое.

— Попробуйте убедить в этом мою лучшую подругу.

— Продолжайте, миссис Гримвуд, — говорит мне Джош. — Не торопитесь.

— После этого мне всегда казалось, что мои сыновья не заслужили того, чтобы жить, не говоря уже о рождении еще одного. Я думала, что было бы справедливее, если б со скалы упал один мой мальчик и один Кэтрин. Это было бы ужасно, но справедливо, правда?

Я жду ответа, понимая, что никогда его не получу. Справедливость не имеет никакого отношения к слепой жестокости случайной смерти.

— Один из моих сыновей должен был умереть. А у Кэтрин остался бы один ребенок. Ее жизнь не рухнула бы, она бы не заболела и не потеряла ребенка, которого вынашивала.

Они смотрят на меня, как будто я слегка свихнулась. Всего лишь слегка? Значит, еще предстоит поработать...

— Если б это произошло, теперь у нас обеих было бы по двое детей. Конечно, это ужасное горе, но мы справились бы с ним — вместе. Мы всё делали вместе. Вот как это должно было быть.

— Вы говорите, что желали смерти одному из своих сыновей?

— Нет, конечно, нет. Просто это было бы справедливо. Если выбирать между ужасным горем и ужасной виной, я думаю, горе пережить легче. Вы согласны?

Скай начинает что-то говорить, но сначала я должна сказать нечто важное:

— Но я никогда бы не смогла выбрать, кем из них нужно пожертвовать. Я так сильно люблю их обоих. Моего большого, серьезного и умного старшего — и ласкового младшего. Я люблю своих двух сыновей больше всего на свете.

— Но не самого младшего? — Она уже задавала этот вопрос, но, похоже, не в состоянии осознать то, что я ей говорю.

Я родила ребенка. Я его не люблю.

— Я не могла. Я никогда не была с ним жестокой. Всегда о нем заботилась. Кормила и мыла. Но не могла играть с ним, петь ему, обнимать так, как обнимала двух других. Между нами не было связи. Гормоны, которые вырабатываются у женщины после родов, не поступали в мозг, убеждая меня, что я готова отдать жизнь за это крошечное существо. У нас с ним не было всего того, что обычно происходит между матерью и младенцем.

Чувство вины, которое уже разъедало меня, получило новую пищу.

Снаружи доносится крик, потом быстрые шаги, словно кто-то бежит. Звук катящейся по мостовой жестянки. Пора зажигать костер и разносить угощение, но на школьном стадионе, по всей видимости, собрались не все.

— У вас диагностировали послеродовую депрессию? Это может быть очень серьезно. — Похоже, теперь допрос ведет Скай.

— У меня нашли все разновидности депрессии, которые только существуют на свете, и еще несколько новых. — Странно, но я испытываю нечто вроде облегчения, впервые произнося это вслух. Я ничего не рассказывала Сапфир Пиррус на сеансах психотерапии из того курса, который меня обязали пройти. — Честно говоря, я почти не помню первый год его жизни. А потом вдруг на моем попечении оказался плачущий и требующий внимания малыш. Он появился у нас в доме словно из ниоткуда, как подменный ребенок.

— Подменный ребенок? — встрепнулся Джош. — Как это?

Скай поворачивается к нему:

— Ребенок-эльф. Британский фольклор, сержант. Эльфы крадут детей, оставляя других взамен похищенных. Злых, капризных и уродливых. Вы таким видели Питера, миссис Гримвуд?

Я представляю ребенка, немного припухшего после сна, который смотрит на меня сквозь решетку кровати.

— Нет, конечно, он не был одним из этих существ. Он был милым малышом. Просто *не моим* милым малышом.

Джош прочищает горло:

— Что произошло днем в четверг? Третьего ноября?

Я делаю паузу. Это будет сложнее.

— Я была в своей спальне.

Рассказывая, я вспоминаю, как это было. Просыпаюсь и вижу, что яркий послеполуденный свет сменился мрачной, зловещей тьмой. Слышу звуки океана из открытого окна, чувствую горько-соленые порывы ветра.

— Мальчики вернулись домой. — Слышу машину, которая их привезла, голос Кэти, прощающейся с мальчиками, их шаги на лестнице. Слышу крик младшего, который их зовет, но дети всегда сначала идут ко мне.

— Они вошли ко мне в спальню. — Я была в ванной, пыталась смыть сон. — Я сказала им, что у меня болит голова. — На самом деле я просто была не в состоянии выдержать несколько шумных часов перед сном. Иногда мне кажется, что мои дети бросают в меня крошечные камешки, требуя то одного, то другого. *Мама, можно я возьму пакет чипсов? Мама, можно мне пирожное? Мама, у Питера грязный подгузник. Мама, у меня болит палец.* Три мальчика требуют постоянного внимания, даже если они не ссорятся, что происходит в доброй половине случаев. Сандер знает, что мне трудно усадить их за стол и уложить спать. Обычно он возвращается домой рано.

Что-то ударяет в стену снаружи. Сэвидж вскакивает и подходит к окну.

— Дети, — бормочет он и возвращается на место. — Продолжайте, миссис Гримвуд. Мальчики вернулись домой из школы, у вас болела голова...

— Крис и Майкл пошли в комнату Питера. — Я слышала его радостный визг при виде братьев и тихий вздох Криса, который брал

его на руки. — Думаю, они его переодели.

Крики снаружи стали громче. Две пары глаз напротив меня стреляют взглядами в окно. Затем Скай кивает мне.

— Они все вышли во двор. Я слышала, как они бегают и кричат. — Они были такими добрыми с ним, мои двое мальчиков... Любили своего младшего братика, заботились о нем. Потом смех и крики смолкли. Я больше не слышала детей. Потом вспомнила предупреждение матери, что калитка сада плохо закрывается. Вспомнила о затмении и подумала, что Крис с Майклом, наверное, пошли на пляж, чтобы наблюдать за ним. — Я встала. Услышала машину у дома и подошла к окну. Я увидела машину Кэтрин, а потом и саму Кэтрин, которая вышла из машины и склонилась к дороге.

— Все это вы уже нам рассказывали в прошлый раз. — Скай хмурится и начинает листать свои заметки.

— Когда она выпрямилась, у нее на руках был ребенок. — Я не обращаю внимания на Скай. — Должно быть, он каким-то образом выбрался на дорогу. Все это я уже вам говорила. Но не говорила, что потом Кэтрин перегнулась через калитку, поставила ребенка на противоположную сторону, села в машину и уехала.

Оба полицейских с шумом выдыхают — одновременно. Смотрят друг на друга, потом снова на меня.

— Значит, она сказала нам правду?

— Конечно. — Я испытываю какое-то странное, извращенное удовольствие, защищая бывшую подругу. — Кэтрин не умеет лгать.

Пауза. Они снова переглядываются и одновременно вздыхают. У меня такое чувство, что они оба радуются оправданию Кэтрин.

— Продолжайте, миссис Гримвуд, — говорит Сэвидж.

Такая сдержанная реакция меня удивляет, но в той истории, которую я рассказываю, мой младший сын еще жив. Мне нужно закончить рассказ.

— Я видела, как он стоит у калитки. Ждала, когда братья его уведут, но они, наверное, были где-то в глубине сада, ближе к пляжу. Я их не слышала. Потом он снова пошел к живой изгороди и стал пролезать сквозь нее. Нашел просвет, через который можно было выбраться наружу. Очевидно, я должна была выйти к нему.

— Вышли?

— Это заняло несколько минут. Я была не одета. Спустившись вниз, я увидела, что он снова стоит на дороге.

— А миссис Куинн вы видели?

— Нет. Ни ее, ни машины. Мне кажется, я слышала звук мотора, как будто кто-то еще поднимается на холм, но не стала задерживаться. Взяла ребенка на руки и отнесла в сад.

— Продолжайте.

— Как только мы вошли в калитку, он психанул.

— Психанул...

— Вышел из себя. Настоящая истерика. Кричал, лягался, плакал. Лупил меня кулаками. Не знаю, видел ли кто-то из вас истерику трехлетнего ребенка, но такие малыши могут быть очень сильными.

— Мы вам верим, — говорит Джош. Скай молчит, и я готова поспорить, что ей не хочется слушать того, что будет дальше. Господь свидетель, мне самой не хочется этого говорить.

— Он хотел на дорогу или к братьям. А я портила ему удовольствие.

Я умолкаю. На столе передо мной вода, хотя я не помню, чтобы кто-то из полицейских ее приносил. Беру стакан. Теплая, комнатной температуры. Светлая, как хороший шотландский виски. На вкус горчит, словно ее налили несколько дней назад. Полицейские ждут. Смотрю на Джоша, потом на Скай и вижу осуждение в их глазах — с этого момента я буду видеть это в любом взгляде.

— Продолжайте, — говорит Джош.

— Я опустила его на землю, и он снова пошел прямо к просвету в изгороди. Я встала перед ним, загородив проход, а он принялся лупить меня руками и ногами. Поверьте, трехлетние дети могут быть настоящими чудовищами.

— И что вы сделали с чудовищем, стоявшим перед вами?

Скай неодобрительно смотрит на коллегу. Она не хочет, чтобы он обвинял меня, по крайней мере, пока они не услышали полное признание.

— Я плохо помню, что произошло дальше. — Мой голос звучит неуверенно. — Прошу прощения, но об этом очень трудно говорить.

В окно ударяет камень, и мы все вздрагиваем. Джош берет телефон, тихо переговаривается с сержантом в приемной, обсуждая,

как разобраться с проклятыми хулиганами на улице, затем снова смотрит на меня:

— Что вы с ним сделали?

Я смотрю на мужчину, которого знаю с детства, и вижу, как слабеет его сочувствие ко мне. С каждой прошедшей секундой он все больше меня осуждает. Из них двоих Скай держится лучше. Она наклоняется и ласково похлопывает меня по руке:

— Боюсь, Рейчел, нам нужно точно знать, что произошло. Не торопитесь. Вы молодец.

Она снова выпрямляется и трет пальцы, касавшиеся моей руки.

— Я схватила его за плечи и встряхнула, чтобы он перестал плакать. Он был в истерике, и вывести из нее мог только шок. — Я не могу смотреть им в глаза и упираюсь взглядом в крышку стола. — Но истерика усилилась. Дальше я плохо помню. Должно быть, я встряхнула его еще раз. Честно — не знаю. Помню только, что смотрю на него и вижу, как он обмякает в моих руках.

Краем глаза замечаю, что Скай закрывает лицо ладонями. Но быстро берет себя в руки. Когда я снова смотрю на нее, лицо у нее бледное, но сосредоточенное.

— Я отпустила его, и он упал на землю. Он не дышал.

— Вы пробовали сделать ему искусственное дыхание? Массаж сердца?

Я смотрю прямо в холодные голубые глаза.

— Бесполезно, Джош. У него была сломана шея.

— Почему вы так в этом уверены? — Скай почти шепчет. Меня так и подмывает попросить ее говорить громче, для записи, но здравый смысл побеждает, и я молчу.

— Вы когда-нибудь видели сломанную шею, Скай? Можете мне поверить, перепутать невозможно. Кроме того, труп синее уже через несколько секунд. — Признание дается все легче. Приходится даже напоминать себе, что я говорю о собственном сыне.

— Вы не думали обращаться за помощью? Сообщить властям?

— Честно говоря, нет. Меня больше беспокоило, как убрать его, чтобы не увидели мальчики.

Я слышу себя. Мой младший сын. Мой ребенок превратился в досадную помеху. В раздражающий мусор, от которого нужно избавиться. Я пересекла черту.

— В этот момент мальчиков поблизости не было?

— Слава богу, нет. Потому что они не позволили бы мне причинить вред брату.

— Что вы сделали?

— Наверное, запаниковала. Подумала, не сбросить ли его с утеса, как будто он вышел через калитку и споткнулся в полутьме. Но боялась, что при вскрытии обнаружится сломанная шея, а такую травму нельзя получить при падении. Кроме того, я слышала, что мальчики возвращаются. Мне бы вряд ли удалось сбросить вниз их маленького брата прямо над их головами, правда?

Теперь время на размышление требуется двум полицейским. Сэвидж откидывается назад и поднимает руку в неуверенной попытке остановить меня. Я даю им несколько секунд, и первой нарушает молчание Скай:

— Мальчики возвращались. У вас было лишь несколько минут, чтобы избавиться от тела. Что вы сделали?

— Положила его в багажник своей машины.

— Вашей машины?

Я пожимаю плечами:

— Она была под рукой.

У Сэвиджа такой вид, словно я дала ему пощечину.

— Это невозможно. Мы обыскали машину. Осмотрели весь участок.

— Если честно, Джош, обыск был очень поверхностным. Даже я видела, что полицейские не слишком стараются. Все думали, что его похитили — либо Кэтрин, либо похититель Арчи Уэста. Предполагали, что ребенка везут в логово сексуального маньяка где-нибудь в глуши и на лодке в море. Никто не предполагал найти его поблизости от дома. И никто не заглянул в багажник моей машины.

Мне даже приятно ткнуть их носом в собственные ошибки.

Сэвидж собирается встать, но Скай кладет ладонь на его плечо:

— Мы можем проверить это, сержант. Давайте закончим.

— И что же вы с ним сделали потом, миссис Гримвуд? — Я для нее больше не Рейчел. В ее глазах уже нет сочувствия, ни искреннего, ни поддельного. — Или я должна предположить, что он все еще в багажнике вашей машины?

— Нет. Я от него избавилась.

— Где?

Им не понравится то, что я скажу. Они ждут, дают мне время. Но не больше секунды.

— Миссис Гримвуд?

Я по-прежнему молчу.

— Миссис Гримвуд, что вы сделали с телом сына?

— Вам я не скажу. Я скажу Кэтрин.

36

Из комнаты как будто выкачали воздух — напряжение между нами почти осязаемо. Я чувствую надвигающуюся битву и знаю, что победа будет за мной.

— Это невозможно. — Джош Сэвидж явно растерян.

— Почему? Что, по-вашему, я собираюсь сделать? Я знаю, что она не причинила вреда моему сыну; знаю это лучше, чем все остальные. А если она хотела причинить вред мне, то за прошедшие три года могла бы сделать это в любой момент. Я хочу с ней поговорить. Если вы позволите мне поговорить с ней, я скажу, где можно найти тело моего сына.

— Мы найдем его независимо от того, скажете вы или нет, — говорит Джош. — Он не может быть далеко от вашего дома. У вас просто не было времени куда-то его увезти, и мне известно, что с момента его исчезновения вы практически не оставались одна. На этот раз мы проведем настоящий обыск. Мы его найдем. Возможно, нас сбilo с толку происшествие с Арчи Уэстом, но...

Кто-то стучит в дверь. Джош проводит ладонями по лицу, но, кажется, он даже рад, что нам помешали. Он прерывает допрос, встает и открывает дверь. Голос в коридоре мне не знаком.

— Позвони шефу, — говорит Джош. — Нам нужно несколько человек.

В ответ я слышу какое-то бормотание.

— Мне плевать, чем они там заняты. Скажи ему, что у меня под арестом две женщины, в наличии всего пять сотрудников, а снаружи банда хулиганов, от которой ничего хорошего ждать не приходится.

Дверь закрывается. Джош снова включает диктофон, выглядывает в окно и возвращается на свое место за столом.

— Сержант. — Скай, нахмурившись, листает блокнот. — Мы не могли понять, есть ли связь между четырьмя случаями пропажи детей. Люди обвиняли Кэтрин, потому что Фред и Джимми были похожи на ее сыновей и потому что она нашла тело Джимми. С другой стороны, Арчи был белокурый, совсем не похожим на двух других, и ему не причинили вреда.

Взгляд голубых глаз останавливается на мне.

— Вы также похитили Арчи Уэста, Рейчел? Вы убили Фреда и Джимми?

Я рада, что он спросил.

— Конечно, нет. Я понятия не имею, что случилось с Джимми и Фредом, но думаю, что обе смерти — это несчастный случай. Именно на этой версии много лет настаивал старший суперинтендант Стопфорд.

— Тем не менее оба они похожи на детей Кэтрин.

— У четверти детей на островах есть примесь латиноамериканской крови. Думаю, это ничего не значит.

Сэвидж хочет меня прервать, но я не даю ему вставить ни слова:

— Зато я могу точно сказать, что случилось с Арчи Уэстом. Поняла это пару дней назад.

Они снова обмениваются озадаченными взглядами и почти одновременно говорят:

— Продолжайте.

Я кладу руки на стол, одну поверх другой, пытаюсь выглядеть спокойной — как чудовище, которым они меня теперь считают.

— Скажу, если вы позволите поговорить с Кэтрин.

Сэвидж ударяет ладонями по столу. Кольцо на его левой руке издает громкий стук, и жест получается более агрессивным, чем, как мне кажется, хотел сержант.

— Почему вам так важно поговорить с миссис Куинн?

— Я хочу сказать ей, что мне очень жаль. Я хочу посмотреть ей в глаза и сказать, что мне искренне жаль, что я разрушила ее жизнь. Убила ее мальчиков, которых, кстати, любила почти так же, как она.

Сэвидж не верит.

— У вас для этого было три года.

— Нет, потому что эти три года она избегала меня, а сама я боялась к ней подходить. Она не хотела слышать моих извинений или

объяснений. Не хотела меня видеть.

— Вполне вероятно, что и сейчас не захочет, — говорит Скай.

— Захочет, если будет знать, что это поможет найти моего сына.

Полицейские умолкают — думают. Им явно хочется уединиться и шепотом обсудить план. Но если они покинут комнату, момент будет упущен.

— Эй, Куинн! Как это — убить ребенка?

— Убийца! Что ты сделала с Фредом?

— Скажи, где они, Куинн!

Голоса звучат совсем близко, рядом с участком. Скай больше не может сосредоточиться на мне и все время поглядывает в окно.

— Эти придурки снаружи пришли за Кэтрин, — говорю я. — Где она? Она в безопасности?

— С ней всё в порядке. — Голос Джоша звучит громче, чем нужно. — Расскажите, что вам известно об исчезновении Арчи Уэста.

— Они могут попасть внутрь? — Скай с тревогой смотрит на Джоша.

Он качает головой:

— Нил запер все двери, пока к нам не прибудет подкрепление. Уже скоро. — Его улыбка выглядит вымученной.

— Спросите, согласна ли она поговорить со мной. — Я повторяю попытку. — Просто спросите.

— Думаю, вам лучше поговорить, когда мы со всем разберемся.

Меня раздражает, что Джош считает меня тупой.

— И какие тогда у меня будут козыри? Зачем вам или ей соглашаться, если мне больше нечего вам будет сообщить? Кроме того, когда все закончится, меня отправят в Англию — в тюрьму или в психиатрическую клинику. И я ее больше не увижу. Это мой единственный шанс.

За моей спиной тикают часы. Я считаю удары: четыре, пять, шесть. Шум снаружи не утихает. Грохот банок из-под пива, крики. Удары камней о стены. Не слышно только полицейских сирен. Интересно, что такого может происходить на празднике, что мешает полицейским приехать сюда... Потом я вспоминаю, что там Крис и Майкл. Это нужно заканчивать.

— Может, вы в качестве жеста доброй воли расскажете нам, что случилось с Арчи, а потом мы позволим вам увидеться с Кэтрин? —

спрашивает Скай.

Джош встает:

— Допрос прерван в двадцать часов четыре минуты. Можно вас на минуту, констебль Макнир? — Он указывает на дверь, и Скай тоже встает, опрокинув стул. Тем не менее именно она, а не старший по званию, вспоминает, что нужно выключить диктофон.

— Согласна, — говорю я, когда они подходят к двери. — Возвращайтесь, включайте запись, и я расскажу, что случилось с Арчи. Потом можете проверить, и если окажется, что я не солгала, разрешите мне увидеться с Кэтрин. Мы покончим с этим неприятным делом, прежде чем догорит костер, и можно будет смело ждать повышения по службе.

— Нас не это волнует, — поспешно говорит Скай. Я верю ей, не задумываясь. — Мы просто хотим... хотели... найти вашего сына целым и невредимым.

Джош молча включает диктофон. Они смотрят на меня, слова пара собак, голодных, но осторожных. Я кидаю им кость.

— Исчезновение Арчи с фермы Эстансия было чистой случайностью. — Несмотря на включенный диктофон, Скай записывает в блокнот, и я делаю паузу. — Он вместе с братьями и друзьями играл в прятки, — продолжаю я, увидев, что карандаш в руке Скай замер. — Помните, все говорили о том, как Арчи любил прятки? Это была его любимая игра. Вот почему родители поначалу не волновались. Они думали, что он нашел отличное укрытие.

Несмотря ни на что, я испытываю гордость — мне удалось во всем разобраться.

— Где же он спрятался? — Карандаш Скай постукивает по блокноту.

— В «Лендровере», который арендовали его родители. То есть в машине, которую он принял за их «Лендровер». Но в тот день на ферме была другая машина, такой же марки и цвета. Она останавливалась там на несколько минут, пока гость ходил на ферму, оставив заднюю дверцу открытой. Затем водитель вернулся, захлопнул дверцу и уехал, не догадываясь о том, что у него в машине маленький ребенок.

— Брат Арчи говорил о еще одном серебристом «Лендровере», — напоминает Скай Сэвиджу.

— Которого больше никто не видел, — прибавляю я. — Но вы отмахнулись от показаний мальчика, поскольку никто не мог их подтвердить, а он всего лишь ребенок.

Сэвиджу это не нравится. Я могу признаться в убийстве ребенка, но он ни за что не признает свою ошибку.

— Мы опросили Баррелов. Днем на ферму никто не приезжал. Они ничего не знали о серебристом «Лендровере».

— А Джорджа Баррелла вы спрашивали?

Пока Сэвидж моргает, пытаюсь вспомнить, Скай качает головой:

— Днем его не было, но мы поговорили с ним следующим утром. На ферму никто не приезжал.

— Он вам лжет. У него есть на то серьезная причина, но ложь есть ложь.

Очередная пауза — они думают, какой вопрос мне задать. Первой нарушает молчание Скай:

— Ладно, значит, Арчи сидит в этом загадочном «Лендровере», и его увозят неизвестно куда. Почему он молчит?

— Сначала думает, что это их «Лендровер», а он по-прежнему прячется. А когда понимает, что оказался в машине с незнакомым человеком, то сидит тихо, потому что боится. Скорее всего, перепуган до смерти. Как часто мы предупреждаем детей, чтобы они не садились в машину к незнакомцам? Здесь это не так заметно, но в Британии у родителей настоящая паранойя насчет общения с незнакомыми людьми. Арчи — британский ребенок.

— И этот «Лендровер» направлялся к сараю для кормов, где нашли мальчика? — У Скай озадаченный вид.

— Да. Это был пункт назначения. Водитель уже давно там с кем-то встречался. Эти двое приспособили сарай для своих нужд. Они думали, что о нем уж точно никто не догадается, и все так и было, пока к ним не забрался безбилетный пассажир.

— У них был роман. — Похоже, Скай начинает догадываться. — Двое жителей островов, женатых. Тот сарай был не логовом педофила, а любовным гнездышком!

— Кто? — спрашивает Сэвидж.

— Во-первых, Джордж Баррелл. Поэтому он солгал о серебристом «Лендровере». Подружка заскочила к нему, они договорились встретиться в сарае, и она уехала, не замеченная никем, кроме брата

Арчи. Через несколько минут за ней поехал Джордж. Я видела его ранним вечером, когда он возвращался назад.

— А женщина? — спрашивает Скай. — С кем встречался Джордж?

— Роберта Кэттон. — В других обстоятельствах я бы наслаждалась моментом, чувствуя себя мисс Марпл. — Боб-Кэт, владелица закусочной. В тот день я видела и ее машину. Серебристый «Лендрровер», точно такой же, как арендовали Уэсты. Номерной знак с буквами SNR. Чуть старше, чем машина Уэстов, но я не думаю, что трехлетний ребенок это заметит. Она возвращалась со стороны Дарвина, когда я выезжала на главную дорогу. В тот момент я не узнала ее, но заметила номер, а на следующий день увидела машину возле ее закусочной.

Лоб Скай прорезали морщины — она думает.

— Они должны были видеть ребенка, когда приехали к сараю.

Я качаю головой. Насколько я могу судить, Баррелл и Кэттон виновны только в супружеской измене, и у меня нет желания их за это наказывать.

— Не обязательно. Не забывайте, Арчи был испуган. Думаю, он выбрался из «Лендропера» и спрятался. Ведь он рассказывал о мужчине и женщине, когда вы с ним беседовали, правда? Мальчик прятался, пока они были в сарае, занимались тем, для чего приехали, а потом, как мне кажется, быстро разбежались. Оставшись один, он поступил разумно. Укрылся внутри, питался остатками еды, которую они там держали, а когда одиночество стало невыносимым, пошел к дороге. К счастью для всех, в это время там проезжали Каллум и Кэтрин.

— О, боже, бедный ребенок, — бормочет Скай.

Сэвидж проводит руками по лицу. Его ладони поблескивают от влаги.

— О'кей, звучит правдоподобно. Но это всего лишь теория.

— Которую мы, возможно, никогда не подтвердим. — Скай, насколько я вижу, все еще размышляет об испуганном малыше, брошенном посреди дикой местности. Кажется, у нее слишком доброе сердце, чтобы стать по-настоящему хорошим полицейским.

— Поговорите с Джорджем и Боб-Кэт. Пообещайте не разглашать их тайну, и я уверена, они признаются, что в тот день были в сарае и

что Боб-Кэт приезжала на ферму Эстансия. Должно быть, они уже догадались, что это она привезла маленького Арчи к тому сараю.

— Но почему они молчали? — Скай все еще сомневается.

— Зачем рисковать, что об их романе узнают все? Арчи нашли, целого и невредимого. Наверное, они подумали, что чем меньше разговоров, тем лучше. Ах да, вот еще что... — Я сую руку в карман джинсов, вытаскиваю полиэтиленовый пакет и кладу на стол между собой и Скай. Она протягивает руку, но Сэвидж накрывает ее ладонь своей.

— Нужен пакет для вещдоков, — говорит он. — Что это, миссис Гримвуд?

— Песок. Я собрала его в четверг с заднего сиденья «Лендровера» Боб-Кэт. Готова поспорить, что такой встречается только на пляже в Эстансии. И он попал в машину с подошв Арчи Уэста.

— Допрос прерван в двадцать часов пятнадцать минут. — Сэвидж встает, находит еще один прозрачный полиэтиленовый пакет и кладет мой внутрь. — Вам принесут чашку чая, миссис Гримвуд.

Он выходит, за ним Скай, и я остаюсь одна.

На то, чтобы найти Боб-Кэт и Джорджа, уйдет пару часов, а может, и больше. Даже если они не станут отпираться, это долгая история. Полиция заглянет в машину Боб-Кэт — скорее всего, она ее не чистила, — и даже если предположить, что там обнаружится песок, для доказательства, что он из Эстансии, его нужно отправить на анализ в лабораторию. Все зависит от того, признаются ли любовники. Кэтрин я увижу не скоро.

Мерцающий синий свет на стене напротив окна говорит о прибытии по крайней мере одной полицейской машины. Я слышу, как она медленно объезжает здание.

Вскоре появится мой отец — потребует объяснить, что случилось и почему меня так долго не отпускают. Потребуется свидания со мной. Полагаю, мне позволят отказаться, что я, разумеется, и сделаю.

Я больше никогда не встречусь взглядом с отцом, никогда не почувствую, что снова не соответствую стандарту, который он выбрал для меня на этот раз. Как говорится, нет худа без добра.

Снаружи все стихает. Полицейская машина уехала. Скорее всего, буйную толпу ненавистников Кэтрин уже усмирили. Скоро эта толпа переключится с Кэтрин на меня.

Пытаясь не прислушиваться к тиканью часов, я сижу и думаю о своих сыновьях, своих милых мальчиках, и о том, что я не увижу, как они растут. Я буду видеть их несколько раз в год, только через стол, такой, как этот. Смотреть в глаза, которые каждое свидание будут другими, пытаться найти в них остатки любви, но находить только осуждение и стыд.

Внезапно нахлынувшая боль так сильна, что приходится встать, пересечь комнату и прислониться к холодной твердой стене. Снаружи не доносится ни звука. И эта тишина почему-то кажется более зловещей, чем крики и топот ног, которые мы слышали раньше.

Часы отсчитывают последние секунды той жизни, за которую я продолжаю цепляться, и я думаю о Сандере и о том, что он всего этого не заслуживает. Он хороший человек, мой муж. Мудрый, трудолюбивый, верный. Готов на все ради семьи и очень, очень любит меня. Жаль, что я плохо старалась. В этом большом некрасивом голландце столько любви — почему я этого не видела, когда у меня был шанс?

Тиканье часов становится громче. Я хожу кругами по комнате, смотрю на небо за окном, на фейерверк, который может оказаться последним в моей жизни. И размышляю о тюрьме. Я буду детоубийцей, ненавидимой всеми. Я думаю об избиениях и издевательствах, которые придется терпеть, а также о том, что отчасти я даже буду им рада.

Я думаю о людях, которые пришли к полицейскому участку, требуя крови Кэтрин. Скоро они будут требовать моей. Мне кажется, что они возвращаются. Я их не слышу, но чувствую, как они незаметно подкрадываются ко мне.

О Кэтрин я не могу думать. Пытаюсь, но каждый раз натываюсь на какой-то барьер, не пропускающий мои мысли. Сегодня мы с Кэтрин увидимся, но подготовиться к этой встрече невозможно. Когда мы наконец посмотрим друг на друга, мне придется импровизировать.

И, конечно, я думаю о младшем сыне. Он должен был стать для меня самым драгоценным, любимым последним ребенком, который еще долго будет моим малышом после того, как его братья станут самостоятельными. Он должен был стать моим любимцем, моим баловнем. А оказался чужаком, подкидышем, постоянным

напоминанием о самом ужасном поступке, который я только могла совершить. Он был олицетворением моей вины.

Я думаю о его коже, приобретающей оттенок слоновой кости, как у дешевого воска. Я думаю о том, какой он холодный и одинокий — там, в темноте.

Я вижу, как разлагается его тело, а душа оплакивает меня, оплакивает любовь, которой я его лишала, пока он был жив.

Я больше не вижу часы. Не вижу стен комнаты. Не вижу ничего, кроме сверкающих капель влаги, падающих из моих глаз на стол.

* * *

Когда дверь снова открывается, я уже немного успокоилась. Моя голова, влажная от пота или слез, лежит на крышке стола, и я чувствую на лбу ссадину от удара. Надеюсь, крови нет — лишняя суета мне ни к чему. Это сержант из приемной. Он принес чай.

— Здесь ваш муж. — Сержант ставит кружку на стол, стараясь не приближаться ко мне, и я ловлю его взгляд. Он знает. Тело его неподвижно, но я чувствую, как его передергивает от отвращения к чудовищу, которое он видит перед собой.

Нужно привыкать. Именно так теперь будет реагировать на меня весь мир. Сержант что-то сказал. Нужно сосредоточиться. Сандер. Он сумел прилететь.

— Он здесь? В участке?

Один сдержанный кивок. Не стоит тратить слова на таких, как я.

— Хочет меня увидеть?

— Да.

— Я обязана?

Он пожимает плечами. Думаю, будь это в его власти, он насильно свел бы меня с мужем. И остался бы, чтобы посмотреть.

— Вам решать.

— Я не хочу его видеть. Скажите ему, что мальчики у бабушки с дедушкой.

— Я сообщу ему, где два ваших сына.

Стук закрывающейся двери, щелчок замка. Я пью чай. И жду.

Когда дверь снова открывается, я стою у окна, стискивая пальцами прутья решетки. Ветер прорывается сквозь плохо пригнанное стекло, принося запахи торфяного дыма и раскаленной соли, которые всегда пропитывают воздух в Ночь костров. Здесь мало деревьев, и мы используем для костров пла́вник, поддерживая огонь торфом. Я смотрела, как искры летят в небо, такое желанное, и думала, что в параллельном мире могла бы сидеть дома, в кресле у окна, и держать на коленях младшего сына. Далекий фейерверк не пугал бы его. На расстоянии, в моих объятиях, он полюбил бы эту странную и недолговечную красоту летящего по небу огня.

И воздух ожил в вышине!
Кругом зажглись огни.

— Ваш муж здесь. — Голос Скай.
— Знаю. — Фейерверк близок к кульминации. Хлопки следуют один за другим. Разумеется, веселье будет продолжаться до поздней ночи, но уже приватно. В ясные ночи можно забраться на холм и любоваться кострами, которые зажигают на всех Фолклендах.

Вблизи, вдали — мильон огней,
Вверху, внизу, средь мачт и рей,
Вкруг звезд вились они.

— Прошу прощения?
— Сэмюэл Кольридж, «Сказание о Старом Мореходе». Фейерверк напомнил. Вы что-то сказали о моем муже?
— Он поехал за Кристофером и Майклом. Отвезет их домой.
Я мысленно благодарю мужа за то, что вернулся домой сегодня, позаботился о том, чтобы мальчики не остались одни.
Скай и Сэвидж стоят по обе стороны от двери. В дверном проеме — констебль в форме. Эти трое похожи на расстрельную команду.

— Мы поговорили с Джорджем Барреллом и Робертой Кэттон, — подает голос Сэвидж. — Оба признали, что встречаются и что в тот день они были в сарае для кормов. Завтра они придут сюда, по отдельности, и дадут официальные показания. Оба отрицают, что знали о мальчике в машине, хотя...

— Вы это никогда не докажете, так что можно не тратить время.

У Сэвиджа такой вид, словно он готов меня ударить, и я мысленно беру на заметку, что больше не стоит его провоцировать. Нам нужно быстрее заканчивать.

— Идемте. — Он указывает на дверь.

— Куда? — Я не двигаюсь. — Я хочу увидеть Кэтрин.

— К моему удивлению, она согласилась. В конференц-зал. Идемте, мы и так потратили впустую много времени.

Золотые слова. Я спешу воспользоваться приглашением. В конце коридора мы поворачиваем, и еще один констебль открывает перед нами дверь конференц-зала. Внутри нас ждет Кэтрин. Я представляю, как она стоит у окна и ее длинные волосы ниспадают ей на спину; в последний момент она оборачивается...

Разумеется, все не так — Кэтрин никогда ничего не делала напоказ, даже не думала работать на публику. Она — самый скромный человек из всех, кого я знаю. Спокойно сидит за столом и не поднимает голову, когда я вхожу.

Меня сажают на стул прямо напротив нее. На ней большая, не по размеру, одежда. Хлопковые брюки собраны на талии. Стройная фигура тонет в широкой рубашке. Волосы стянуты на затылке резинкой. Руки лежат на столе, и ее взгляд прикован к ним. Она кажется воплощением спокойствия, только пальцы правой руки слегка дрожат. Лицо худое, осунувшееся. Морщинки, которые я помню, за три года стали глубже. Теперь это печать горя, а не просто действие солнца и ветра.

Присутствующие в комнате полицейские рассаживаются — Скай справа от меня, Сэвидж слева, двое других по обе стороны от Кэтрин. Мы как две противоборствующие армии, только враг здесь один — я. Включается диктофон, и все мы называем себя. Когда очередь доходит до Кэтрин, голос ее срывается, как будто она долго им не пользовалась. Она откашливается и делает вторую попытку.

— Хорошо. — Сэвидж пытается взять ситуацию под контроль. — Миссис Гримвуд, вы хотели поговорить с миссис Куинн, и она согласилась. Миссис Куинн, я обязан вас проинформировать, что если вы захотите прервать разговор, то можете сделать это в любое время. Вы не обязаны говорить с миссис Гримвуд. Позвольте также напомнить, что вы обе ознакомлены со своими правами.

Снаружи доносится какой-то шорох, похожий на стук футбольного мяча о стену. Один из констеблей встает и что-то тихо говорит в переговорное устройство на стене. Я не могу оторвать взгляда от лица Кэтрин. Она так же пристально разглядывает рукав своей рубашки.

— Итак, миссис Гримвуд, вы получили то, о чем просили. Теперь, пожалуйста, скажите нам, что вы с делали с телом Питера.

Кэтрин поднимает голову. Спокойные серые глаза. Они смотрят на меня, и я понимаю, что мне не избавиться от этого взгляда, пока я не покину комнату.

— Я хочу, чтобы Рейчел повторила мне то, что сказала вам. — Ее голос не изменился. Разве что чуть-чуть дрожит, но в целом все тот же.

— Мы уже это обсудили, — мягко возражает Сэвидж, словно спокойствие Кэтрин распространяется и на него. — Сообщили вам все, что она сказала. Повторять нет необходимости.

— Мне нужно это услышать из ее уст. — Кэтрин обращается к нему, но смотрит на меня. — Я хочу, чтобы она рассказала мне, как убила своего сына.

Я это предвидела. И приготовилась. Я в точности повторяю свой рассказ — как увидела ее машину, остановившуюся у моего дома, увидела, что она берет на руки Питера и опускает по ту сторону калитки, в саду.

Брови ее ползут вверх, но она по-прежнему смотрит мне в глаза.

Я рассказываю, что видела, как она уезжает, спускаясь по склону холма. Очищаю ее от подозрений в причастности к исчезновению моего сына. Она молчит. Возвращаю ей свободу, избавляю от всех обвинений, открываю возможность будущего с любимым мужчиной. Беру свою жизнь и отдаю ей, а она ничего не предлагает взамен. Кроме пристального внимания.

Я ничего не упускаю. Почти слово в слово повторяю признание, которое сделала Скай и Джошу. Два констебля, которые слышат

рассказ впервые, шокированы — я вижу, как они задерживают дыхание и переглядываются, — но Кэтрин остается невозмутимой.

— Я положила его в багажник машины. — Я не могу заставить себя произнести «тело». — Предполагала, что поднимется суматоха. Люди будут его искать. Поэтому спрятала, чтобы потом избавиться.

Серые глаза моргают и увлажняются. Снова моргают. Но по-прежнему смотрят прямо на меня.

— Это всё. Вот почему и как я убила своего сына.

Все ждут реакции Кэтрин. Секунду она сидит неподвижно. Потом поднимает руки и хлопает в ладоши — один, два, три раза. Звук медленных хлопков отчетливо слышен в наступившей тишине. Все замерли. Как будто она нас заколдовала. Я не могу отвести глаз. В детстве мы любили играть в гляделки. Тот, кто отводил взгляд, считался проигравшим. Она всегда побеждала. Но сегодня мой день.

Снаружи взрывается фейерверк. Кто-то запустил его прямо в здание. На стене за спиной Кэтрин я вижу красные, синие и лиловые сполохи. Цепочку серебристых звезд. Хлопки не смолкают целую минуту, потом снова наступает тишина. И чары рассеиваются.

— Итак. — Голос у Сэвиджа решительный. — На этом всё. Мы выполнили вашу просьбу, миссис Гримвуд, и мы выполнили вашу просьбу, миссис Куинн. Теперь я хочу знать, где ребенок.

Я жду, пока заговорит Кэтрин. Она ждет, что скажу я.

— Миссис Гримвуд. Рейчел. — Сэвидж понимает, что пошел на риск, позволив нам с Кэтрин поговорить, а теперь запаниковал, опасаясь, что все напрасно. — Ради вашей семьи, ради всех, включая вас саму, скажите, где нам найти Питера!

— Она не может. — Такое впечатление, что Кэтрин говорит, не разжимая губ. Или я так сосредоточена на ее глазах, что ничего другого не замечаю. — Она не знает. Она вам лжет.

— Что? — вскрикивает сидящая рядом со мной Скай. Мужчины переглядываются. Мы с Кэтрин все еще играем в нашу странную игру в гляделки, и я молюсь так, как не молилась никогда в жизни. Ее губы слегка изгибаются.

— Она всегда умела манипулировать людьми.

Четверо полицейских напряженно застывают, либо отодвинув свои стулья, либо собираясь это сделать. Они переводят взгляды

с Кэтрин на меня и обратно, словно ожидая, что в любую секунду одна из нас набросится на другую.

О Боже, прошу тебя, прошу тебя, Боже, пожалуйста!

Кэтрин выпрямляет спину, отводит от меня взгляд и смотрит на Сэвиджа.

Я не уверена, смогу ли снова дышать. По крайней мере пока...

— Рейчел не убивала Питера. — Тон у нее презрительный, с оттенком удивления. — Как вы могли даже подумать об этом, Джош Сэвидж? Вы знаете ее с пяти лет — где ваши мозги?

— Она призналась. — Похоже, Скай слегка побаивается Кэтрин. — У нас есть запись.

Снаружи снова бегают люди. Мы не обращаем на них внимания.

— Она призналась, поскольку думает, что его убила я. — Кэтрин снова смотрит на меня. — Думает, что она у меня в долгу. Она разрушила мою жизнь, а взамен отдает свою. Она хочет, чтобы мне сошло с рук убийство ее сына, хочет пойти в тюрьму вместо меня, поскольку считает, что это единственный способ расплатиться со мной.

— Я не... — Такое впечатление, что Сэвидж готов расплакаться. Я не могу посмотреть на него, потому что не в силах оторвать взгляда от женщины, которая держит в руках мою жизнь.

Эта женщина непринужденно откидывается назад.

— Возможно, она видела, как я беру Питера и уношу его с дороги, но никак не могла видеть, как я возвращаю его в сад. Из окна ее спальни не видна калитка сада. — Она раздраженно обводит взглядом комнату. — Ради всего святого, я была в этой комнате десятки раз. И знаю, что можно, а чего нельзя видеть из окна. Она видела, как я беру на руки ее сына, запаниковала и бросилась вниз, чтобы защитить его, но когда добежала до сада, меня там не было. И его тоже.

— Рейчел, это правда?

Мои пальцы судорожно стискивают крышку стола. Если я ее отпущу, то упаду.

Кэтрин не закончила:

— Только моя бывшая лучшая подруга еще хитрее. Она ставит на то, что я не позволю ей довести дело до конца. Что в последнюю минуту отступлю и сама признаюсь, скажу вам, что сделала с Питером и где он. Она готова рискнуть и оказаться в тюрьме, лишь бы вернуть

тело сына. Вот как она любит маленького мальчика, в убийстве которого только что призналась. — Она качает головой, и ее строгое, бесстрастное лицо немного смягчается. — Бедная, бедная, глупая корова...

Я не собиралась плакать, но ничего не могу с собой поделать. Все происходит внезапно — и вот уже Скай и Джош держат меня с двух сторон, чтобы я перестала биться головой о стол. Наконец — минуты через две, но мне они кажутся вечностью, — я выпрямляюсь на стуле. Руки Скай обвивают меня, но это больше похоже на объятие, чем на смирительную рубашку. Джош сидит рядом на корточках и тяжело дышит.

— Черт возьми, я выдвину обвинение против вас обеих, если не получу ответы. — Думаю, он просто не сдержался. Он растерян, расстроен и озадачен не меньше остальных. Возможно, за исключением...

Кэтрин ждет, пока я успокоюсь, перестану всхлипывать и снова посмотрю ей в глаза.

— Пожалуйста. — Я знаю, что буду умолять, а если потребуется, встану на колени. Я готова на все, лишь бы еще раз увидеть своего маленького мальчика. Я чувствую, как сморщивается мое лицо, и понимаю, что сейчас снова заплачу.

— Рейч. — Кэтрин наклоняется ко мне над столом. Два стража повторяют ее движение, готовые оттащить ее. — Послушай меня.

Наверное, ее голос — единственное, что удерживает меня на грани безумия.

— Я три года думала о том, как заставлю тебя страдать. Три года в моей голове не было ничего, кроме отчаяния и глупых планов мести. Кое-что я даже записала, и именно поэтому я здесь. И все совершенно правы — четверг был особенным днем. В четверг я собиралась со всем покончить.

Я больше не могу. Я думала, что я сильная. Оказывается, нет.

— Рейч, слушай меня, смотри на меня! Я собиралась приехать к тебе в четверг, часа в три, до того, как мальчики вернутся из школы. Собиралась сказать, что нам нужно поговорить, что все это продолжается слишком долго, и предложить пойти ко мне на лодку, где мы будем одни, так что никто не будет знать, что мы делаем, и не помешает нам. Я знала, ты согласишься.

— Да. — Конечно, я бы согласилась. Не раздумывая.

Глаза Кэтрин остаются прикованными ко мне, но губы изгибаются в слабом подобии улыбки.

— Я планировала выйти из бухты, а затем, когда нас не будет видно с берега, выстрелить в тебя ампулой со снотворным из специального пистолета.

Никто этого не ожидал. Я вижу это по их реакции — они вздрагивают, хмурятся, нервно моргают.

— Это было рискованно. — Кэтрин не обращает внимания на полицейских; для нее в комнате мы одни. — Естественно, я примерно представляла твой вес и могла вычислить дозу снотворного для морского млекопитающего такого же размера. Но разные животные по-разному реагируют на лекарства. Я могла тебя убить.

— Ты не собиралась меня убивать?

Ее серые глаза холодны как сталь.

— Конечно, собиралась. Только медленно.

Атмосфера в комнате снова меняется. Сэвидж прочищает горло, но, похоже, не знает, с чего начать. Первой приходит в себя Скай, сидящая на полу рядом со мной:

— И каков был план? Когда... если... Рейчел проснется.

— Мы плывем на юг.

Полицейские обмениваются недоуменными взглядами.

— Какой юг? — спрашивает один из констеблей.

— Никакой, — отвечаю я, потому что Кэтрин в четырех словах подробно объяснила мне свой план. — Мы обе должны были умереть, да? Через несколько дней, возможно, неделю или около того, море станет слишком большим для такой лодки, и мы потеряемся.

Кэтрин наклоняет голову:

— Я запланировала по меньшей мере несколько дней. Достаточно времени, чтобы ты представила, что нас ждет. Подумала о том, что теряешь. Несколько дней мучений — это недостаточно, но лучшего я придумать не могла.

— Пока не увидели на дороге Питера? — спрашивает Сэвидж. — Тогда ваш план поменялся. Вы решили забрать ребенка вместо матери.

— Да.

Вот оно. Совсем близко. Я протягиваю руку к Скай, но ее уже там нет. Я не могу искать ее. Не могу оторвать взгляда от Кэтрин.

Она тяжело вздыхает, как будто ее признание, подобно моему, отнимает все силы.

— В тот день, увидев на дороге Питера, я остановила машину и взяла его на руки. Ты это видела.

Мне хочется ее остановить. Я передумала. Я не смогу это слушать.

— Второй раз за два дня я держала на руках маленького ребенка. Когда мы нашли Арчи, он был в шоке и дрожал от холода; он мог лишь прижиматься ко мне. Питер — совсем другое дело. Он обнял меня за шею и уткнулся лицом в плечо, совсем как Кит в его возрасте.

Она по-прежнему смотрит мне в глаза, но ее взгляд затуманивается. Теперь ее мысли далеко — она перенеслась в то мгновение, когда держала Питера на руках. Кажется, я вижу блеснувшую слезу.

— И... — говорит Сэвидж.

Она возвращается к реальности, моргает, пожимает плечами:

— И все изменилось.

Сэвидж открывает рот, но Кэтрин не дает ему шанса:

— Я поняла, что не смогу убить Питера. — Она снова обращается только ко мне. — У меня даже пропало желание убить тебя. Поэтому я отнесла его к калитке и оставила в саду. Вернулась к машине и уехала. Когда я в последний раз видела твоего сына, Рейчел, он был жив и здоров.

Мы снова смотрим друг на друга, целую вечность.

Пока нас не прерывает Сэвидж:

— Если вы не забирали Питера, зачем поехали к лодке? Почему исчезли на столько часов?

Кэтрин на мгновение переводит взгляд на него.

— Потому что мне нужно было подумать. Я много месяцев планировала, что моя жизнь закончится в этот четверг. Мне нужно было осознать, что не закончится. Что я не умру и не убью Рейчел.

— Почему вы все это не рассказали нам раньше?

Она раздраженно встряхивает головой:

— Мне это вряд ли помогло бы, правда? Кроме того, это не имело никакого отношения к делу, поскольку, когда я в последний раз видела Питера, с ним все было абсолютно в порядке.

Кэтрин, похоже, теряет интерес к Сэвиджу и снова поворачивается ко мне:

— Я знаю, что произошло в тот день, — говорит она. — Помнишь день, когда умерли Нэд и Кит?

Мне остается лишь молча смотреть на нее. Она знает? Знает, что я тогда сделала?

— Я знаю о твоих чувствах к Бену. — Она печально качает головой. — Никто не плачет пять часов подряд на свадьбе подруги. И ты знала о Каллуме. — Она пожимает плечами: — Думаю, искушение было слишком сильным, и ты не могла ему противиться.

Кэтрин протягивает мне руку, но стол слишком широкий.

— Все нормально, — говорит она, на ее лице мелькает тень улыбки. Это улыбка жалости, но я принимаю то, что мне дают. — Знаешь что? Если б не несчастный случай, ты, возможно, сделала бы мне одолжение. В самом деле, все нормально.

Я не знала, что страдания могут причинять такую боль. И все же где-то в далекой вселенной шестеренки снова приходят в зацепление. Колеса начинают вращаться, медленно и плавно.

Он смывает Альбатроса кровь
С моих преступных рук.

— Мне так жаль... — говорю я.

Ее стройное хрупкое тело расслабляется — ненависть ко мне покидает его. Кэтрин знает, что я это видела.

— Знаю.

— Если есть на свете что-то, что я могу сделать...

Она окидывает комнату быстрым, почти веселым взглядом.

— Конечно.

Звук дерева, скребущего по полу.

— Хватит. — Сэвидж встает. — Я докладываю шефу. И разделяю вас. Так или иначе, мы доберемся до правды.

Я открывают рот, но Кэтрин меня опережает:

— Не будьте тупицей, Джош. Можете звать Стопфорда, вернуть сюда всех констеблей, но, разделив нас, вы ничего не добьетесь. Мы

рассказали всё, что знаем. Рейчел не убивала Питера. Она не способна убить, даже спасая свою жизнь.

— А Кэтрин не умеет лгать. — Я обращаюсь к Джошу, но смотрю на свою лучшую подругу.

Она отвечает на мой взгляд:

— В отличие от тебя. Ты можешь обмануть кого угодно.

— Только не тебя, правда?

Губы Кэтрин трогает слабая улыбка. Затем она снова обращается к Сэвиджу:

— Ну же, Джош. Пока вы тратите силы на нас, никто не ищет Питера. Вы не искали ребенка с тех пор, как решили, что его забрала я.

Она его не убедила — я вижу это по его лицу. У него двое подозреваемых, и он не отпустит ни одну из нас без борьбы.

Стук в дверь. Потом появляется сержант из приемной:

— Джош, мне нужно с вами поговорить.

— Одну минуту, Нил.

— Нет. Это серьезно, Джош.

— Ради всего святого, что случилось?

Сержант окидывает взглядом комнату и решается:

— У меня в комнате для допросов Каллум Мюррей. Он утверждает, что убил Питера Гримвуда.

37

Я снова в комнате для допросов, одна. Кэтрин вернулась в свою камеру. Появление Каллума — не говоря уже о признании — ошеломило всех, но Джош Сэвидж сообразил, что ему нужно поговорить с Каллумом наедине.

Прошло уже десять минут, а его еще не зарегистрировали. На это нет времени. Мой ребенок. Питер. Я начала шептать его имя, словно мантру. *Питер, Питер, Питер.*

Я не в состоянии сидеть. Хожу по комнате, бью кулаками в стены, но не слишком громко, чтобы не привлечь внимания, потому что не должна отнимать у них драгоценное время. Выглядываю в коридор — пусто. Подхожу к окну и смотрю на небо.

Я ему не верю. Человек, у которого я плакала на плече только сегодня утром, не мог этого сделать. Мне всегда нравился Каллум.

Большой, дружелюбный, необычный во многих отношениях. Да, конечно, в его душе есть темные уголки, потому что никто не может выйти невредимым из того, что ему пришлось пережить во время войны, но все это он держит в себе, пряча от людей. Я никогда не считала его опасным.

Мой отец высокого мнения о нем, а он никогда не ошибается в людях. Меня он раскусил еще много лет назад.

Каллум не мог причинить вред моему ребенку. Но теперь я уже не верю, что это Кэтрин. Я смотрела ей в глаза. Это сделала не Кэтрин.

Может, я? Что, если я убила сына, а затем стерла память о своем ужасном поступке? Возможно ли такое? Еще немного, и я буду готова поверить во все, что угодно. Я вспоминаю, как увидела Кэтрин с Питером на руках, идущую к своей машине, потом потеряла ее из виду (тут Кэтрин была права), выскочила из комнаты, из дома, пробежала через сад...

С улицы доносится рев мощного двигателя, и я инстинктивно отодвигаюсь от стены. Звук не смолкает, а, наоборот, усиливается. Затем двигатель начинает завывать, набирая обороты. Я пчусь, почти к самой двери, но грузовик останавливается. Его фары светят прямо в окно. Снова рев двигателя, скрежет шин по асфальту, и машина уносится прочь.

В здании слышится топот бегущих ног. Еще одна полицейская сирена, удаляющаяся в направлении праздничного костра. Мне хочется постучать в дверь, спросить, что происходит, но в участке слишком мало людей, чтобы кто-то отвлекался на мою истерику. Если я и схожу с ума, то должна делать это тихо.

На празднике что-то происходит — в противном случае здесь было бы больше полицейских. Я молюсь, чтобы у Сандера хватило здравого смысла увезти детей домой, чтобы трое моих мужчин были в безопасности, неважно, в каком месте.

К общему шуму присоединяется тревожная сирена. Топот усиливается.

Побег? Каллум передумал и сбежал?

Пронзительный вой сирены не умолкает. Кто-то приближается к двери. Я отхожу назад, и в комнату вбегает Скай. На ней светоотражающий жилет.

— Берите куртку. — Не дожидаясь ответа, она сдергивает мою куртку со спинки стула.

— Что происходит? — спрашиваю я, потому что из двери явно тянет дымом. Этот запах приносит с собой и Скай. Он липнет к ней, как дешевые духи.

— Кто-то запустил фейерверк в окно. В участке пожар. — Она достает наручники. — Боюсь, мне придется надеть на вас это. Приказ сержанта.

Дым в коридоре становится гуще, и когда Скай, теперь прикованная ко мне, тащит меня в приемную, я слышу близкое потрескивание.

— Постарайтесь как можно реже дышать, пока мы не выйдем на улицу, — говорит она и заходится в кашле.

Мои глаза начинают слезиться. Я слышу шаги за спиной, но не оглядываюсь. Через бронированную дверь мы вбегаем в приемную. Сержант Нил держит открытой входную дверь, прижимая к лицу носовой платок.

Дым вырывается наружу раньше нас, сгущаясь в холодном воздухе. Скай тащит меня подальше от него и от волны жара, усиливающегося с каждой секундой. Я с облегчением вдыхаю прохладный чистый воздух.

Вслед за нами на улицу выбегает Кэтрин, прикованная наручниками к констеблю, и в этот момент лопаются одно из стекол. Кэтрин трет глаза свободной рукой и оглядывается. Но ее взгляд останавливается не на мне, а на Каллуме. Он уже на парковке, рядом с полицейским микроавтобусом, тоже прикованный наручниками к констеблю. Смотрит себе под ноги, а его плечи высоко поднимаются при каждом вдохе.

Джош Сэвидж покидает участок последним.

— Пожарная команда? — спрашивает он.

Нил взмахивает руками:

— В пути. Но где все остальные?

Джош подходит к нам:

— Все в автобус. — Он роется в карманах. — Идемте. Мы не знаем, кто запустил фейерверк, и я не оставлю вас на улице.

— Куда вы поедете? — спрашивает Нил.

Джош не знает. Это видно по его лицу.

— Будем держать связь по рации. Свяжите меня с шефом.

Нас тащат к микроавтобусу и усаживают внутрь. Джош заводит мотор раньше, чем все успевают рассесться, и мы выезжаем с парковки.

— Муниципалитет? — предлагает Скай.

— Плохая идея, — возражает констебль, к которому прикован Каллум. — Сегодня там полно людей. Вы же не хотите отвезти к ним трех человек, подозреваемых в убийстве ребенка?

— Черт. — Джош наклоняется к рулю. Мы едем прямо посередине дороги.

— Церковь? — предлагает констебль, стерегущий Кэтрин.

— Заперта по ночам, — говорит та. — Джош, поезжайте к Фонду дикой природы. Мы спрячем ключ на крыльце. Никто нас там не будет искать, а автобус можно поставить во дворе.

Джошу это предложение кажется разумным — а может, он просто хватается за соломинку. Убирает ногу с педали тормоза, и мы направляемся к зданию на Росс-роуд, где работает Кэтрин.

У здания Фонда мы все выходим. Вокруг ни души. А если кто-то и есть, мы их не видим. Воздух пропитан дымом множества костров. Такое впечатление, что Фолкленды накрыл туман, а непрерывные фейерверки похожи на артиллерийский обстрел.

Кэтрин достает ключ, и мы входим внутрь. Двери закрываются и запираются, после чего с меня и Кэтрин снимают наручники, и она ведет нас в конференц-зал. Он до жути похож на помещение в полицейском участке, где мы с ней недавно сидели. Кэтрин опускает жалюзи, и мы оказываемся отрезанными от мира.

С Каллума наручники не снимают. Четверо полицейских не желают рисковать, освобождая девяностокilограммового бывшего десантника. Они уводят его в дальний конец зала и сажают во главе стола для переговоров, отдельно от нас.

— Что теперь? — Он по-прежнему старается не встречаться взглядом со всеми, особенно со мной. — Что будет дальше?

Дальше мы спорим. Джош настаивает, чтобы мы подождали Стопфорда и остальных. Процедура должна быть соблюдена, говорит он, и трех подозреваемых необходимо допросить отдельно.

Кэтрин возражает, что Стопфорду сюда долго добираться и что обычно он никуда не торопится.

— Его не назовешь легким на подъем, — напоминает она. — А разделять нас глупо. Любое наше заявление вам придется проверять дважды. Мы просидим здесь всю ночь. А пока мы тут возимся, Питера никто не ищет.

Для Кэтрин это стало мантрой. Подгоняя нас, она каждый раз напоминает о Питере, который ждет, что мы его найдем. Я не сомневаюсь, что, если б меня здесь не было, кто-то возразил бы, что Питер мертв и что несколько часов ничего не решают. Но я здесь, и они молчат.

— Мы не сможем предъявить обвинение без допроса, — предупреждает Скай Джоша.

— Он признался, — говорит один из констеблей. — Признание решает дело.

— Ага, у меня три признания за один вечер, черт бы его побрал, — рывкает Джош. — Как хотите, но я не могу принимать их всерьез.

Минут десять Кэтрин спорит с полицейскими; я тоже время от времени вставляю несколько слов. Джош хочет дождаться подкрепления, но попытки получить информацию от Нила, оставшегося в участке, ни к чему не приводят. Совершенно очевидно, что сержант занят тушением пожара. Каллум как будто впал в транс. В конечном итоге Джош соглашается, хотя по его глазам видно, что неохотно. Узнать правду он хочет не меньше остальных.

Кэтрин находит магнитофон. Его проверяют, включают, и все мы называем себя — Каллум произносит свое имя последним.

Его лицо краснее, чем обычно. У него светлая кожа, и румянец выдает любые эмоции. Он тяжело дышит, но в целом кажется спокойным. Если не видеть его рук, сцепленных за спиной: пальцы на них непрерывно шевелятся.

Джош занял место у противоположного конца стола, напротив Каллума. Десять минут одиннадцатого. На улице совсем стемнело.

— Расскажите, что случилось днем третьего ноября, — приступает к допросу Джош. — В тот день, когда пропал Питер Гримвуд.

Каллум сглатывает.

— Я переживал за Кэтрин. — Он не смотрит на нее, хотя она практически не отрывала от него взгляда с тех пор, как мы вошли в

комнату. — Я знал, что она видела фотографию в «Дейли миррор». Понимал, что она расстроится. Хотел найти ее, убедиться, что все хорошо.

Он скашивает глаза направо и на секунду встречается с ней взглядом. Она как будто хочет что-то сказать, но потом качает головой.

— Я поехал за ней. — Каллум смотрит в мою сторону. — К вашему дому, Рейчел. Мне казалось, что не стоит оставлять ее одну.

— В какое время это было? — спрашивает Джош.

— Думаю, без нескольких минут четыре. Как раз начало темнеть. — Он смотрит на Кэтрин, словно ждет подтверждения. Она выглядит растерянной. Кэтрин, сохранявшая ледяное спокойствие все то время, пока я признавалась в убийстве сына, сломалась после первых же слов Каллума.

— Понятно. Продолжайте, пожалуйста.

— Мне не следовало садиться за руль. Я чувствовал приближение приступа.

— Приступа?

— Отключки. Нет, это не совсем верно... Я не эпилептик, но у меня бывают приступы.

На лицах всех присутствующих читается удивление.

— Посттравматическое стрессовое расстройство. У меня случаются вспышки памяти, когда я снова переживаю то, что произошло на войне. Они могут длиться несколько часов, а после них я почти ничего не помню о том, где был и что делал.

Лица сидящих за столом проясняются. Все слышали о ПТСР.

— Кто-нибудь может подтвердить ваши вспышки памяти?

— Доктор Пиррус. Я уже года два хожу к ней. И Кэтрин. Несколько дней назад я ее едва не задушил.

При упоминании приступов Кэтрин закрыла лицо руками. Теперь она смотрит на Каллума поверх кончиков пальцев.

— Ты не причинил мне вреда. На самом деле тебе досталось гораздо сильнее.

Его взгляд смягчается.

— Ты умеешь постоять за себя. Но представь, если бы передо мной был ребенок...

Я чувствую на себе тревожные взгляды и концентрируюсь на дыхании. Вдох, выдох. Если я буду выглядеть слишком расстроенной,

меня выведут из комнаты. Упираюсь взглядом в точку на стене за спиной Кэтрин. Стараюсь не смотреть на Каллума, стараюсь не думать, как эти сильные руки стискивают горло моего ребенка.

— Итак, вы ехали за Кэтрин в направлении аэропорта и чувствовали приближение приступа?

— Совершенно верно. Но, не успев доехать до дома Гримвудов, даже увидеть его, заметил «Лендровер» Кэтрин, который мчался вниз, мне навстречу. Не уверен, видела ли она меня, хотя практически заехала в кювет, чтобы разминуться со мной. И умчалась, а я поехал в противоположном направлении.

— Я тебя видела, — говорит Кэтрин.

— Меня подмывало вернуться домой, оставить тебя в покое. — Теперь он обращается только к ней. — Но потом я понял, что ты, наверное, спешешь к лодке, и мне показалось, что это плохая идея. Поэтому я поехал дальше, собираясь развернуться и последовать за тобой в порт.

— Это было без нескольких минут четыре, — уточняет Джош. — Кэтрин только что вернула малыша в сад, Рейчел увидела ее из окна и бежала вниз. Продолжайте, пожалуйста.

— Я ехал слишком быстро. Беспокоился за Кэтрин и буксовал.

— Буксовали? — Это голос Скай.

— Терял контроль. Чувствовал, что начинается вспышка памяти.

— Почти четыре часа. Должно быть, вы уже около дома?

Почти четыре часа. Каллум рядом с домом, а я... где? Надеваю туфли? Нет, в тот день я выскочила из дома босиком.

— Я подъехал к дому. Ехал слишком быстро. Не мог сосредоточиться. Питер снова выскочил на дорогу. Я столкнулся с ним. Он подлетел, ударился о капот, потом о ветровое стекло и упал под колеса.

Лицо у Кэтрин белое как мел. Она переводит взгляд с Каллума на меня, затем снова на Каллума. Я не реагирую. Не могу. Мелькает мысль: *значит, это было быстро*. Он не успел испугаться. Ведь я могу себя в этом убеждать, правда? Есть куда более страшные виды смерти.

Каллум продолжает рассказ:

— Естественно, я остановился. Вышел. Но мальчик был мертв, я это точно знаю. В противном случае я бы что-нибудь предпринял,

позвал на помощь — обязательно. Но я видел достаточно трупов и понимаю, когда человеку уже ничем не поможешь.

Мгновенная смерть. Если ему было суждено умереть, это ведь самый лучший вариант, да? Я чувствую, что Скай держит меня за руку, и благодарно стискиваю ее пальцы.

— Что вы с ним сделали? — спрашивает Джош.

Каллум ни на кого не смотрит.

— Поднял, завернул в одеяло, которое лежало у меня в машине, и положил в багажник, в ящик для оружия. Потом развернулся и поехал вниз. Наверное, в порт, все еще надеясь найти Кэтрин, но в этом я не уверен.

Ровно то же, в чем признавалась я. В своей дурацкой выдуманной истории я положила его в багажник своей машины. И теперь расплачиваюсь за это.

— Вы не уверены? — Скай выпустила мою руку. — Вы отчетливо помните несчастный случай, но не помните, что делали сразу после него?

— Смутно. — Каллум делает глубокий вдох, готовый продолжать.

— Несколько секунд назад вы сказали, что почти не помните, что происходит во время вспышек памяти, — говорит Скай. — По вашим же словам, только картины боевых действий. Тем не менее вы помните, что сбили Питера и положили его тело в багажник?

— Дайте мне договорить, ребята.

Джош прочищает горло:

— Продолжайте, Каллум.

— От тела я избавился в тот же день, позже. Точное время сказать не могу, все было как в тумане, но я помню, что приехал к скалам над Порт-Плезант.

Кэтрин вскидывает голову, словно собака, учуявшая след.

— Я свернул с дороги, подъехал как можно ближе к краю и вытащил Питера из машины. А потом сбросил со скалы.

Скай снова хватает меня за руку. Это уже не имеет значения, убеждаю я себя. Он уже не мог ничего испугаться. Ему уже было не больно.

— Сержант, думаю, нужно увести отсюда Рейчел.

— Я в порядке, — говорю я, хотя стискиваю руку Скай с такой силой, что не уверена, в порядке ли она. — Спасибо, Скай, но со мной

все нормально. Продолжайте, пожалуйста.

— Вы видели, как он упал? — спрашивает Джош, бросив на меня обеспокоенный взгляд.

Каллум качает головой:

— Я не смотрел. Думал, что уже начался прилив. Предполагал, что его смоем водой.

Кажется, я отключилась. Я ничего не вижу. Через секунду понимаю, что просто закрыла глаза.

— Почему вы не признались раньше? — спрашивает Джош. — Почему пришли сейчас?

— Потому что ничего не помнил. Я понятия ни о чем не имел, пока не увидел отпечаток ноги в вашем компьютере.

— Стойте, стойте. Какой отпечаток ноги?

Теперь это всего лишь голоса, витающие вокруг меня в темноте.

— Сегодня я уже приходил в полицейский участок. В задней комнате были сотрудники, но их куда-то вызывали, и я остался один. Я посмотрел в ваш компьютер, Скай, и увидел отпечаток ноги, который был снят у дома Рейчел. И сразу же понял, что он мой. Эти ботинки были на мне только в день исчезновения Питера, и, значит, я должен был выйти из машины, хотя ничего не помню.

У меня такое чувство, что все кивают, следя за объяснением.

— Увидев отпечаток ботинка, я понял, что в тот день, наверное, убил Питера, но это стерлось у меня из памяти. Я пошел к машине, уверенный, что найду его в ящике для оружия. Естественно, его там не было — и одеяла тоже.

Нет, он лежал на берегу, изуродованный после падения на скалы. Боже, а если он был жив? Что, если там, внизу, он цеплялся за жизнь, плакал, звал... не меня, он не стал бы звать меня.

— Рейчел, с вами всё в порядке?

Вопрос Скай приводит меня в чувство. Я открываю глаза и киваю. Четверо полицейских смотрят на меня. Взгляд Кэтрин прикован к Каллуму. Он уставился куда-то в пространство.

— Думаю, вам лучше подождать снаружи. — Джош делает еще одну попытку.

Я качаю головой. Никуда я не пойду.

В голову Скай приходит какая-то мысль.

— Каллум, я понимаю, почему вы забеспокоились, но у вас нет никаких оснований предполагать, что вы его убили.

— Согласен. — Джош разочарован не меньше, чем Скай. — Если я правильно понимаю, ничего этого вы не помните, а просто предположили, когда увидели в компьютере отпечаток ноги и обнаружили пропажу одеяла.

Теперь взгляд Каллума упирается в крышку стола. Я не испытываю такого же облегчения, как окружающие меня полицейские. Кэтрин тоже. Мы обе знаем, что это еще не всё.

— Сегодня днем я поехал на берег, — говорит Каллум. — Туда, где должно было упасть тело ребенка.

Мы ждем.

— Я его нашел.

Не сдержавшись, я всхлипываю. Лицо Кэтрин, сидящей напротив меня, морщится. Мне кажется, я вижу, как она протягивает мне руку, но затем резко отдергивает.

— Вы его нашли? Он на берегу? Он еще там? — спрашивает Джош.

Каллум опускает голову, потом вновь поднимает. Мой ребенок еще на берегу. Я гоню от себя эту картину. Пытаюсь ни о чем не думать. Эти маленькие тонкие ручки, нежная кожа...

Джош отдает распоряжения двум констеблям:

— Спуститесь вниз. Как можно быстрее. Позвоните, когда найдете его.

— Подождите. — Лицо у Кэтрин белое как мел.

Джош отмахивается от нее:

— Нет. Ждать больше нечего. Идите, вы двое. Дайте мне знать, как только что-нибудь найдете.

— Будьте осторожны! — кричит Кэтрин им вслед. — Склон там крутой, опасно даже днем. Возьмите мощные фонари и смотрите под ноги!

Как только дверь захлопывается за ними, она поворачивается к Каллуму:

— Что ты видел на берегу? Точно опиши, что ты видел.

Что она делает? Скай снова берет меня за руку. Джош прочищает горло:

— Думаю, в этом нет необходимости. Нам нужно отвезти Рейчел к семье. Кэтрин, вы не против остаться здесь, пока мы не закончим?

Кэтрин теперь смотрит прямо на меня.

— Верь мне, — говорит она. — Верь мне, Рейч.

Я киваю. Кажется, это меньшее, что я могу сделать. Она снова поворачивается к Каллуму:

— Что ты видел на пляже?

Тот смотрит на меня, словно спрашивая разрешения.

— Продолжай, — говорю я.

— Одежду я нашел довольно быстро. Оно зацепилось за камень у самой линии прилива. Сначала я больше ничего не увидел, но когда подошел ближе... простите, Рейчел... я увидел его тело.

Я хочу быть храброй. Хочу верить Кэтрин, но мысль о том, что мой ребенок лежит у подножья скалы...

— Нет! — Кэтрин хлопает ладонью по столу. — Расскажи, что ты видел. А не то, что ты *думаешь*, что видел. Что ты видел?

— Ради всего святого, Кэтрин!

Она встает и, прежде чем полицейские успевают ее остановить, подходит к Каллуму и наклоняется к нему через стол:

— Ты видел одежду? Когда я брала на руки Питера, на нем были синие шорты и футболка в желтую и белую полоску. Ты их видел?

Он заставляет себя сосредоточиться и качает головой:

— Одежды не было. Думаю, ее сорвало. Кэт, он пролежал на берегу два весенних дня. Ты знаешь, что с ним должно было произойти.

Тело моего ребенка могло стать добычей любого существа, летающего, ползающего или плавающего на этих островах. Я чувствую, как глубоко в горле зарождается крик. И когда он поднимется выше, я не смогу его сдержать.

— Ты видел обувь? — Кэтрин неумолима. — Я точно помню, что на нем были сандалии с пряжками. Они так просто не слетели бы с его ног.

Кажется, Каллум задумался. Видел ли он на пухлых маленьких ножках коричневые кожаные сандалии?

— А волосы? Питер — блондин. Мне показалось, что волосы у него довольно длинные. Похоже, ему не помешало бы постричься. Ты видел волосы?

— Я видел достаточно! И, черт возьми, не собирался проводить вскрытие!

Я отодвигаюсь от Скай, обхватываю себя руками и принимаюсь раскачиваться взад-вперед — древняя, как мир, реакция на горе. Значит, вот как она меня наказывает? Заставляет пройти через все это?

Кэтрин опускается на колени рядом с Каллумом и сжимает ладонями его лицо. Похоже, он хочет вырваться. Она его не отпускает.

— Скажи мне, что ты видел. Рейчел выдержит. Она сильнее, чем кажется.

Сомневаюсь. Я на волоске от истерики.

— Ребра, череп, позвоночник. Что-то похожее на пальцы. Больше я не мог смотреть. Увидел это и ушел.

— Только скелет или с остатками плоти?

Каллум издает звук, похожий на всхлип. Она его мучает — вместе со мной.

— В основном скелет. Немного плоти, но, когда я подошел, его клевали птицы. Там почти ничего не осталось.

Кэтрин тяжело вздыхает, затем встает, наклоняется и целует его в лоб. Я не верю своим глазам. Конечно, она меня ненавидит, но...

— Ты видел тюленя, идиот.

— Что? — одновременно вскрикивают Джош и Скай.

Кэтрин выпрямляется:

— Южноамериканский морской котик, скорее всего. Молодые взрослые особи размерами очень похожи на маленьких детей. — Она оглядывается на дверь. — Могу показать. Позвольте включить компьютер, и я покажу вам скелет тюленя.

Джош и Скай растерянно смотрят друг на друга. Взгляд Каллума прикован к Кэтрин. Я просто не разрешаю себе думать. Не дожидаясь разрешения, Кэтрин выходит из комнаты. Джош машет Скай, чтобы она не упускала ее из виду. Я иду за ними. Замыкают шествие Каллум и Джош.

Все происходит как в замедленной съемке. По крайней мере, для меня. Я фокусирую взгляд на затылке Кэтрин. Она включает компьютер, вводит имя пользователя и пароль.

— В тот день ты действительно приезжал в Порт-Плезант. — Она повышает голос, чтобы ее мог слышать Каллум. — Ранним вечером,

примерно в половине седьмого. Сначала я услышала твою машину, потом увидела тебя.

Мы выстраиваемся полукругом рядом с Кэтрин. Все взгляды прикованы к экрану, но Джош и Скай стараются держаться между Каллумом и мной.

— Вы можете подтвердить, что третьего ноября около половины седьмого мистер Мюррей приезжал на утес над Порт-Плезант? — спрашивает Джош.

— Да, примерно в это время. — Она отвлекается, просматривая базы данных. Потом вводит запрос в строку поиска, но печатает слишком быстро, и я не успеваю прочесть. — Он пробыл там около получаса. Большую часть времени сидел в машине, но один раз вылез и подошел краю скалы. — Она поворачивается к Каллumu: — На секунду я даже испугалась. Ты стоял на самом краю.

— Он что-то с собой нес? — продолжает Джош. — Что было у него в руках?

Кэтрин листает изображения.

— Ничего. На нем были потертые джинсы и джинсовая куртка. На шее синий с коричневым шарф. Утром он был одет иначе. Помню, я удивилась, зачем он переоделся.

— Я тебя видел? — спрашивает у нее Каллум.

Она качает головой:

— Я была внизу, наблюдала за тобой через люк. Но все время, пока ты там стоял, не спускала с тебя глаз. Хотела уже вылезти на палубу и помахать тебе, но ты повернулся, сел в машину и уехал.

— Значит, я сделал это позже.

— Да, ты вернулся. — Она кивает, соглашаясь с ним. — Гораздо позже. На следующее утро. Я видела, как ты остановил машину, вылез и снова подошел к краю скалы. На этот раз ты накинул на плечи одеяло. Вполне разумно — рассвет был очень холодным. Ты смотрел, как меня арестовывают и пересаживают в другую лодку.

Он тоже кивает:

— Это я помню. К тому времени приступ закончился. Уже несколько часов назад. Я не спал всю ночь.

— Да, вид у тебя был слегка помятый. До приезда полиции я рассматривала тебя в бинокль.

— Кто-нибудь еще его видел? — спрашивает Джош. —
Полицейские, которые вас арестовывали?

— Возможно, но их внимание, скорее всего, было приковано ко мне. Я расскажу, что видела, прежде чем они увели меня на нижнюю палубу полицейского катера.

— Что?

— Я видела, что ты повернулся и пошел к своей машине. А еще я видела, что ветер сорвал с тебя одеяло. Оно взлетело вверх, а затем упало со скалы.

Каллум трясет головой, не осмеливаясь поверить ее рассказу.

— А ты даже не заметил, да? Думал только обо мне... Вот так.

Она увеличивает масштаб изображения на экране. Все мы смотрим на скелет южноамериканского морского котика. Около метра длиной, явно принадлежит тюленю.

— Кэтрин, я не... — бормочет Джош.

— Он не будет целым, как этот. — Она повышает голос, чтобы завладеть нашим вниманием. — Его изуродовали падальщики. Каллум, сегодня на берегу ты нашел одеяло, и это подтвердило твои худшие опасения. Потом ты увидел грудную клетку, очень похожую на грудную клетку ребенка. Увидел фрагменты позвоночника, также неотличимые от человеческих, и, возможно, часть черепа. Даже кости плавников могут показаться похожими на человеческую руку — особенно для того, кто немного не в себе. Но теперь ты знаешь, что не бросал одеяло, и поэтому у тебя нет причины думать, что ты сбросил вниз ребенка.

На окружающих меня лицах написано сомнение. Я хочу верить, но...

Кэтрин отвернулась от компьютера и теперь смотрит прямо на Каллума:

— Все время, пока ты стоял на вершине скалы, я за тобой наблюдала. Ты не сбрасывал Питера. Ты не убивал Питера.

— Тогда кто же, черт возьми?

Они оба смотрят на меня. Я качаю головой. Я его не убивала. Не знаю, кто это сделал. Теперь мы трое смотрим друг на друга, как будто двух полицейских не существует. Первым нарушает молчание Каллум:

— Он исчез... в течение пятнадцати минут? В то время мы с Кэтрин были рядом с вашим домом. Три машины на той дороге

одновременно? Невозможно.

— Я его не видела. Когда я выбежала из дома, его уже не было.

— Это точно я. Мне жаль, Кэтрин, но лишь у меня нет алиби. Лишь у меня проблемы с психикой. Лишь я раньше применял насилие к другим людям.

Она качает головой:

— Нет.

— Там больше никого не было.

— Если не считать двух братьев, — тихо говорит Скай.

38

Мне казалось, что мои чувства умерли. Как же я ошибалась... На лице своей подруги я вижу отражение собственного шока.

— Нет, — повторяет она.

Каллум не собирается перекладывать вину на других:

— Не говорите глупостей, Скай!

— Когда пропал Питер, в доме или рядом с ним находилось пять человек. — Тон у Скай спокойный, но настойчивый.

— Рейчел, когда вы спустились в сад, два ваших старших сына были там? — спрашивает Джош.

Я делаю вид, что вспоминаю.

— Нет, — отвечаю я через несколько секунд. — Они были где-то на пляже. Говорили, что собираются посмотреть затмение. Вернулись, когда я их позвала. Помогали искать Питера.

— Вы все время были вместе?

Нет. Когда я поняла, что Питер пропал, то мгновенно поддалась панике и перестала соображать.

— Думаю, они вернулись на пляж. Я обыскала дом и конюшни. Не видела их минут двадцать. Потом я позвонила в полицию.

Молчание. Я не в состоянии вынести то, что читается на лицах сидящих передо мной людей.

— Мальчики любят брата. Они заботятся о нем лучше, чем я. И не причинили бы ему вреда.

— Конечно, нет, Рейчел. — Скай вновь берет меня за руку. — Но это мог быть несчастный случай. Наверное, они чувствовали себя виноватыми. Не могли заставить себя признаться.

Калитка сада. Сколько раз мама говорила мне о ней... Тропинка на утесе плохо видна в полутьме.

— Мне нужно домой. Мне нужно с ними поговорить.

— Мальчики дома? Мне казалось, они с бабушкой и дедушкой.

— Сандер вернулся. Он должен был привести их домой. — Я смотрю на Джоша: — Мне нужно с ними поговорить.

— Мы не можем сейчас туда поехать. У нас слишком мало сотрудников.

Каллум пожимает плечами, намекая, что он все еще в наручниках.

— Я уже не представляю опасности.

Джош, видимо, решил, что за сегодняшний вечер уже нарушил столько правил, что можно плюнуть на остальные. Мы выбегаем на улицу и набиваемся в микроавтобус. Скай за рулем, Джош сзади, приглядывает за всеми нами. Ему нечего волноваться. Наши взгляды прикованы к дороге, и у нас одно желание — как можно быстрее добраться до моего дома.

Скай мчится к окраине Стэнли, объезжая людей на дорогах. На часах без нескольких минут полночь.

Каждый раз, когда я думаю, что хуже быть не может, оказывается, что может. Если моему сыну было суждено умереть, я бы предпочла, чтобы он стал жертвой мести Кэтрин или психического расстройства Каллума, а не погиб от руки собственных братьев.

Вспоминаю, как Ральф спрашивал, не болтаются ли мальчики у обломков кораблекрушения. Должно быть, он что-то видел: следы на песке или кого-то из детей, карабкающегося на борт судна. Они отнесли его туда? Как мне убедить их, что они не виноваты? Что это моя вина? Это я обязана заботиться о нем. Это я не справилась, а не они.

Когда мы подъезжаем к дому, я первой выскакиваю наружу. Джош кричит мне вслед, чтобы я подождала их, но я успеваю пересечь сад и открыть дверь раньше, чем они выбираются из микроавтобуса.

Я думала, что мальчики спят, но из гостиной доносятся звуки включенного телевизора. Сандер смотрит на меня с дивана. Его голубые глаза, затуманенные горем, светлее обычного. По обе стороны от него устроились мальчики, положив головы ему на колени. Оба укрыты одеялами. Оба спят.

Скай догоняет меня и кладет ладонь мне на плечо:

— Спокойно, Рейчел.

— Мне нужно с ними поговорить. — Я перевожу взгляд с Криса на Майкла, таких юных и прекрасных во сне. — Разбуди их. — Я тоже шепчу, прошу их разбудить так тихо, чтобы они не проснулись.

Сандер раскидывает руки, словно хочет защитить их от меня. По его лицу я понимаю, что он считает меня убийцей своего младшего сына.

— Что ты делаешь? Уходи отсюда.

— Мистер Гримвуд, нам нужно поговорить с Кристофером и Майклом. — Скай становится между мной и Сандером. За нашими спинами появляются Джош, Кэтрин и Каллум.

Что-то разбудило Криса — то ли шум, то ли холодный воздух. Он трет и открывает глаза.

— Мама...

Крис подсакивает, как только может подскочить внезапно разбуженный ребенок. Я бросаюсь к нему, и он обнимает меня за шею.

— Ты им сказал? — Я смотрю на Сандера поверх головы сына.

Крис напрягается:

— Что сказал? Мама, что он должен был нам сказать?

Я беру его голову в свои ладони. Кажется, это лицо я люблю больше всех лиц на свете.

— Крис, скажи мне правду. Мы с папой любим вас с Майклом больше всего на свете, и что бы ни случилось, мы всегда будем вас любить и защищать, но ты должен сказать нам правду.

Его выдает лицо. Дрогнувшие черты, потемневшие глаза. Ему не нужно спрашивать, что я имею в виду.

О боже, нет...

— Рейчел, что происходит?

У меня нет сил продолжать. Я не хочу этого слышать. Губы Криса дрожат. В глазах появляются слезы.

— Прости, мама. — Он всхлипывает. Я крепче прижимаю его к себе. Я потеряла одного сына и не намерена терять другого.

— Все хорошо, мой ангел. Что бы ни случилось, все хорошо. Я тебя люблю.

Теперь он уже плачет, уткнувшись мне в плечо. При каждом его вдохе я слышу слово «прости» и думаю, что в следующий раз у меня разорвется сердце.

— Рейчел... — Сандер все еще сидит на диване, не решаясь побеспокоить Майкла. Тон у него умоляющий.

— Произошел несчастный случай. — Теперь мне все ясно. — В тот день, когда пропал Питер. Это полностью моя вина, я за ним не уследила. Он пошел за мальчиками на пляж и упал. Они увидели, что произошло, увидели, что он мертв, и решили, что они виноваты. Но это не так, мой милый, совсем не так. — Я начинаю качать Кристофера. Кажется, он пытается отстраниться, но я еще не готова его отпустить. — Они запаниковали и где-то спрятали тело. Скорее всего, на затонувшем корабле. Они думали, что я рассержусь. Что буду винить их, но я никогда этого не сделаю, мой ангел. Вы не должны себя винить.

За моей спиной всхлипывает Скай.

— Ты должен нам все рассказать, мой милый. Должен сказать, где он.

— Питер не мертв, мама. Он в лодочном сарае.

Я замираю, не в силах пошевелиться. В отличие от остальных. Незаметно для нас Майкл проснулся и сидит рядом со отцом. Его взгляд мечется между мной и людьми у двери.

— Привет, тетя Кэтрин.

— Что?

Я не знаю, кто это сказал. Но точно не я. Я не могу говорить. Только смотреть.

Майкл моргает, прогоняя сон, потом опускает взгляд в пол — как обычно, когда знает, что ему грозят неприятности.

— Мы спрятали его в лодочном сарае, когда все смотрели затмение. Чтобы он не плакал, дали ему твои снотворные таблетки. Крис сказал, что, если ты подумаешь, что он пропал, ты будешь любить его так же, как нас. Он сказал, что ты будешь такой же, как мамы других малышей, расстроишься и все такое. Это Крис придумал.

Крис не шевелится. Его голова словно приклеилась к моему плечу. Кажется, он перестал дышать.

— И те записки писал Крис. Я видел. Он отправлял их из города.

Кажется, Сандер встает.

— Наверное, Питер уже хочет выйти оттуда, — говорит Майкл. — У нас закончились таблетки. Он сегодня много плакал.

Я не двигаюсь. Не могу. Вместо меня в движение приходит весь мир. Дом растворяется в тумане, вот я уже снаружи, чувствую на своем лице порывы ветра и соленые брызги. Звуки обрушиваются на меня из темноты со всех сторон. Голоса любимых людей. Крики чаек. Оглушающий рев ветра и удары часов на колокольне городской церкви, отбивающие полночь.

— Рейчел, пустите нас вперед! Вернитесь!

— Стойте, Рейчел! Не бегите там, в темноте!

— Кто-нибудь, снимите с меня эти проклятые наручники!

— Мама, прости!

— Мама!

Я вижу пляж, мерцающий в свете фейерверков. Сначала он далеко внизу, потом ближе — словно поднимается мне навстречу. Взрывы артиллерийским огнем отражаются от скал. Я падаю, и пляж подхватывает меня. Я не могу дышать, руки и ноги становятся ватными, в голове ни одной мысли, но старая каменная кладка уже прямо передо мной. Лодочный сарай, в который никто не заходил уже лет десять.

— Рейчел! — Голос Сандера с вершины утеса. — Они говорят, световой люк открывается. Через него они и залезли.

Я оглядываюсь, пытаюсь понять, как мальчики попали на крышу. Вижу камни, выпавшие из стены кирпичи, бегу туда, но меня догоняет Каллум. Он бьет ногой в дверь, и та проваливается внутрь. В нос ударяет запах мокрой соломы и грязных подгузников. Каллум хочет войти, но я опережаю его.

Питер — заплаканный, грязный и сонный от таблеток — сидит на старой попоне. Вокруг него солома, а в руке он держит плюшевого кролика. На его лице появляются растерянность и отчаяние, и он протягивает ко мне руки. Опустившись на колени, я слышу топот ног и сдавленный крик — моя лучшая подруга снова рядом со мной. Руки сына крепко обнимают меня за шею, и пухлыми пальчиками он разрывает ржавую, осклизлую цепь.

Альбатрос падает в море, опускаясь на самое дно.

Пятница, 3 ноября 1995 года
Двенадцать месяцев спустя

39

Я подъезжаю к старому дому Кэтрин над Уэйлбон-Бэй, слушая голос отца, доносящийся из радиоприемника:

— Это был Джон Уилкок из Фолклендского фонда дикой природы, который сообщил нам последние новости об устранении нефтяного пятна в районе острова Каркасс, и я хочу еще раз напомнить всем судам на островах, чтобы при малейшем признаке загрязнения они немедленно сообщали в Фонд. В это время года загрязнение особенно губительно для дикой природы.

Я останавливаю машину в самом безопасном месте, как можно дальше от малейшего намека на склон, надежно фиксирую ручной тормоз и поворачиваюсь к мирно спящему на заднем сиденье Питеру. И не могу удержаться от улыбки. Он так вырос за прошедший год... А когда не спит, болтает без умолку. И не отстаёт от меня ни на шаг — настоящий маменькин сынок.

Вы слушаете Роба Дункана и его дневную передачу на «Фолклендском радио». Через несколько минут я попрощаюсь с вами — но сначала новости, которые я приберегал для вас весь день. Хорошие новости из Сент-Эндрюса, с восточного побережья Шотландии, о наших добрых друзьях, к сожалению, покинувших наши острова почти год назад.

Итак, все должно быть официально... Где эта распечатка? Спасибо, Мейбл. Внимание.

Кэтрин и Каллум Мюррей счастливы сообщить о благополучном рождении их первого ребенка, дочери. Скай Элиза родилась сегодня утром в десять тридцать по Гринвичскому времени, с весом семь фунтов и две унции. У нее светло-рыжие волосы, а глаза, как здесь

указано, одинакового цвета. Какого именно, мы узнаем позже. Насколько я понимаю, мать и ребенок чувствуют себя отлично.

Я выхожу из машины и иду к вершине скалы. На горизонте видна лодка, которая держит курс прямо на меня. Даже с такого расстояния она кажется знакомой.

Сегодня необычно теплый и безветренный день, и люди приехали на пляж целыми семьями. Чуть поодаль несколько ребят играют в футбол. Один мальчик, лет шести, отделился от остальных. Похоже, его заинтересовал песок. Я все еще слышу голос отца из приемника:

Всем, кто захочет послать открытку или поздравление, будет интересно узнать, что моя дочь Рейчел — уверен, она не станет возражать, что я об этом рассказываю, — получила приглашение стать крестной матерью девочки и вылетает в следующую среду. Свяжитесь с ней, если хотите сэкономить на почтовых расходах.

Лодка приближается и сбрасывает скорость, направляясь к маленькому причалу на пляже внизу. Я с трудом различаю одинокую фигуру за штурвалом.

Нам с Кэтрин уже никогда не вернуть былую близость. Я поняла это вскоре после той ночи, когда мы нашли Питера в лодочном сарае. Невозможно дружить с человеком, который столько у тебя отнял. Поэтому я даже испытала облегчение, когда Каллум уговорил ее переехать в Шотландию. На расстоянии мы можем притворяться подругами, а приглашение стать крестной — сигнал всему миру, что я прощена. Этого достаточно. Должно быть достаточно.

А пока я совершаю ежегодное паломничество к тому месту, где убила ее сыновей.

Прошло ровно четыре года с того дня, как я приехала сюда на час раньше условленного времени в тщетной и довольно жалкой надежде провести время с Беном, так чтобы Кэтрин не могла нам помешать. Мне казалось, что она вскоре бросит его. Я была полна решимости подобрать обломки. Бен. Я больше ни о чем не могла думать. Только о жизни с Беном.

Позади меня, в машине, отец заканчивает свою передачу:

На прощание я поставлю вам песню из 1982 года, того самого года, когда Каллум впервые приехал на эти острова. Для его новорожденной дочери, Скай, Элтон Джон поет «Голубые глаза».

Я никогда не рассказала бы Бену о романе Кэтрин и Каллума, на этот счет она ошибалась. Если вы спросите меня, что произошло, я отвечу: Бен все понял после того, как ее третий ребенок родился мертвым. Сын с такими же светло-рыжими волосами, как у его биологического отца. Не стану отрицать, четыре года назад я приехала сюда, чтобы предать ее, но совсем не так, как она думала. Я сама хотела завести роман с ее мужем.

* * *

Я тяжело дышу — как обычно, когда прихожу сюда, — но сквозь звук своего дыхания слышу, как смолкает двигатель лодки и в бухте становится тихо. Это лодка Кэтрин — неудивительно, что она показалась мне знакомой. Только за штурвалом не Кэтрин. Она за тысячи миль отсюда, в послеродовой палате больницы. Внизу Бен швартуется к пристани.

Конечно, с мечтой покончено. Она рассыпалась раньше, чем я убила сыновей Кэтрин, потому что в тот день он меня отверг. Он понял, зачем я пришла, еще до того, как я успела произнести десяток слов. Сочувственно — Бен всегда был добрым человеком, — но твердо он сказал, что это невозможно. Что, даже не будь я лучшей подругой его жены, ему такое и в голову не пришло бы. И никогда не придет.

— Где дети? — спросил Бен, когда я отвернулась от него, глотая слезы и собираясь выбежать из дома. — Рейчел, где ты оставила мальчиков?

Он выскочил вслед за мной наружу. Раньше меня увидел, что происходит. Бросился к машине, но было уже поздно. Думаю, меня до конца дней будет преследовать эта картина: пальцы Бена, цепляющиеся за бампер машины, и испуганное лицо Кита, который в последний раз смотрел в глаза отца.

Крик Бена, когда машина рухнула вниз, я буду вспоминать на смертном одре.

И все же он оказался самым сильным из нас. Кэтрин, Каллум и я были растеряны, раздавлены горем, а Бен сумел справиться. Кэтрин отрезала себя от мира, искала лишь призраки тех, кого потеряла, а он стремился к жизни, нашел любовь и построил свой мир заново. Кэтрин была снедаема ненавистью, составляя бесконечные, но бесплодные планы мести; Бен нашел в себе мужество простить.

Боль, которая терзала его, была ничуть не слабее той, что испытывали Кэтрин, Каллум и я, но Бен, будучи врачом, нашел способ исцелить себя.

Я смотрю, как он перепрыгивает на причал и медленно идет к берегу своей расслабленной, непринужденной походкой. Сдвигает темные очки на лоб и оглядывается. Я делаю шаг назад, хотя он вряд ли может меня заметить. Бен садится на корточки, и я вижу, что маленький мальчик тоже подошел к причалу. Они разговаривают. Бен, похоже, показывает мальчику что-то в своей руке, какой-то предмет, который достал из кармана, и теперь я вижу, что этот ребенок худой, смуглый и кареглазый, как Нэд и Кит — два мальчика, которых я убила.

Бен машет рукой в сторону лодки. Мальчик провожает взглядом его жест.

Худой, смуглый, кареглазый, похожий на Фреда и Джимми, двух мальчиков, гибель которых все убедили себя считать трагической случайностью. А какое-то время верили, что их убила обезумевшая от горя Кэтрин, потому что они напоминали ей мертвых сыновей.

Внезапно из машины раздается плач. Питер проснулся в одиночестве, не понимая, где находится, и запаниковал. Радуюсь предлогу, я бегу назад, склоняюсь к сыну, целую и успокаиваю его. Пора возвращаться. Его братья скоро будут дома, а я теперь всегда стараюсь встречать их в саду.

Вытирая слезы Питеру и обещая шоколадное пирожное с орехами, когда мы вернемся домой, я слышу, как снова завелся двигатель лодки.

Я не хочу оглядываться, смотреть на пляж, но ничего не могу с собой поделать. Это выше моих сил. Лодка, за штурвалом которой стоит Бен, движется медленно, на малых оборотах, но уже отошла от причала. Покидая мелководье, она набирает скорость и отворачивает

от Стэнли, держа курс на пролив и открытое море. Ребенка нигде не видно.

Я сажусь в машину, завожу мотор, включаю заднюю передачу. И еду домой, зная, что больше никогда сюда не вернусь. И, главное, не смотрю на пляж. Не смотрю на полоску песка ярдах в двухстах от пристани, где приехавшая на пикник семья скоро начнет искать младшего сына.

Примечания автора

Это художественное произведение, отчасти вдохновленное событиями Фолклендской войны 1982 года. В рассказе есть упоминания о реальных событиях, но все персонажи книги являются плодом моего воображения. Любое совпадение с реальным человеком, живым или уже ушедшим, каким-либо образом связанным с Фолклендскими островами, является чистым совпадением.

3 ноября 1994 года на Фолклендских островах действительно наблюдалось солнечное затмение, но я сместила его начало на пару часов.

Библиография

Я с удовольствием прочла следующие книги и нашла их полезными:

A Little Piece of England by Andrew Gurr (John Blake, 2001)

Storming the Falklands by Tony Banks (Little Brown, 2012)

Forgotten Voices of the Falklands by Hugh McManners (Ebury Press, 2007)

A Falkland Islands Story (A Doctor on Horseback) by Tom Hopwood (Lulu Press, 2007)

Atmosphere, Landscapes of the Falkland Islands by Ian and Georgina Strange (Design in Nature, 2005)

Birds and Mammals of the Falkland Islands by Robin W. and Anne Woods (Wild Guides Ltd, 2006)

Falkland Adventure by Andrew Coe (Bluebell Publishing, 2000)

Old Whaling Days by William Barron (Irving Lewis Press, 2007)

Благодарности

Книга редко бывает результатом усилий только одного автора, и моя точно не такая. Я хочу поблагодарить:

Адриана Саммонса, который подал идею выбрать местом действия Фолклендские острова.

Триш Престон Уайт, которая проходила службу на Фолклендских островах в составе Королевских ВВС, и Энди Уильямса, прожившего там много лет.

Команду «Трансуорлд» за их дружбу, поддержку и помощь. Мне еще не приходилось работать с такими прекрасными людьми. Моя особая благодарность Саре Адамс, Элисон Барроу, Ларри Финли, Фрэнки Грей, Клэр Уард, Сюзанне Райли, Кейт Самано и Биллу Скотту Керу.

Элизабет Лэкс, Эндрю Мартина и Келли Рагланда из «Сент-Мартинс пресс», моих издателей в США.

Белинду Бауэр, позволившую украсть название.

Семью Бакман (Рози, Джессику и Питера), моих замечательных агентов, дома и за океаном.

И, наконец, Энн Мари Даултон, которая в этом году заслуживает специального упоминания (она знает почему).

notes

Примечания

1

Здесь и далее пер. В. Левика.

2

Кокпит — внутреннее пространство судна, предназначенное для нахождения в нем рулевого и пассажиров.

Аргентина до сих пор называет этот архипелаг Мальвинскими островами, в то время как для всего остального мира они остаются Фолклендскими.

4

1 фут = 30,48 см.

Нантакет — остров в Атлантическом океане у Восточного побережья Северной Америки.

Южная Георгия — крупный субантарктический остров в Южной Атлантике.

Дроссель — устройство для изменения расхода рабочей жидкости с целью регулирования скорости.

Швартов — трос, предназначенный для подтягивания и удержания судна у причала или у борта другого судна.

Песня ямайского исполнителя Айна Камозе.

Американский телесериал о супергероях (с 1993 г.).

Дифференциал — механизм передачи мощности вращением. В первую очередь это необходимо при поворотах.

Сериал, выходивший в Англии в 1975–1979 годах. Был внесен Институтом кино в список «100 величайших телепрограмм страны».

13

Самая восточная точка Фолклендских островов.

Кролик Бенни (Бенни Банни) — антропоморфный персонаж, появляющийся в ряде сказок английской детской писательницы Б. Поттер. Но, скорее всего, автор спутала его с двоюродным братцем Кроликом Питером, поскольку как раз тот носил синюю курточку.

Сонар — средство звукового обнаружения подводных объектов с помощью акустического излучения.

Экспат — сокращение от «экспатриант»; человек, длительно проживающий в другой стране.

Бинго — азартная игра, похожая на лото.

Мистраль — северо-западный ветер, дующий на средиземноморское побережье Франции.

«Дуглас А-4 Скайхок» — легкий палубный штурмовик американского производства.

20

1 ярд = 0,9 м.

Вист — командная карточная игра, предшественница бриджа и преферанса.

Аллюзия на название знаменитого хита «Killer Queen» («Королева убийц») группы «Куин».

Семейный фильм о дружбе мальчика и косатки (1993).

«Слон в комнате» — идиоматическое выражение в английском языке; означает обстоятельство, настолько важное и очевидное, что нелепо пытаться его игнорировать, однако окружающие либо действительно не видят его, либо по каким-то причинам предпочитают молчать о нем.

Гай Фокс (1570–1606) — самый знаменитый участник Порохового заговора против английского и шотландского короля Якова I (1605). Ночь Гая Фокса, также известная как Ночь костров и Ночь фейерверков, — традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября.

В Великобритании номер телефона экстренных служб.

Синергия — усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов, превышающий их воздействие поодиночке.

Роберт Рой Макгрегор, или Роб Рой (1671–1734) — национальный герой Шотландии; разбойник, которого часто называют шотландским Робинем Гудом.

Парамедик — специалист с медицинским образованием, работающий в службе «Скорой помощи».

«Иннер сёркл» — ямайская регги-группа, основанная в 1968 г.